

**НИЖНИЙ НОВГОРОД И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ
800 ЛЕТ БОРЬБЫ И ДРУЖБЫ**

*Сборник статей по материалам
пятых Дальнеконстантиновских чтений*

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
Н 60

Рецензенты:

к. и. н. Н. Н. Грибов,
к. и. н. А. А. Сорокин

Редколлегия:

к. и. н., младший научный сотрудник ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
Е. В. Четвертаков

Н 60 Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы [текст]:
сборник статей по материалам пятых Дальнеконстантиновских чтений / под
ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород, Богородск:
Вариант, 2022. – 204 с., ил.
ISBN 978-5-600-03311-5

В сборник вошли статьи археологов, этнографов и краеведов, посвященные истории и культуре Нижнего Новгорода и его периферии. Многим из них предшествовали доклады на пятых межрегиональных Дальнеконстантиновских чтениях, проблематикой которых стали процессы взаимодействия русской и финно-угорской культур на данной территории.

*Памяти нашего учителя
доктора исторических наук
Евгения Александровича Молева*



**Молев Евгений Александрович
(1947–2021)**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Четвертаков Е. В., Втюрина К. Н. Русское и болгарское влияние в косторезном ремесле мордвы-терюхан периода Средневековья.....	7
Козлов Д. А. Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов: распространение, хронология, социокультурный и исторический контекст	14
Федорова Е. Ю. Железные кресала с памятников археологии мордвы-терюхан	29
Егошин А. Л. Археологическое изучение г. Арзамаса. Промежуточные итоги и перспективы.....	39
Базунов А. В., Бейлекчи Вал. В. Результаты археологических исследований 2019–2020 годов на территории завода «ТЕМП-АВИА» в г. Арзамасе	47
Малышев А. В. Русская летопись как ключ к истории мордвы нижегородского Поволжья	57
Илюшин Б. А. Битва на Константиновом поле в 1549 году в контексте московско-казанских войн и истории Нижегородского края	66
Шмелев С. Ю. Село Татарское: топонимия и начало истории	73
Парадеев Е. И. Динамика развития мордовских деревень Нижегородского уезда с конца XVI по XVII в.	92
Инжутов А. А. Чертеж Арзамасского уезда Залесного стана землевладений деревень Костянка, Крапивка и Вечкисево (Вечкусово) первой половины XVIII века как уникальный источник по исторической географии местности	111
Сорокина А. В. Документы и фотоматериалы о мордвe-терюханах комплексной антропологической экспедиции 1-го МГУ 1925–1929 гг. по Нижегородской губернии (по материалам фондов НГИАМЗ и ЦАНО)	123
Гальцева О. В., Александрова О. И. «Забытые письмена»: код самоидентификации в традиционной вышивке терюханских шушпанов	134
Калинина Л. В. «Мордвина можно только отличить по платью...» Описание мордовской одежды в «Дорожных записках» П. И. Мельникова.....	142
Карабельников Д. В. Обряд посещения могилы и охраны ее от нечистой силы (по материалам этнографических исследований в деревнях Нижегородского Заволжья)	150

Мининзон И. Л. Мордовская топонимика на крайней северной границе своего распространения и характерные для нее ландшафты	165
Мельник И. В. Василий Васильевич Боборькин – писатель и помещик Семетской волости.....	176
Спирина Н. А. Обзор коллекции богородичных икон в фондах МБУК «Историко-художественный музей г. Арзамаса»	180
Шумов И. С. Промысел по добыче гипса-ангидрита в Нижегородской губернии в XIX – начале XX века	185
Смирнов Ю. В. «Великий перелом»: коллективизация и ее влияние на быт крестьян Кстовского района (1929–1931 гг.).....	193
Богатова Т. В. Сохранение памяти о традиционном сапожном промысле в условиях современного сельского общества на примере жизненного пути сапожника Л. А. Квасницына.....	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2021 году Нижний Новгород отмечает свое 800-летие. Этот значимый временной рубеж дает повод поговорить и об исторических рубежах старинного русского города – рубежах в составе русских княжеств, а затем и централизованного государства со столицей в Москве, а также рубежах его влияния в Поволжье и в целом в России. В нынешнем году в Нижегородской области на различных площадках ученые, музейные работники, краеведы увлеченно обсуждают и раскрывают различные страницы истории города, который много сделал для сохранения и укрепления русской государственности, города, который благодаря Нижегородской ярмарке называли «карманом России». Напряжение споров специалистов несколько убавляет и переводит в другой формат нынешняя пандемия коронавируса: жизнь осложнилась, как и четыреста лет назад – в «королевичев приход под Москву», но мы уверены, и это нашествие будет побеждено.

Одной из точек мирных битв историков и краеведов в этом году стала дальнеконстантиновская земля. Константиново поле, известное по битве с «казанскими людьми» в 1549 году, поле взаимодействия русских и одной из ветвей мордвы – терюхан, – это поле в последние годы и десятилетия превращается в поле деятельности для историков, археологов, этнографов, фольклористов, географов. Это закономерно: дальнеконстантиновская земля – древний нижегородский рубеж, известный еще со времени Нижегородского княжества. Когда-то – дальняя граница русского влияния, эта территория впоследствии стала частью пригородного Нижегородского уезда, существовавшего не одну сотню лет. И даже в XX веке дальнеконстантиновская земля готовилась стать военным рубежом: осенью и зимой 1941 года возводился оборонительный рубеж вокруг города Горького. Фашистские войска не дошли сюда, но Константиново поле снова могло стать полем битвы.

В Дальнем Константинове сегодня хочется вспомнить Даля. Владимир Иванович Даль приводит известную русскую пословицу «Жизнь прожить – не поле перейти» в полном виде: «Жизнь прожить – не поле перейти, а каждый после себя след оставит». Желаем исследователям Нижегородского края найти весомые и зримые исторические следы на дальнеконстантиновской земле: доказательства существования разных народов, свидетельства событий прошедших веков, результаты деятельности исторических личностей.

Николай Грязнов,
научный сотрудник Дальнеконстантиновского краеведческого музея

Е. В. Четвертаков,
археолог, методист Дальнеконстантиновского районного музея,
eugene.chetvertakov@yandex.ru;
К. Н. Втюрина,
магистрант Института международных отношений КФУ,
kvtyurina@inbox.ru

РУССКОЕ И БУЛГАРСКОЕ ВЛИЯНИЕ В КОСТОРЕЗНОМ РЕМЕСЛЕ МОРДВЫ-ТЕРЮХАН ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Целью работы является общая характеристика всех доступных данных о косторезном ремесле у мордвы-терюхан. Для решения данной цели авторами статьи были поставлены следующие задачи:

- представить все известные экземпляры косторезного ремесла мордвы-терюхан средневекового периода;
- проанализировать основные аналогии вещевого материала;
- проследить русское и болгарское влияние на косторезное ремесло терюхан.

Базой для исследования послужили: научные диссертации, монографии и статьи, а также данные археологических отчетов. Среди диссертаций на соискание ученой степени кандидата были привлечены труды Д. У. Пальцевой (Пальцева, 2020. 194 с.) и Н. М. Малковой (Малкова, 2000. 330 с.). Среди монографий, посвященных исследованию косторезного ремесла, следует выделить работу Е. В. Флеровой «Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло» (Флерова, 2001. 352 с.). Среди привлеченных научных статей отметим работы исследователей И. А. Закировой о косторезном ремесле Болгара (Закирова, 1988. С. 220–243), И. В. и Н. Ю. Ивановых о косторезном ремесле Старой Ладogi (Иванова, Иванова, 2012. С. 124–144), а также упомянутой Е. В. Флеровой о косторезном ремесле Саркела (Флерова, 2000. С. 101–116). Для характеристики мордовского косторезного ремесла были использованы работы А. Е. Алиховой с материалами Гагинского могильника (Алихова, 1959. С. 169–194), В. Н. Мартьянова о могильниках арзамасской мордвы (Мартьянов, 2001. 322 с.) и М. И. Петербургского (Петербургский, 2011. 408 с.). Для описания костяных предметов мордвы-терюхан авторами статьи были использованы отчеты отрядов археологической экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея Е. В. Четвертакова и Н. В. Ионова (Ионов, 2018. 88 л.; Четвертаков, 2016. 152 л.; Четвертаков, 2017. 129 л.; Четвертаков, 2019. 140 л.).

Животноводство и охота традиционно давали мордовским ремесленникам дешевое и распространенное сырье – кость. В обработку шли главным образом трубчатые кости и рога. Перед изготовлением предметов кость первоначально размачивали кипячением в закрытой посуде, а затем обрабатывали различными инструментами. Изготавливались предметы из кости техникой пиления, сверления, шлифовки. Были известны способы выпрямления рогов. Подобный метод был известен сельским мастерам и других народов (Петербургский, 2014. С. 66). Основным инструментом для обработки кости служил нож. С его помощью из кости вырезали, наносили узоры, а также сверлили отверстия. Шлифовали кость сланцевыми брусочками (Петербургский, 2011. С. 125). Интересно, что В. Н. Мартьянов отмечал среди погребального инвентаря арзамасской мордвы находки костей животных, специально подготовленных для обработки шкур. Так, в погребении № 43 могильника Заречное 2 была встре-

чена такая кость, которая носилась в специальном футляре и один край которой был заточен (Мартьянов, 2001. С. 273. Табл. 10,4).

В мордовских погребальных памятниках и поселениях VIII–XV вв. встречались предметы из кости и рога: рукоятки ножей, ложки, подвески, обкладки для лука и другие. Также кость использовали для изготовления предметов религиозного характера (амулеты), гигиены (гребни), орудий для вязания сетей и бредней, кочедыков, иголок, гладилок, пуговиц, деталей конской сбруи, а также как материал для декоративного оформления предметов из железа. Эти изделия встречались в погребениях многих средневековых мордовских могильников, а также на ряде городищ и поселений.

Так, одна из самых ранних костяных ложечек была обнаружена в погребении № 232 (женское, трупосожжение) 2-го Старобадиковского могильника (Зубово-Полянский район Мордовии). На короткой ручке изделия имелось отверстие. В погребении ложечка располагалась в области пояса. Возможно, она выполняла роль амулета и использовалась в ритуальных целях (Петербургский, 2011. С. 109. Рис. 185, 16).

Костяные амулеты, очевидно, входили в состав ожерелий, как и отдельные металлические привески. К примеру, в трех погребениях Гагинского могильника (Гагинский район Нижегородской области) были встречены амулеты, состоящие из небольших косточек животных в металлической оправе со сканью (Алихова, 1959. С. 176. Табл. 69. Рис. 37, 38). Подобные амулеты известны из погребений нескольких мордовских могильников. В качестве амулетов служили также просверленные зубы животных (Алихова, 1959. С. 176. Табл. 69. Рис. 42). В более позднее время мордва также использовала кости животных в качестве подвесок, чаще всего применяя для этого клыки мелкого хищника или кабана (Малкова, 2000. С. 130). По этнографическим данным также известно ношение мордвой наряду с крестами амулетов из лисьих и медвежьих когтей (Смирнов, 1874. С. 9).

Что касается косторезного ремесла самой северной группы мордвы – терюхан до последнего времени об этой стороне ремесла не было практически никаких достоверных данных. Северный район расселения средневековой мордвы-терюхан охватывал междуречье рек Кудьма, Сережа и Сундовик. В настоящее время погребения периода развитого Средневековья, датируемые в пределах XIII–XIV вв., известны здесь на четырех могильниках – Сарлейском, Малотерюшевском, Старосельском и Помринском. Наиболее ранние представительные комплексы относятся к XIII в. (Грибов, 2020. С. 26). С 2015 года памятники археологии средневековой мордвы-терюхан начали изучаться отрядами археологической экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея. В ходе данных работ был обнаружен ряд артефактов из кости.

В 2016 г. отрядом экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством Е. В. Четвертакова была проведена археологическая разведка на территории Дальнеконстантиновского муниципального района Нижегородской области. В результате разведки был обнаружен и впервые обследован памятник археологии: мордовский грунтово-могильник XI–XVII вв. – Староселье 3 (Старосельский могильник) (Четвертаков, 2016. Л. 7–20). На момент обследования в юго-западной части памятника были зафиксированы многочисленные разрушения от мародерской деятельности. Разрушению подвергся участок площадью около 7000 кв. м. При осмотре многочисленных грабительских закопушек, ям и шурфов был собран подъемный материал, состоящий из индивидуальных находок. Среди таких находок было обнаружено костяное изделие:

- фрагмент челнока костяного с двумя сквозными отверстиями, украшенными циркульным орнаментом (№ 1, ил. 1,1).

Другая костяная находка, обнаруженная в 2016 году, происходила из погребения № 2 (судя по инвентарю, мужского). Тело погребенного было вытянуто и лежало на спине. Костяк вытянут на 180 см. Правая рука погребенного была вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте, ладонь положена на правую часть груди. Череп повернут влево. Обнаруженное погребение относится к погребальной обрядности мордвы, характерной для периода XII–XIII вв. Левее левой тазовой кости, над суставом левой бедренной кости были найдены: нож железный, кольцо ременное железное и следующее костяное изделие:

- фрагмент костяной рукоятки с многорядным линейным орнаментом (№ 2, ил. 1,2).

В 2017 году отрядом экспедицией Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством Е. В. Четвертакова были проведены археологические раскопки на территории мордовского средневекового грунтового могильника Староселье 3 (Старосельский могильник). Раскопом, площадью 57 кв. м, были исследованы погребальные комплексы двух периодов: XIII–XIV и XVI–XVIII вв. (Четвертаков, 2017. Л. 1–129).

Погребение № 6, судя по инвентарю, мужское. Тело погребенного было вытянуто и лежало на спине. Правая рука согнута, правая ладонь лежит на правом плече. Левая рука также согнута – лежит на животе погребенного. Череп незначительно повернут направо. Обнаруженное погребение относится к погребальной обрядности мордвы, характерной для золотоордынского периода второй половины XIII–XIV вв. Обнаруженное костяное изделие находилось между коленями погребенного:

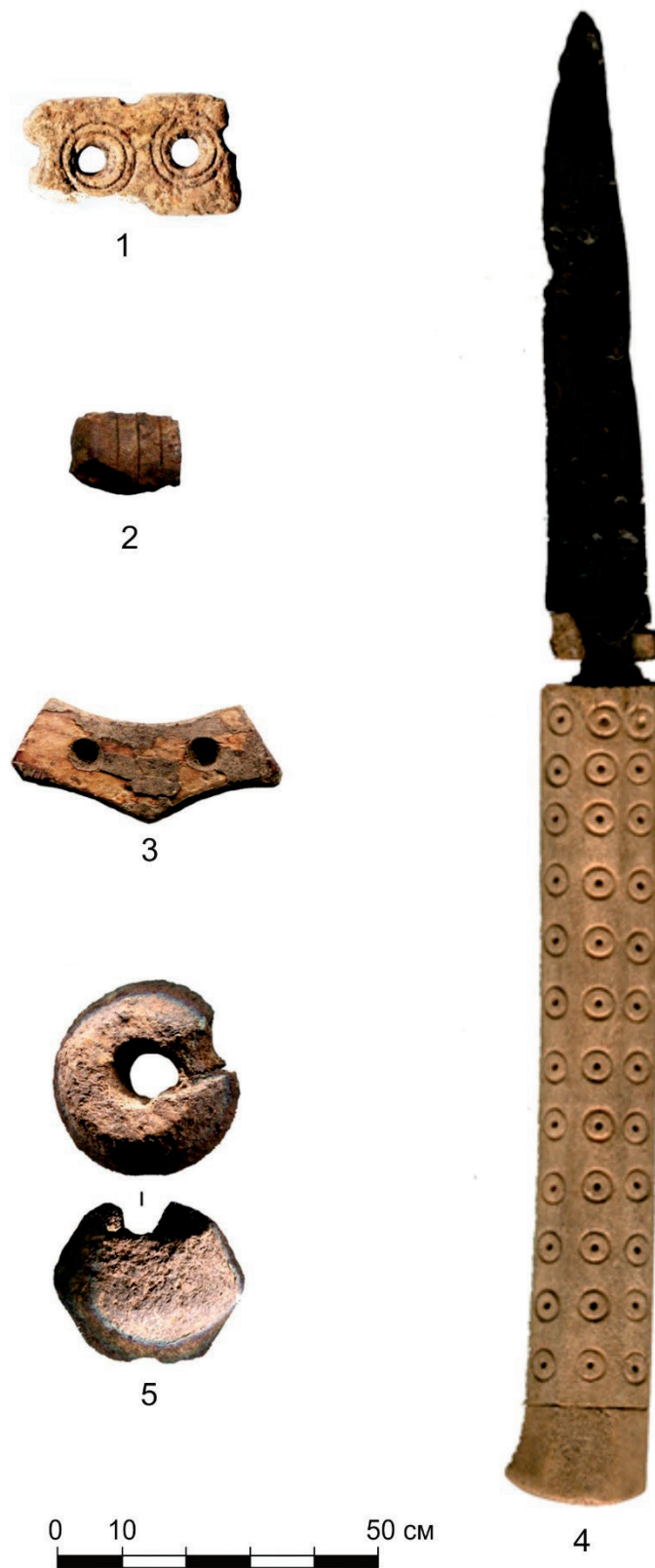
- костяная фигурная колчанная (?) накладка с двумя сквозными отверстиями по краям (№ 3, ил. 1,3).

В ходе разведочных мероприятий под руководством Н. В. Ионова в 2018 году было обнаружено и обследовано мордовское селище XIII–XIV вв. – Лубянцы 2. В результате шурфовки зафиксирован культурный слой средневекового мордовского селища с небольшой примесью материалов русского культурного круга (Ионов, 2018. Л. 15–22). Обнаруженное селище было подвержено ограблению, о чем свидетельствовала довольно большая грабительская яма в юго-западной части памятника. В ходе ее исследования (путем заложения шурфа) удалось обнаружить практически непо потревоженную хозяйственную яму XIII–XIV вв. В яме была обнаружена индивидуальная находка:

- нож железный с сохранившейся костяной рукояткой, украшенной геометрическим (циркульным) орнаментом (№ 4, ил. 1,4).

В 2019 г. отрядом археологической экспедиции Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством Е. В. Четвертакова были проведены очередные археологические раскопки на территории мордовского грунтового могильника Староселье 3 (Старосельского могильника) в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области. Раскопом, площадью 48 кв. м, были исследованы погребальные комплексы периода XIII–XVIII вв. (Четвертаков, 2019. Л. 1–140). При обследовании погребения № 41 было обнаружено еще одно изделие из кости. Костяк в погребении был фрагментарен, анатомический порядок существенно нарушен, но сохранен для ряда частей скелета. Среди костей скелета были обнаружены: лопатка, ребра, 2 ключицы, позвонки, кости ног и рук, а также 2 нижние челюсти — мужская (25–30 лет) и женская (возраст неопределим). Фиксировались истлевшие кости таза. К северо-западу от основного костяка (в северном углу могильной ямы) были обнаружены фаланги пальцев. Обнаруженное погребение относится к погребальной обрядности мордвы, характерной по вещевому материалу для периода XIII–XIV вв. Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя костяную находку:

- пряслице костяное усечено-биконическое (№ 5, ил. 1,5). На предмете явные следы ритуальной порчи.



Ил. 1. Предметы косторезного ремесла мордвы-терюхан.
1 – фрагмент челнока костяного; 2 – фрагмент рукоятки костяной;
3 – накладка костяная; 4 – железный нож с костяной рукояткой;
5 – пряслице костяное.

Теперь рассмотрим обнаруженные костяные артефакты по отдельности.

Изделие № 1 (ил. 1,1)

Фрагмент челнока костяного с двумя сквозными отверстиями, украшенными циркульным орнаментом.

Предметы представляют собой узкие пластины с несколькими отверстиями вдоль этих пластин, три из которых находятся в коллекции Биляра, а остальные – из Болгара. Два предмета (билярский и болгарский) декорированы одинаково: двумя рядами циркульных окружностей, расположенных вдоль длинных краев изделий. Другая находка (Болгар) имеет рельефный край. Такой декор похож на растительный (Пальцева, 2020. С. 52–53).

Аналогии имеются в Старой Рязани (Монгайт, 1955. С. 134. Рис. 97, 18) и среди вещевого инвентаря Хлыновского кремля (Макаров, 2001. С. 77. Рис. 33, 22. С. 92. Рис. 48, 6).

Челноки использовались в ткачестве или плетении сетей и распространены были как на Руси, так и на территории Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды.

Изделие № 2 (ил. 1, 2)

Костяной фрагмент рукоятки. Имеют округлую либо эллипсоидную форму в сечении. Рукоять была декорирована резным орнаментом в виде поперечных линий, нанесенных по всей поверхности изделия.

Одна рукоятка подобного типа происходит из Биляра, остальные – из коллекции Болгара. Билярская рукоять декорирована резным орнаментом в виде двойных и тройных поперечных линий, нанесенных по всей поверхности изделия (Пальцева, 2020. С. 25–26).

Близкие по типу аналогии найдены в Саркеле (Флерова, 2001. С. 174. Рис. 27, 5) и Новгороде в слое второй половины XIV в. (Гайдуков, 1992. С. 164. Рис. 73, 4).

Изделие № 3 (ил. 1, 3)

- накладка костяная фигурная колчанная (?) с двумя сквозными отверстиями по краям.

Точных аналогий предмету обнаружить не удалось. Предположительно данный артефакт может быть частью колчанной костяной гарнитуры, так как находят некоторые аналогии с фрагментами накладок с городища Саркел (Флерова, 2000. С. 108. Рис. 5, 18).

Изделие № 4 (ил. 1,4)

Рукоятка костяная с сохранившимся железным лезвием ножа, граненная в сечении (имеет 6 граней). Рукоятка декорирована циркульным орнаментом по одной из боковых сторон: вертикальными рядами окружностей, нанесенных также на всю поверхность предмета. Рукоятка имеет костяной затыльник, овальный в сечении и с несквозным отверстием.

Подобного типа рукоятки известны среди костяных изделий Волжской Булгарии. К билярским относятся десять экземпляров, из коллекции Старокуйбышевского городища в этот подтип вошли три рукоятки, остальные тринадцать – из Болгара. Находки этого типа очень похожи между собой – имеют от четырех до шести граней. Декорированы одиннадцать экземпляров. Циркулярным орнаментом в виде окружностей, разбросанных по всей поверхности изделия (5 экз.), вертикальными рядами окружностей, нанесенных также на всю поверхность предмета (2 экз.), одним рядом окружностей (1 экз.) и в виде одной пары окружностей (1 экз.). Один экземпляр имеет как циркульный, так и резной декор, который представляет собой циркульные окружности в центре изделия и по две пары косых линий с насечками между ними на концах рукояти. Один экземпляр декорирован только резным орнаментом в виде диагональных линий, расположенных на всей поверхности изделия. (Пальцева, 2020. С. 24, 26). Что касается затыльника, то два экземпляра затыльников с несквозным широким отверстием происходят из Биляра (Пальцева, 2020. С. 39).

Изделие № 5 (ил. 1,5)

Пряслице костяное усечено-биконическое. На предмете явные следы ритуальной порчи в виде выпила по одной из сторон.

В косторезном ремесле Волжской Болгарии традиция изготовления костяных пряслиц также известна. Сюда входят два экземпляра из коллекции Биляра, по одному из коллекции Муромского городка, Старо-Куйбышевского городища и Ново-Мордовского селища и пять — из коллекции Болгара (Пальцева, 2020. С. 57–58). В коллекции Болгарского городища одна из костяных находок ранее была интерпретирована как заготовка для пряслица (Закирова, 1988. С. 222. Рис. 98, 4).

Аналогичные изделия имеются в коллекции Старой Ладogi в слоях VIII–XII вв. (Иванова, Иванова, 2012. С. 125–126. Табл. 1).

В ходе работы авторам статьи удалось собрать все имеющиеся данные о косторезном ремесле самой северной группы средневековой мордвы – терюхан. Коллекция костяных изделий хотя и оказалась немногочисленной (5 экземпляров), однако состоит из довольно разнообразных предметов: ножи с остатками костяных рукояток, фрагмент костяного челнока, костяное пряслице, костяная накладка.

Прямые аналогии для большинства из представленных вещей мы находим среди косторезной продукции городов и селищ Волжской Болгарии (Биляра, Болгара, Старокуйбышевского городища, Муромского городка, Ново-Мордовского селища), а также русских городов (Старая Рязань, Старая Ладога, Саркел, Хлынов).

Проведенное исследование позволяет говорить о решающей роли косторезного ремесла городов Волжской Булгарии на косторезные традиции мордвы-терюхан. Несомненно, изготовление изделий из рога и кости входило в систему ремесленных производств Волжской Болгарии. Раскопки крупнейших городов государства дали достаточное количество материала, позволяющего восстановить основные черты косторезного ремесла. С необходимыми оговорками можно определить следующие круги сбыта продукции болгарских косторезов. Вполне естественно распродажа изделий внутри городов (в первую очередь имеются в виду Биляр, Болгар, Старокуйбышевской городище и Муромский городок). Второй круг сбыта – близлежащие сельские поселения, поставляющие сырье. По мнению А. П. Смирнова, ремесленная продукция распространялась от городских центров на территории, очерченные радиусом около 50 км (Смирнов, 1951. С. 146), однако Волжская Болгария как один из крупных торговых агентов Золотой Орды, несомненно, поставляла на рынок собственную продукцию – костяные детали лука, колчана, конской сбруи. Болгарское косторезное производство в большей степени шло на продажу, о чем говорят находки монет в жилищах косторезов (Закирова, 1988. С. 237).

Безусловно, такая картина говорит в пользу того, что ремесленники-косторезы у мордвы-терюхан были хорошо знакомы с продукцией Волжской Булгарии и ориентировались на эти образцы. Второй тенденцией влияния на них могут выступать традиции косторезного ремесла русских городов, по крайней мере, прямые аналогии терюханским вещам мы нашли среди продукции Старой Рязани, Старой Ладogi, Саркела и Хлынова. Не исключено также существование и собственных местных традиций в косторезном ремесле мордвы-терюхан, о чем говорит довольно редкая форма костяной накладки, приведенной нами в данной работе.

Список литературы и источников

Алихова А. Е. Эрзянский могильник XIV века у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народ. Под ред. д-ра ист. наук проф. А. П. Смирнова. Сост. М. Ф. Жиганов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. С. 169–194.

- Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.: Б. и., 1992. 197 с.
- Грибов Н. Н.* Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2020. № 4. С. 23–34.
- Закирова И. А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 220–243.
- Иванова И. В., Иванова Н. Ю.* Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести: Институт истории материальной культуры РАН, 2012. № 18. С. 124–144.
- Ионов Н. В.* Отчет об археологической разведке в бассейне р. Озерка в районе с. Лубянцы на территории Дальнеконстантиновского района Нижегородской области в 2018 году // Архив ИА РАН. Р-1. 88 л.
- Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 140 с.
- Малкова Н. М.* Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI–начала XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 330 с.
- Мартьянов В. Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.
- Монгайт А. Л.* Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Акад. наук СССР, 1955. № 49. 228 с.
- Пальцева Д. У.* Костяные изделия городов Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды X–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2020. 194 с.
- Петербургский М. И.* Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: [б. и.], 2011. 408 с.
- Петербургский И. М.* Экономический уклад мордовских племен в VIII–XV вв. // Экономическая история: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2014. № 4 (27). С. 55–70.
- Смирнов А. П.* Волжские болгары // Труды Государственного исторического музея. М.: Государственный исторический музей, 1951. Вып. XIX. 277 с.
- Смирнов Н.* Мордовское население Пензенской губернии // Пензенские епархиальные ведомости: Пензенская губернская типография, 1874. № 1. С. 100–165.
- Флерова В. Е.* Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2000. С. 101–116.
- Флерова В. Е.* Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
- Четвертаков Е. В.* Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. 152 л.
- Четвертаков Е. В.* Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. 129 л.
- Четвертаков Е. В.* Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году // Архив ИА РАН. Р-1. 140 л.

Д. А. Козлов,
аспирант Института общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ,
demetriy87@gmail.com

САРЛЕЙСКИЙ ВАРИАНТ ЗЛОТООРДЫНСКИХ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ХРОНОЛОГИЯ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

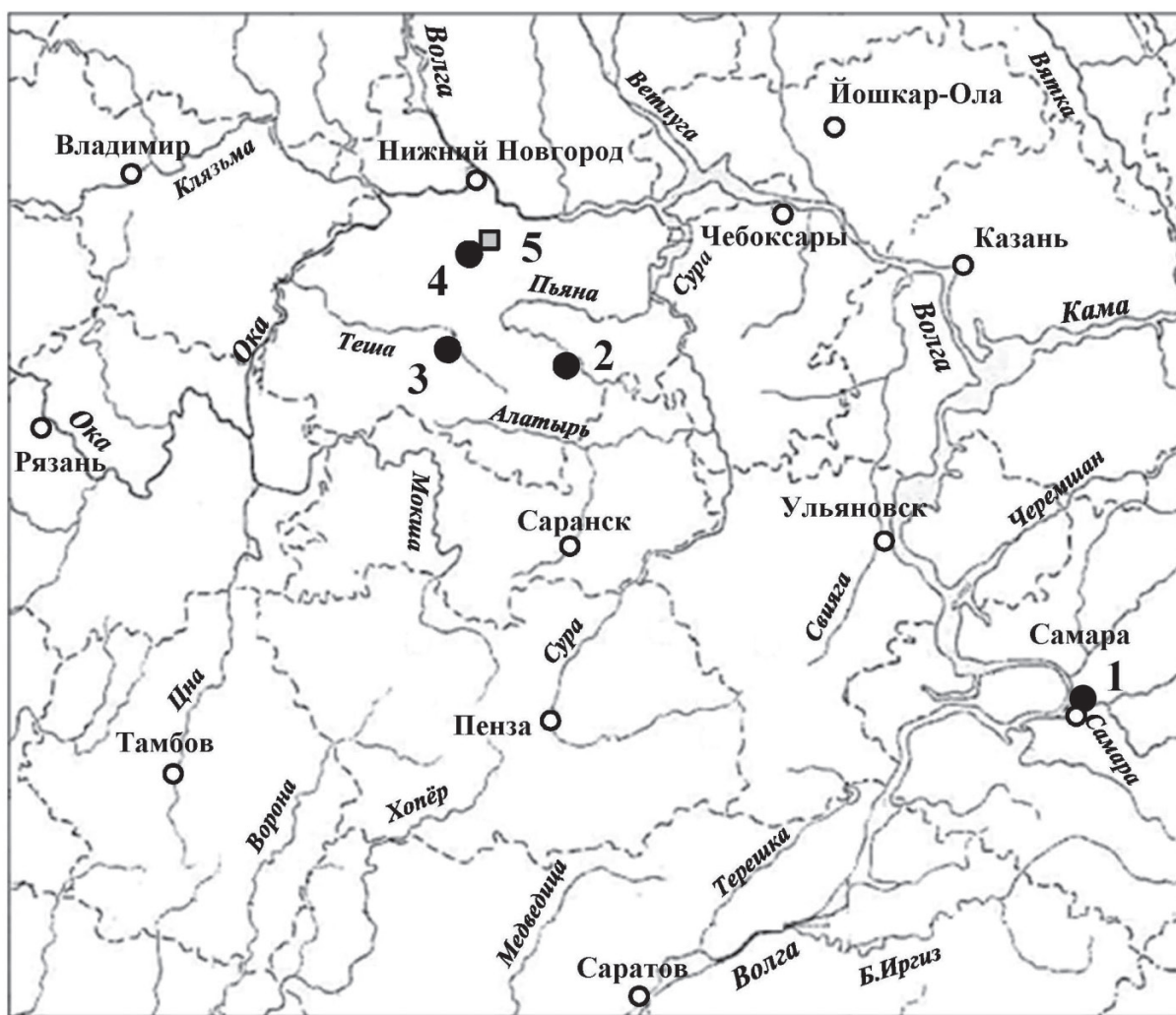
Поясные наборы из мордовских могильников довольно неравномерно изучены в науке. Если элементы поясных гарнитур VII–XI вв. нередко привлекаются исследователями различных вопросов археологии и истории Восточной Европы (Гавритухин, 1996; Комар, 2001, 2018; Мурашева, 2000 и др.), то исследования поясных наборов более поздних эпох – XII–XIV вв., в научной литературе в целом пока единичны (Кравец, 2004; Крамаровский, 2001; Исаков, 2013 и др.), а по мордовским памятникам подобные работы вообще отсутствуют.

Целью данной статьи является объединение всех опубликованных материалов с находками поясных наборов, аналогичных п. № 18–19 Сарлейского могильника, анализ их распространения, конструкции, определение происхождения, времени изготовления и ношения, возможной принадлежности к тем или иным социальным группам мордовского общества, а также исторический контекст появления.

При раскопках Сарлейского могильника в 1926–1927 гг. отрядом Антропологической комплексной экспедиции под руководством Е. И. Горюновой в парном погребении № 18–19, возле мужского скелета, был обнаружен первый подобный поясной набор (Горюнова, 1948. С. 154. Табл. X. 1–4, 8). Вторая публикация поясных наборов идентичного типа была сделана по материалам раскопок 1894 г. под руководством А. В. Снежневского на Гагинском могильнике, в статье А. Е. Алиховой (Алихова, 1959). Здесь было найдено два подобных пояса – в погребении № 9 и 16 (Алихова, 1959. С. 177. Табл. 70. 6–8; С. 180. Табл. 71. 1–3, 5, 7). В 1992 г. В. Н. Мартьяновым был опубликован комплекс захоронения № 12 (всадника и его коня), по результатам раскопок 1990–1991 гг. на могильнике Заречное-II (Мартьянов, 1992. С. 166. Табл. IX). В засыпке этого погребения также обнаружены медные накладки, аналогичные сарлейским. В том же могильнике обнаружены еще два подобных поясных набора из более поздних раскопок, в погребениях № 130 и 131 (Мартьянов, 2004. С. 143. Табл. 65А; С. 144. Табл. 66). И. С. Аникиным в 2000 г. был опубликован поясной набор из п. № 12 кургана 1 Сарлейского могильника из раскопок под руководством Ю. А. Рогачева в 1988 г. (Аникин, 2000. С. 68. Рис. 1). В 2008 г. была опубликована биографическая книга, посвященная деятельности Б. А. Латынина, в которой представлены некоторые материалы раскопок под его руководством на Барбашинском могильнике в 1935 г. В мужском погребении № 10 раскопа А, являющегося частью парного комплекса (п. № 9 и 10), также были обнаружены детали поясного набора, аналогичного сарлейскому (Сташенков, 2008. С. 143. Рис. 2; С. 160. Рис. 19). Еще один подобный поясной набор и, возможно, с того же могильника, был опубликован в сети Интернет из фондов Самарского ОИКМ им. П. В. Алабина, но атрибутировать его с каким-либо погребальным комплексом пока невозможно (Барбаш..., <http://dostoyanieplaneti.ru>). Подобный сарлейскому образцу поясной набор был обнаружен экспедицией Дальнеконстантиновского краеведческого музея под руководством Е. В. Четвертакова при обследовании грабительских раскопов на могильнике Староселье-3 в 2017 г. (Четвертаков, 2017. Л. 56. ил. 15). В целом подобные поясные наборы представлены в восьми изученных погребальных комплексах и двумя образцами без привязки к закрытым комплексам.

Исходя из первой публикации изображений поясного набора данного типа по материалам раскопок Сарлейского могильника в 1948 г., для упрощения систематизации находок и их идентификации мы условно будем именовать его «поясной набор сарлейского варианта» или «сарлейский поясной набор».

Локализация погребальных комплексов с находками сарлейских поясных наборов позволяет выявить определенную закономерность (ил. 1). Практически все известные на данный момент находки распространены на территориях проживания мордвы-эрзи (Гагинский могильник, могильник Заречное-II) и мордвы-терюхан (Сарлейский и Старосельский могильники). Мужское погребение № 10 раскопа А Барбашинского могильника с сарлейским поясом также имеет типичную для мордвы-эрзи и мордвы-терюхан ориентировку головы на север (Сташенков, 2008. С. 59). Стоит отметить также, что эта закономерность, возможно, носит не этнический, а хронологический характер, так как комплексов с вещами подобными данной группе среди мокшанских могильников пока не опубликовано (а возможно, пока не изучено).



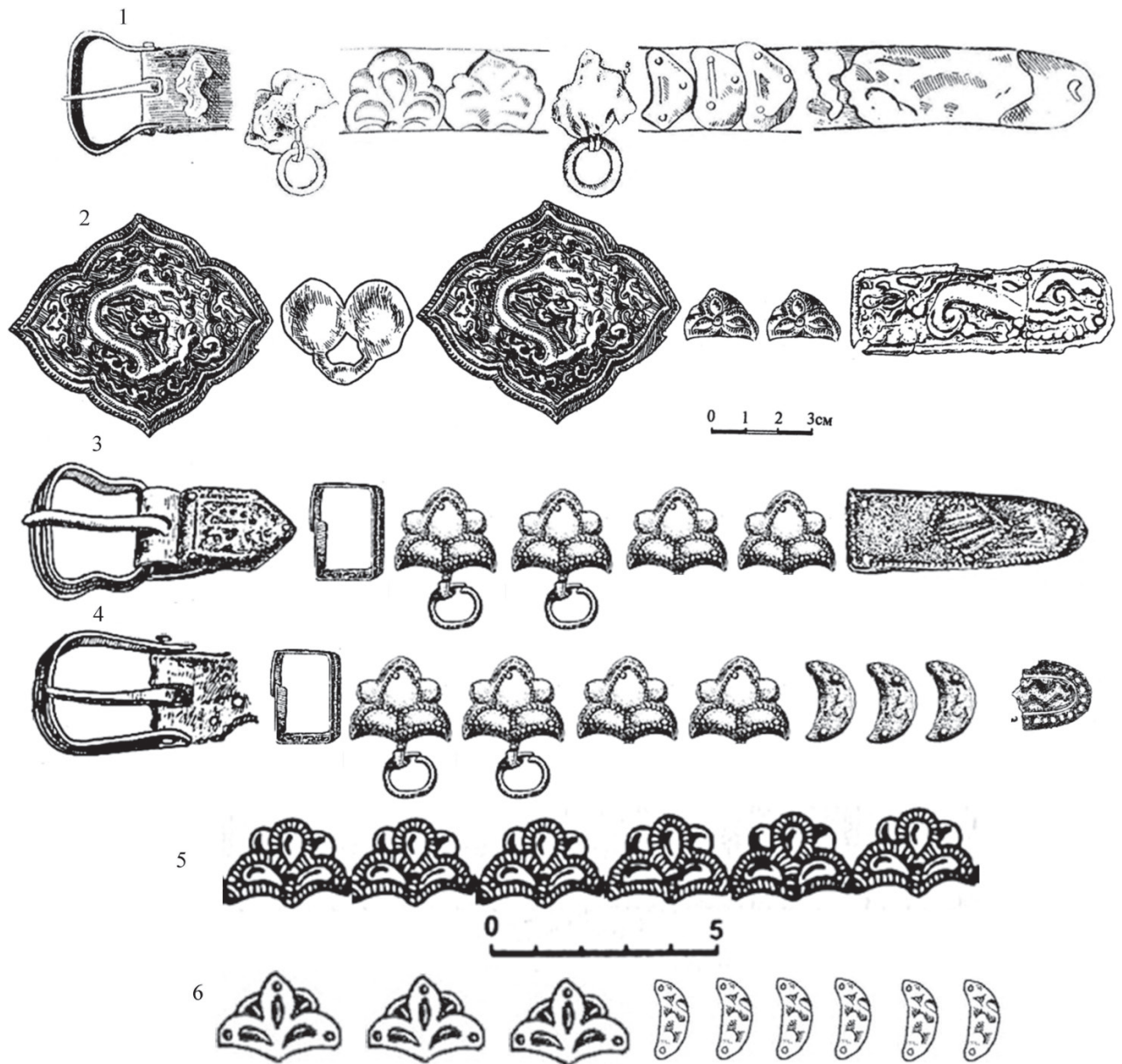
Ил. 1. Археологические памятники с находками сарлейских поясных наборов:

- - закрытые погребальные комплексы
- - разрушенные погребальные комплексы

1 – Барбашинский могильник; 2 – Гагинский могильник; 3 – могильник Заречное II;
4 – Сарлейский могильник; 5 – Старосельский могильник

Конструктивно этот вариант поясных наборов создан по классической схеме компоновки: кожаный ремень, пряжка, обойма, накладки, наконечник (ил. 2). Особенностью поясного набора из п. № 12 к. 1 Сарлейского могильника (Аникин, 2000. С. 67–70), является наличие в его составе блях-обойм (ил. 2,2). Элементы поясных наборов изготовлены из меди и сплавов с ней. Ширина кожаного полотна по имеющимся данным составляла от 2 до 2,5–2,7 см.

Все имеющиеся *пряжки* (6 экземпляров) составные: дужка, ось (в п. № 9 Гагинского могильника без нее), и язычок (ил. 2,1,3,4,8–10). Приемник имеет у пряжки из п. № 9 Гагинского могильника: изготовленный из согнутой орнаментированной медной пластинки с



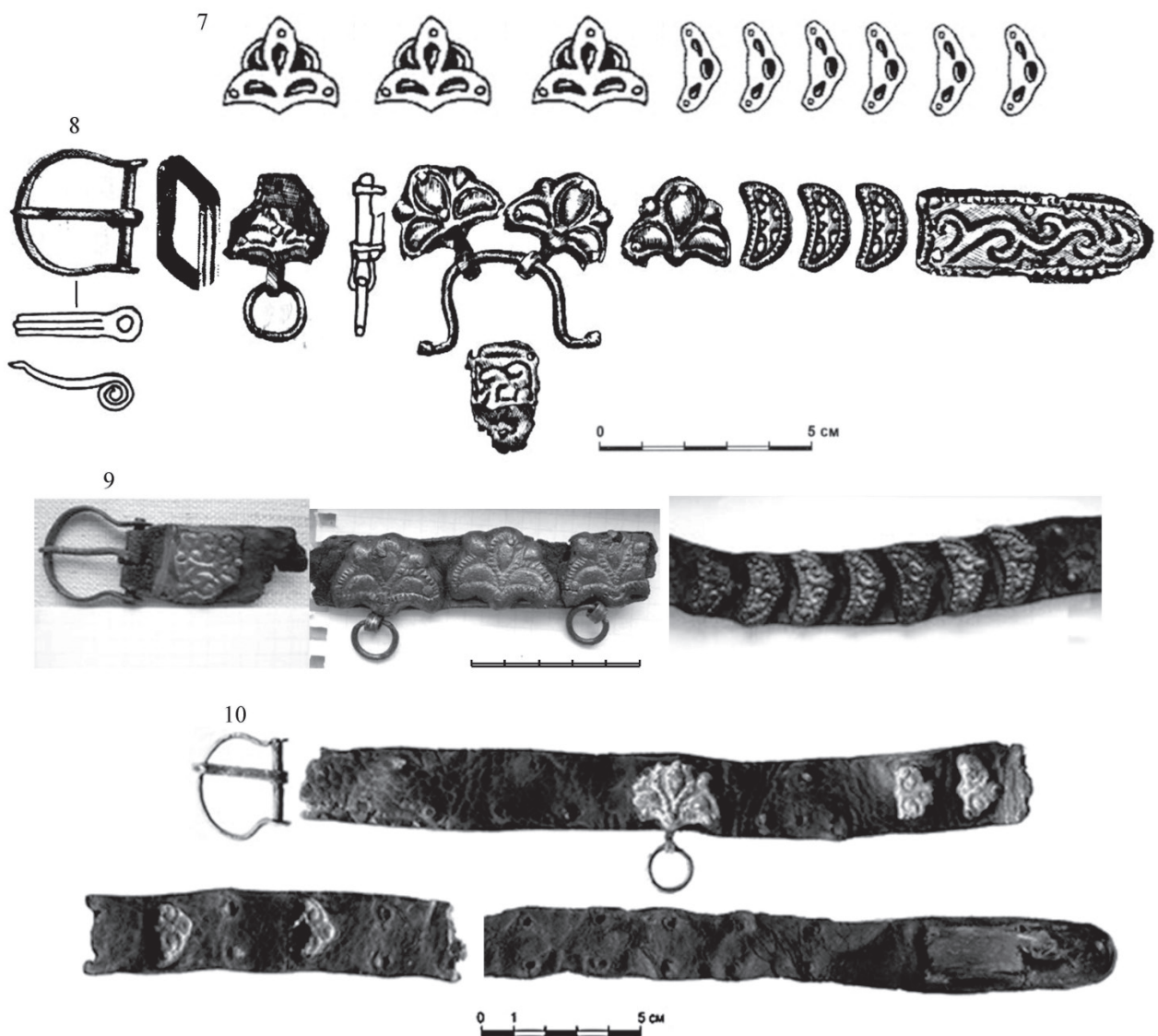
Ил. 2. Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов:

- 1 – п. № 18–19 Сарлейского могильника (по Е. И. Горюновой);
- 2 – п. № 12, кургана 1 Сарлейского могильника (Рогачев, 1988, по И. С. Аникину);
- 3 – п. № 9 Гагинского могильника (по А. Е. Алиховой);
- 4 – п. № 16 Гагинского могильника (по А. Е. Алиховой);
- 5 – п. № 12 могильника Заречное-II (по В. Н. Мартьянову);
- 6 – п. № 130 могильника Заречное-II (по В. Н. Мартьянову).

треугольным окончанием и приклепанный к ремню-основе заклепками (ил. 2,3). Остальные пряжки приемников не имеют и крепились на кожаное полотно путем приклепывания или сшивки. Дужки пряжек изготовлены из гнутой пластинки в форме дуги, украшенной продольными желобками (ил. 2,8). Оси пряжек изготовлены отдельно и на концах расплюснены. Имеющиеся язычки изготовлены также из пластинки или уплощенной проволоки.

Обоймы пояса (3 экземпляра), как и дужки пряжек, изготовлены из медной пластинки, украшенной продольными желобками (ил. 2,3,4,8).

Интересной особенностью накладок и наконечников сарлейского варианта является *метод изготовления* – штамповка на подкладной модели. Истлевшее дерево (или просто органическое вещество) или пустота (при его истлевании) обнаруживается на многих деталях. Наличие дерева внутри накладок описано по поясу из п. № 18–19 Сарлейского могильника Е. И. Горюновой (Горюнова, 1948. С. 37), также от наконечника пояса сохранился



Ил. 2 (продолжение). Сарлейский вариант золотоординских поясных наборов:

7 – п. № 131 могильника Заречное-II (по В. Н. Мартянову);

8 – п. № 10, раскоп А Барбашинского могильника (Латынин, 1935, по Д. А. Сташенкову);

9 – поясной набор из фондов СОИКМ им. П. В. Алабина (<http://dostoyanieplaneti.ru>);

10 – поясной набор из Старосельского могильника (по Е. В. Четвертакову)

остаток деревянной подложки на образце из могильника Староселье-3 (ил. 2,10). Приклепаны накладки и наконечники в разных местах насквозь, медными проволочными клепками.

Накладки представлены двумя основными типами: продольными и поперечными (ил. 2). Все продольные накладки имеют форму трехлепестковых пальметт с каплевидными выступами между листьями, обрамленных бордюром (ил. 2,2–5,9,10) или гладким кантом (ил. 2,1,6–8). Вместе с некоторыми продольными накладками объединены петли с кольцами. Петли крепились не на саму накладку и не выходили из нее (как, например, на салтово-маяцких образцах VIII–X вв.), а предварительно на кожаную основу отдельно, изготавливались из медной пластинки, украшенной продольными желобками и без них (ил. 2,8,9). Кольца на петлях изготавливались из медной проволоки, толщиной 2–3 мм. Поперечные накладки более разнообразны по деталям формы, но в основном все они имеют общую типологическую форму – лунницы. Одни из них орнаментированы (ил. 2,1, 7–10), другие нет (ил. 2,4,6). Уникальной деталью для поясных наборов того периода является находка в п. № 10 раскопа А Барбашинского могильника (раскопки Б. А. Латынина 1935 года) медной проволочной петли, более известной по погребениям XVI–XVII вв. как «топорня» (Шутова, 1992. С. 47, 237. Рис. 54), соединяющей две соседние бляшки-петли (ил. 2,8) (Сташенков, 2008. С. 160. Рис. 19).

Бляхи-обоймы от поясного набора из п. № 12 к. 1 Сарлейского могильника (Аникин, 2000. С. 67–70), представлены двумя разными видами: гладкой и орнаментированными (ил. 2,2). Орнаментированные бляхи украшены стилизованным рисунком дракона.

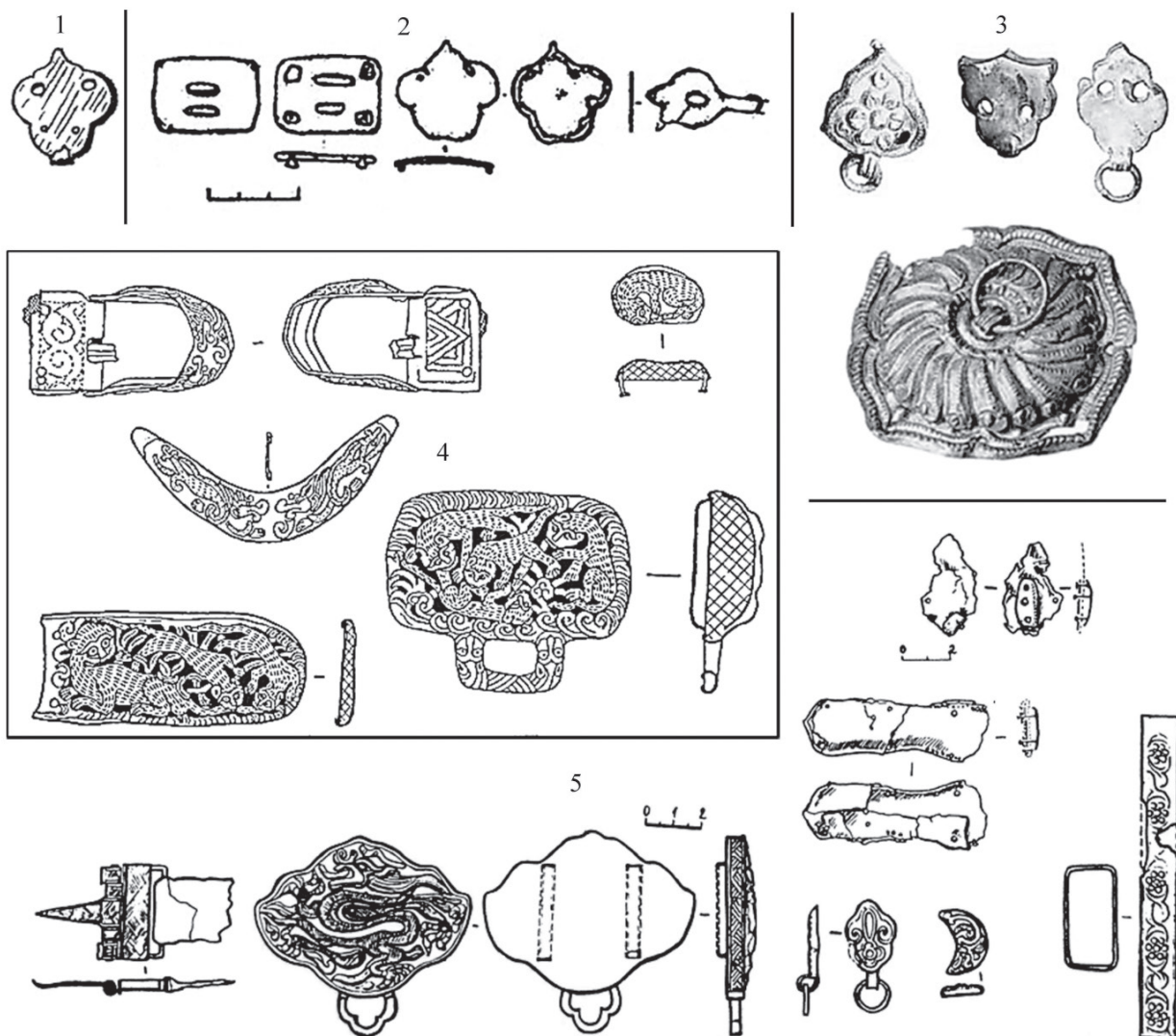
Поясные *наконечники* (5 экземпляров), представляют собой аналогичные накладкам по технологии изделия (ил. 2,1–3,8,10). Форма наконечников одинакова – прямоугольное или округлое начало и закругленный конец. Рисунок на наконечниках отчетливо просматривается на четырех из них (ил. 2,3,8): это геометрические волны (ил. 2,4), аналогичные бляшкам (ил. 2,8), ветка растения (ил. 2), пятиугольник из точек (ил. 2,3), стилизованный дракон (ил. 2,2), образующий с бляшками-обоймами подобного рисунка единую стилистическую группу.

Описанная выше технология изготовления поясных деталей и их конструкция весьма характерны для золотоордынских изделий (ил. 3). Характерные примеры – серебряный поясной набор из п. № 1 к. 7 могильника «Олень-Колодезь» (ил. 3,3) (Ефимов, 1999. С. 98) и поясной набор из п. № 1 могильника Раздольное (ил. 3,5) (Горелик, 2010. С. 99. Табл. 2). Сближает поясной набор из «Олень-Колодезя» с сарлейскими поясами помимо технологии заполнения внутреннего пространства накладок и наконечников (кожа в п. № 1 к. 7 и дерево в сарлейских), еще и конструкция пряжки (ил. 3,3). На образце из «Олень-Колодезя» также составная – дужка, ось, язычок и дополнительно – обойма с растительным орнаментом. Автором публикации этого погребального комплекса описаны и тыльные пластинки петельных накладок, как и сарлейские петли украшенные продольными бороздками (Ефимов, 1999. С. 99). Отметим также, что дужка пряжки из п. № 1 к. 7 могильника «Олень-Колодезь», так же как и бляхи-обоймы из п. № 12 к. 1 Сарлейского могильника (Рогачев, 1988), как и аналогичные бляхи из п. № 1 могильника Раздольное, украшены стилизованными изображениями дракона, в облике которых имеется много общих черт. Тем самым можно атрибутировать подобные поясные наборы как вариант золотоордынских.

Вопрос со временем жизни мужчин, носивших сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов и похороненных рядом с ними женщин, представляет собой значительную сложность в связи с состоянием хронологии как древнемордовских, так и золотоордынских древностей. Практически все имеющиеся сейчас комплексные исследования по этому вопросу в основном опираются на датировки, установленные еще Г. А. Федоровым-Давыдовым

более полувека назад – 2-я половина XIII–XIV вв., для выделения древностей Золотой Орды в целом (Федоров-Давыдов, 1966. С. 116). Не являются исключением и древнемордовские украшения по разработкам 2000-х гг. (Хронология..., 2008. С. 150, 151). Подобное положение нельзя считать удовлетворительным, так как период в 150 лет является слишком длительным по историческим меркам и не позволяет проследить те или иные процессы изменений и эволюции материальной культуры.

Вопрос хронологии золотоордынских поясных наборов разработан также пока недостаточно. Имеющиеся на данный момент исследования поясов при датировке этих элементов одежды опираются на весьма спорную стилистическую методика, рассматривающую только



Ил. 3. Прототипы и аналогии деталям поясов сарлейского варианта среди золотоордынских поясных и колчанных наборов

- 1 – п. № 1 кургана 2 могильника Тасмола IV (по М. К. Кадырбаеву);
- 2 – п. № 1 кургана 1 могильника Северный-II (по В. А. Ларенку);
- 3 – детали поясного набора и накладка на крышку колчана из п. № 1 курган 1 Белореченского могильника (Веселовский, 1897, по М. В. Горелику);
- 4 – п. № 1 кургана 7 могильника «Олень-Колодезь» (по К. Ю. Ефимову);
- 5 – п. № 1 могильника Раздольное (по М. В. Горелику)

сами детали, при этом по каким-то причинам вовсе игнорируя остальные предметы вещевых комплексов (Крамаровский, 2001; Исаков, 2013 и др.).

При рассмотрении вопросов хронологии поясных наборов сарлейского варианта отметим, что К. Ю. Ефимов, автор публикации материалов п. № 1 к. 7 могильника «Олень-Колодезь», с которым мы сближаем поясные наборы по технологии и некоторым деталям, датирует время жизни этого воина по сопровождающему инвентарю в пределах конца XIII в. – начала XIV в. (Ефимов, 1999. С. 102). М. В. Горелик датирует п. № 1 могильника Раздольное приблизительно серединой XIV в., отмечая, что конструкция этого пояса ближе к поясным наборам XIII в. (Горелик, 2010. С. 100).

Важными деталями в определении времени появления золотоордынских поясных наборов сарлейского варианта являются бляхи-обоймы и наконечник пояса из п. № 12 к. 1 Сарлейского могильника (Аникин, 2000. С. 67–70), украшенные стилизованным изображением дракона. Как мы отмечали выше, подобные детали имеются и в п. № 1 могильника Раздольное. Подобные изображения вообще характерны для деталей золотоордынской эпохи (Крамаровский, 2001. С. 76–81. Табл. 1–5), но главное, на наш взгляд, что отличает их хронологически, это форма самих блях. Бляха-обойма с драконами из сарлейского могильника имеет классические четыре лепестка, но заканчивающиеся куполовидными заостренными концами (ил. 2,2). Появление подобных заостренных деталей датируется 4-й четвертью XIII – 1-й четвертью XIV в. – неорнаментированные накладки с заостренными куполовидными деталями имеются в п. № 1 к. 2 могильника Тасмола IV (Кадырбаев, 1970. С. 42–53) и п. № 1 к. 1 могильника Северный-II (Ларенок, <http://rostov-region.ru>) с монетами 1309/10 г. и 1320-х гг. в тасмолинском комплексе (ил. 3,1,2). Аналогичная сарлейским бляхам-обоймам по форме бляха от крышки колчана имеется в п. № 1 к. 1 Белореченского могильника (раскопки Н. И. Веселовского, 1897 г.), где среди деталей поясного набора присутствуют аналогичные тасмолинским накладки (ил. 3,3) (Горелик, 2011. С. 49. Рис. 7.1). В этот период подобных сарлейским накладок и наконечников, как видим, не обнаруживается. Данный факт свидетельствует о том, что сарлейские поясные наборы более поздние и появились не ранее 1310-х гг.

В мужском п. № 1 к. 1 Аткарского курганного могильника (раскопки Н. К. Арзютова, 1928 г.) монета хана Джанибека (1341–1357 гг.) была обнаружена в сумке, на лицевой стороне которой приклепана железная накладка такой же формы, как бляшки продольного типа сарлейских поясов (рис. 4.1,2) (Гарустович..., 1998. С. 191, 325. Табл. XXII). Отметим также близкую по форме бляшку (возможно также накладку на сумку), обнаруженную возле Калуги в культурном слое городища Ждамирово (Никольская, 1981. С. 84).

В связи с тем что пояса сарлейского варианта золотоордынских поясных наборов имеют в основном почти полностью идентичный облик, можно вполне обоснованно предположить, что они были произведены в один достаточно короткий промежуток времени. Поэтому все вещевые комплексы для удобства рассмотрения датируемых находок мы объединили в одну хронологическую группу. Здесь необходимо отметить, что по разным причинам большинство опубликованных комплексов с сарлейскими поясами проиллюстрировано достаточно фрагментарно, поэтому при анализе находок мы опираемся только на опубликованный материал.

В 3-х случаях среди снаряжения имеются *топоры* двух типов. Первый тип – с подтреугольным обухом и шипом на широкой бородке, представлен в п. № 18–19 Сарлейского могильника (Горюнова, 1948. С. 154) и в п. № 9 Гагинского могильника (Алихова, 1959. С. 183). Аналогичные топоры обнаружены в п. № 13 Первого Старобадиковского могильника с монетами 1317–1330 гг. (рис. 5.3) (Беляев, 1990. Табл. III. 6. С. 111) и в п. № 143 и 159 Мор-

Взаимовстречаемость датированных вещей в комплексах с сарлейским вариантом золотоордынских поясных наборов

Категория	Тип предмета	Период			
		4-я четверть XIII века	1-я четверть XIV века	2-я четверть XIV века	3-я четверть XIV века
Топоры	1-й				
	2-й				
	п.№420 Кельг. мог.				
Кресала	калачевидное				
	длинное заостренное				
	п.№420 Кельг. мог.				
	длинное овальное				
Железные пряжки	удлиненная полукруглая				
	сплюснутая полукруглая				
Стремена	грушевидное				
	луковидное				
Застежки лопастные	1:1; 1:1,5				
	1:2				
	1:3				
Застежки подкововидные	гладкие концы				
	орнамент. концы				
Браслеты	пластинч. не орнам.				
	пластинч. орнам.				
	витые из тонкой проволо.				
	витые из толстой проволо. с накладками				
Перстни	п.№32 Старосотен. мог.				
	п.№9, р.А, Барбаш. мог.				
	плетеные				

довско-Паркинского могильника с монетами 1380–1395 и 1390–1396 гг. (Беговаткин, 2000. С. 108. Рис. 3.5; С. 109. Рис. 4.8). В то же время в п. № 420 Кельгининского могильника с монетами более ранними (1270–1322–1325 гг.) обух топора имеет иную форму, с выраженными углами (Вихляев, 2016. С. 160–161, 323. Рис. 130.3). Исходя из этого, можно предположить, что подобные топоры, встречающиеся в комплексах с поясными наборами сарлейского варианта, появились в начале XIV в. и производились в течении всего столетия. Второй тип представлен в п. № 10 раскопа А Барбашинского могильника (Латынин, 1935 г.) – он представляет собой изделие с подобным же обухом, но без широкой бородки и шипа (Сташенков, 2008. С. 59). Аналогии этого типа топора обнаруживаются в п. № 7 того же Барбашинского могильника (раскопки Д. А. Сташенкова, 2011 г.) вместе с лопастной застежкой с очень широкими лопастями (Сташенков, 2012. С. 42. Рис. 22; С. 43. Рис. 25), не встречающейся на рубеже XIII–XIV вв. (об этом ниже). Обнаружен подобный топор и в культурном слое Торецкого (Балынгуского) городского поселения, возникновение которого датируется не ранее конца XIV в. (Валиуллина, 2009. С. 16; она же, 2018. С. 58. Рис. 5.7).

Кресала опубликованы по трем комплексам и относятся к двум типам – калачевидное и двулезвийные. Калачевидное кресало с несильно выступающим язычком из п. № 18–19 Сарлейского могильника (Горюнова, 1948. С. 155. Табл. XI,9) имеет наиболее близкие аналогии в могильнике Харьковка 1, п. № 1, к. 13 с монетами 1310 и 1339 гг. (рис. 7.2) (Гарустович...,

1998. С. 42, 329. Табл. XXVI, 18), а также по форме в могильнике Зауморье, п. № 2, к. 7 с монетой 1348–1349 г. (Ляхов, 1992. С. 166, 173. Табл. III, Б). Длинное заостренное двулезвийное кресало из п. № 10 раскопа А Барбашинского могильника (Латынин, 1935 г.) (Сташенков, 2008. Рис. 19. С. 160) хорошо датируется на сравнительном материале из древнемордовских комплексов XIV в. Аналогичные кресала представлены в п. № 420 Кельгининского могильника (монеты 1270-х, 1322/1325 гг.) (Вихляев, 2016. С. 323. Рис. 130.5) и в п. № 5 Кузькинского могильника (монета 1332/1333 г.) (Сташенков, 2019. С. 419–420, 422. Рис. 9.3). Кресало из погребения этого воина – нечто среднее между кельгининским и кузькинским образцами. Двулезвийное длинное овальное кресало из п. № 131 могильника Заречное-II (Мартьянов, 2004. С. 144. Табл. 66.10) имеет прямую аналогию в п. № 8 к. 8 могильника Шахтерск (с монетой 1312–1341 гг. средней сохранности) (Евглевский, 1992. С. 114. Рис. 4.9).

Пряжки от ремней колчана, сбруи и других элементов снаряжения и костюма воинов с поясами сарлейского варианта обнаружены в целом виде в п. № 10 раскопа А Барбашинского могильника (Латынин, 1935) (Сташенков, 2008. Рис. 19. С. 160). Они достаточно хорошо датируются – удлиненная полукруглая пряжка характерна для золотоордынских комплексов 4-й четверти XIII в. – 1-й четверти XIV в., и подобная пряжка имеется в п. № 1 к. 1 могильника Северный-II (рис. 8.3) (Ларенок, <http://rostov-region.ru>). Пряжка полукруглой формы с закругленными углами и сплюснутых пропорций характерна для комплексов 2–3-й четвертей XIV в., и представлена в п. № 1 к. 3 могильник Миновка, с монетами 1313–1360 гг. (Шалобудов, 1980. Рис. 4.10. С. 97). Соответственно обе пряжки совместно могли встречаться только в 1-й половине XIV в.

Стремена представлены в составе конского захоронения из п. № 12 могильника Заречное-II, они разные по форме – грушевидные и луковидные (Мартьянов, 1992. С. 66. Табл. IX. 1,2). Причем если стремя грушевидной формы, типа B-IV по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966. С. 12. Рис. 1), характерно для золотоордынских комплексов того же рубежа XIII–XIV вв. – такое же в п. № 1 к. 1 могильника Северный-II (Ларенок, <http://rostov-region.ru>), то второе стремя – луковидной формы (в типологии Г. А. Федорова-Давыдова отсутствует), хорошо датируется по п. № 1 Саратовского могильника (1983 г.), монетами 1359–1365 гг. – 2–3-й четвертями XIV в. (Дремов, 1985. С. 244. Рис. 2.20).

Все обнаруженные застежки традиционно для древнемордовских древностей делятся на подкововидные (кольцевые) с завернутыми в трубочку концами и лопастные (сюльгамы). На сегодня установлено, что соотношение кольца и ширины лопастей (или диаметр дрота и ширина лопасти) имеет важное значение для установления времени их изготовления и ношения (Вихляев, 2019. С. 111). Подкововидные застежки с завернутыми в трубочку концами золотоордынского периода в хронологическом отношении пока изучены недостаточно и, как правило, рассматриваются суммарно (Хронология..., 2008. С. 43–44).

Лопастные застежки в погребениях с поясными наборами сарлейского варианта обнаружены в трех комплексах – п. № 12 могильника Заречное-II, в п. № 9 парного с п. № 10 раскопа А Барбашинского могильника (раскопки Б. А. Латынина 1935 года), и в п. № 11 к. 1 парного с п. № 12 этого же кургана Сарлейского могильника (Аникин, 2000. С. 67–70). При этом если зареченские сюльгамы опубликованы хорошо (Мартьянов, 1992. С. 66. Табл. IX. 5), то барбашинские и сарлейские возможно восстановить графически только по описи вещей этого погребения из Самарского ОИКМ им. П. В. Алабина (рис. 10.5) (Сташенков, 2008. С. 108. КП23/61) и по публикации И. С. Аникина (Аникин, 2000. С. 68). Формула соотношения диаметра кольца и общей ширины лопастей (ввиду того что диаметр дрота точно измерить

по рисункам не всегда возможно) этих застежек представляет собой пропорцию округленно 1:1, 1:2 и 1:3. В сарлейском комплексе формула застежек иная – 1:1 и 1:2. Величины 1:3 не встречаются на рубеже XIII–XIV вв., в характерных комплексах этого периода – в п. № 32 Старосотенского могильника (монеты 1313–1314 и 1320–1321 гг.) (рис. 10.4) (Алихова, 1948. С. 253. Табл. I II, 59), пп. № 290 и 362 Кельгининского могильника (Вихляев, 2016. С. 218. Рис. 25.8–10; С. 276. Рис. 83.2–5). Формула сьюльгам там иная – 1:1,5, 1:2 и иногда 1:1. Таким образом, начало изготовления широколопастных застежек по формуле 1:2 из погребений с поясами сарлейского варианта можно предварительно датировать не ранее последних десятилетий XIII в., а застежек по формуле 1:3 не ранее первых десятилетий XIV вв.

Подкововидные (кольцевые) застежки по опубликованным материалам представлены одним датировемым типом из толстой круглой в сечении проволоки. Он представлен двумя видами: а) с гладкими завернутыми концами (п. № 12 могильника Заречное-II) (Мартьянов, 1992. С. 66. Табл. IX. 6,8); б) с завернутыми концами, украшенными продольными бороздками (п. № 18–19 Сарлейского могильника) (Горюнова, 1948. С. 154. Табл. X. 9; С. 155. Табл. XI.7). В 1-й половине XIV в. застежки с гладкими концами имели хождение и в различных районах Золотой Орды – в п. № 1 к. 7 могильника Зубовка на Нижней Волге подобная застежка была обнаружена вместе монетами 1336 и 1347 гг. (Мамонтов, 1992. С. 27, 36. Рис. 9, 17). В погребениях с поясными наборами сарлейского варианта появляется второй вид – с орнаментированными насечкой концами, которые ранее не встречаются. Время их появления можно предварительно датировать 2-й четвертью XIV в. Такая же застежка обнаружена в культурном слое поселения Курмыш-4, исследованном под руководством Н. Н. Грибова, и датированного 2-й половиной XIV в. – началом XV в. (Грибов, 2018. С. 102, 103; Рис. 2.7).

Браслеты представлены тремя датировемыми экземплярами. Пластинчатые браслеты без орнамента (п. № 9 раскопа А Барбашинского могильника, раскопки Б.А. Латынина, 1935 г.) (Сташенков, 2008. С. 108. КП23/69, КП23/74) представлены в комплексах 4-й четверти XIII в. – 1-й четверти XIV в., в частности в п. № 290 Кельгининского могильника) (Вихляев, 2016. С. 218. Рис. 25.15). Пластинчатый браслет с квадратными площадками по центру и на концах, украшенный продольными желобами и крестовидно расположенными листьями, обнаружен в п. № 18–19 Сарлейского могильника (Горюнова, 1948. С. 155. Табл. XI.3). Подобный сарлейскому пластинчатый браслет обнаружен в составе комплекса украшений Василицкого клада, сокрытого в 1370-е гг. в эпоху «Великой замятни» (Строкова, 2006. С. 37. Илл. 3.1). Подобные браслеты относятся к «булгарскому» типу, часть из них украшена на концах личинами морд барсов или львов (Руденко, 2015. С. 310). Самый ранний подобный пластинчатый браслет обнаружен в яме 2 раскопа по ул. К. Либкнехта в Азове (золотоордынский Азак), где датируется по монетам 1310-ми гг. (Дмитриенко, 2006. С. 251. Рис. 11.11). В составе украшений изучаемой группы имеются браслеты, витые из толстой тройной проволоки с перевитью из тонкой проволоки, с расплюснутыми концами и напаянными на них накладками (п. № 18–19 Сарлейского могильника) (Горюнова, 1948. С. 155 Табл. XI.2, 4). Они хорошо датируются 2–3-й четвертями XIV в.; характерные примеры – п. № 18–19 могильника Староселье-3 (Четвертаков, 2018. С. 97. Илл. 62.9), со створчатым пластинчатым золотоордынским браслетом, с тем же крестовидным рисунком, датировемым по новгородским материалам 1340–1360-ми гг. (Четвертаков, 2018. С. 99. Илл. 64.1; Седова, 1981. С. 108. Рис. 41.11), и браслет из состава того же Василицкого клада (рис. 12.9) (Строкова, 2006. С. 37. Илл. 3.5). Предварительно их появление можно датировать 2-й четвертью XIV в., так как в комплексах рубежа XIII–XIV вв. встречаются другая разновидность – витые из тройной тонкой проволоки, петли на концах

которых не расплющены; типичные примеры – браслет из п. № 290 Кельгининского могильника (Вихляев, 2016. С. 218. Рис. 25.14) и аналогичный, но с сохранившимися концами из п. № 1 Долгоруковского могильника (Беляев, 1990. С. 197. Рис. 1.17).

Перстни из погребений с поясными наборами сарлейского варианта представлены лишь двумя опубликованными экземплярами из п. № 9 раскопа А Барбашинского могильника (Латынин, 1935 г.) (Сташенков, 2008. С. 154. Рис. 13.4) и из п. № 16 Гагинского могильника. Отличительной чертой барбашинского перстня является литые шинки перстня со сквозными проемами – перстни рубежа XIII–XIV вв. из п. № 32 Старосотенского могильника (Алихова, 1948. С. 253. Табл. III. 55) и п. № 290 Кельгининского могильника (Вихляев, 2016. С. 218. Рис. 25.12,13) и синхронных им, подобных не имеют. Прямая аналогия этому перстню технологически имеется в п. № 10 раскопа В Барбашинского могильника (Латынин, 1935 г.) (Сташенков, 2008. С. 154. Рис. 13.2). Плетеный перстень из гагинского комплекса по материалам раскопок Новгорода датируется от середины XII в. до середины XIV в. (Седова, 1981. С. 127).

Итоги датирования времени жизни мужчин с сарлейскими поясными наборами и похороненных с ними женщин для удобства можно рассмотреть по Таблице (Таблица 1). По отсутствию большинства предметов рубежа XIII–XIV вв. (вещи 1290–1300-х гг.) можно предположить, что в основном эти люди начали получать вещи на 20–30 лет позже (примерно в 1320–1330-х гг.). Присутствие вещей середины XIV в. свидетельствует о том, что по крайней мере часть из них жила и в это время. Период их жизни тем самым приходится на 1310–1360-е гг. (± 10 лет). Исключением, расширяющим эти рамки, является парное п. № 11–12 к. 1 Сарлейского могильника (Рогачев, 1988 г.), так как старческий возраст мужчины в 70–80 лет и наличие в женском комплексе вещей конца XIII – начала XIV в. предполагает смещение времени его рождения на последние десятилетия XIII в., а женщины на начало XIV в. (возраст 35–55 лет, время начала получения вещей примерно с 1310-х гг.).

Вопрос о статусе носителей поясных наборов уже неоднократно поднимался в научной литературе, как в исследованиях, где этот вопрос рассматривался попутно (Плетнева, 1967; Комар, 2018. и др.), так и в специальных работах, посвященных поясным наборам (Добжанский, 1990; Мурашева, 2000). Историография этого вопроса достаточно обширна (Рудковская, 2009. С. 225–231). При обзоре мнений по этому поводу выявляется несколько точек зрения, из которых одну, мы считаем наиболее аргументированной – поясные наборы являются атрибутом высокого социального статуса и носили их некоторые представители воинского сословия (Плетнева, 1967. С. 161, Добжанский, 1990. С. 74). Поэтому мы предполагаем, что мужчины с золотоордынскими поясными наборами сарлейского варианта, относились к сословию знати мордовского общества XIV в. По более поздним письменным источникам XVI–XVII вв. известны титулы представителей этого сословия, явно оставшиеся со времен Золотой Орды, – это мордовские князья и мурзы.

Рассматривая исторический контекст установленного нами выше по археологическому материалу периода (в основном 1310–1360-е гг.), попробуем сопоставить свидетельства письменных источников об участии мордовских воинов в тех или иных военных компаниях того времени. Напомним, что это период наивысшего расцвета Золотоордынского государства, пик его экономической и военной мощи, пришедшийся на период правления хана Узбека (1313–1341 гг.), его сына хана Джанибека (1341–1357 гг.), и его внука хана Бердибека (1357–1359 гг.).

Участие мордовских воинов в военных компаниях этого периода в письменных источниках упоминается дважды – это поход по усмирению Твери 1317 г. и Смоленский поход

1339/40 года (Юрченков, 2013. С. 67–72). Если поход 1317 г. происходил слишком рано для изучаемой нами группы людей (кроме мужчины из п. № 12 к. 1 Сарлейского могильника), то второй вариант наиболее близок ко времени их жизни (одним мужчинам тогда было 20 лет или около того, другим 30–40 лет, мужчине из п. № 12 к. 1 Сарлейского могильника (Аникин, 2000. С. 67–70), в это время было около 60 лет).

На данный момент по Смоленскому походу популяризируется мнение, что поход для золотоордынской армии был неудачным, так как город Смоленск объединенное мордовско-русско-татарское войско не штурмовало и не взяло (<https://ru.wikipedia>). Хотя изначально отечественная историческая мысль об этом событии была противоположна (Карамзин, 1997. С. 566–567). Произведенный нами обзор сведений из летописей показал, что все свидетельства об этом походе можно подразделить на два типа: 1) краткое и сжатое повествование; 2) развернутое повествование, с указанием отдельных сюжетов и деталей. Если первый тип свидетельств встречается во многих русских летописях, где описан 1339/40 год, то описание самого похода целостно мы встречаем только в Никоновской летописи. При этом в кратких повествованиях о мордве в составе войска, посланного на Смоленск, нет никаких указаний (Лаврентьевский список, С. 372; Рогожский летописец, стб. 424; Пискаревский летописец, С.109; Новгородская 4-я летопись, С. 55 и т.д.). Именно на сведения краткого источника и опирается точка зрения о поражении золотоордынского войска под Смоленском (<https://ru.wikipedia>: Ссылки: Пискаревский летописец).

В Никоновской летописи подробности этого похода описаны наиболее развернуто. В составе золотоордынской армии только там упоминаются «мордовские князи с мордвичи» (Никоновская летопись, С. 211). Из списка участвовавших в походе русских князей и их ратей (в том числе и двор московского князя Ивана Даниловича Калиты) ясно, что в походе участвовало довольно значительное количество воинов, противопоставить которым смоленскому князю было нечего. Из этого же свидетельства видно, что все цели, поставленные ханом Узбеком перед руководителями объединенной армии, видимо, были достигнуты без крупномасштабных боевых действий, о чем и писал Н. М. Карамзин: «*Воевода Узбеков, смягченный дарами Смолян, взялся умилостивить Хана*» (Карамзин, 1997. С. 567). Из более поздних событий хорошо известно, что Смоленск откололся от Золотой Орды и примкнул к Великому княжеству Литовскому и Русскому только в период «Великой замятни» (1359–1380 гг.), когда государство заметно ослабло. В связи с этим мы предполагаем, что сарлейские пояса появились у мордовских князей и мурз в результате их награждения как участников Смоленского похода 1339/40 года.

Рассмотрение археологической датировки по вещевому комплексу и даты этого исторического события делает подобное совпадение весьма вероятным – 1339/40 г. находится примерно в середине временного отрезка, определенного выше по археологическому материалу. Если наше предположение верно, то появление сарлейского варианта золотоордынского поясного набора у мордовских воинов можно датировать с точностью до года (1339/40 г., а в целом это поясные наборы 1330–1340-х гг.), и тем самым выделить надежно обоснованный хронологический горизонт с эволюционным развитием золотоордынской и мордовской материальной культуры в рамках XIV в., на основе которого в дальнейшем возможно датировать как время жизни отдельных людей, так и определенные вещи и их группы, предшествующего и последующего периодов. Отметим, что данная работа является лишь попыткой детализации мордовских древностей золотоордынского периода, поэтому сделанные здесь выводы носят предварительный характер и требуют дальнейших уточнений.

Список литературы и источников

Алихова А. Е. Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Том. 2. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1959. С. 169–194.

Аникин И. С. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам Сарлейского могильника) // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья: тезисы научной конференции. Саранск: МГПИ, 2000. С. 67–70.

Беговаткин А. А. Погребения с монетами из Мордовско-Паркинского могильника // Древности Окско-Сурского междуречья: Сб. научных статей. Вып. 2. / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000. С. 105–110.

Беляев Я. В. Погребальный памятник XI–XIV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981–82 гг.) // Материалы по археологии Мордовии. Труды НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете министров Мордов. АССР. Вып. 85. Саранск. Мордов. кн. изд-во, 1988. с. 106; Табл. III, С. 104–117.

Беляев Я. В., Шитов В. Н. Мордовский могильник XIV в. у с. Долгоруково // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. II. Пенза. 1990. С. 92–94.

Валиулина С. И. Комплекс позднесредневекового вооружения по материалам Торецкого городского поселения: учебное пособие. Казань: Казан. ун-т, 2018. 67 с.

Валиулина С. И. Наконечники стрел Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 151, кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 18–23.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 352 с.

Вихляев В. И., Кемаев Е. Н. Лопастные сюльгамы как этноопределяющий признак средневековой мордовской культуры // Поволжская археология. № 4 (30). Казань: Изд-во «Фэн», 2019. С. 110–118.

Вихляев В. И., Пронин А. С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника 1999–2001 гг.: Монография; под общ. ред. Ю.А. Зеленева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 356 с.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.

Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа. Изд-во «Гилем», 1998. 336 с.

Горелик М. В., Дружинина И. А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. 2011 (2). С. 39–63.

Горелик М. В., Отюцкий И. В., Охонько Н. А. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. 2010. С. 97–101.

Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1948. 259 с.

Грибов Н. Н. Большое неукрепленное поселение в присурских владениях Бориса Константиновича Суздальского // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 8 / отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 99–111.

Дмитриенко М. В., Масловский А. Н. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 231–257.

- Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии: монография. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 162 с.
- Дремов И. И.* Погребение воина с джучидскими монетами // Советская Археология. Вып. 4. М.: Наука, 1985. С. 243–245.
- Евглевский А. В.* Погребения золотоордынского времени из раскопок Новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1. науч. ред. В. А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С. 107–116.
- Ефимов К. Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология № 3–4 (4–5). Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом», 1999. С. 93–108.
- Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Сб. науч. ст. Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Изд-во «Наука» (КазССР), 1970. С. 42–53.
- Карамзин Н. М.* Том IV. Глава IX // История государства Российского в 12-ти томах. СПб.: «Золотой век»/«Диамант», 1997. 704 с.
- Комар А. В.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Ред. Т. Аттила, Б. Даниэл. Будапешт, 2018. 424 с.
- Комар А. В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Том. 2. Самара, 2001. С. 103–117.
- Кравец В. В.* Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. С. 222–229.
- Крамаровский М. Г.* Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XIII – первой половины XIV вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды) от Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 56–58.
- Лаврентьевская летопись.* Суздальская летопись. Том 1. Вып. 2. Издание 2-е. ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. 379 с.
- Ляхов С. В.* Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов: СГУ, 1992. С. 158–184.
- Мамонтов В. И.* Могильник Зубовка. Археологические исследования 1990 года // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. Вып. 2. ВГПИ/ВОКМ. Волгоград: Перемена. 1992. С. 17–49.
- Мартьянов В. Н.* Древняя история Арзамасского края. Монография. Арзамас: АГПИ, 2004. 443 с.
- Мартьянов В. Н.* Захоронения коней в могильниках древней мордвы левобережья р. Теши в конце I – начале II тыс. н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Труды НИИ яз., лит., истории и экономики при правительстве Мордов. ССР. Вып. 107. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1992. С. 53–68.
- Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
- Никольская Т. Н.* Земля Вятичей. К истории населения Верхней и Средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.
- Никоновская летопись* (летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 244 с.
- Новгородская четвертая летопись.* Новгородские и Псковские летописи. Том 4. ПСРЛ. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 363 с.

- Пискаревский летописец* // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. 271 с.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. МИА № 142 // М.: Наука, 1967. 200 с.
- Рогожский летописец.* Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с. (504 стб.).
- Руденко К. А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
- Рудковская М. М.* Семантика поясов и поясных наборов: историографическая традиция изучения // Вестник РУДН № 5. Серия «История России». М., 2009. С. 225–231.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сташенков Д. А.* Кузькинский мордовский могильник конца XIII–XIV в.: к истории населения правобережья Самарского Поволжья в эпоху Золотой Орды // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Том 2. Под ред. С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Казань–Кишинев, 2019. С. 413–432.
- Сташенков Д. А.* Новые археологические исследования на территории города Самара. Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2012. С. 13–68.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф.* Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2008. 200 с.
- Строкова Л. В.* Золотоордынский клад из Василицей Коллекции Музея исторических драгоценностей Украины // Памятники Украины: история и культура. XXXVIII. Киев: ДП «Редакция журнала “Памятники Украины”», 2006. С. 34–43.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1966. 275 с.
- Четвертаков Е. В.* Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН.. 127 с.
- Четвертаков Е. В.* Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году // Архив ИА РАН.. 132 с.
- Шалобудов В. Н., Кудрявцева И. В.* Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980. С. 90–97.
- Шутова Н. И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников: Монография. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 264 с.
- Юрченков В. А.* Поход Тоглу-бия на Смоленск в 1339/40 г. и «мордовские князи с мордвичи» // Вестник НИИГН при Правительстве РМ № 3 (27). Саранск, 2013. С. 67–73.

Интернет-ресурсы:

- [https://ru.wikipedia.org/wiki/Осада_Смоленска_\(1340\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Осада_Смоленска_(1340)) (дата обращения: 11.03.2021).
- <http://dostoyanieplaneti.ru/5258-barbashinskii-mogilnik> от 14.02.2018 (дата обращения: 11.03.2021г.) – Барбашинский могильник.
- Исаков Р. В., Афоньков Н. Н., Шереметьев А. Г., Архангельский М. С.* Парадные золотые пояса раннеджучидского времени из Олень-Колодезя и Гашун-Уста: историко-культурный и семантический аспекты исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. 2013. – <http://rosarheolog.ru/isakov-r-v-afonkov-n-n-sheremetev-a-g-arxangelskij-m-s-paradnye-zolotye-poyasa-rannedzhuchidskogo-vremeni-iz-olen-kolodezya-i-gashun-usta-istoriko-kulturnyj-i-semanticheskij-aspekty-issledovan> (дата обращения: 11.03.2021).
- Ларенок В. А., Ларенок П. А.* Погребение кочевника-тюрка из могильника Северный-II // <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000011/st004.shtml> (дата обращения: 11.03.2021).

Е. Ю. Федорова,
магистрант Института международных отношений и
мировой истории ННГУ им Н.И. Лобачевского
jen15352@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЫЕ КРЕСАЛА С ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ МОРДВЫ-ТЕРЮХАН

Приспособления для получения огня играли первостепенную роль в жизни средневекового общества. Кресало как неотъемлемая часть бытового инструментария вплоть до XIX в. является достаточно частой археологической находкой и может служить в качестве датирующего предмета при выстраивании относительной хронологии. Вследствие этого при широком разнообразии форм этих изделий разработано несколько классификаций и хронологических схем кресал.

Впервые разработка классификации этой категории артефактов была проведена в середине XX в. Б. А. Колчиным, который основывался на материалах раскопок Великого Новгорода (Колчин, 1959. С. 89–93). Его исследование долгое время бралось за основу при составлении аналогичных классификаций для разных регионов России, что не всегда оказывалось обоснованным: на новгородской схеме базировались исследования кресал с достаточно отдаленных от Новгорода территорий, развивавшихся в период Средневековья совершенно иным образом. Локальный характер новгородской хронологии отмечается уже на кресалах Пскова (Лобанов, 1989. С. 83–84). Схожие классификации кресал представляли во второй половине XX в. Л. А. Голубева (Голубева, 1965. С. 257–260), Л. П. Ходзевич и Э. В. Шавкунов (Ходзевич, Шавкунов, 1990. С. 34–56); в наше время – Н. Б. Крыласова (Крыласова, 2007. С. 157–161), А. В. Евглевский и Т. М. Потемкина (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 181–208), а также другие авторы. На сегодня разработано большое количество различных классификаций для разных территорий и народов.

Выделить единую хронологическую схему кресал для всех финно-угорских народов затруднительно. Это связано с тем, что, занимая огромную территорию нашей страны, финно-угорские народы на протяжении своей истории развивались своеобразно и имели различные культурные связи; неодинаковой эта схема может представляться даже в границах расселения одного народа. В данном исследовании нами была проведена попытка составить эволюционно-хронологическую схему кресал с памятников археологии терюшевской мордвы, заселявшей в Средневековье и Новое время территорию, локализованную на сегодняшний день в пределах современного Дальнеконстантиновского района Нижегородской области. Употребляя в отношении рассматриваемых кресал термин «терюханские», мы не связываем наше исследование с вопросами об этнических группах мордвы, а также не соотносим это обозначение с коннотациями какой-либо уникальности по этническому признаку. Исследуемая выборка инвентаря характеризуется в работе по географическим особенностям как артефакты самой северной мордовской периферии, которую в Средние века занимала терюшевская мордва.

Рассмотренные экземпляры кресал происходят со следующих памятников: Старосельский, Сарлейский, Малотерюшевский могильники, селища Б. Терюшево и Помра-4. Помимо этого, для сравнения были привлечены материалы некоторых эрзянских и мокшанских могильников, а также отдельные экземпляры с финно-угорских, нижегородских, владимиро-суздальских, болгарских, пермских, сибирских и других памятников.

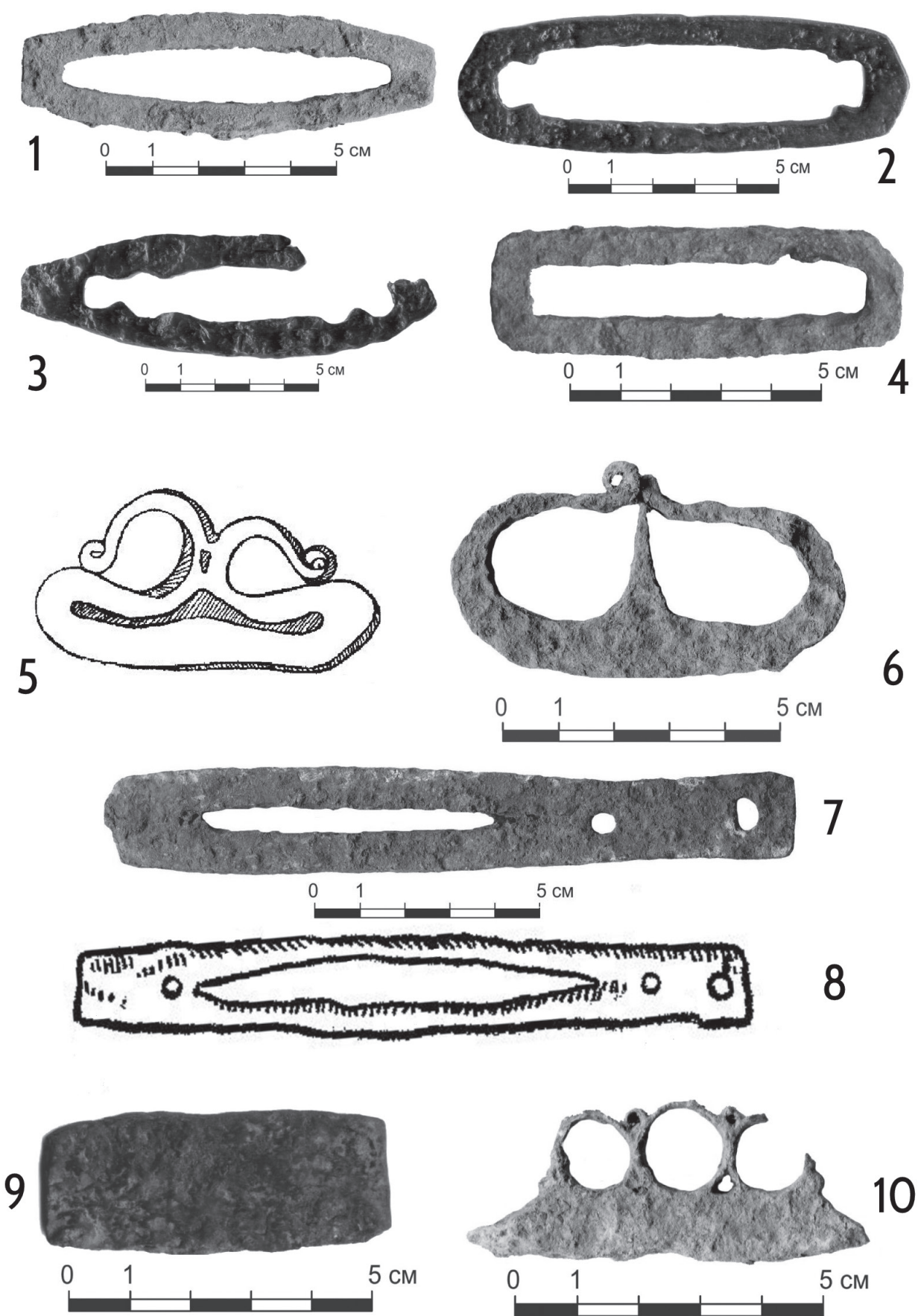
Наиболее ранними типами кресал на памятниках археологии терюшевской мордвы являются овальные двулезвийные и калачевидные однолезвийные кресала. Такие типы огнив были широко распространены у финно-угров и болгар в эпоху средневековья. Заметим, что овальная форма кресал является гораздо более распространенной, чем калачевидная; при этом размер изделий, форма их прорези и ширина концов со временем менялись. У терюхан овальные кресала фиксируются в погребениях, начиная с XII в. Примечательно, что на терюханских археологических памятниках преобладают овальные кресала с прямой прорезью, в то время как такие же кресала с фигурной прорезью встречаются сравнительно редко (ил. 1, 1–2). Одно из таких кресал с фигурной прорезью, обнаруженное на поселении Б. Терюшево, имеет несколько притупленные внешние края, что было оформлено мастером намеренно (рис. 1.2). Аналогии ему находятся во владимирских, новгородских и марийских древностях, где такие кресала датируются XII–XIII в. (Железные кресала..., 2010. С. 23; Гайдуков, 1992. С. 155).

Для понимания различий в предпочтении форм огнив на разных мордовских территориях, обратимся к выборке кресал с известного Кельгининского могильника. Памятник располагается в Zubovo-Полянском районе Республики Мордовия; по особенностям погребального обряда его захоронения относятся к мордве-мокше (Кельгининский могильник..., 1998. С. 6). Могильник функционировал с X по XVII в. практически непрерывно. Кресала как часть наиболее типичного погребального инвентаря в мужских захоронениях встречались регулярно в течение всего времени его функционирования. Вследствие этого мы имеем возможность проследить эволюцию изменения форм кресал на данной территории с X по XVII в., что является хорошим сравнительным материалом. По ходу исследования мы неоднократно будем возвращаться к выборке с Кельгининского могильника.

Отметим, что в Кельгинине ситуация с овальными кресалами обратная: изделия с фигурной прорезью встречаются в погребениях в несколько раз чаще, чем изделия с прямой прорезью. Они же характерны исключительно для раннего периода функционирования могильника (X–XIII в.), в более позднее время они уже не встречаются. В. Н. Мартьянов указывает, что такой тип кресал является основным в могильниках Притешья XII–XIII вв. (Мартьянов, 2001. С. 284), в новгородских и марийских древностях они также характерны для этого времени (Архипов, 1986. С. 61–62). Н. М. Малкова дает более широкую датировку такому типу кресал: она пишет, что на мордовских могильниках такая форма типична для погребений XI–XIV вв. (Малкова, 2000. С. 155). На терюханских памятниках кресала с фигурной прорезью зафиксированы только в качестве подъемного материала, поэтому их привязка к какому-либо времени бытования может быть дана по вышеуказанным аналогам.

Обратим внимание на другую особенность овальных кресал. В разных случаях концы изделий могли быть либо заострены, за счет чего кресалу придавалась форма линзы (ил. 1, 3), либо намеренно срезаны, что совершалось для придания изделию более компактной формы (ил. 1, 1). У терюхан и эрзян большинство овальных кресал имеет вторую, упрощенную форму. В частности, на Старосельском, Сарлейском и Малотерюшевском могильниках, принадлежащих мордве-терюханам, это единственный тип овальных кресал. В то же время проводя аналогии с Кельгинином, можно заметить, что форма концов овальных кресал там не имела принципиального значения: как заостренные, так и срезанные концы у изделий раннего времени отмечены в погребениях в равном количестве.

Еще один тип огнив, отмеченный на терюханских памятниках – двулезвийные кресала прямоугольной формы (ил. 1, 4). Они обнаружены в погребениях XII–XIV вв. (Четвертаков,



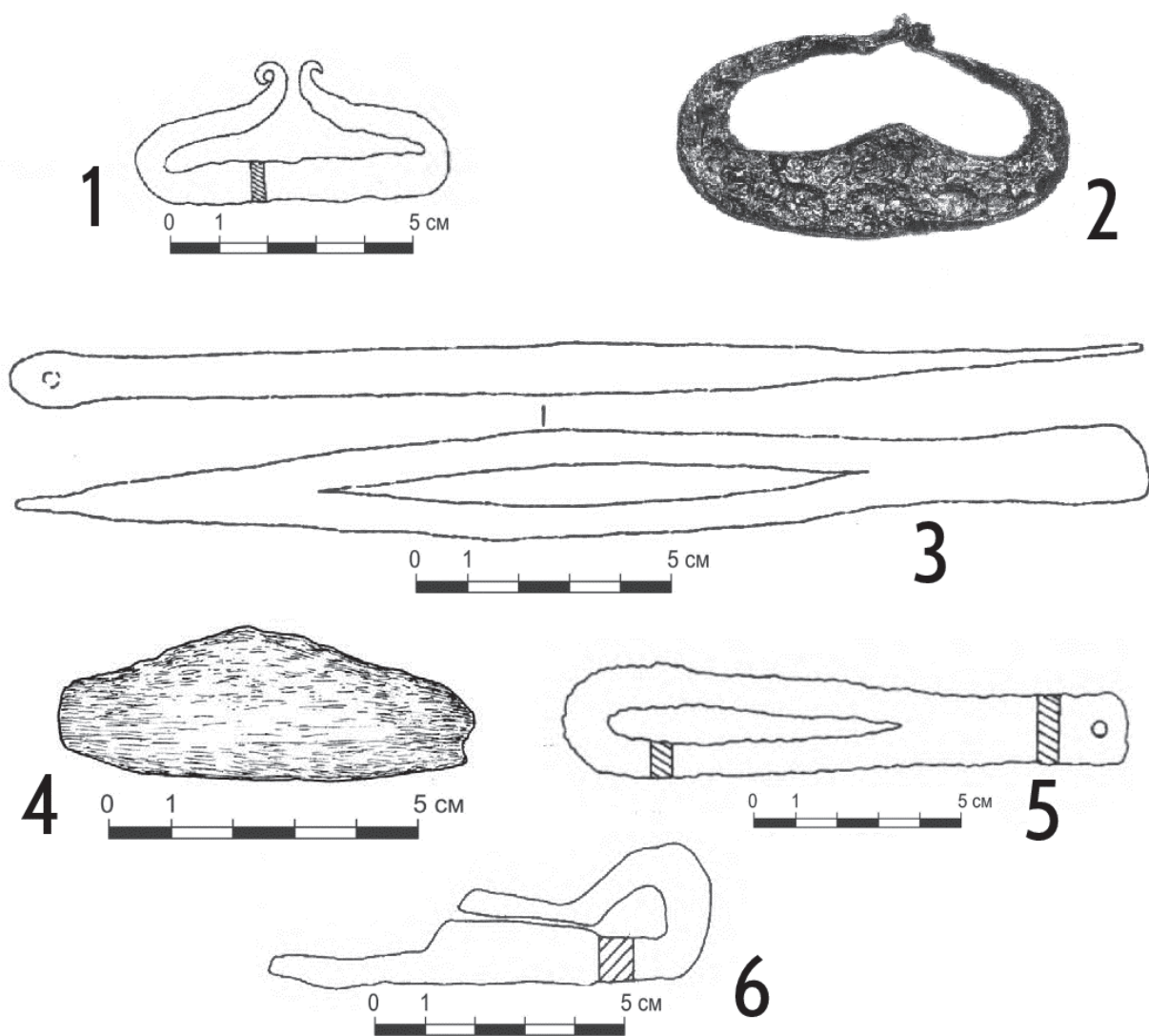
Ил. 1. Кресала с памятников археологии мордвы-герюхан.
 Старосельский могильник – 1-4, 6, 7, 9, 10; Сарлейский могильник – 5, 8.

2016. Рис. 32). Их форма происходит, вероятно, из овальных упрощенных кресал. Часто форма овальных огнив может быть близка к прямоугольной. Примечательно, что в некоторых классификациях, например новгородской, кресала такой формы не выделяются в отдельный вид, однако среди находок они также встречаются (Колчин, 1959. С. 89–93; Гайдуков, 1952. С. 155). Прямоугольные кресала упоминаются у средневековых болгар, где они датируются более широким периодом – XIII–XVI вв. (Культура Биляра..., 1985. С. 126), однако по сравнению с овальными изделиями распространены, как правило, меньше (то же наблюдается у мокшан и марийцев). В целом в случае терюшевской мордвы двулезвийные кресала овальной и подпрямоугольной формы остаются в активном пользовании вплоть до XVI в.

Другой классический тип кресал, отмеченный на терюханских памятниках – однолезвийные калачевидные, как принято называть их по устоявшейся терминологии. У финно-угорских народов и болгар они бытовали синхронно с овальными кресалами, однако распространены были в меньшей степени, чем последние, по всей видимости, за счет более сложной процедуры изготовления. Как и овальные кресала, такие инструменты могли выполняться мастерами в разнообразных интерпретациях: чаще всего предметом модификации становилась внутренняя сторона изделий. В классических случаях она оформлялась сколько-нибудь выраженным язычком; случалось также, что она декорировалась специфичными изгибами, либо же вообще оставалась без внимания. По сравнению с овальными калачевидные кресала отличаются меньшим размером: их длина в среднем составляет 7–10 см, в то время как длина овальных может варьировать от 7 до 23 см.

На Старосельском и Сарлейском могильниках калачевидные кресала встречаются как в ранних (XII–XIV вв.) (Горюнова, 1948. С. 45), так и в поздних погребениях XVI в. гораздо реже овальных огнив (Четвертаков, 2017. С. 20). Большинство из них имеет слабо выраженный язычок (ил. 1, 5), только в одном погребении XVI в. со Старосельского могильника у калачевидного кресала язычок острый (ил. 1, 6). Примечательно, что на мокшанском Кельгининском могильнике у кресал такого типа язычки либо выражены крайне слабо, либо же отсутствуют вовсе (ил. 2, 1). Кресал с острым язычком в могильнике не зафиксировано. Такая же ситуация наблюдается и на Барбашинском могильнике (г. Самара), погребения которого принадлежат по большей части эрзе, по меньшей – мокше (Археологические исследования..., 2011; Сташенков, Кочкина, 2008). Памятник относится к золотоордынскому времени. Калачевидные кресала из его коллекции являются довольно простыми и практически никак не декорированы, в некоторых случаях внутренняя их часть украшена небольшим язычком (ил. 2, 2). В болгарских памятниках X–XIII вв. калачевидные кресала представлены аналогичным образом (Казаков, 1991).

Время, когда калачевидные кресала начинают уходить из употребления у мордвы, довольно четко фиксируется на материалах Кельгининского могильника. Если на раннем этапе функционирования могильника (X–XIII вв.) такие кресала встречаются регулярно, то в XIV–XV вв. форма инструментов значительно упрощается. Изделия этого периода отличаются однообразием: практически вся выборка представлена овальными кресалами с прямой прорезью (только в одном случае форма изделия близка к прямоугольной). Один обломок калачевидного кресала без язычка был встречен в захоронении XIV–XV вв. (Вихляев, 2016. С. 239), однако с этого времени калачевидные кресала фактически перестают пользоваться спросом на данных территориях. В прошлом остаются также кресала в виде остроконечного овала: начиная с XIV в. у двулезвийных кресал всегда срезаны концы, однако их еще нельзя назвать прямоугольными. Кроме того, фигурная прорезь овальных кресал полностью заменяется на прямую. Преоб-



Ил. 2. Примеры кресал с других памятников археологии.
 Кельгининский могильник – 1, 3, 5, 6; Барбашинский могильник – 2;
 Нижний Новгород, городище Городок – 4.

ладающее количество кресал с прямой прорезью позволяет нам судить о том, что такая форма изделий стала единственным распространенным типом кресал в XIV–XV вв. на юго-западе Республики Мордовия. Кресала иных форм в погребениях XIV–XV вв. отсутствуют. Однако не у всех финно-угорских народов калачевидные кресала уходят из употребления в это время. У удмуртов такой тип кресал остается в ходу до середины XIX в. и исчезает вместе с остальными типами лишь после изобретения спичек (Шутова, 1992. С. 38–39).

Поздний период терюханских могильников (XVI–XVIII вв.) отличается новыми изменениями форм кресал: овальные и калачевидные кресала уходят из употребления, на смену им приходят другие типы. Изделия заметно удлиняются, в них появляются отверстия для подвешивания. Таких отверстий могло быть несколько, например два, как у экземпляра со Старосельского могильника (рис. 1.7) (Четвертаков, 2018. Рис. 46), или даже три, как у изделия с Сарлейского (рис. 1.8) (Горюнова, 1948. С. 156). Примечательно, что поздние захоронения Кельгининского могильника все еще содержат простые овальные кресала: они продолжают активно использоваться и в это время, несмотря на то что длинные бруски с отверстиями для

подвешивания приобретают все большую популярность. Интересно, что на кельгининских образцах, в отличие от указанных выше терюханских, отверстие для подвешивания всегда одно независимо от размера кресала (к примеру, длина одного кельгининского экземпляра – 22,5 см) (рис. 2.3) (Вихляев, 2016. С. 290). Кроме того, некоторые образцы подобных изделий из Кельгинина могли являться многофункциональными орудиями и использоваться не только по своему первоначальному назначению, но и в качестве отверток. В пользу этой теории говорит то, что один из концов таких брусков (противоположный от конца с отверстием для подвешивания) преднамеренно заострялся и уплощался в виде тонкой лопатки, а форма изделий удлинялась для удобства их вращения в процессе закручивания и отворачивания винтов. Такие универсальные инструменты подробно описаны С. В. Зацаринным на примере тульских огнив (Зацаринный, 2018). Автор связывает их появление с распространением в XVII в. усовершенствованного ручного огнестрельного оружия, нуждающегося в регулярном техническом обслуживании с помощью ружейных приборов: ключей и отверток. Именно эта необходимость обусловила «модернизацию» бытовых огнив в инструменты-отвертки. 22,5-сантиметровый образец из Кельгинина представляет собой полный аналог описываемых С. В. Зацаринным многофункциональных огнив, однако вопрос о степени распространения огнестрельного оружия в мордовском селе XVII в. заслуживает отдельной дискуссии. В то же время схожие образцы из Сарлейского и Старосельского могильников не предназначались для иных целей, кроме разжигания огня, концы изделий не подвергались какой-либо обработке.

Достаточно нетипичным для мордвы и в целом для финно-угорских народов поздним типом кресал, встреченном на терюханских памятниках археологии, является тип пластинчатых кресал. Такие кресала относятся к категории двулезвийных и представляют собой небольшую железную пластину прямоугольной формы без прорези и отверстий для подвешивания (ил. 1, 9). В случае терюшевской мордвы такой тип кресал был зафиксирован четыре раза (три экземпляра относятся к погребальному инвентарю захоронений Старосельского и Сарлейского могильников, один происходит с селища Помра-4) (Четвертаков, 2017. С. 21). На рассмотренных эрзянских и мокшанских могильниках такой тип кресал пока не зафиксирован. У терюхан же бытование этого типа относится к позднему времени – XVI–XVIII вв., что хронологически совпадает с распространением таких кресал в Удмуртии и пермском Предуралье. В удмуртских могильниках подобные изделия известны в комплексах XV–XVI вв.; в пермском Предуралье – начиная с XVI в. (Крыласова, 2006. С. 285). Единичная находка из Нижнего Новгорода относится к XV в. (ил. 2, 4) (Грибов, 2018. С. 532). На некоторых памятниках народов Крайнего Севера (ханты, ненцы) они известны в постройках первой трети XVIII в. (Кардаш, 2009. С. 249), однако на других территориях пластинчатые кресала встречаются и в раннее время. Например, в Южной Сибири такие кресала встречены в памятниках рубежа I–II тыс. н.э. (Митько, 2009. С. 220). В то же время находки кресал такой формы всегда немногочисленны. Во многих классификациях тип пластинчатых кресал прямоугольной формы не выделяется совсем. О. А. Митько связывает это с простотой данной формы, затрудняющей выделение подобных кресал среди многочисленных фрагментов прямоугольных или округленных пластин из комплексов с плохой сохранностью железных артефактов (Митько, 2009. С. 220).

Помимо обозначенных выше типов кресал, в кузнечном ремесле мордвы-терюхан отмечены также и кресала индивидуальных форм. Практика изготовления огнив на заказ была распространена в Средневековье очень широко, однако кресала нестандартных форм являются все же редкой находкой в археологии. В частности, такое кресало необычной фигурной

формы было обнаружено на Старосельском терюханском могильнике в качестве подъемного материала: изделие относится к однолезвийным кресалам и имеет три кольца по верхнему краю (ил. 1, 10). Точный аналог такого кресала происходит из Владимиро-Суздальских земель, где он условно датируется XV–XVI в. по новгородской классификации Б. А. Колчина (Железные кресала..., 2010. С. 20).

Среди огнив позднего времени (XVI–XVIII вв.) у мордвы выделяется еще несколько форм кресал, не встреченных, однако, на терюханских памятниках археологии. В Кельгине среди поздних кресал достаточно распространен тип, который условно можно обозначить как каплевидный: один конец такого изделия представляется в форме округлого овала с аналогично округлым краем прорези, а другой, меньший по размеру, остается прямоугольным (ил. 2, 5). Похожее кресало происходит из Ачадовского могильника, принадлежащего мордве-мокше (Малкова, 2000. Рис. 28, 3). На терюханских памятниках археологии такой тип кресал пока остается незафиксированным. Помимо этого, среди поздних огнив Кельгининского могильника в одном экземпляре представлено так называемое салазковидное кресало. Изделия такой формы не характерны в целом для финно-угров (рис. 2.6). Они находились в широком употреблении в Волжской Булгарии в X–XIII вв. (Культура Биляра..., 1985. С. 126), редкие аналоги им встречаются также во Владимиро-Суздальских землях (Железные кресала..., 2010. С. 20). На терюшевских памятниках археологии такой тип кресал отмечен не был.

Заканчивая обзор кресал с терюханских археологических памятников, отметим, что эволюционно-хронологическая схема форм этих инструментов для данной местности является достаточно сложной. Наиболее ранними типами кресал, которые фиксируются у терюхан с XII в., являются калачевидные и овальные кресала. Они бытуют на данных территориях синхронно вплоть до XVI в., причем калачевидные кресала встречаются реже. Внутренняя сторона таких кресал декорирована высоким или низким язычком. Овальные кресала у терюшевской мордвы наиболее просты: они имеют прямую прорезь и срезанные концы, форма изделий максимально упрощена. Инструменты с фигурной прорезью или в форме острокопечного овала встречаются в единичных случаях, их распространение на данных территориях было менее широким. В то же время наравне с овальными кресалами у терюхан бытуют и прямоугольные: они также распространены чуть в меньшей степени, чем классические овальные. С XVI в. форма кресал начинает видоизменяться, их производство технологически упрощается: появляются пластинчатые кресала прямоугольной формы, не требующие долговременного изготовления. Из овальных кресал ведут свое происхождение длинные бруски со специальными отверстиями для подвешивания. Два этих типа кресал являются наиболее распространенными в позднее время – они существуют в XVI–XVIII вв. Примечательно, что на других мордовских территориях, например в районе Кельгининского могильника, поздние кресала имеют и другие формы, например каплевидную или салазковидную, однако пластинчатые кресала там не зафиксированы. Кроме того, несмотря на стандартизацию кресального производства, в это время продолжается изготовление индивидуальных форм кресал на заказ. Так, на примере кресал с могильников мордвы X–XVIII вв. были проиллюстрированы некоторые различия в предпочтении форм кресал в разных мордовских селениях эпохи средневековья. Предложенная в данном исследовании типолого-хронологическая схема кресал мордвы-терюхан построена на количественно небольшой выборке артефактов, что связано, в первую очередь, с малой изученностью терюшевской мордвы в археологическом плане. В будущем новые находки могут привести к уточнению схемы.

Список источников и литературы

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В. Н. Глазова и В. Н. Миллера на Барбашинском могильнике / Под ред. Д. А. Сташенкова, А. Ф. Кочкиной. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.

Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1986. 114 с.

Вихляев В. И., Пронин А. С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника в 1999–2001 гг. / Под ред. Ю. А. Зеленева. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2016. 356 с.

Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М., 1992. 197 с.

Голубева Л. А. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. № 130. М.: Наука, 1965. С. 257–259.

Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск: Морд. Гос. Изд., 1948. С. 6–55.

Грибов Н. Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.

Евглевский А. В., Потемкина Там. М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 1. Донецк: ИА Украины, ДонГУ, 2000. С. 181–208.

Железные кресала X–XIX вв. из коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / Состав. Ю.С. Ступан. Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2010. 36 с.

Зацаринный С. В. Ружейные отвертки-огнива XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых кресал) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 388–398.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 176 с.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. // История и материальная культура. Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.

Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. / Я. В. Беляев, В. И. Вихляев, О.В. Зеленева и др.; под ред. И. М. Петербургского. Саранск: тип. «Крас. Окт», 1998. 168 с.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: Наука, 1959. 174 с.

Крыласова Н. Б. Типология и хронология стальных кресал Пермского Предуралья // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: Мар-НИИ, 2006. С. 279–291.

Крыласова Н. Б. Хронология кресал Пермского Предуралья // История и археология. Вып. 1 (35). Челябинск: Известия Челябинского научного центра, 2007. С. 157–161.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Лобанов Н. А. Некоторые бытовые находки из Пскова // Славяно-русская археология / Отв. ред. И. Т. Кругликова / Краткие сообщения Института археологии. Вып. 195. М.: Наука, 1989. С. 80–85.

Малкова Н. М. Погребальный обряд и инвентарь могильников эрзи и мокши XVI – начала XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара: Самарский гос. университет, 2000. 330 с.

Мартьянов В. Н. Арзамасская мордва в I – начале II тыс. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.

Митько О. А. Пластинчатые кресала прямоугольной формы в археологических памятниках Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 8. Вып. 5: Археология и этнография. Новосибирск, 2009. С. 215–224.

Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни / ЖЗЛ: краеведческая серия. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Ходзевич Л. П., Шавкунов Э. В. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток, 1990. С. 34–56.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году // Архив ИА РАН. 151 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. 129 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. 132 с.

Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 264 с.

А. Л. Егшин,
археолог, заведующий Выставочным отделом ИХМ г. Арзамаса,
mefodius_77@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ г. АРЗАМАСА. ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Первые обследования территории города Арзамаса в 1940–1950-е гг. осуществил нижегородский историк и краевед И. А. Кирьянов, с 1993 по 2007 г. археологические исследования на территории культурного слоя г. Арзамас проводил В.Н. Мартьянов, с 2010 г. эпизодически – В. В. Бейлекчи, Вал. В. Бейлекчи, И. А. Очеретин, В. А. Батюков и др.

И. А. Кирьянов проводил натурные обследования центральной части города, главной своей задачей ставя определение границ Арзамасской крепости к. XVI–XVIII вв. В своей работе автор опубликовал план Арзамаса середины XVIII в., взятый из фондов Арзамасского краеведческого музея. Опираясь на данный план, на который нанесены стены и башни крепости, И. А. Кирьянов дал следующее ее описание: «Как видно из плана, Арзамасская крепость имела форму несколько неправильного треугольника... Стены и башни крепости с западной стороны проходили вдоль гребня высокой горы над Тешей и ее поймой... Северная сторона крепости выходящая в поле, усиливалась рвом и валом, по которому проходила стена... Южная сторона крепости образована оврагом, по которому протекала речка Сорока...» (Кирьянов, 1961. С. 102). Также И. А. Кирьянов приводит информацию о башнях крепости, в том числе о четырех проезжих: «С северной стороны крепости проезжие башни были на перекрестках нынешних улиц Первомайской и К. Маркса с улицей Свободы, проходящей на месте бывшего вала. Башня на перекрестке улиц Первомайской и Свободы носила название Стрелецкая» (Кирьянов, 1961. С. 103).

В 1962 г. археолог и краевед В. Ф. Черников в ходе археологических разведок в бассейне р. Тешы на территории г. Арзамаса и на его южных и северо-западных окраинах открыл четыре археологических памятника, датированных им концом I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Ближе всего к историческому центру города располагалось селище Арзамас II, располагавшееся на правом коренном берегу р. Тешы, в 1,5 км от центральной части города, напротив перекрестка ул. Свободы и ул. Луначарского (речь здесь идет о перекрестке современных ул. Луначарского и Пролетарской). Площадь памятника составляла до 0,3 гектара и была нарушена ямами для добычи песка.

Шурфовка и сбор подъемного материала дали лепную керамику двух видов – позднеродецкого типа (в нижней части культурного слоя) и неорнаментированную темно-коричневого цвета с залощенными стенками (Черников, 1962).

В 1993 г. В. Н. Мартьяновым по заданию Комитета по охране и использованию культурного наследия Горьковской области проводились на территории города Арзамаса археологические исследования с целью выработки предложений по охранной зоне культурного слоя г. Арзамаса. Исследователь во главе небольшой экспедиции провел наблюдения при прокладке коммуникаций около пожарного депо по ул. Советской; в сквере им. Ленина (на Соборной площади) им был заложен шурф площадью 16 м². На этих объектах выявлен культурный слой периода XVI–XVII вв., характеризуемый наличием керамики, фрагментов костей домашних животных, прослоек углей и золы, находкой серебряной монеты времен правления царя Бориса Годунова. На ул. Набережной, Ступина и на берегу р. Сорока (на территории бывшей

Арзамасской крепости) был собран подъемный материал – фрагменты русской гончарной керамики периода XVI–XVIII вв. Были зафиксированы сведения по отдельным находкам археологических объектов и предметов в исторической части г. Арзамаса вне территории крепости в прежние годы. Также В. Н. Мартьяновым была составлена первая карта археологических исследований на территории г. Арзамаса (Мартьянов, 1993).

Результаты исследований В. Н. Мартьянова 1993 г., а также историческая справка, подготовленная в том же году по заданию областного Комитета по охране и использованию историко-культурного наследия сотрудниками МарГУ Ю. А. Зеленевым, Г. Н. Айплатовым и А. С. Михеевым, послужили основой при подготовке Постановления Законодательного собрания Нижегородской области № 38 от 02.06.1998 «Об объявлении культурного слоя г. Арзамаса XVI–XVIII вв. памятником археологии местного (областного) значения».

Указанным Постановлением территория культурного слоя г. Арзамаса утверждена как памятник археологии местного (областного) значения, ограничена и разделена на две зоны – «А» и «Б», с различными режимами охраны. Зона «А» охватывает территорию бывшей Арзамасской крепости и непосредственно примыкающие к ней с юга, юго-востока и севера участки; действующий градостроительный регламент зоны – обязательная археологическая экспертиза и предварительные археологические раскопки при строительстве зданий и прокладке траншей шириной более 1 м. Граница зоны «Б», по своему внешнему периметру совпадающая с утвержденной в Постановлении от 02.06.1998 № 38 границей памятника, включает в себя городскую территорию, указанную на топографических картах города 2-й пол. XVIII в., окружающую зону «А» с севера, востока и юга; действующий градостроительный регламент зоны – археологический надзор при строительстве зданий и прокладке коммуникаций.

В 1999, 2001, 2003–2007 гг. В. Н. Мартьянов продолжил археологические обследования на строящихся объектах в г. Арзамас по методике археологического надзора за земляными работами в основном на периферийных участках.

В 2003 г. В. Н. Мартьянов были обследованы 6 объектов. На пяти из них культурные напластования не были обнаружены: в зоне «А» – ул. Ступина, 15, Кирова, 2; в зоне «Б» – на ул. Куликова, 26, Калинина, 30, Революции, 14/1. Только на ул. Советской, 1а (в пределах зоны «А») был выявлен культурный слой – темный гумусированный суглинок, прослеживающийся до глубины 1,13 м, с включениями мелких фрагментов человеческих костей, происхождение которых исследователь связал с кладбищем расположенной поблизости церкви, в здании которой впоследствии размещался Дом пионеров.

В 2004–2007 гг. археологические обследования проходили преимущественно на периферии зоны «Б»:

- в 2004 г. – на ул. Октябрьская, 19 и ул. Советская, в/ч 17845;
- в 2005 г. – на ул. Космонавтов, 48в, ул. Революции, 20, ул. Кирова, 54;
- в 2006 г. – на ул. Свободы, 49, ул. Революции, 9, ул. Революции, 22, ул. К. Маркса, 60;
- в 2007 г. – на ул. Куликова, 33а, ул. К. Маркса, 61, ул. Калинина, 36а, ул. Революции, 36.

На всех указанных объектах культурные напластования, содержащие материалы периода XVI–XVII вв., либо более ранние, обнаружены не были (Мартьянов, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007).

В 2010 г. В. В. Бейлекчи на участке по ул. Свободы, д. 36 (зона «Б» культурного слоя) заложены два шурфа площадью по 1 кв. м. Установлено, что культурные отложения здесь датируются по керамическому материалу периодом не ранее XVII – нач. XX вв., а находки

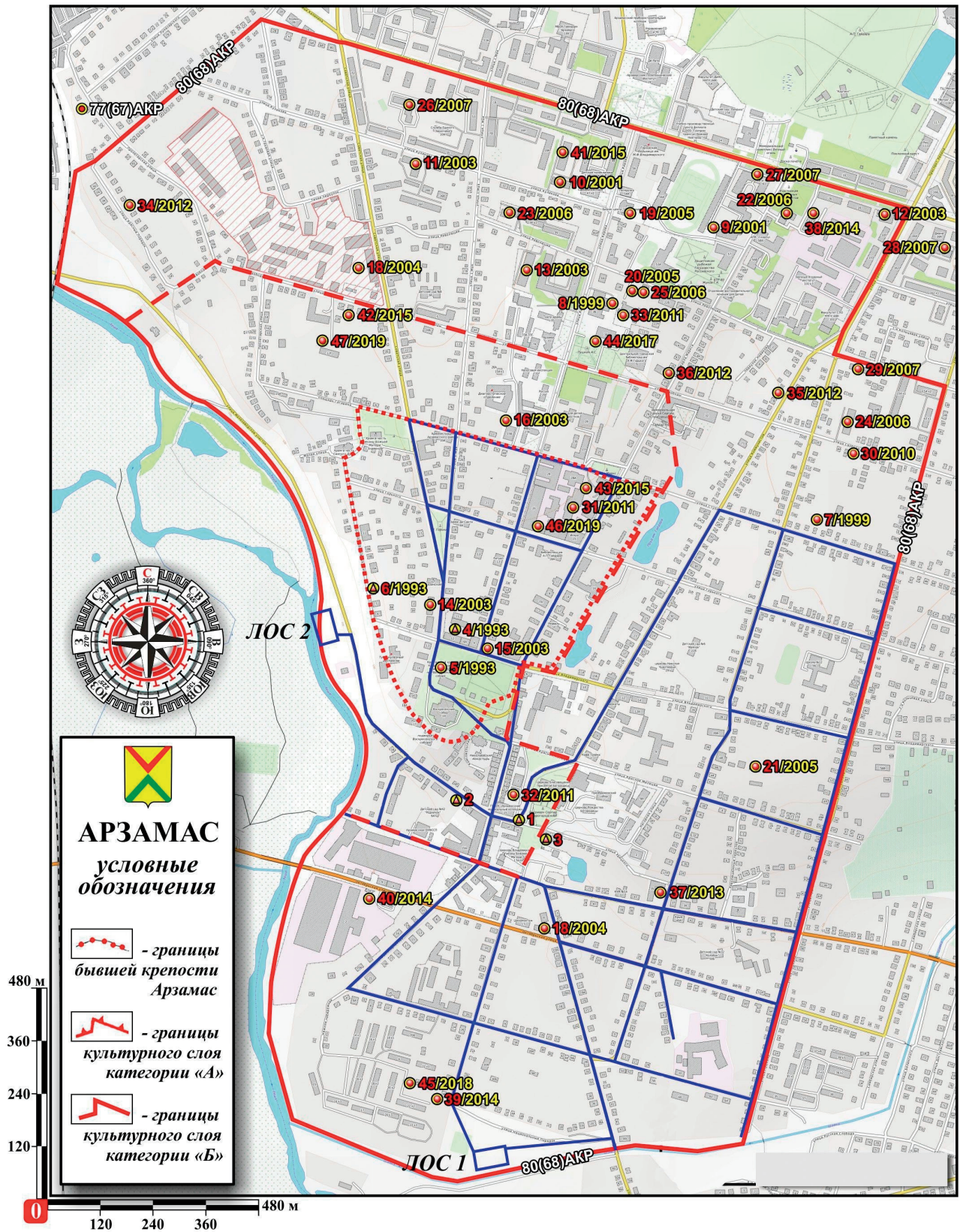
более ранних материалов единичны. До начала хозяйственного освоения территории, судя по прослойке подзолистой супеси в шурфе 1, данная площадка была занята лесом.

В 2011 г. В. В. Бейлекчи производились археологические работы на трех участках по ул. Кирова, 26, ул. Мучной ряд, 4.

На участке по ул. Кирова, 26 (территория завода «Темп-Авиа», зона крепости Арзамаса) заложены 4 шурфа общей площадью 16 м² и обследованы профили 2 котлованов для прокладки коммуникаций (перекопы до глубины 3,6 м). Стратиграфия обследованного участка следующая: дерн – 6–14 см; слои перекопа – 72–142 см; серо-коричневый рассыпчатый суглинок (в шурфах 3 и 4; культурный слой) – 35–50 см; темно-серый рассыпчатый суглинок (в шурфе 3; погребенная почва) – 10–14 см; желтовато-серый песчанистый суглинок – материк. Во всех исследованных слоях переотложения шурфов, а также в сохранившемся малыми участками культурном слое присутствовали в крайне малом количестве обломки красноощенной и красноглиняной тонкой (XV–XVII вв.), черноощенной со сплошной обработкой поверхности (XVII в.) керамической посуды, свидетельствующие об обитании данной территории в период существования крепости. В предматериковой погребенной почве (шурф 3) встречены единичные фрагменты керамической посуды XV–XVII вв. Тогда в результате шурфовки было установлено, что в пределах обследованного участка культурные отложения раннего периода функционирования Арзамасской крепости (XVI–XVII вв.) представлены единичными фрагментами керамики, и выделить на площади слои данного периода затруднительно из-за практически полного их переотложения земляными работами XX в. Можно предполагать, что обследованная территория в период существования Арзамасской крепости использовалась для сельскохозяйственных нужд, а для заселения послужила только после пожара 1796 г., в ходе регулярной перепланировки Арзамаса (Бейлекчи, 2011. С 21–67).

На участке по ул. Мучной ряд, д. 4 (зона «А» культурного слоя) заложены 2 шурфа суммарной площадью 12 м². В обоих шурфах вплоть до уровня обнаружения материка (150–170 см от уровня дневной поверхности) залегали переотложенные слои. Во 2-й четверти XIX в., в период постройки на участке здания трактира «Тройня» и надворного сооружения (остатки выявлены в шурфе 1), дневная поверхность была перекрыта дренирующим слоем отходов добычи известняка с примесью камня и кирпичного боя. В грунтах шурфов встречены несколько фрагментов белоглиняных гладких сосудов XVI – 1-й пол. XVIII вв., остальные находки датируются периодом XVIII–XX вв. В результате шурфовки установлено, что обследованный участок располагался в периодически подтоплявшейся береговой зоне, запруженной в XVII в. р. Сорока (судя по высокой заторфованности подстилающего аллювиального суглинка), а начало освоения участка, видимо, относится к первому периоду застройки – возведению комплекса зданий «Трактира «Тройня» во 2-й четверти XIX в. Более ранние культурные отложения и находки на обследованном участке не обнаружены, что соответствует данным топографических планов города 1782, 1832 и 1850-х гг. (Бейлекчи, 2011. С. 91–120).

Подтверждением того, что нижняя часть города подвергалась частым подтоплениям, могут служить исследования, проведенные В. В. Бейлекчи в 2018 г. Тогда осуществлялись археологические наблюдения на площадке участка под строительство аптеки по ул. Национальный порядок, дом № 8Б. Стратиграфия траншей под фундамент здания выявила факты неоднократного подтопления местности тальми водами и половодьем р. Шамки, вследствие чего, видимо, в конце XIX в. находившееся здесь домовладение было заброшено и постепенно разрушалось (Бейлекчи, 2011. С. 52–93).



Ил. 1. Карта-схема центральной части г. Арзамас с указанием границ территорий зон культурного слоя и участков археологических исследований.
Выполнена А. Ю. Чирковым (ООО «НИАБ «Артефакт»)

Приложение

Список археологических памятников центральной части г. Арзамас и близлежащих участков археологических исследований на карте-схеме (ил. 1).

ИССЛЕДОВАНИЯ г. АРЗАМАС

1. Исследования Фомина А.В. и Мартьянова В.Н. (три слоя деревянных мостовых (настилов) и угол деревянного сруба).
2. Исследования Фомина А.В. (остатки нескольких слоев деревянных мостовых).
3. Предположительно на огородах д. 20 и д.22 по ул. Урицкого в районе современной пригородной автостанции. Местонахождение «пуло» времен царя Михаила Федоровича.
- 4\1993. Район двора Соборная пл., д. 12. у пожарного депо. Местонахождение керамики XVII-XIX вв.
- 5\1993. Исследования Мартьянова В.Н. в 1993.
- 6\1993. Ул. Верхняя Набережная, район д. 8, д. 9. Местонахождение керамики XVI-XVII вв.
- 7\1999. Исследования В. Н. Мартьянова в 1999 г.
- 8\1999. Исследования В. Н. Мартьянова в 1999 г.
- 9\2001. Исследования В. Н. Мартьянова в 2001 г.
- 10\2001. Исследования В. Н. Мартьянова в 2001 г.
- 11\2003. Исследования В. Н. Мартьянова в 2003 г.
- 12\2003. Исследования В. Н. Мартьянова в 2003 г.
- 13\2003. Исследования В. Н. Мартьянова в 2003 г.
- 14\2003. Исследования В. Н. Мартьянова в 2003 г.
- 15\2003. Исследования В. Н. Мартьянова в 2003 г.
- 16\2003. Исследования В. Н. Мартьянова в 2003 г.
- 17\2004. Исследования В. Н. Мартьянова в 2004 г.
- 18\2004. Исследования В. Н. Мартьянова в 2004 г.
- 19\2005. Исследования В. Н. Мартьянова в 2005 г.
- 20\2005. Исследования В. Н. Мартьянова в 2005 г.
- 21\2005. Исследования В. Н. Мартьянова в 2005 г.
- 22\2006. Исследования В. Н. Мартьянова в 2006 г.
- 23\2006. Исследования В. Н. Мартьянова в 2006 г.
- 24\2006. Исследования В. Н. Мартьянова в 2006 г.
- 25\2006. Исследования В. Н. Мартьянова в 2006 г.
- 26\2007. Исследования В. Н. Мартьянова в 2007 г.
- 27\2007. Исследования В. Н. Мартьянова в 2007 г.
- 28\2007. Исследования В. Н. Мартьянова в 2007 г.
- 29\2007. Исследования В. Н. Мартьянова в 2007 г.
- 30\2010. Исследования В. В. Бейлекчи в 2010 г.
- 31\2011. Исследования В. В. Бейлекчи в 2011 г.
- 32\2011. Исследования В. В. Бейлекчи в 2011 г.
- 33\2011. Исследования В. В. Бейлекчи в 2011 г.
- 34\2012. Исследования В. В. Бейлекчи в 2012 г.
- 35\2012. Исследования В. В. Бейлекчи в 2012 г.
- 36\2012. Исследования В. В. Бейлекчи в 2012 г.
- 37\2013. Исследования В. В. Бейлекчи в 2013 г.
- 38\2014. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2014 г.
- 39\2014. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2014 г.
- 40\2014. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2014 г.
- 41\2015. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2015 г.
- 42\2015. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2015 г.
- 43\2015. Исследования А. П. Мичурина в 2015 г.
- 44\2017. Исследования Е. В. Бакулина в 2017 г.
- 45\2018. Исследования В. В. Бейлекчи в 2018 г.
- 46\2019. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2019 г.
- 47\2019. Исследования Вал. В. Бейлекчи в 2019 г.

В 2012 г. В. В. Бейлекчи производил археологические работы в центральной части города, на участке по ул. К. Маркса, 37. Территория обследованного участка в период существования Арзамасской крепости, судя по отсутствию характерных признаков городского культурного слоя, оставалась за пределами кварталов города и входила в зону хозяйственного освоения, которая характеризуется наличием в погребенной почве единичных фрагментов краснолощеной керамической посуды XV–XVII вв., внесенной в грунт вместе с удобрениями. Не ранее XVIII в. на обследованном участке впервые появляются следы строительной и бытовой деятельности (Бейлекчи, 2012. С. 82–113).

В 2015 г. Вал. В. Бейлекчи проводил археологические раскопки на участке по ул. Свободы, д. 12, площадью 288 м², история освоения которого представляется следующим образом. На территории обследованного участка до начала периода хозяйственного освоения произрастал хвойный лес, о чем свидетельствуют очень слабые следы лесного подзола в верхней части материка – слое стерильной светлой супеси в южной оконечности участка 3 раскопа. Данная территория в ранний период существования Арзамасской крепости (2-я половина XVI – XVII вв.) оставалась за пределами города, а строительство жилых и хозяйственных построек, обработка земли на данной территории начались только в первой половине XVIII в. (Бейлекчи, 2015. С. 156).

В 2015 г. А. П. Мичуриным на участке по ул. Кирова, д. 26 были заложены 5 шурфов общей площадью 20 м². Во всех шурфах зафиксирована одинаковая стратиграфическая ситуация: на поверхности материка – красной глины – залегал слой техногенной переотложенной темно-серой супеси, насыщенной строительным мусором XX в., мощностью 1,18–1,43 м, в котором никакие «находки исторического характера» не обнаружены. Утверждение о полном отсутствии археологических находок в залегающем на материке техногенном слое вызывает серьезное недоверие, так как при исследованиях 2011 г., проведенных Бейлекчи В. В. на непосредственно прилегающем участке территории предприятия «Темп-Авиа», из 4 шурфов были получены: 1 индивидуальная находка из меди, 26 фрагментов изделий из фарфора и фаянса, 10 фрагментов изделий из стекла, 6 фрагментов изразцов из глины, 654 фрагмента керамических сосудов. В данном случае обоснованно мнение о методической недостаточности материалов исследований 2015 г. и ограниченной возможности их использования.

В 2017 г. сотрудниками ООО «НиАрЭк» была проведена разведка на участке по ул. Кирова, д. 34, заложены 3 шурфа общей площадью 8 м². В шурфе 2 в слое 5 были обнаружены материалы XVIII в. и переотложенные фрагменты лепных сосудов, на дне шурфа выявлена яма с археологическим материалом. Обнаруженный керамический материал отнесен к древнемордовской культуре, датирован I тыс. н.э. В результате шурфовки установлено, что участок застройки входит в границы территории выявленного древнемордовского поселения, культурный слой которого был переработан в ходе городского хозяйственного освоения XVIII–XIX вв. (Зеленцова, 2017. С. 10).

В 2019 г. Вал. В. Бейлекчи проводил охранные археологические наблюдения и раскопки на участке по ул. Свободы, д. 12 Г. Работы производились в пределах двух проектируемых котлованов, на общей площади 1664,5 м².

Освоение данного участка началось не ранее XVII в., когда на участке был сокрыт клад из 42 серебряных монет XVI–XVII вв., позже рассеянный перекопкой. В последующий длительный период вплоть до 1-й половины XX в. исследованный участок, видимо, представлял собой приусадебную территорию, на которой происходила обработка почвы, были откопаны

215 углубленных объектов, представлявших собой столбовые и хозяйственные ямы, канавки от оград, садово-огородные углубления, впущенных в слой первоначального лесного подзола, покрывавшего материк. Многочисленный массовый керамический материал – фрагменты керамической посуды периодов Позднего Средневековья и Нового времени.

Также в 2019 г. Вал. В. Бейлекчи проводил спасательные археологические наблюдения и раскопки на участке территории завода «ТЕМП-АВИА» по ул. Кирова, 26. В результате проведенных работ также было установлено нахождение в пределах исторической части Арзамаса культурных напластований, содержащих предметы древнемордовской культуры.

Подводя итог, отметим, что город Арзамас, несмотря на древнюю историю и статус исторического поселения федерального значения, в археологическом плане остается недостаточно изученным. Во-первых, мала доля исследований, проведенных методом раскопок на относительно больших площадях. Основная часть полученных материалов происходит из разведочных шурфов и позволяет судить о насыщении культурных напластований весьма условно. Во-вторых, в проводимых археологических работах отсутствует системность, они реализуются в основном как разделы строительных и архитектурных проектов, и зависят не от научного интереса исследователя, а от конъюнктуры договорных отношений с заказчиком. В силу этого создание более или менее целостной картины археологического прошлого территории современного Арзамаса еще очень проблематично.

В то же время есть и положительные моменты. Общий объем археологических работ, проводимых в г. Арзамасе, по сравнению с последним десятилетием XX в. значительно увеличился. Разведочные работы позволили определить, что наиболее перспективными в плане исследований культурного слоя являются городские кварталы, отнесенные к охранной зоне «А», а также отдельные территории, прилегающие к известным по письменным средневековым источникам объектам, например Алексеевскому женскому монастырю (основан в 1634 г.). Кварталы, входящие в охранную зону «Б», стали осваиваться в хозяйственном отношении не ранее XIX – начала XX вв.

Список источников и литературы

Бейлекчи В. В. Отчет о проведении археологических разведок в г. Арзамас Нижегородской области на участках строительства по ул. Кирова, д. 26 и ул. Мучной Ряд, д. 4, расположенных в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-І. 171 л.

Бейлекчи В. В. Отчет о проведении археологических наблюдений на территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Муром, X–XIX вв.» в г. Муроме Владимирской области на участках строительства по пер. Комсомольский, д. 4а и по пер. Июльский, д. 1а, на территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» в г. Арзамасе Нижегородской области на участке строительства по ул. Национальный порядок, район д. 8Б в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-ІІ. 168 л.

Бейлекчи В. В. Отчет о проведении археологических разведок на участках проектирования и строительства объекта ВОЛС «Большое Мурашкино – Арзамас» в Арзамасском, Большемурашкинском, Бутурлинском, Вадском, Перевозском муниципальных районах и в МО Арзамас Нижегородской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-І. 158 л.

Бейлекчи Вал. В. Отчет о проведении археологических раскопок на участке строительства в г. Арзамасе Нижегородской области по ул. Свободы, д. 12 в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-І. 186 л.

Зеленцова О. В. Акт Государственной историко-культурной экспертизы раздела об обеспечении сохранности объекта археологического наследия федерального значения «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» в границах земельного участка КН 52:40:0301003:21, предназначенного под строительство объекта «Многоквартирный жилой дом по адресу: Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Кирова, д. 34». Москва, 2017 г.

Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961. 108 с.

Мартьянов В.Н. Отчет об археологических исследованиях в г. Арзамасе в 1993 г. // Архив ИА РАН. № 18461.

Мартьянов В. Н. Отчет об археологических наблюдениях на строящихся объектах в г. Арзамасе Нижегородской области в 2003 г. // Архив ИА РАН.

Мартьянов В. Н. Отчет об археологических наблюдениях на строящихся объектах в г. Арзамасе и Арзамасском районе Нижегородской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Мартьянов В. Н. Отчет об обследовании земельных отводов на территории г. Арзамаса и Арзамасского района Нижегородской области в 2005 г. // Архив ИА РАН.

Мартьянов В. Н. Отчет об обследовании земельных отводов на территории г. Арзамаса Нижегородской области в 2006 г. // Архив ИА РАН.

Мартьянов В. Н. Отчет об обследовании земельных отводов в охранных зонах «А» и «Б» г. Арзамаса Нижегородской области в 2007 г. // Архив ИА РАН.

Постановление Законодательного собрания Нижегородской области от 3 сентября 1996 г. № 179 «Об объявлении находящихся на территории г. Арзамаса объектов, имеющих историческую, научную и культурную ценность, памятниками истории и культуры областного значения и установлении границ зон охраны г. Арзамаса, режимов их содержания и использования».

Черников В. Ф. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Тешы от г. Лукоянова до с. Водоватова Горьковского историко-архитектурного музея заповедника в 1962 г. // Архив ИА РАН. № 2520.

А. В. Баунов,
археолог, сотрудник ООО «НИАБ «Артефакт»
bazunow.alexander@yandex.ru

Вал. В. Бейлекчи,
археолог, зам. директора ООО «НИАБ «Артефакт»
benny1987@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019–2020 ГОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАВОДА «ТЕМП-АВИА» В г. АРЗАМАСЕ

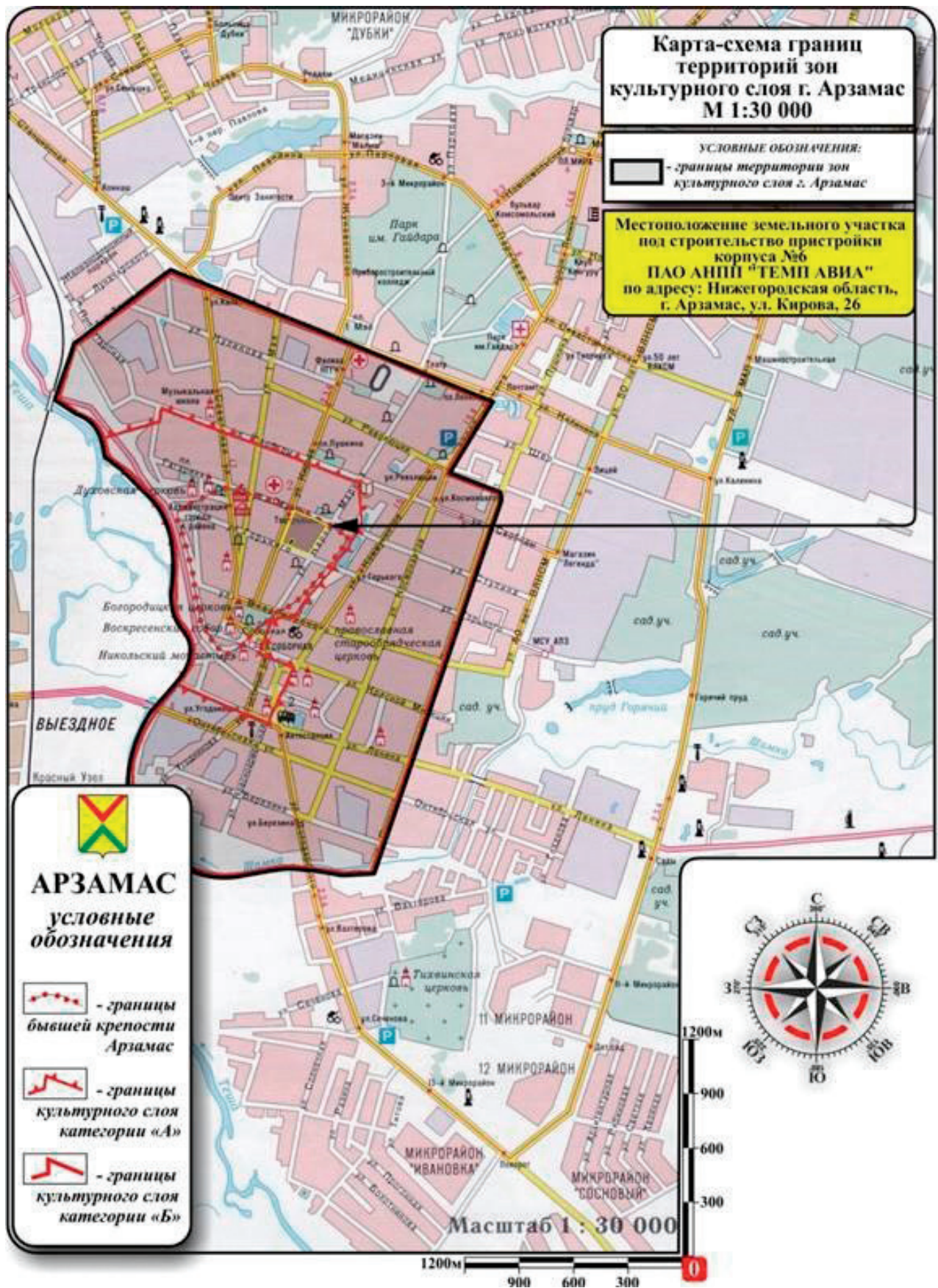
В ноябре 2019 – январе 2020 г. экспедиция ООО «НИАБ «Артефакт» по открытому листу Вал. В. Бейлекчи проводила охранные археологические наблюдения и раскопки в г. Арзамасе на территории завода «ТЕМП-АВИА», возле главной проходной (Бейлекчи, 2020). Участок исследований располагался в центрально-северном секторе исторического центра современного города, на плато правобережного местного водораздела р. Тешы, на расстоянии около 0,49 км к северо-востоку от современного русла реки, в городском квартале напротив дома А. Гайдара, по адресу: Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Кирова, д. 26. Участок входил в границы территории ОАН «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.», находился в северо-восточной части бывшей Арзамасской крепости 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVIII в. (ил. 1).

За последнее десятилетие в непосредственной близости от участка, в том числе на территории завода, проводилось несколько археологических работ. В 2011 г. северо-восточнее участка исследований, на площадке проектируемого корпуса № 16, В. В. Бейлекчи были заложены 4 шурфа общей площадью 16 м² и обследованы профили 2 котлованов. В шурфах 3 и 4 был выявлен культурный слой (серо-коричневый рассыпчатый суглинок), мощностью 35–50 см; в шурфе 3 он залегал на погребенной почве (темно-сером рассыпчатым суглинке), мощностью 10–14 см. Во всех исследованных слоях переотложения шурфов, а также в сохранившемся малыми участками культурном слое присутствовало небольшое количество краснолощенной и красноглиняной тонкой керамики XV–XVII в. и чернолощенной керамики XVII в. В погребенной почве встречены единичные фрагменты керамической посуды XV–XVII в. В результате было установлено, что в пределах участка культурные отложения раннего периода функционирования Арзамасской крепости (XVI–XVII вв.) представлены единичными фрагментами керамики. Выделить слои данного периода было затруднительно из-за практически полного их переотложения земляными работами XX в.

В 2015 г. А. П. Мичурин на площадке проектируемого корпуса № 17 завода «ТЕМП-АВИА» (северо-восточнее шурфов 2011 г.) заложил 5 шурфов по 4 м², но ни в одном из них культурный слой и находки выявлены не были.

В 2017 г. ООО «Костромская археологическая экспедиция» к северо-северо-востоку от завода, на месте бывшего кинотеатра «Юбилейный», по адресу ул. Кирова, д. 34, в шурфах выявило переотложенные средневековые материалы, в частности лепную древнемордовскую керамику. Однако в раскопе, проведенном там позднее С. В. Долгополовым, находки фрагментов лепной посуды были единичны.

На площадке исследований 2019–2020 гг. между корпусами завода располагались мощная насыпная площадка с подпорной стенкой, конструкции (в том числе капитальные) и многочисленные коммуникации. Согласно данным геологов, мощность техногенного слоя составляла 0,4–4,8 м, под ним залегали верхнепермские отложения.



Ил. 1. Месторасположение раскопа на карте-схеме г. Арзамаса.

Площадь исследований составила 315 м². Раскоп был разделен на 3 разноразмерных участка с единой квадратной сеткой 2 × 2 м. Снятие насыпных мусорных грунтов проводилось в режиме наблюдений. Под мощным балластом, на глубине от 0,5 до 1,5 м, были выявлены 3 участка сохранившегося культурного слоя общей площадью около 80 м², в частности останец 10,1 м² в западной части участка 1, останец 12,8 м² на участке 2, и останец 58,5 м² на участке 3. Остальная часть культурного слоя на территории исследования была уничтожена за время строительства (с 1958 г.) и функционирования завода.

Стратиграфия участка была относительно простой (ил. 2). Под мощным балластом, формирование которого началось с 60-х гг. XX в., в зонах сохранившегося культурного слоя залегал серо-коричневый суглинок с включениями крошки белого мергеля, угля и кирпичного боя, обозначенный как *слой 1*, мощностью 20–40 см. Он был датирован сер. XX в., содержал переотложенные археологические материалы. Под ним находился темно-серый гумусированный суглинок, местами с вкраплениями угольков и примесью серой супеси – *слой 2*, мощностью 15–25 см, хронологически отнесенный к XVIII–XIX в., также содержащий небольшое количество переотложенных материалов времени функционирования крепости (2-й пол. XVI – нач. XVIII в.). Ниже, на материке залегал *слой 3*, представленный серой и коричневато-серой супесью с угольками, мощностью 10–20 см (местами до 30 см), отнесенный к древнемордовскому селищу XI – 1-й пол. XIII в. Местами под ним сохранился стерильный лесной подзол, плавно переходящий в белесую супесь (предматерик), покрывающий верхнепермские отложения. Слой 3 перекрывал заполнение слабоуглубленного объекта, двух углубленных объектов и столбовых ям. Заполнение объектов преимущественно состояло из супесей с угольками (*слой 4*), они относились к раннему этапу существования селища. К самому позднему этапу отнесена яма 42, впущенная с поверхности слоя 3 и вероятно имеющая хозяйственное назначение.

Всего в раскопе было выделено 3 горизонта и 5 строительных периодов (без учета балласта и слоев перекопа). Следует сказать, что перекопы в основном были засыпаны песком или строительным мусором, а не откопанным грунтом и переотложенных материалов в них почти не было. Среди находок из перекопа предметы сер. XX в. – фарфоровый чайник и крышка от немецкой фляги образца 1938 г.

Горизонт 3 соотносился с пятым строительным периодом и слоем 1, датирован началом – серединой XX в. (до постройки завода). Слой 1 хорошо датирован советскими монетами, гильзой, значком «ВЛКСМ» и посудными клеймами. Из наиболее интересных находок середины XX в. – две ангидритовые статуэтки животных (зайца и собаки), вероятно изготовленные на Борнуковской камнерезной фабрике (Бутурлинский район Нижегородской обл.). Из находок рубежа XIX–XX вв. – фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды с клеймами, в основном заводов товарищества М. С. Кузнецова, и днище стеклянной бутылки из-под минеральной воды. К данному горизонту также отнесены две столбовые ямы, хозяйственная яма 41 и подвал или погреб (яма 8), датированные рубежом XIX–XX в. и впущенные с поверхности слоя 2. В заполнении ямы 8 найдены керамическое рыболовное грузило и фрагмент конской подковы. Яма 41 имела деревянную опалубку, была заполнена разнообразным мусором. Среди массового материала из нее преобладают красноглиняная с прозрачной поливой керамика, фарфор и фаянс, стеклянные аптекарские бутылки. Многочисленные находки хорошо датируют яму, среди них детали керосиновых ламп (в том числе немецкой), бусины и бисер, каменные рукояти столовых приборов, пряжка с клеймом и т.д.

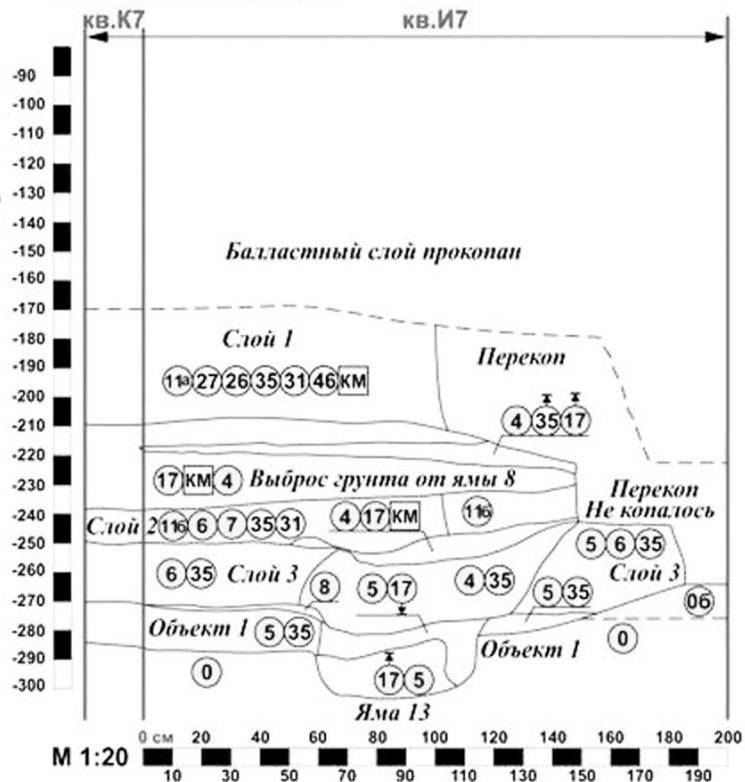
Участок 2. ЮЮЗ профиль

- ④ коричнево-серая супесь
- ⑤ темно-серая супесь
- ⑥ серая супесь
- ⑦ светло-серая супесь
- ⑪а серо-коричневый суглинок
- ⑪б темно-серый суглинок
- ⑰ красная глина
- ⑰ мало: \times много: \otimes
- ⑳ битый кирпич
- ㉓ кирпичная крошка
- ㉔ древесный щебень
- ㉕ древесный уголь, зола
- ④① бетон
- ④⑥ строительный и бытовой мусор
- ① материк
- 111 номера квадратов
- КМ крошка мерзля



- ④ коричнево-серая супесь
- ⑤ темно-серая супесь
- ⑥ серая супесь
- ⑦ светло-серая супесь
- ⑧ белесая супесь
- ⑪а серо-коричневый суглинок
- ⑪б темно-серый суглинок
- ⑰ красная глина
- ① материк
- ①⑥ белесая супесь (предматерик)
- ⑰ мало: \times много: \otimes
- ⑳ битый кирпич
- ㉓ кирпичная крошка
- ㉔ древесный щебень
- ㉕ древесный уголь, зола
- ④⑥ строительный и бытовой мусор
- 111 номера квадратов
- КМ крошка мерзля

Участок 2. ЗСЗ профиль



Ил. 2. Стратиграфия раскопа на участке сохранившегося культурного слоя.

Горизонт 2 соотносился со слоем 2 и делился на два строительных периода – 3 и 4. Последний начался в XVIII в. и продолжался вплоть до начала XX в. В этот период происходит разрушение крепости, утратившей свое стратегическое назначение, т.к. город перестал быть пограничным. В это время исследованный участок представлял собой территорию, на которой велась непрерывная хозяйственная деятельность. Раскопками были открыты разновременные углубленные объекты: канавки и столб от наземного строения XIX в.; 16 столбовых ям XVIII–XIX в.; погреб XVIII–XIX вв. (Яма 46); яма неопределенной функциональной принадлежности XVIII–XIX в.; 5 столбовых ям XIX в.; 2 хозяйственные ямы XIX в.; яма XIX в. Вероятно, еще со времени функционирования крепости жители занимались придомовым (огородным) хозяйством, о чем свидетельствует перекопанный слой 3 и следы тычков лопат на его поверхности в северо-восточной части раскопа. Слой 2 содержал большое количество органики, также позволяющей говорить об активной хозяйственной деятельности. Достаточно много переотложенных находок этого периода было обнаружено в слое 1: XVII–XIX в. датированы пушечная картечь, перстень из цветного металла со стеклянной вставкой, фрагмент долота; 1735 г. – медная «полушка»; XVIII–XIX вв. – ажурное украшение из цветного металла со стеклянной вставкой, возможно пуговица (Сотников, Шпилев, 2011. С. 251. Рис. 4); 1-й половиной XIX в. – медная «копейка» времен Александра I; концом XIX в. – фрагменты фарфоровой посуды с клеймами и фрагмент стеклянного сосуда с надписями; XIX в. – фрагмент расписной антропоморфной фарфоровой фигурки. В заполнение погреба XVIII–XIX в. (ямы 46) обнаружены фрагменты рогового гребня и полихромного изразца с рельефным изображением грифона. В слое 2 обнаружены обломки украшений XVIII–XIX вв., обувных и конских подков, ювелирный или кузнечный инструмент XVII–XIX вв. Следует отметить, что в слое рассматриваемого периода отсутствовали керамические курительные трубки, найдено небольшое количество штофного и бутылочного стекла, помадных банок, характерных для городских слоев. В то же время было обнаружено много фаянсовой и фарфоровой посуды. Вероятно, территория раскопа использовалась под индивидуальную застройку и была удалена от общественных мест.

Третий строительный период (2-я половина XVI–XVII в.) связан с деревянной русской крепостью Арзамас, со временем существования которой связаны редкие переотложенные находки и керамика XVI–XVII вв. из слоя 2 и некоторых ям. Находки представлены бракованной заготовкой пули с литником (Группа 1, вариант 1А по классификации О. В. Двуреченского) (Двуреченский, 2007. С. 67. Рис. 13) две серебряные «копейки» (одна времени правления Михаила Федоровича, 1613–1645 гг., другая начала XVII в. – начала XVIII в.), также в слое был обнаружен целый дровяной браслет из цветного металла прямоугольного с округлыми углами сечения с прямыми слегка суживающимися концами, имеющий широкую датировку (Седова, 1981. С. 94). Отсутствие слоев и ям начального этапа русского заселения территории объясняется прежде всего малой площадью сохранившегося культурного слоя. Возможно, в то время на месте раскопа был пустырь или земли использовали для сельского хозяйства. Также слои могли быть уничтожены хозяйственной деятельностью XVIII–XIX вв. или сnivelированы в ходе регулярной перепланировки города после пожара 1796 г.

Самый ранний горизонт (№ 1) являлся слоем древнемордовского селища XI – 1-й пол. XIII в. Он делился на два строительных периода – 1 и 2. Более поздний период 2 соотносился со слоем 3 (серая и коричневатая-серая супесь с вкраплениями угольков) и заполнением ямы 42, впущенной с поверхности последнего. К самому раннему периоду относилось заполнение перекрытых слоем 3 объектов и ям (слой 4). Рассматривая вещевую коллекцию, надо отме-

туть, что на небольшой площади было найдено десять индивидуальных находок домонгольского времени и пять с датировкой, оканчивающейся XIV–XV в. Основная часть артефактов находилась в слое 2 в переотложенном состоянии, причем в основном на участках, где средневековый слой был перекопан огородами вышеописанных строительных периодов. Из предметов X–XIV вв. найдены три фрагмента ножа (один с долем) и фрагмент черешкового наконечника стрелы, близкого к типу А11 по классификации К. А. Руденко (2003. С. 78. Табл. 41; табл. VII: 111) (ил. 3, 1), аналогии которому имеются на памятниках Волжской Булгарии, в древнеудмуртских могильниках, на Золотаревском городище. В слое 1 было найдено керамическое пряслице, по форме подражавшее шиферным пряслицам (ил. 3, 2), широко распространенным и часто встречающимся в слоях 2-й пол. X–XIII в.

В слое 2 обнаружено семь находок домонгольского времени: фрагмент стеклянной биграпеоидной зеленой бусины XI–XII в. (Щапова, 1956. С. 170) (ил. 3, 3); две соединенных вместе сюльгамы из цветного металла с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей X–XI в. – тип 1А6а по классификации В. И. Вихляева (2008. С. 47–48) (ил. 3, 4); разогнутая дужка сюльгамы с завернутыми концами X – середины XIII в. – тип 1А1а по классификации В. И. Вихляева (2008. С. 43; Седова, 1981. С. 86) (ил. 3, 5); фрагмент дротового «змееголового» браслета из цветного металла XI–XIII в. (Седова, 1981. С. 112. Рис. 42.22) (ил. 3, 6); поясная накладка из цветного металла (ил. 3, 7), подобные которой имели широкий ареал распространения от Волжской Булгарии до Бирки и Дунайской Болгарии в X–XIII в., но точные по орнаменту аналогии не встречены (Археология..., 2008. С. 89); черешковый наконечник стрелы с упором конца X–XIII в., тип А3 по классификации К. А. Руденко (2003. С. 77, 287. Табл. 41; табл. III; 46–48) (ил. 3, 8); игральная фишка из стенки красно-коричневого кругового сосуда с лощением (подражание болгарской керамике) XI–XIII в. (ил. 3, 9).

К самому позднему этапу существования древнемордовского селища относилась яма 42, вероятно хозяйственная, в заполнении которой был обнаружен фрагмент «змееголового» браслета XI–XIII в. (Седова, 1981. С. 112. Рис. 42.22) (ил. 3, 10), 28 фрагментов лепной керамики, среди которой незначительно преобладала с заглаженной поверхностью, 1 фрагмент венчика с орнаментом в виде многорядных зигзагов, нанесенных штампом, предположительно отнесенный к эпохе бронзы, а также печина, кости животных и шлак. Единственный фрагмент круговой посуды представлен венчиком миски или мисковидного кругового красно-коричневого сосуда с лощением (подражание болгарской керамике) XI–XIII вв.

Слой 3 сохранился на останках участков 1 и 2, в центре и локальных ложбинах участка 3, в остальной части он был переработан огородами или был уничтожен поздними ямами. За время функционирования селища сформировался культурный слой мощностью около 20 см, местами до 30 см. В слое обнаружены три находки, из которых датирующей был свинцовый грузик (пломба или гирька) X–XIII в. (ил. 3, 11) – характерный предмет для территории Волжской Булгарии и Древней Руси (Культура Биляра, 1985. С. 109–110). Две другие находки – железная малая рамчатая пряжка и кремь со сколами (вероятно, кресальный), которые могли использоваться на протяжении длительного времени. Керамический комплекс слоя насчитывал 196 фрагментов и почти полностью состоял из лепной керамики, половина из которой имела заглаженную поверхность, половина – шероховатую; 3,5% от общего количества составляла красно-коричневая круговая с лощением керамика (подражание болгарской), были и единичные фрагменты круговой керамической посуды из красной и белой глин, в том числе с линейным и волнистым орнаментами, имеющие пропорции, характерные для



Ил. 3. Вещевой комплекс древнемордовского селища.

- 1 – фрагмент наконечника железной стрелы; 2 – пряслице керамическое;
 3 – фрагмент бусины стеклянной; 4 – две соединённые сюльгамы из цветного металла;
 5 – дужка сюльгамы из цветного металла; 6 – фрагмент браслета из цветного металла;
 7 – накладка поясная из цветного металла; 8 – наконечник железной стрелы;
 9 – игральная фишка из стенки керамического сосуда;
 10 – фрагмент браслета из цветного металла; 11 – грузик, пломба или гирька из свинца.

древнерусской посуды XII–XIII в. Также в слое 3 были найдены кованый гвоздь, 4 фрагмента печины и 23 кости животных.

К самым ранним комплексам, выявленным в раскопе, отнесены слабоуглубленный объект, 2 углубленных объекта, 6 столбовых ям (некоторые конструктивно связаны с объектами) и 3 ямы с неопределенной функциональной принадлежностью.

Объект 1 являлся слабоуглубленной постройкой неясного назначения. Он находился на останце участка 2, в плане представлял собой крупное подпрямоугольное с закругленными углами скопление пятен, размерами $1,8 \times 2$ м, уходившее в западный профиль участка и под северо-восточный угол забора; стенки объекта были ориентированы по линиям С-Ю и З-В. У северо-восточного угла (частью на поверхности объекта, частью на материке) был расчищен развал донной части лепного горшка с заглаженной поверхностью. У восточной стенки объекта находилась столбовая яма, вероятно конструктивно с ним связанная. В разрезах, зафиксированных на профилях участка, объект имел однородное заполнение (ил. 2). Пологие стенки объекта плавно переходили в уплощенное дно, незначительно понижающееся к центру, глубина объекта от уровня поверхности материка составляла 25 см; на уровне дна объект приобрел более выраженную четырехугольную форму. Керамический комплекс объекта состоял из 73 фрагментов лепной керамики, половина из которой имела заглаженную поверхность, также в заполнении были найдены 3 фрагмента печины и 17 костей животных.

Объект 2 являлся, вероятно, подпольной частью наземного строения. Находился в северной части участка 3, в плане имел вид вытянутого в направлении восток-юго-восток – запад-северо-запад подтрапещевидного котлована, длиной 1,85 м и шириной 0,77–1,13 м, с северо-северо-востока объект уходил в борт раскопа, с запада-северо-запада и востока-юго-востока был перебит современными перекопами. Юго-восточная часть также была перекрыта техногенными напластованиями. Заполнение объекта было однослойным. На дне в северо-западном углу объекта было зафиксировано вытянутое вдоль борта раскопа материковое возвышение размерами $0,21 \times 0,67$ м, имевшее плавный уклон в восточном направлении; в южной части объекта имелась круглая столбовая яма, диаметром 14 см и глубиной 6 см. Керамический комплекс состоял из 10 фрагментов лепной керамики, 9 из которых имели заглаженную поверхность, кроме того было найдено 8 костей животных.

Объект 4 также, вероятно, являвшийся подпольной частью наземного строения, находился в южной части участка 3, в плане имел вид ориентированного по линии северо-восток – юго-запад подпрямоугольного, со срезанным восточным углом, скоплением пятен, длиной 2,2 м и шириной 1,4 м; с юга-юго-запада уходил в борт раскопа, с востока и юго-востока был прорезан современными перекопами. Возле западного угла объекта находилась столбовая яма, конструктивно с ним связанная и являвшаяся его угловым столбом. Заполнение объекта состояло из коричневато-серой супеси с включениями печины, древесного угля и крошки кальцинированных костей, в которой выделялись линзовидные горизонтально вытянутые прослойки красной материковой глины. Материковое дно было ровным и плоским, глубина объекта составляла 0,5 м; на дне, у середины материковой северо-западной стенки, было зафиксировано круглое углубление, диаметром 62 см и глубиной 12 см, обозначенное как объект 4-1. В придонном заполнении объекта были найдены три фрагмента деталей нижней части съемного цилиндрического замка неопределимого типа, паяного медью. Керамический материал из заполнения состоял из 79 фрагментов, из них 90% лепной керамики (среди которой 22,7% имели шероховатую поверхность, 65,8% заглаженную поверхность), 7,6%

красно-коричневой круговой керамики с лощением (подражание болгарской), 1,2% круговой грубой красноглиняной керамики и 1,2% ошлакованной керамики. Также в объекте были найдены 4 фрагмента печины, 7 костей животных и 4 кальцинированных кости.

В пределах участков 1 и 3 с сохранившимся культурным слоем на материковом подзоле и суглинистом материке были зафиксированы редкие неглубокие борозды от древней распашки, отнесенные к начальному этапу домонгольского древнемордовского селища.

Определить нижнюю хронологическую границу обнаруженного селища позволила совокупность индивидуальных находок и массового материала. На основании находки двух соединенных вместе скульгам с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей можно утверждать, что селище возникло не позднее XI в. В то же время наличие в слое, ямах и объектах данного периода красно-коричневой круговой керамики с лощением (подражание болгарской), известной по материалам городищ Верхнего Посурья и Примокшанья, которые существовали с XI в. до 1-й половины XIII в. (Золотаревское, Юловское) (Полесских, 1978. С. 243–244. Рис. 2: 2–4; Белорыбкин, 2001. С. 101, 185. Рис. 63, 65; Иконников, 2009. С. 15–16, 19–20), позволяет датировать селище не ранее XI в. Верхняя хронологическая граница селища также определяется как индивидуальными находками, так и красно-коричневой круговой керамикой, исчезающей с приходом монголо-татар. В материальной культуре селища прослеживаются тесные связи с Волжской Булгарией. В целом вещевой комплекс обнаруженного слоя древнемордовского селища не содержал редких и необычных предметов.

Всего в раскопе было обнаружено 3675 фрагментов керамики, из них 741 фрагмент относится к средневековому керамическому комплексу. Средневековый керамический материал состоял преимущественно из лепной керамики (87% от общего количества), из которой большая часть имела заглаженную поверхность (59% от общего количества лепной), меньшая шероховатую поверхность (39,5% от общего количества лепной), незначительная часть имела лощеную поверхность (0,7% от общего количества лепной). Помимо лепной керамики встречена красно-коричневая круговая с лощением (подражание болгарской) (8,9% общего количества) и круговая грубая керамика – 28 фрагментов из красной глины и 2 фрагмента из белой) (4% от общего количества), в том числе с линейным и волнистым орнаментом, имеющие пропорции, характерные для древнерусской посуды XII–XIII вв. Наличие последней может свидетельствовать о контактах с русским населением. Следует заметить, что схожий керамический комплекс встречен при раскопках Саровского городища, расположенного в 60 км к юго-западу от участка исследований (Грибов, 1996. С. 1–16).

В завершение хочется отметить, что позднесредневековая русская крепость не имеет преемственности с выявленным средневековым селищем, т.к. их разделяет большой хронологический отрезок.

Список источников и литературы

Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология / ред. С.Д. Захаров, отв. ред. Н. А Макаров. М.: Наука, 2008. 365 с.

Бейлекчи Вал. В. Проведение археологических наблюдений и раскопок на территории объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI–XVIII вв.» в г. Арзамасе Нижегородской области по адресу: ул. Кирова, д. 26 в 2019–2020 годах // Архив ИА РАН, 2020.

- Белорыбкин Г. Н.* Золотаревское поселение. СПб.–Пенза: Издательство ПГПУ, 2001. 191 с.
- Вихляев В. И.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В. И. Вихляев, А. А. Беговаткин, О. В. Зеленцова, В. Н. Шитов. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2008. 352 с.
- Грибов Н. Н.* Саровское городище (по материалам археологических раскопок 1993–1995 гг.). Саров: ЭМЗ «Авангард», 1996. 16 с.
- Двуреченский О. В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 3. М.: Институт археологии РАН, Министерство культуры Правительства Московской области, 2007. 392 с.
- Иконников Д. С.* Материальная культура Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.
- Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. Ред. А. Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 215 с.
- Полесских М. Р.* Находки на Юловском городище XI–XIII вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 242–247.
- Руденко К. А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии (исследование и каталог). Казань: Заман, 2003. 512 с.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сотников А. В., Шпилев А. Г.* Украшения и металлические детали костюма XVII–XIX вв. из Курской области // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2011 г. / Под ред. И.Г. Бурцева. Тула, 2011. С. 242–259.
- Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Том I. Материалы и исследования по археологии СССР. № 55 / Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 165–179.

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ КАК КЛЮЧ К ИСТОРИИ МОРДВЫ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В данной статье мы остановимся на вопросах локализации Пургасовой и Пурешской волостей мордвы XIII в., а также затронем известные по фрагментарным сведениям русских летописей аспекты их политической истории.

В начале XIII века в борьбе за господство в Волжско-Окско-Сурском междуречье князья-Рюриковичи столкнулись с коренными обитателями этого региона – мордвой. Данное столкновение стало причиной того, что мордва, упоминания которой в XI–XII вв. в русских летописях единичны, в конце XII – XIII вв. стала упоминаться постоянно. Летописные упоминания о мордве как раз и связаны с боевыми действиями, кстати, не всегда успешными для русских князей. И несколько упоминаний по своей важности имеют для изучения прошлого мордвы Нижегородского региона исключительное значение.

«Того ж лета (1228), месяца сентября, Великий Князь посла на Мордву Василька Константиновича и своего мужа, Еремея Глебовича, воеводством с полком, и бывшим им за Новым Городом (Нижним Новгородом. – Авт.) на пределах Мордовских, послав Гюрги взврати их, не дасть им воевати, зане погодыя им не бысть: бяхуть бо дождове велми мнози день и ночь...

Того же месяца (января 1229 г.) 14 день, Великий Князь Гюрги и Ярослав и Константиновичи, Василько и Всеволод, идоша на Мордву, и Муромский Князь Гюрги Давидович, вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость пожегша, жита потравиша, и скот избиша, полон послаша назад, а Мордва вбегоша в лесы своя в тверди; а кто не вбегл, тех избиша наехавше Гюргеви Молодии в 24 день Генваря. То выдавше Молодии Ярославли и Василькови и Всеволодожи, утаившееся назаутрие ехаша в лес глубок; а Мордва давшее им путь, а сами лесом обидоша их около и избиша, а иных изымаша, бежаша в тверди: тех тамо избиша, и Князем нашим не бысть кого воевати; а Болгарский Князь пришел был на Пуреша, ротника Юргева, и слышав, оже Великий Князь Юрги с братьею жжег села Мордовская, и бежа прочь в ночи; а Юрги с братьею и со всеми полкы взвратишась в свояси добре здорови.

Месяца Апреля (1229 г.) придоша Мордва с Пургасом к Новугороду, и отбишася их Новгородци, и зажегше монастырь Святой Богородици и церковь, иже бе вне града, того же дни и отъехоша прочь, поймав свое избьенныя большия. Того же лета победи Пургаса Пурешев сын с Половци, и изби Мордву и всю Русь Пургасову, а Пургас едва в мале утече» (Лаврентьевская..., 1927. С. 312–313).

Вот эти короткие летописные сообщения могут служить тем «ключом», который позволит переосмыслить по-новому некоторые аспекты дорусской истории Нижегородского региона.

После того как в начале XIII века русские князья одержав ряд побед над булгарами, закрепились в месте слияния Волги и Оки, ими была предпринята военная операция против мордвы. Судя по приведенным выше летописным отрывкам, после не совсем удачного разведывательного летнего похода зимой было организовано полноценное вторжение, которое привело к затяжной войне с привлечением той и другой стороной союзников. О том, что это была самая настоящая война, говорит другой список летописи, где рассказ выделен заголовком «О войне на мордву», и где подчеркивается, что русские воины: «...села пожгоша, живущих же в волости Пургасове посекоша мечем нещадно, а прочих в плен поймаша и послаша восвояси...» (Никоновская..., 1965. С. 94–95).

Данные отрывки по своей информативности стоят для мордовского народа целой летописи. Потому, что сам факт того, что «полудикая» мордва на равных ведет боевые действия с хорошо подготовленной профессиональной ратью, применяя тактические хитрости и контратакуя противника, уже говорит о том, что у этой самой мордвы военная организация была на уровне ненамного меньшим, чем у нападавших.

То, с каким ожесточением ведутся боевые действия – вторгшиеся дружинники сжигают жита, захватывают пленных, избивают скот, а мордвыны, приступая к Нижнему Новгороду, разоряют предместья и сжигают монастырь, говорит о серьезном бескомпромиссном противостоянии с полным напряжением сил и средств. При этом Пургасу помогают болгары, а за русских сражаются половцы, чье участие, в конечном счете сыграет решающую роль в противостоянии. Упоминание «Болгарского князя» напавшего на русского союзника Пуреша, позволило историкам сделать вывод о том, что Пургас был вассалом Волжской Булгарии. Однако сообщения другого летописного свода – Троицкой летописи, дают возможность утверждать, что мордовские князья проводили независимую внешнюю политику. В летописи, после описания борьбы нижегородцев с Пургасом, следует сообщение о том, что в 6738 (1229) году: «Болгаре поклонишась великому князю Юргию и просиша мира, за 6 лет бывшую розмирью» (Приселков, 2002. С. 311). Мир болгарам был получен, и можно думать, что против мордвы как их вассалов боевые действия также были прекращены. Однако в 6740 (1231) году: «посла князь Юрья сына своего Всеволода на Мордву, а с ним Федор Ярославич и рязанстии князи и муромстии, и пожгоша села их и Мордвы побиша много» (Приселков, 2002. С. 311). Следовательно, мордва находилась еще в состоянии войны с русскими князьями.

Очень важно то, что летопись дает локализацию боевых действий с мордвой – Пургасову волость, что позволяет определить местоположение этого политического образования.

В XIX веке исследователь Нижегородчины П. И. Мельников-Печерский в своих трудах упоминал: «...Пургаса, жившего недалеко от нынешнего города Кадома, на правом берегу реки Мокши...» (Мельников, 1909. С. 417). Действительно возле села Старый Кадом, на границе современных Рязанской области и Мордовии стоит село Пургасово, а рядом с городом Кадом есть Пургасово урочище.

Во второй половине XX века археолог В. Н. Мартьянов, занимавшийся археологическими исследованиями Арзамасского района, допустил, что Пургасова волость располагалась на территории, границей которой на севере и востоке является река Теша, на юге реки Алатырь и Мокша, а на западе река Ока. В 1993 году он уточнил, что «локализуя «Пургасову Русь» в междуречье рек Теши и Мокши, где проживала мордва-эрзя, следует обращать внимание на соответствующий топонимический материал: с. Пургасово около г. Кадом на Рязанщине, с Пурдошки и Пургасово городище в Мордовии, Пургасово городище около с. Большой Макателем и «Пургасово прудище» в верховьях р. Иржа (левый приток Теши) в Нижегородской области» (Мартьянов, 1993. С. 37).

В. Н. Мартьянов, на основании топонимики и археологических данных поместил Пургасову волость в западную часть Волжско-Окско-Сурского региона. С ним согласился профессор Е. В. Кузнецов, добавивший, что «занимавшее западную часть современных южных районов Нижегородской области княжество Пургаса было первым государственным образованием в этом регионе (южно-нижегородском). Где-то на северо-востоке от него, правил другой мордовский правитель Пуреш» (Кузнецов, 2005. С. 98).

Уже в наше время исследователь Е. Парадеев, изучая писцовые книги XVI–XVII вв. перенес локализацию Пургасова городища, которое Мартьянов предполагал рядом с селом

Б. Макателем, в верховья речки Сатис (Парадеев, 2020). Он же опубликовал писцовую книгу В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг., в которой указано Пургасово прудище в деревне Сычесево (ныне село Ивановское Дивеевского района) (Парадеев, 2020).

В поисках местоположения Пургасовой волости топонимика может стать главным подспорьем исследователей. Но данные топонимики должны подтверждаться археологией и этнографией, иначе границы Пургасовых владений можно расширить до современных Кировской, Костромской, Ярославской, Тверской и Тульской областей, где согласно записей писцовых книг XVI–XVII вв. имелись села Пургасы, Пургасово, Пургасова, Пургосово и др. Дело в том, что в XVI–XVII вв. в среде русского дворянства существовал род дворян Пургасовых (Пургосовых), вероятно, ведший свое начало от Пургаса (Попов, 1948. С. 111). Очевидно, что в указанных местностях данные антропонимы образовались значительно позже, и принадлежали потомкам Пургаса на русской службе.

Опираясь на топонимику и археологические находки можно утверждать, что юго-западная часть Волжско-Окско-Сурского региона была территорией Пургасовой волости. Сам В. Н. Мартьянов говорил, что «в бассейне р. Теша встречаются практически все типы археологических памятников, известные в лесной зоне Восточной Европы стоянки, селища, городища эпохи раннего железа и мордовские «тверди», грунтовые и курганные могильники. Все они есть в Ардатовском, Дивеевском, Первомайском и Шатковском районах около сел Хохлово, Саконы, Стекосово, Надежино, Юрьевка, Кошелиха, Хозино, Верякуши, Ичалово, Корино, Понетаевка и Архангельское, в верховьях рек Акша и Иржа – левобережных притоках Тешы и в верховьях р. Сатис — правобережный приток р. Мокша... В черте г. Арзамаса городище, скорее всего, уничтожено во время строительных работ...» (Мартьянов, 2002. С. 3).

Пургасова волость – это территория между реками Теша и Мокша. Хотя мордварасселялась до самой Волги и Оки, доходила до Нижней Суры, и до Алатыря, владения Пургаса были в указанном регионе. Летописец не зря уточняет: «вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость», так как речь идет о конкретном политическом образовании. Здесь располагалась целая группа мордовских укреплений – «твердей»: Федоровское, Понетаевское, Саконское, Юрьевское (Ичаловское), Дивеевское, Хозинское городища и др. Всего обнаружено пока порядка десяти, площадью от 0,3 Га до 5 Га, и все они компактно расположены в междуречье Тешы и Мокши (Пургасова волость. 12.04.20).

На севере границы Пургасовой волости мы можем провести по реке Сереже. Как раз в западной оконечности Салавирского леса, на правом берегу Оки, топонимом, содержащим в себе корень *пург(к)*, является деревня Пурка, расположенная немного выше города Павлова. Это название служит топонимическим ориентиром, обозначающим северо-западные рубежи Пургасовой волости. Еще один топоним, упомянутый в летописях, также относит нас в междуречье Сережи и Тешы. У В. Н. Татищева сказано: «мордва с князем их Пургасом пришел к Новуграду Нижнему многим войском и стали приступать. Нижегородцы же, вышед из града, напали на них ночью и многих побили, а они зажгли монастырь св. Богородицы и ушли прочь. Пурешев же сын с половцы перенял их на пути, всех побил, а Пургас едва с малыми людьми ушел за реку Чар» (Татищев, 1774. С. 452–453).

Нет сомнения, что в основе трудов В. Н. Татищева лежит утраченная для современной науки летопись*, иначе зачем ему было вписывать в свое произведение никому неизвестное название крохотной речушки? Речка Чар, или Чара – это левый приток реки Сережи, а междуречье Тешы и Сережи это знаменитый Салавирский лес – восточный край Муромских лесов. Бой с Пурешем произошел в этом лесу, бывшем северной областью Пургасовых владений.

Ориентиром юго-западных и южных рубежей могут служить то самое село Пургасово Кадомского района Рязанской области, и Пургасово урочище непосредственно рядом с Кадомом. Вдобавок у Насонова есть указание, что в 60 км к востоку от Кадома, в XVII веке было известно «Пургасово городище» (Насонов, 2006. С. 187). На востоке ориентиром рубежей волости служит Пургасово прудище в верховьях реки Иржа.

Очерченный регион был когда-то Пургасовой волостью, в которую вторглись русские князья. Он включал в себя современные территории Навашинского, Выксунского, Вачского, Ардатовского, Кулебакского, части Арзамасского, Выксунского, Вознесенского, Дивеевского районов Нижегородской области, а также части Рязанской области и Республики Мордовии.

Данный район наиболее верно подходит для местоположения мордовского княжества, ведь это настоящая прародина мордовского эрзянского народа, один из центров его этногенеза. Здесь многие селения до сих пор носят мордовские названия: Туркуши, Серякуши, Миякуши, Ардатов, Размазлей, Чуварлейка, Леметь, Липелей, Новолей, Нуча, Мечасово, Кавлей и др. Сегодня этот регион полностью обрусел, ни в одной из деревень мы не встретим мордвина, но местные жители, особенно старшего поколения, еще помнят о мордовских предках.

Археология и топонимика могут указать и на центр Пургасовой волости. В дремучих лесах правобережья Мокши, на самой границе Нижегородской области и Мордовии находится городище совершенно другого статуса, нежели перечисленные выше. Это Саровское городище, которое по своим размерам соответствует настоящему средневековому городу.

Когда, в 70-х годах XX века В.Н. Мартыянов сделал обоснование, что южнее Теши располагалось средневековое княжество, его центр он указал в районе современного города Сарова. А в результате проводившихся в 1990 году, археологом Н. Н. Грибовым, раскопок на месте Саровского городища, были обнаружены останки огромного города XII–XIII веков, с целым ремесленным кварталом, где занимались металлургией и обработкой металлов. Здесь нашли предметы, связанные с болгарской, русской, и скандинавской культурами (Подурец, 2006. С. 13–14).

Неслучайно то, что большинство топонимов с основой *пургас* находятся недалеко от современного Сарова. В 17 километрах к юго-востоку от него расположен упомянутый выше археологический памятник Пургасово городище, а в 3 километрах на северо-запад находятся, также упомянутое выше, Пургасово прудище. К юго-востоку от Сарова есть село Пурдошки, около которого есть еще одно Пургасово городище. В верховьях реки Иржа находится еще одно Пургасово прудище (Степашкин, 2020). Также в трудах нижегородских ученых упоминается Пургасов вяз, росший в несуществующей ныне деревне Распутино, к востоку от Сарова (Кудряшова, 2009. С. 41). Вдобавок исследователи А. Инжутов, и упомянутый выше Е. Парадеев выдвинули остроумную версию о том, что именно останки крупного средневекового поселения на месте Сарова носили название Пургасова городища, трансформировавшееся по небрежности переписчиков в Борисово (Барсово) городище (Инжутов, Парадеев, 2021. С. 4–33). Все это позволяет считать Саровское городище центром Пургасовой волости.

Если западной границей Пургасовых владений следует признать Оку, то насколько далеко на восток заходили его земли можно только предполагать. Кое-какие выводы можно сделать на основании данных приведенных в летописи. Увы, там нет указаний, насколько углубились в своем походе суздальские и муромские князья, хотя и можно допустить, что достаточно далеко. Судя по тексту летописи, русские дружинники первым делом «скот избиша» и «жито пожегша», то есть пытались лишить противника продовольственной базы. Но дремучие леса междуречья Теши и Сережи, как и не менее дремучие леса левобережья Теши и правобережья Мокши произрастают на бедных песчаных почвах. Вряд ли мордвины использовали здешние

«угодья» под пашни. Скорее лес им служил как место промысла пушнины и меда диких пчел. А вот настоящие плодородные земли начинаются после современного Ардатова, и полосой идут в левобережье Тешы, смещаясь потом к югу. Именно здесь располагается настоящее хлебное «ополье», и именно сюда вышли княжеские дружинники в лихом набеге. Таким образом, можно заключить, что владения Пургаса на востоке выходили к Пьяне и Алатырю.

Определив местоположение владений Пургаса, обратимся к «мордвину» Пурешу – союзнику великого князя Владимирского и противнику Пургаса. Пуреш – это случай особый. Дело в том, что в летописи не указано, что Пуреш – князь мордвы. Пуреша «назначили» повелителем** мордвы-мокши, потому что его имя соответствует мокшанскому имени Пурес, и отсюда уже сделали вывод, что Пурес противостоял Пургасу как повелителю мордвы-эрзи (Гольстем, Горюнова, 1940. С. 42–48). Возможно, тут сыграл свою роль рассказ венгерского монаха Юлиана, писавшего о «царстве морданов», в котором было «два князя» (Аннинский, 1940. С. 85). Исследователи решили, что речь здесь идет о двух народах мордвы (морданов) – эрзе и мокше, то есть к средневековому тексту применили реалии современности. А уже на основании этого вывода построили гипотезу, что один из князей (не покорившийся татарам) и есть Пургас, так как мокша упомянута средневековыми авторами как союзник татар. Ничем не обоснованная догадка обросла подробностями, практически превратилась в аксиому, и многими подается уже как факт. Другие исследователи этот вывод подвергли сомнению, впрочем, с подачи сторонников «мокшанского» происхождения Пуреша, его владения, как правило, определяют к югу от Сатиса, в бассейне Мокши и Цны – в районе этногенеза народа мокша.

Однако неслучайно выше было озвучено мнение Е. Кузнецова о том, что владения Пуреша находились к северо-востоку от Пургасовых. В примечании к этому утверждению профессор допускает, что «мордва Пуреша была этническим предшественником будущей мордовской этногруппы – терюхане (Дальнеконстантиновский район)» (Кузнецов, 2005. С. 98, прим. 15). Если принять во внимание, что имя Пурес (Пуреско) зафиксировано в антропонимике мордвы-терюхан, то профессор прав – княжество Пуреша могло располагаться в землях терюшевской мордвы, а сам Пуреш мог быть лидером этого анклава мордовских племен Волго-Окско-Сурского междуречья.

В этой связи любопытно, что недалеко от упомянутой выше деревни Пурки, расположено озеро Пуреш (Пурешево) как возможная память о границе между владениями Пургаса и Пуреша, если Пуреш действительно был предводителем предков нижегородской мордвы.

Летопись говорит, что Пуреша атаковали болгары, и область расселения мордвы-терюхан, в данном случае, ближайшая к болгарским владениям. Тем более по некоторым данным известно, что на месте современного Лыскова стояла болгарская крепость Сундовит (Крепость Сундовит, 2020). В. Н. Татищев сообщал, что Пургас после неудачной осады Нижнего Новгорода подвергся нападению Пурешева сына и после поражения от него «ушел за речку Чар». Можно допустить, что от устья Оки войско Пургаса возвращалось в направлении современного Арзамаса. И где-то здесь Пургас был атакован Пурешевым сыном «с половцы». Самый очевидный плацдарм, откуда могло быть произведено такое нападение – это земли современного Дальнеконстантиновского района Нижегородской области – исконные земли мордвы-терюхан.

Повторимся, что княжество Пуреша могло быть княжеством мордвы-терюхан. В свете упомянутого в летописях союза Пуреша и великого князя Юрия Всеволодовича становится объяснимым, почему этот анклав мордовских племен получил название «Нижегородская мордва». Мордва бассейна Кудьмы и в целом правобережья Средней Волги самой первой

вступила в контакт с владимирскими Рюриковичами, захватившими устье Оки. После первых боестолкновений они заключили союз, и правители этой мордвы стали «ротниками» Владимирского князя, а сама она со временем стала зваться «Нижегородской». А половцы, пришедшие с Пуршевым сыном – это половцы, кочевавшие в остепненном Запьянье. О том, что открытые участки Запьянья наиболее полно подходят для отгонного скотоводства и могли использоваться степняками, говорит А. Орлов (Орлов, 2020). Здесь проходили контакты кипчаков-половцев и мордвы-терюхан, здесь они могли предложить свой меч Пурешу, чтобы поучаствовать в набеге, надеясь на добычу.

Можно не сомневаться, что в начале XIII века политические образования, возглавляемые Пургасом и Пурешем, были не единственными в южной части современного Нижегородского региона. Тот же монах Юлиан вместе с сообщением о «двух князьях» мордванов, в другом месте говорит, что «царство мордванов» (*regnum Morduanorum*) простиралось на 15 дней пути (Аннинский, 1940. С. 82), то есть занимало достаточно протяженную территорию. В русском летописании также сказано, что суздальские князья: «...воеваша землю Мордовскую, власти (волости – авт.), погосты и зимницы пограбиша» (Никоновская..., 1965. С. 29). Это сообщение указывает на то, что у мордвы в начале XIII века было не одно или два, а несколько государственных образований – «волостей». Исследователь мордвы И. Смирнов указывал, что: «В политическом отношении мордовская земля делилась на области». Одной из таких областей он считал «область Пургасову» (Смирнов, 2002. С. 75). Историк Н. Мокшин был уверен, что «Пургасова волость» не охватывала всей «земли Мордовской» (Мокшин, 1993. С. 48).

И наконец, самое любопытное, о чем рассказала летопись – это наличие у Пургаса «собственной» руси. Когда началось изучение русских летописей, то первое, что пришло на ум толкователям текста стало утверждение, что речь идет о славянах – «руси», бежавших от феодального гнета в земли Пургаса, где такого гнета не было, и где они жили в мире и дружбе с земледельцами-мордвинами. Дескать, эти «славяне-русь» и составили потом подразделение Пургасовой армии – «Пургасову русь» (Кузнецов, 1912. С. 33; Смирнов, 2002. С. 75). Здесь следует напомнить, что еще А. А. Шахматов говорил, что только «с середины XIII в. имя Русь начинает употребляться для обозначения Суздальской области» (Шахматов, 1908. С. 328–329). То есть до ордынского нашествия даже Владимиро-Суздальскую Русь «Русью» не называли. И уж тем более в XII – начале XIII вв. не называли себя «русью» славяне-хлеборобы, используя для самоидентификации племенные названия («вятичи», «кривичи», «словене» и др.), а чаще соотнося себя с названием местности, где жили («рязанцы», «суздальцы», «новгородцы» и др.). Этому термину – *русь* (*русский*), еще предстояло стать названием народа, а в XIII веке он был названием социальной группы – княжеской дружины***. Тогда же возникло мнение, что летописец ошибся. Хотел написать *Ерза* (*Эрзя*) а написал *Русь* (Соловьев, 1988. С. 320). Выглядит это, на наш взгляд, слабо, ведь ошибкой летописца можно объяснить любое непонравившееся место в летописи, что, впрочем, мы и так довольно часто видим. Также надуманным нам видится гипотеза о славянах-русах-язычниках, бежавших от христианства к «единоверцам» мордве (Филатов, 2003. С. 17). Как и гипотезы о неких «бродниках» (Пудалов, 2003. С. 195, 197, 204–206), или «именьковцах» (Седов, 2001. С. 5–13), бывших славянами, и поселившихся среди мордвы, так как этническая принадлежность и тех и других является дискуссионной.

Понимая всю хрупкость озвученных выше версий проникновения славян в X–XII вв., в регион, очерченный для Пургасовой волости, российские исследователи призвали на помощь археологию. Археология подтвердила проникновение сюда славян в указанный период, но это проникновение носило эпизодический характер и его нельзя назвать массовым.

Например, в работах археолога Н. Н. Грибова говорится только об одной единственной находке древнерусской раннегончарной керамики X–XI века в Навашином районе, в непосредственной близости от Мурома (Грибов, 2003. С. 18–22). Известны так же находки славянских селищ в бассейне Нижней Теши (Кольцов, Черников, Жилин, 1991. С. 182).

Впрочем, даже к этим находкам следует относиться с известной долей скептицизма. В желании обосновать заселение славянами междуречья Теши и Мокши в XI–XIII вв., что называется «каждое лыко» было «в строку». Но, даже если исходить из начальной предвзятости исследователей, в указанном междуречье никаких сколь-нибудь значимых славянских (древнерусских) археологических селищ и могильников, датируемых временем раньше XVI века, не обнаружено.

Наибольшее же количество древнерусских археологических памятников, датируемых концом XII – XV вв. расположены в правобережье Теши ближе к региону «Березополья», или в окрестностях города Павлова, и в регионе Дальнего Константинова, то есть как раз в местах расселения «Нижегородской» мордвы. Эти находки дополнительно свидетельствуют о близких связях терюхан и русских переселенцев, о проникновении в конце XII – начале XIII вв. в их среду русской культуры и христианства (Четвертаков, 14.04.20).

А если уж говорить о гончарной керамике, наличие которой считают аргументом присутствия славян в среде мордвы, то следует добавить, что данная керамика может свидетельствовать и о другом присутствии – болгарском. А. Смирнов указывал, что: «Под влиянием болгарского ремесла мордва постепенно переходит к гончарному горну, причем в обиходе появляются местные формы сосудов, приготовленных уже на гончарном круге» (Смирнов, 1965. С. 24).

Что же касается «Пургасовой Руси», упомянутой в летописях, то наиболее полный анализ возможного происхождения данной «Руси» сделан В. В. Фоминым (Фомин, 14.04.20). Из последних трудов нижегородских исследователей по этой теме, следует упомянуть труд арзамасского ученого А. Петряшина, в котором он выводит происхождение «Пургасовой Руси» из варягов-ругов-руссов (Петряшин, 20.04.20), и работу автора этих строк, связывающую происхождение Русов Пургаса с рязано-окскими культурами Средней Оки, взаимодействовавшими с остготами. В данном симбиозе, по нашему мнению, родились предки мордвы, ставшие той самой финно-волжской русью, о которой писали ученые (Малышев, 2021. С.121–125, 324).

Таким образом, сообщения русских летописей косвенно указали на то, что в южной части современной Нижегородской области в начале XIII века существовали политические образования местной мордвы. Они же дали ориентир для установления местоположения двух таких «волостей», а также указали на взаимоотношения мордовских «волостей», и проводимую ими внешнюю политику, выразившуюся в военных союзах, как с русскими князьями, так и волжскими булгарами и с кипчаками-половцами. А упоминание в летописи «Пургасовой Руси» дало возможность по-новому взглянуть на этногенетические связи мордвы нижегородского Поволжья.

Список источников и литературы

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М., Л., 1940. Т. III. С. 71–113.

Гольмстен В. В., Горюнова Е. И. О мордовском «феодализме» // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VIII. М., Л., 1940. С. 42–48.

- Грибов Н. Н.* Сельская округа средневекового Муром на правом берегу р. Оки // Уваровские чтения V. Сборник науч. статей. Муром, 2003. С. 18–22.
- Инжутов А. А., Парадеев Е. И.* Пургасово городище – Саровское городище // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Арзамас: АФ ННГУ, 2021. С. 4–33.
- Кольцов Л. В., Черников В. Ф., Жилин М. Г.* Разведочные работы в Горьковской области // Археологические открытия. Том 1978. М.: Наука, 1979. С. 181–182.
- Крепость Сундовит – Достояние планеты. URL: <http://dostoyanieplaneti.ru/3766-krepost-sundovit> (дата обращения: 14.04.2020).
- Кудряшова А. С.* Колонизационные процессы в Нижегородском правом берегу в X–XVI веках. Арзамас: АГПИ им. А. Гайдара, 2009. 119 с.
- Кузнецов Е. В.* Арзамасская сторона земли Российской: Ранняя история // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Под ред. Ю.А. Курдина. Арзамас: АГПИ им. А. Гайдара, 2005. 275 с.
- Кузнецов С. К.* Русская историческая география. Мордва. М.: Издание Московского Археологического Института, 1912. 184 с.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1927. 490 с.
- Мальшев А. В.* Пургасова русь в свете древней русской истории. М.: Эдитус, 2021. 287 с.
- Мартьянов В. Н.* Археологическая карта Арзамасского района. Арзамас: АГПИ, 2002. 67 с.
- Мартьянов В. Н.* Из древней истории Нижегородского Поволжья // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Материалы научно-практической конференции. Арзамас, 14–15 сентября 1993 г. Арзамас, 1994. С. 34–37.
- Мельников П. И.* Очерки Мордвы / Полное собрание сочинений. Том VII. СПб.: т-во А. Ф. Маркс, 1909. С. 410–484.
- Мокишин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Морд. кн. изд., 1993. 240 с.
- Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб.: Наука, 2006. 412 с.
- Орлов А. М.* Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. URL: http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/oglavlenie.htm (дата обращения: 14.04.2020).
- Парадеев Е. И.* Исследовательский проект об Арзамасском уезде 16–17 вв. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде 16–17 вв. СПб. 2019. URL: <http://paradeev.com/wp-content/uploads/2...> (дата обращения: 26.09.2020).
- Парадеев Е. И.* Исследовательский проект об Арзамасском уезде 16–17 вв. Деревня Пинетаевка – ранняя история поселения. URL: <http://paradeev.com/2020/08/1220/> (дата обращения: 26.09.2020).
- Петряшин А. С.* Арзамасский князь Пургас. Электронное издание. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51847838 (дата обр. 20.04.2020).
- Подурец А. М.* Саров: памятник истории, культуры, православия. Саранск: ЗАО «ИНФО», 2006. 400 с.
- Попов А. И.* Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л.: Изд. ЛГУ, 1948. С. 199–211.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись (реконструкция текста). СПб.: Наука, 2002. 514 с.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. 244 с.
- Пудалов Б. М.* Начальный период истории древнейших городов Среднего Поволжья. (XII в. – первая треть XIII в.). Н. Новгород: Ком. по делам арх. Администрации Губернатора Нижегород. обл., 2003. 214 с.

Пургасова волость. Племенное объединение или полноценное княжество. URL: <https://arto-mas.livejournal.com/10773.html> (дата обращения: 12.04.2020).

Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // Российская археология. 2001. № 2. С. 5–13.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Кн. II. Тома 3–4. 670 с.

Смирнов И. Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2002. 229 с.

Смирнов А. П. Этногенез мордовского народа по данным археологии I–XV вв. н. э. // Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1965. С. 18–28.

Степанкин В. А. Летопись Саровской пустыни. URL: https://ruskline.ru/analitika/2006/08/01/letopis_sarovskoj_pustyni (дата обращения: 21.04.2020).

Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен: монография. Книга 3. Б. м.: При Императорском Московском Университете, 1774 530 с.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Под ред. В. В. Седова. М.: Наука, 1987. 512 с.

Филатов Н. Ф. Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород: Типография ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2003. 206 с.

Фомин В. В. Пургасова Русь. URL: www.portal-slovo.ru (дата обращения: 14.04.2020).

Четвертаков Е. В. Принятие христианства. URL: <https://archeodiary.ru/news/013-prinyatie-khristianstva> (дата обращения: 14.04 2020).

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908. 687 с.

Примечания редколлегии

* Как показывает подробный анализ книги В. Н. Татищева, автор нередко прибегал к домыслам, в том числе для насыщения текста красочными подробностями. Ввиду этой склонности историографа вполне можно подвергнуть сомнению и такие сведения. См.: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.

** Исходя из известных на сегодняшний день сведений о средневековой мордве, мы никак не можем согласиться с употреблением автором термина «повелитель». Даже русский князь XIII в. это еще не повелитель, не государь, а лишь князь – глава, лидер, военный предводитель, над усилением чьей власти работали как сами Рюриковичи, так и церковные иерархи, конструировавшие Русь по подобию христианской империи Византии. То же самое относится к употреблению в статье терминов «княжество», «государство» и др. Исходя из имеющихся сведений письменных и археологических источников по истории, экономике, культуре мордвы XIII в. можно говорить разве что о формировании региональной над-общинной организации, но еще не государства как такового с присущими ему элементами.

*** В значении этнонима слово «русь» уже тогда широко использовалось, почему и сохранилось в разных регионах Древней Руси (по крайней мере, среди городского населения) после монгольского завоевания – от Галичины до Суздальщины. Применять термин «племя» (и «племенной») к восточнославянским объединениям, зафиксированным в ПВЛ, можно только условно, поскольку они являлись не племенами, а надобщинными политическими объединениями.

Б. А. Илюшин,
младший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НГУ,
кандидат исторических наук
arunta-desert@yandex.ru

БИТВА НА КОНСТАНТИНОВОМ ПОЛЕ В 1549 ГОДУ В КОНТЕКСТЕ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН И ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

В продолжении к Хронографу редакции 1512 г. под 1549 годом помещено такое сообщение: в лето 7057-е, «тое же зимы, марта, [при]ходили казанские люди на Мур[ом]ские места, а в головах у них был Мамазерь князь, а с ним казанских людей 140 человек, и воеводы царя и велик[ого] князя, князь Петр Михайлович Щенятев и иные воеводы, из Мур[ома] за ними ходили и, дошед их за Ку[дьюмою на] Костянтиновском поле, по[били их] наголову, и Мамазеря князя убили» (Продолжение Хронографа..., С. 296).

В настоящей статье мы хотим обозначить место, которое в московско-казанских отношениях занимает это боестолкновение, имеющее определенное значение и для локальной истории земель, расположенных к югу от Нижнего Новгорода.

Прежде всего следует отметить, что с 1467 г. Казанское ханство постоянно испытывало сильное давление со стороны Московского государства, тотально превосходившего его в военно-политическом отношении. После почти двух десятилетий военного затишья в 1467 г. Иван III попытался посадить на освободившийся казанский трон своего ставленника – царевича Касима, брата умершего казанского царя. Тогда это не вышло, но в 1487 г. Казань была взята русскими войсками и на царство там был посажен другой московский ставленник – малолетний Мухаммед-Эмин (Никоновская летопись, 1901. С. 218, 219; Алексеев, 2009. С. 290; Илюшин, 2019. С. 35, 36). После этого и до 1505 г. ханство находилось в жестком подчинении у великого князя московского. Выражалось это в том, что казанские цари не имели права назначать себе преемников, заключать браки и вести дипломатические отношения без одобрения и контроля со стороны Москвы, казанское военно-служилая прослойка обязана была участвовать в войнах Московского государства; кроме того, имелись значительные экономические ограничения для казанских подданных по части торговли и, видимо, Казань даже выплачивала Москве дань. Великие князья московские с этого времени добавили к своему титулу элемент «государи Булгарские» (Илюшин, 2021. С. 86–90). Несмотря на неоднократные и порой небезуспешные попытки казанцев избавиться от московского сюзеренитета, в московско-казанских отношениях вопрос ставился именно так вплоть до захвата Среднего Поволжья Иваном Грозным.

Московское государство при Иване III и Василием III вело экспансию на нескольких направлениях, но первостепенным было западное – литовское. Земли Казанского ханства, имевшие менее развитые инфраструктуру, экономику, менее плотное иноэтничное население привлекали московскую элиту меньше, чем русско-литовские (Филюшкин, 2010. С. 245), хотя в обоих случаях у московских политиков не было недостатка в идеологических обоснованиях такой экспансии, которую они представляли, как восстановление некой исторической справедливости и наказание казанских царей и людей за то, что они «не прямят» московским государям.

Меньшее внимание к восточному направлению уделялось и в виду разительной разницы военного потенциала Московского государства и Казанского ханства. В российской

историографии долгое время господствовала концепция о некоей военной угрозе Руси со стороны Казани, что проистекало из не критичного взгляда на источники и не разработанность многих аспектов истории Восточной Европы. Историки попросту перенимали идеологические клише московской дипломатии и книжников. Такая установка оказалась весьма живучей. В крайней, доведенной до комизма, форме ее отображает, например, статья 2002 г. в сборнике «Мининские чтения», где говорится о паталогической агрессивности татар, их «демографическом» превосходстве над русскими, 100-тысячных войсках и набегах, масштабами превосходящих нашествие «свирепых орд Батыя» (Макарихин, 2002. С. 69–77).

Между тем объективное изучение военного и дипломатического аспектов московско-казанских отношений уже давно показывает несостоятельность придворной идеологии XVI в.

Десятикратная разница в численности населения двух государств, анализ отмечаемой в источниках численности казанских военных контингентов, характер их военных действий, число служилых и ясачных представителей народов Казанского края на русской службе во второй половине XVI–XVII вв. и количество комбатантов и полукомбатантов, выставяемых краем в XVII в., а также история московско-казанских войн – все это показывает, что при максимальном напряжении ресурсов ханство могло выставить для обороны столицы менее 20 тыс., скорее около 15–18 тыс. чел., из которых значительную часть составляли пешие ополченцы. Военно-служилое сословие вряд ли насчитывало больше 4–5 тыс. чел. К этому можно прибавить 2–3 тыс. конных ополченцев, также мало боеспособных в сравнении с русским поместным войском (Илюшин, 2020. С. 171–179; Илюшин, 2021. С. 59–74). В то же время к периоду правления Ивана Грозного общее количество российских ратных людей могло доходить до 100 тыс., а в одной кампании могло быть задействовано войско в 20–30 тыс. ратников (Книга Полоцкого похода 1563 г.; Филюшкин, 2015. С. 245; Пенской, 2018. С. 83–93; Пенской, 2019. С. 79–81).

При этом русские ратники и воеводы значительно превосходили казанских в опытности – достаточно сравнить военную историю обоих государств. Московское государство было многолюднее и богаче, обладало более развитым производством, соответственно, войско было лучше вооружено. К XVI в. Московское государство вошло в число ведущих пороховых держав, тут умели производить в большом количестве пушки и боеприпасы, имелась многочисленная прослойка пушечных дел мастеров (европейских и русских), а также многочисленные контингенты, вооруженные ручным огнестрельным оружием. У казанцев же ничего, кроме нескольких десятков трофейных русских стволов, не было. Казанские набеги до второй половины 30-х гг. XVI в. затрагивали только малонаселенные и экономически второстепенные районы Московского государства, а русские рати неоднократно разоряли наиболее значимые регионы ханства – Горную сторону и столичную округу (Илюшин, 2021. С. 102–113).

Несмотря на это, казанцы неоднократно сбрасывали русский «протекторат» (в 1505–1518, 1521–1532, 1535–1546, 1546–1551, 1552 гг.). Но с 1518 г. международное положение Казани усложнилось из-за пресечения местной правящей династии и вмешательства в казанские дела крымских Гиреев – поскольку мать последнего представителя рода Улу-Мухаммеда, Мухаммед-Эмина, была женой крымского Менгли-Гирей-хана и мачехой его сыновей, один из которых (Сахиб-Гирей) в 1521 г. выбил из Казани русского ставленника и 3 года был казанским ханом, после чего, видя слабость ханства перед русской угрозой и отсутствие крымской поддержки, уехал, посадив вместо себя на престол племянника – Сафа-Гирей. В отличие от дяди последний всю жизнь крепко держался за казанский трон и, несмотря на то,

что был дважды изгнан с него оппозицией (1531 или 1532, 1546 гг.), неизменно возвращался и фактически правил с перерывами с 1524 по 1549 г.

Первое изгнание было вызвано его нежеланием идти на уступки Москве (а там требовали ни много ни мало восстановления полного вассалитета Казани) и попыткой радикально прервать переговоры убийством московского посла (Никоновская летопись. Т. 13. С. 56). Сафа-Гирей несколько лет после этого вынужден был находиться в степной эмиграции. Однако положение изменила кончина Василия III. Малолетство Ивана IV и отсутствие института регентства и опекуна (Кром, 2018. С. 138–144) привели к тому, что московская аристократия погрязла в интригах и борьбе за власть, что осложнилось новой литовской войной 1534–1537 гг. Боярской «олигархией» стало не до восточных «украин». Этим и воспользовалась казанская правящая элита. Московский ставленник Джан-Али был убит, а на трон вернулся Сафа-Гирей. Настроен он был еще более непримиримо и решительно. Теперь он перехватил стратегическую инициативу и перешел в контрнаступление против Московского государства. Бездарность и бездействие боярства способствовали успеху казанцев. В 1536–1545 гг. их отряды регулярно опустошали территории современных Вологодской, Костромской и Нижегородской областей. Успеху способствовал и пересмотр казанцами прежней стратегии, когда набеги осуществлялись только в бесснежное время года. Теперь казанские отряды вторгались в русские пределы зимой, что позволяло им преодолевать Оку в любом месте, не опасаясь быть отрезанными от переправ через нее превосходящими русскими силами; это поставило под казанский удар ранее недоступные города – такие, как Стародуб на Клязьме, Гороховец, Владимир, Муром. После второго, непродолжительного изгнания Сафа-Гирей возобновил набеги, однако взявший к тому времени власть в свои руки Иван IV быстро перенял стратегическую инициативу. Казанцы пытались контратаковать, но силы были неравны. Бой на Константиновом (Константиновском) поле в 1549 г. был одним из эпизодов этой войны.

Малочисленность казанского воинства, отсутствие серьезного опыта у казанских полководцев и условия театра военных действий, полное превосходство в поле русского войска определили основу казанской наступательной стратегии. Концентрация в одном месте значительных казанских сил наблюдается очень редко; воевать русские «украины» отправлялись малочисленные мобильные отряды, преимущественно конные. Они могли незаметно прийти в русские волости, пожечь села, посечь и полонить населения, дабы потом уйти без боя. Ни о каком закреплении на территории неприятеля речи не шло – у ханов просто не хватало на это сил. Казанская стратегия и вопрос о численности казанских отрядов рассмотрены в статье петербургского историка М. А. Несина (Несин, 2019. С. 432–491).

Первостепенным направлением набегов было, судя по всему, северо-западное – на территории совр. Вологодской и Костромской областей, на севере Нижегородской. Это были земли, с которых в XIV в. русскими людьми были вытеснены черемисы, составлявшие значительную часть казанских подданных и участников военных действий. Через эти же земли, видимо, шел основной поток русских переселенцев в Вятский край, или Нукратский улус, по казанской терминологии, откуда болгарские князья традиционно брали ясак, а также соль и медь (Герберштейн. С. 179; История татар. С. 260, 327). Эти земли были одним из «каменной преткновения» в московско-казанских отношениях. Западное же направление – на Нижний Новгород и Муром, подвергалось казанским набегам, по-видимому, несколько реже.

Еще в 1540-е гг. земли, лежавшие в каких-нибудь 30–50 км югу от Нижнего Новгорода, входили в состав Московского царства лишь частично. Хотя местная мордва и находилась уже в сфере прочного русского влияния, массовое расселение сюда русских людей и появление



Ил. 1. Бой на Константиновом поле (1549 год).

Сцена рукопашного боя русского сына боярского и казанского мурзы.

Рисунок Б. А. Илюшина и Р. Н. Лялина.

военно-административных русских центров в этом регионе стало возможным только после завоевания Казанского ханства. Андрей Курбский, как ранее и Сигизмунд Герберштейн, писали о Нижнем Новгороде и Муроме как о самой окраине христианского мира (Герберштейн. С. 134; Курбский. С. 33).

В этом то пограничном регионе и действовал Мамазерь-князь. Казанцы нападали на окраинные русские села ближе к Нижнему Новгороду и Мурому, мордовские поселения и русские анклав, выдвинутые на юг.

Остановимся на командующем казанским отрядом. Как и в Московском государстве, в ханстве титул князя могли иметь люди очень разного политического веса, служебного чина и материального достатка. Мамазерь-князь не встречался нам в других источниках, под его началом всего полторы сотни воинов, т.е. в данном случае это один из тех сравнительно многочисленных князей, что жили за счет службы и имели небольшой политический вес и материальный достаток. Если приводить русские аналогии, то это, скорее всего, аналог каких-нибудь Белозерских и Андомских князей, возглавлявших дворянские сотни и имевших «дворы» из пары десятков человек (Грязнов, 2017. С. 156–157). Другое дело, что в Казанском ханстве, менее богатом, чем Московское государство, с гораздо меньшим населением, князей, аналогичных московской аристократии, из среды которой выходили воеводы тысячных полков, было очень мало.

Среди русских воевод первым и единственным назван Петр Михайлович Щенятев. Происходил он из потомков литовского великого князя Гедимина – Патрикеевых, одной из линий которой и были Щенятевы. На Петре Михайловиче, собственно, она и пресеклась (Зимин, 1988. С. 35). Во время малолетства Ивана IV он поддерживал князей Бельских, за что был сослан в Ярославль и вернулся из ссылки только в 1544 г. Это был видный государственный деятель, пожалованный боярством в том же 1549 г., что уже говорит о доверии ему со стороны царя. Тем не менее, судя по разрядным книгам, первое воеводское назначение он получил за несколько месяцев до событий на Константиновом поле.

По разрядным записям известно, что с декабря «лета 7057» (1548 г.) в Муроме на случай ногайского или казанского вторжения находилась рать под началом П. М. Щенятева, М. М. Троекурова, а также А. Д. Плещеева и С. Ф. Киселева; последние должны были идти в казанские места (Разрядная книга..., С. 117), т.е. совершить конный рейд на территорию противника для нанесения ущерба его экономическому и людскому потенциалу. Судя по всему, именно эти воеводы выступили в марте 1549 г. против отряда Мамазерь-князя.

Для того времени и для основной казанской стратегии 140 бойцов Мамазерь-князя являлись достаточно внушительной боевой силой (напомним, что для захвата изгоном и ограбления города Владимира в начале XV в. оказалось достаточно трех сотен русских людей и татар (Ермолинская летопись..., С. 143; Московский летописный свод..., С. 240; Никоновская летопись, 1897. С. 216)). Однако против них выступило значительно более многочисленное воинство. Сравнение сохранившихся документальных сведений о численности русских войск второй половины XVI в. показывают, что в среднем под началом одного высокородного воеводы могло находиться 4 или 5 сотенных голов, а каждому голове подчинялось (опять же в среднем и округляя) 50–150 ратников, иногда до 200 (О методике подсчета см.: Лобин, 2011. С. 104). Исходя из количества воевод и приблизительных «норм» того времени, можно полагать, что под началом четырех воевод в Муроме в 1549 г. могло находиться до 2–3 тыс. бойцов. Под командованием самого П.М. Щенятева могло состоять 4–5 «сотен» детей боярских (т.е. ок. 500–750 чел.), однако сколько всего воевод отправилось за татарами – неизвестно. Возможно, их было еще двое, а один остался в Муроме. Не обязательно даже с воеводами должны были идти все подчиненные им головы, но в любом случае ясно, что на казанцев выступили силы, значительно превосходящие их по численности. Поэтому и разгромить казанцев даже малоопытному воеводе не составило большого труда.

Место рассматриваемого нами столкновения 1549 г. определялось двумя основными факторами. Во-первых, при господствовавшей тогда тактике маневренного дистанционного (лучного) конного боя, сражения проходили в основном на открытых пространствах, а не в лесу. Во-вторых, как отмечено в источнике, именно там русской рати удалось настичь

казанский отряд. То есть это не было специально выбранное поле для схождения и битвы с последующим стоянием на костях, а, видимо, случайно подвернувшееся место. В крайнем случае, русские воеводы, зная местность, могли рассчитывать на успешную атаку именно здесь, при выходе неприятеля на открытое место.

По предположению С. Ю. Шмелева, бой мог состояться и в 4 км к северо-востоку от совр. Дальнего Константинова, в районе с. Кудрино, в окрестностях которого имеется Татарское поле: возможно, это была окраина Константинова поля, где были захоронены убитые татары; видимо, для этого русские ратники согнали местную мордву (см. статью автора в настоящем сборнике). Однако вызывает сомнение, что в таких малоосвоенных местах русские люди стали бы беспокоиться о захоронении убитых противников.

Кроме того, у С. Ю. Шмелева имеется гипотеза о том, что в районе Константинова поля и совр. села Татарское находилась «база» татар, где те пополняли «боеприпасы» и хранили добычу. Более того, автор предполагает, что в этих мордовских землях, обильно поросших лесами, имелось несколько «опорных пунктов» для более успешных действий на русских окраинах. В общем, теоретически это допустимо. Действовавшие небольшими отрядами казанцы за столько лет постоянных набегов могли обустроить такие пункты, в которых можно было спрятаться от многочисленного неприятеля, отлежаться раненым, хранить припасы и добычу. Правда, проверить эту гипотезу не представляется возможным. Не приходится говорить и о каком-либо казанском влиянии на прилегающие к Нижнему Новгороду мордовские земли (и, соответственно, о важном значении сражения 1549 г. на процесс присоединения будущей Терюшевской волости к Российскому государству): это слишком далеко от казанских территорий, и казанцы тут появлялись нерегулярно в виде военных отрядов. Возможно, положение местных мордовских общин было схожим с ситуацией на юге Западной Сибири в XVII в., когда с местных жителей брали ясах и русские власти, и джунгары.

В целом вряд ли можно говорить о каких-либо значительных последствиях именно этого маломасштабного боя. Важные последствия имело завоевание Казанского края в целом, хотя растянулось оно, с учетом черемисских войн, почти на полвека. Казанцы в любом случае не имели достаточно людских и материальных ресурсов для закрепления на какой-либо территории. Так что в случае их победы отряд просто отступил бы с добычей.

* Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Список источников и литературы

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. Второе издание. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 464 с.

Герберштейн, С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Грязнов А. Л. Белозерские князья в годы правления Ивана III // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) / отв. редакторы И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 134–165.

Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 23. Под ред. Ф. И. Покровского. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 342 с.

- Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М.: Наука, 1988. 350 с.
- Илюшин Б. А.* К вопросу о военном потенциале и стратегиях Казанского ханства // Военная археология (Сборник материалов семинара «Военная археология»). № 6. 2020. С. 171–179.
- Илюшин Б. А.* Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.
- Илюшин Б. А.* Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Мар-джани АН РТ, 2019. 168 с., 10 с. ил.
- История татар с древнейших времен (в семи томах). Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. 960 с.
- Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // Подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. 108 с.
- Кром М. М.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.
- Макарихин В. П.* Казанская эпопея Ивана Грозного // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (10 декабря 2002 г.). С. 69–77.
- Курбский, А. История о делах великого князя московского // Подг. К. Ю. Ерусалимский, пер. А. А. Алексеев. М.: Наука, 2015. 944 с.
- Лобин А. Н.* Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. 251 с.
- Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., Л., 1949. 464 с.
- Несин М. А.* К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 432–491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (дата обращения: 27.02.2019).
- Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // ПСРЛ. Т. 11. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 12. Под ред. С. Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
- Пенской В. В.* Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.
- Пенской В. В.* Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 350 с.
- Продолжение Хронографа редакции 1512 года / Шмидт С. О. // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 254–299.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с.
- Филюшкин А. И.* Василий III (Серия ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.
- Филюшкин А. И.* Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. II. С. 219–289 <http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1> (дата обращения: 10.02.2015)

СЕЛО ТАТАРСКОЕ: ТОПОНИМИЯ И НАЧАЛО ИСТОРИИ

Село Татарское в XVIII в. входило в состав Терюшевской волости, а сейчас относится к Сарлейскому сельсовету Дальнеконстантиновского района Нижегородской области. В последние годы Татарское претендует на звание культурной столицы района: в селе работает Центр традиционной культуры, проводятся научные симпозиумы. Село Татарское имеет древнюю историю, однако эта история изучена явно недостаточно. В данной статье предпринята попытка освещения самых ранних этапов истории с. Татарского.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ СЕЛА ТАТАРСКОГО

Отсчет истории древних сел и городов начинается с первого упоминания в письменных источниках. Село Татарское впервые упомянуто в «Книге мордовских сел и деревень письма и дозору Василья Федоровича Борисова да подьячего Третьяка Обрабова» 1588 г. (известной в списке начала XVII века): «Мордва Сескинская и Татарская. Деревня Сескино, да к ней же снесена мордва, что была на селе на Татарском, и с пашнею на половину Каменных Маров, а та их пашня Татарского села сошлася с Сескинскою пашнею» (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7514. Л. 90 об. См. также: Анпилогов, 1977. С. 71. В публикации Г. Н. Анпиловой написано «на половину Каменных Боров» – это явная ошибка в прочтении скорописи. Во всех остальных случаях этот топоним пишется как «Каменные Мары»).

Как видим, первое упоминание села Татарского сообщает о его ликвидации: жители Татарского переехали в д. Сескино (ныне в том же Сарлейском сельсовете) и перенесли туда свои дворы. Однако через некоторое время село Татарское было возрождено на новом месте. «Дозорная книга Нижегородского уезда» 1614 г. содержит первое полноценное описание «нового» села Татарского (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7513. Лл. 150–151).

ТОПОНИМ «СЕЛО ТАТАРСКОЕ»

Однако сначала нужно внимательно рассмотреть название деревни. Именно в названии лежит ключ к пониманию самой ранней истории села Татарского. В книге 1588 г. Татарское названо селом, и в дальнейшем использовались топонимы «село Татарское» или «деревня Татарское» (среднего рода, подразумевая существительное «село»). Селом обычно называют населенный пункт, в котором имеется церковь. Но ни в одной из переписных книг XVII в. не упоминаются ни церковь, ни священнослужители в Татарском. Среди жителей не было ни одного православного – все они были мордвой, и до крещения терюшевской мордвы оставалось еще почти два века. (Не могло быть и какой бы то ни было мордовской церкви – мордва отправляла традиционный культ в рощах; до сих пор рощи возле мордовских деревень называются Моляны или Мольбища.) Покровская церковь в Татарском была построена в 1905 году, так что селом в привычном понимании этого слова Татарское стало только в XX в.

Для реконструкции ранней истории Татарского предлагается следующая гипотеза: населенный пункт изначально назывался не село «Татарское», а деревня «Село Татарское». При этом слово «село» нужно понимать в буквальном, исконном смысле: место, где поселились, «сели» первые жители. Тогда получается, что Село Татарское – это деревня, в которой поселились татары.

Считается, что на территории Нижегородского уезда никогда не было татарских поселений – ни во времена Орды, ни во времена войн с Казанским ханством, ни после взятия Казани Иваном Грозным. Поэтому гипотеза о том, что село Татарское основали татары, требует серьезной аргументации.

«Википедия» отмечает в России семь сел с названием Татарское, две деревни Татарские и город Татарск, и все эти топонимы происходят от названия народа, который в этих селениях проживает.

Заметим, что «Село Татарское» – это русское название. Как называлась наша деревня на мордовском языке – неизвестно (я намеренно пользуюсь расплывчатым термином «мордовский язык», поскольку неизвестно, говорили ли жители терюшевских деревень на диалекте эрзянского языка или на каком-то отличном от него «терюханском» языке). Возможны два варианта. Можно предположить, что русское название является калькой, буквальным переводом с мордовского. В этом случае получается, что название было дано деревне в незапамятные времена, до появления русских (и звучало похоже на «Печкасонь-Веле», что по-эрзянски значит «Село Татарское»).

Второй вариант. Допустим, у деревни было не дошедшее до нас исконное мордовское название. Почему же русские, отвергнув исконное название, придумали «Село Татарское»? Ответ очевиден: потому, что в Селе Татарском действительно жили татары, и именно этим оно отличалось от окружающих мордовских деревень.

Так или иначе, получается, что название «Село Татарское» было дано не позднее середины XVI в. В то время татары были совершенно определенным, конкретным явлением жизни на восточных границах Московского государства. Слово «татарский» однозначно означало принадлежность татарам, никакого переносного, метафорического смысла у этого слова не было. В XV–XVI вв. мордва находилась в политической зависимости от татарских ханов. Взаимоотношения между мордвой, русскими и татарами были очень сложными, неустойчивыми и неоднозначными. Несомненно, татары физически присутствовали на мордовских землях: об этом свидетельствуют и летописные источники, и археологические находки. Татарские военные отряды, купцы, баскаки, чиновники в течение длительного времени постоянно находились в землях мордвы. Поэтому вполне можно допустить, что в то время существовали более или менее постоянные поселения татар – военные форпосты, дворы администрации или сборщиков податей*.

В материалах по микротопонимике Дальнеконстантиновского района, собранных в конце 1970-х исследователем И. Л. Мининзоном (Мининзон, 2014), упоминаются несколько объектов с названием «Татарский»: это Татарский лес у села Сарлей, Татарские поля у деревни Кудрино, Татарская сеча и Татарская дорога в окрестностях поселка Суловатиха. Разброс этих топонимов таков, что его трудно объяснить близостью к селу Татарскому. Похоже, некоторая, довольно обширная, территория ассоциировалась у местных жителей с татарами.

Топоним «Татарские поля» рассмотрим ниже, а пока попробуем найти ответ на топонимическую загадку: почему два объекта возле Суловатихи носят «татарские» названия – Татарская дорога и Татарская сеча? Ведь Суловатиха расположена на значительном расстоянии от села Татарского. Разумеется, название «Татарская сеча» нельзя понимать как «Татарская битва»: таких топонимов не бывает. В. И. Даль растолковывает значение слова «сеча»: *«Сеча ж. просека, прочисть, росчисть в лесу улицей. Землемеры сечу проложили. Сеча, засека, осека, завал из деревьев; ярос. влад. калужск. посека, место, площадь, где вырублен лес; или лесосек, где идет рубка; росчисть в лесу, где лес вырублен и сожжен на месте, под пашню»*

(Даль, 1882). Таким образом, Татарская сеча – это просека в лесу, которую сделали татары (конечно, не своими руками, а заставив мордву из соседних селений). Татарская просека и Татарский дорога, должно быть, отмечают путь, которым пользовались татары. А поскольку они расположены к югу-юго-западу от села Татарского, то получается, что это путь, которым татары ходили из Терюшевских лесов на Муром – вдали от проторенных дорог, по тайной просеке, скрытыми тропами**.

КАМЕННЫЕ МАРЫ

В «Книге мордовских сел и деревень» 1588 г. указано, что пашня Села Татарского находится у Каменных Маров, и в книгах 1614, 1624 и 1646 гг. село Татарское упоминается с неизменным уточнением: «у Каменных Маров». Слово «мар» хорошо знакомо нижегородским археологам и краеведам: так на юге области называют холмы, насыпи, курганы. Термин происходит от татарского слова: «мар» по-татарски означает «небольшой курган», а «мара» – «вершина холма». Таким образом, топоним, который в средневековых документах однозначно ассоциируется с селом Татарским, имеет татарское происхождение, и это еще один аргумент в пользу гипотезы об основании деревни татарами.

Мары могут оказаться естественным, геологическим образованием, но можно допустить предположение, что они являются курганными захоронениями. Обряд захоронения в курганах был распространен у татар до 1320-х годов, когда Орда приняла ислам***. Поэтому, если в марах обнаружатся татарские захоронения, их можно будет датировать довольно точно. Однако тот факт, что холмы возле села Татарского назывались татарским словом, и сам по себе достаточно красноречив.

К сожалению, пока не удалось точно установить местоположение Каменных Маров. Я разговаривал с несколькими жителями Татарского, они не знают такого места. В переписной книге 1624 года содержится описание межи между деревнями Сескино и Татарское: «А с мордовскою ж деревней Сескиным деревне Татарской межа от Черного лесу на Широкий Мар, а с того Широкого Мару на дубок, а с того дубка шоломяней, а от шоломяни на Каменной Мар подборной, да с Каменного Мару на речку на Керметь и по тем урочищам от Черного лесу до речки до Кермети правая сторона – земля деревни Татарской, а левая сторона – сескинской мордвы» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Л. 40 об.). Как видим, Мары состояли из Широкого Мара, Каменного Мара и шеломяни (этим термином, знакомым по «Слову о полку Игореве», обозначались куполообразные холмы, похожие формой на шлем, «шелом»). По описанию получается, что Мары расположены западнее-юго-западнее села Татарского, на полдороге к Большому Сескину и Сарлею, где-то у реки Кермети (раньше считалось, что река Шемлей впадает в реку Керметь, а Керметь впадает в реку Озерку; на современных картах и на дорожных указателях река Керметь в среднем и нижнем течении называется «река Шемлей», так что получается, что Керметь впадает в Шемлей; районный центр Дальнее Константиново стоит на «объединенной» реке. Но ведь именно в этой местности расположен знаменитый Сарлейский могильник – комплекс мордовских захоронений XII–XVII вв., раскопанный еще в советское время. Судя по описанию, Каменные Мары – довольно протяженный объект; Сарлейский могильник, расположенный в 250 м от восточной окраины села Сарлей, вполне может оказаться западной частью большого комплекса захоронений. А на восточной окраине Каменных Маров находится Марское поле села Татарского, упомянутое в работе И. Л. Мининзона.

ДЕРЕВНЯ БАКШЕЕВО

Деревня Бакшеево, расположенная в 500 м от села Татарского, тоже упомянута в «Книге мордовских сел и деревень письма и дозору Василья Федоровича Борисова да подьячего Третьяка Обрамова». В России насчитывается почти два десятка сел и деревень с названием Бакшеево. Деревни часто назывались по фамилии помещика, и эти села и деревни названы, должно быть, по дворянской фамилии Бакшеевых, известной с XV века. Но терюшевское Бакшеево никак не могло быть названо по фамилии помещика, поскольку в XVI веке принадлежало «мордве бакшеевской», а не помещикам. Остается предположить, что название деревни происходит непосредственно от слова «бакшей».

В Средние века это слово было хорошо известно на Руси: так назывались татарские чиновники. В русских грамотах неоднократно упоминаются татарские посольские чины «бакшей» и «старший бакшей» (например, в Никоновской летописи и в грамотах 1507–1522 гг., опубликованных В. Н. Татищевым) (Татищев, 2013. С. 299–340). Академик С. Б. Веселовский утверждает, что бакшей – это татарский писарь (Веселовский, 1974. С. 22). Еще одно значение этого слова – «дозорный» (Ефремова, 2015. С. 113). Возможно, содержание должности менялось с течением времени, но можно представить себе, что бакшей совмещал все эти обязанности – по поручению хана или мурзы осуществлял дозор на определенной территории, имел административные полномочия, составлял письменные отчеты.

Как бы то ни было, если название Бакшеево происходит от слова «бакшей», то можно предположить, что в деревне была ставка татарского бакшея – управляющего Кудемским краем, расположенная в непосредственной близости от Нижнего Новгорода, но на подконтрольной татарам территории. С учетом политической ситуации в XIV – начале XVI вв., получается, что Татарское и Бакшеево – два татарских селения на мордовской земле – представляли собой административный центр «Кудемского беляка» (если использовать татарский термин, обозначающий феодальное владение у марийцев и мордвы)****.

Еще одно возможное свидетельство татарского происхождения села Татарского заключается в следующем: в переписных книгах 1624 и 1646 гг. Бакшеево представлено как «деревня Бакшеево, что было село Мордовское» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Лл. 40 об. – 41; РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Л. 1230 об.). Этот «подзаголовок» – «село Мордовское» – сам по себе кажется совершенно бессмысленным: ведь имя населенному пункту дается для идентификации, как же можно назвать село Мордовским, если вокруг все «села» мордовские? Общеизвестно, что этнические топонимы типа Русская, Мещерка, Черемисы и т.д. возникают только на окраинах ареала, там, где селения отличаются от соседей этнической принадлежностью жителей. Но Бакшеево в XVI веке было окружено мордовскими же селами. Поэтому название «Село Мордовское» имеет смысл только в паре с названием «Село Татарское» – две деревни, почти соприкасающиеся огородами, по-другому и не назовешь, если в одной живут мордва, а в другой – татары.

Заметим, что и «Бакшеево», и «Село Мордовское», как и «Село Татарское» – русские названия («Бакшеево» хоть и образовано от татарского корня, но притяжательный суффикс, несомненно, русский). Причем эти названия возникли задолго до того, как в деревнях появились первые русские жители. Книга 1588 года однозначно называет всех жителей Татарского и Бакшеева мордвой (хотя у некоторых жителей были русские имена). Нижегородский уезд описывался пять раз с 1565 по 1576 г., но переписные книги не сохранились, ни в оригиналах, ни в списках. Однако подьячий Третьяк Обрамов вскользь упоминает, что мордовские деревни описывались и в предыдущие переписи (деревня Новые Синбилеи описана как «ис

того села выставленная после старых писцовых книг» (Анпилогов, 1977. С. 68). То есть новые мордовские деревни, отсутствующие в предыдущих переписях, отмечены особо, а все остальные уже были описаны «в старых писцовых книгах». Это наблюдение не только подтверждает вышеизложенную гипотезу, что названия Село Татарское и Бакшеево дошли до нас из древности более глубокой, чем 1588 год, но и повышает достоверность гипотезы о средневековом административном статусе Татарского и Бакшеева. Ведь получается, что эти названия были на слуху в Нижнем Новгороде и были известны московским чиновникам задолго до того, как в мордовских деревнях начали селиться русские.

Вышеизложенная теория – чисто умозрительная, но она объясняет все особенности рассмотренной топонимии. Может показаться, что выведение названий современных населенных пунктов из ордынских времен – слишком смелая гипотеза. Взглянем, однако, на карты Ярославской, Костромской, Московской областей – они усеяны мерянскими названиями городов, сел и деревень. Мерянские топонимы живы, хотя мерянский язык исчез тысячу лет назад, задолго до монгольского нашествия.

БИТВА НА КОНСТАНТИНОВСКОМ ПОЛЕ В 1549 ГОДУ

Письменная история Дальнеконстантиновского района начинается с битвы русских с татарами на Константиновском поле в 1549 году. Сведения об этой битве содержатся в летописном источнике, называемом «Продолжением хронографа редакции 1512 года»: «В лето 7057-го... то же зимы, марта, приходили казанские люди на Муромские места, а в головах у них был Мамазерь князь, а с ним казанских людей 140 человек, и воеводы царя и великого князя, князь Петр Михайлович Щенятев и иные воеводы, из Муром за ними ходили и, дошед их за Кудмою на Костянтиновском поле, побили их наголову, и Мамазеря князя убили» (Продолжение хронографа..., 1951. С. 296). Иными словами, в марте 1549 года отряд казанских татар во главе с князем Мамазерем совершил набег на муромские земли; русское войско под предводительством князя П. М. Щенятева выступило в погоню и настигло татар за Кудьмой на Константиновском поле.

В первой половине XVI в. восточные уезды Московского государства постоянно подвергались набегам казанских татар. Часто целью набегов был город Муром – татары нападали на него и его окрестности в 1505, 1521–1522, 1537, 1538, 1540, 1542 гг. Но в 1545–1547 гг. Московское государство перехватило стратегическую инициативу, и добилось значительных военных и политических успехов. Зимой 1547/1548 гг. Иван Грозный совершил свой первый поход на Казань. Город взять не удалось, но русская военная мощь была продемонстрирована убедительно. Поэтому набег неизвестного татарского князька Мамазеря с небольшим – численностью около эскадрона – отрядом на «муромские места» представлял собой попытку предпринять контрудар. Время набега – «зима, март» – было выбрано неслучайно: переправиться через Оку для нападения на город Муром можно было, только пока река скованна льдом.

В декабре 1548 года Иван Грозный для береженья от казанских воинских людей назначил воеводами в Муром князя Петра Михайловича Щенятева, князя Михаила Михайловича Троекурова, Алексея Даниловича Плещеева и Семена Федорова сына Киселева. Воеводы получили приказ царя собирать войска для похода на Казань (Разрядная книга, 1966. С. 117). Из четырех воевод самым талантливым и амбициозным был, видимо, князь Щенятев (ок. 1510–1566). До своего назначения в Муром он успел поучаствовать в придворных интригах, отбыл ссылку в Ярославле, командовал войском против крымских татар, был наместником

в Каргополе (Правящая элита..., 2021). Несомненно, Петр Михайлович Щенятев – первый известный деятель в истории Дальнеконстантиновского района.

К марту 1549 года в Муроме скопились значительные воинские силы, что, очевидно, отпугнуло татарский отряд от города. Русское войско настигло татарскую сотню на Константиновском поле за рекой Кудьмой. Историки сходятся во мнении, что это поле, на котором ныне расположен районный центр Дальнее Константиново. От Мурома до Константиновского поля 180 км; для конницы по плохим дорогам, зимой, около 6 дневных переходов. Таким образом, преследование Мамазера князем Щенятевым растянулось на неделю. В непосредственной близости от места битвы находится село Татарское, поэтому закономерно возникает вопрос – неужели случайно русская рать настигла татар у одноименного села? Нет ли какой-нибудь связи между этим сражением и историей села Татарского – его основанием, например, или происхождением названия? Разумеется, за отсутствием археологических данных и летописных сведений, любые выводы будут носить предположительный характер.

Для того чтобы выявить возможные связи между сражением на Константиновском поле и историей села Татарского, сформулируем вопрос следующим образом: существовало ли село Татарское в 1549 году, на момент исторической битвы? Очевидно, на этот вопрос возможны два варианта ответа: 1) село Татарское было основано после битвы, т.е. в период 1549–1588 гг. (или же было основано до 1549 года, но называлось иначе, а Татарским стало называться после сражения); 2) село Татарское существовало до 1549 года под своим нынешним названием. Нет достоверных фактов, подтверждающих какой-либо из этих вариантов, но некоторые соображения все же можно высказать.

Представим наглядно, как происходили рассматриваемые события. Небольшой татарский отряд вышел на Константиновское поле. Здесь их догнала и разгромила конница князя Щенятева. Возможно, муромское войско еще на некоторое время задержалось в этих краях – лечили раненых, хоронили убитых, собирали трофеи*****. Где же здесь повод переименовать соседнюю деревню в село Татарское или назвать так новую деревню?

Село Татарское изначально располагалось на реке Печети, значительно юго-западнее Константиновского поля. Поэтому представляется, что если бы какое-то село получило название в память о битве, то это было бы, скорее, нынешнее Дальнее Константиново. Известны случаи, когда поле, холм или болото получали название, напоминающее о состоявшейся битве с татарами или ляхами. Но населенные пункты обычно называются по именам основателей или владельцев, по особенностям рельефа или окружающей природы. После сражения название «Татарское» могло закрепиться, например, за полем. Но Константиновское поле упоминается в документах XVII века под этим же названием, например: «прямо позади Костянтиновского поля в черном бортном лесу стоит дуб виловат» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Л. 38 об.). Несколько раз упоминается Константиновский перелог – часть Константиновского поля, заросшая кустарником.

Татары и русские в равной степени были нежелательными чужаками в мордовских землях. Местная мордва могла бы назвать место, где стоял лагерь князь Щенятев, Русским полем, а русские – Муромским полем, но ведь и этого не произошло. Если часть «казанских людей» попала в плен, то их отправили в Москву, а не поселили на месте битвы. Так что и эта гипотеза представляется противоречащей традициям и маловероятной.

Единственный правдоподобный вариант отражения битвы 1549 года в топонимии окрестностей Константиновского поля заключается в следующем. На поле битвы остались более ста татарских воинов. Русские витязи, конечно, не стали заниматься похоронами, а, наверное, согнали для этого мордву из окрестных деревень. Дело было в марте; земля промерзла на метр;

возможно, предание тел земле оставили до той поры, пока земля не оттает. Вот эту поляну, на которую перенесли тела убитых татар или место их захоронения, вполне могли назвать Татарской*****. Нет ли подходящего объекта на карте Дальнеконстантиновского района? Есть: Татарские поля в окрестностях деревни Кудрино в 4 км к северо-востоку от Дальнего Константинова (Мининзон, 2014). Точное местонахождение Татарских полей неизвестно; возможно, это была северная окраина Константиновского поля. Вполне вероятно, что именно в окрестностях Кудрина находится братская могила татарских батыров; достоверность этой гипотезы можно проверить с помощью археологических раскопок. Но даже если эта гипотеза подтвердится, она не объясняет происхождение названия села Татарского на реке Печети в 17 км к западу от Кудрина и Татарской дороги возле Суроватиhi (в 21 км).

А вот второй вариант: предположим, село Татарское уже существовало в 1549 году и носило свое нынешнее название, то есть было реальным татарским поселением. Пусть даже оно состояло всего лишь из двух-трех изб, или мордовской «тверди» (земляного укрепления) под охраной нескольких воинов – склады боеприпасов, продовольствия, награбленного добра. При этом допущении описываемые события неожиданно предстают совершенно в ином свете. Князь Мамазерь не просто отступал из Муром в Казань, а целенаправленно вел сотню в Закудемские леса на свою базу – переждать погоню, подлечить раненых, пополнить запасы стрел и продовольствия, погрузить добычу. И русская рать настигла татар не потому, что двигалась быстрее (это вряд ли, поскольку русское войско было более многочисленным и, следовательно, менее маневренным), а потому, что татары остановились на Константиновском поле на стоянку. Эта гипотеза представляется логически стройной и правдоподобной.

МАРШРУТ МУРОМ – КАЗАНЬ

Мы не знаем точно, по каким маршрутам совершались набеги казанских татар на русские земли. Можно только предположить, что, с татарской точки зрения, чем южнее дорога, тем безопаснее. Русские войска в первой половине XVI века выдвигались на Казань через Муром, Нижний Новгород и далее на юго-восток по берегу Волги. Понятно, что татарские налетчики этим маршрутом пользоваться не могли*****.

А вот казанский поход Ивана Грозного 1552 года может быть показательным в этом отношении: перед его конницей стояла задача добраться из Мурома в Казань кратчайшим путем. Эту же задачу решал и отряд Мамазерея тремя годами ранее. Путь царской дружины в 1552 году описан в «Царственной книге»: «Государь поиде за реку Оку на Саконский лес и того дни (июля 20) ночевал Государь на лесу на реке Велетьме, от города пол 30 верст; а другой стан на реке Шилокше; а третий стан под Саконским городищем; а четвертый стан на поле на Ирже; а пятый стан на Авшечь реке; а шестой на Кевсе; а седьмой на озере на Икше; а осьмой на озере, не дошел Пианы реки; а девятый стан на Дубровке на озере; а десятой на речке на Медянке...» (Неупокоева, 2016. С. 21–24).

Хотя точное расположение «станов» до сих пор является предметом научных дискуссий, ясно, что войско Ивана Грозного прошло примерно в 80–100 км южнее Константиновского поля. Почему же князь Мамазерь не пошел тем же путем или даже южнее, через земли, неконтролируемые русскими, а свернул на север, опасно приблизившись к Нижнему Новгороду с его многотысячным гарнизоном? Возможно, он хотел пограбить мордовские деревни – но было ли там, что грабить? В марте мордовские крестьяне пекли хлеб из муки пополам с соломой и ждали, когда же вырастут крапива и лебеда. Татарские воины, замерзшие, голодные, на полуживых лошадях, увязающих по круп в снегу на лесных тропах, вряд ли

помышляли о набегах. Больше похоже на то, что они собирались отсидеться в терюшевских лесах, в селе Татарском или в Бакшееве.

А как удалось русскому войску найти татарский отряд в непроходимых лесах? По следам? Или князь Щенятев знал о казанском анклав на Константиновском поле? Вероятно, село Татарское не было единственным казанским «опорным пунктом» в мордовских лесах. В январе 1536 года очередное вторжение татар было пресечено совместными усилиями муромских и нижегородских войск. Как пишет летописец, русские «татар дошли на становищах в вечер под Лысковом» (Никоновская летопись, 1904. С. 106–107), но отложили атаку до утра, а за ночь татары ушли. Возможно, становищами здесь названы походные лагеря, хотя обычно их называли станами. Значение старинного слова «становище» уточняет словарь В.И. Даля: *«Стан и становище, стар. станок сиб. ныне станция, селенье, где меняли лошадей, или хуторок на перепутье, нарочно поставленная избушка, для приюта, какая еще и доньне есть на безлюдье в Арханг. крае, в Сиб. род постоялого двора, для роздыху и кормежки лошадей. ... Игумен Филипп, в 1561 г., построил в Заяцком становище каменное с поварнею, летопись Соловец. На Сибирских станках приезжий находит готовые дрова, чтобы обогреться, и, по обычаю, сам должен припасти их отъезжая»* (Даль, 1882). Так что вполне вероятно, что и под Лысковом, и в терюшевских землях существовали стационарные татарские «базы», становища, возможно, еще с ордынских времен.

Как казанцы организовывали набеги на русские земли с точки зрения тылового обеспечения – вопрос неизученный. Поскольку в период 1535–1550 гг. набеги на муромские места совершались чуть ли не раз в два года, можно предположить, что у татар был разработан скрытный маршрут, и вдоль этого маршрута были организованы опорные пункты, «становища» – такие, как под Лысковом или на Константиновском поле. Вообще эти два события – противостояние 1536 года под Лысковом и сражение 1549 года на Константиновском поле – во многом, похожи: они происходили в мордовских лесах, на «ничьей земле», не подвластной русским князьям, но и удаленной от Казани; оба события произошли в конце русско-татарского противоборства, когда военный перевес русских становился все ощутимее; в обоих случаях действовали муромские войска; в обоих случаях татар «дошли» на их становищах. Возможно, эта аналогия даже глубже, чем кажется. В переписной книге 1646 года в Княгининской волости того же Закудемского стана Нижегородского уезда упомянута «деревня Татарова, а Коробиха тож» (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Л. 332 об.). Сейчас это деревня Коробиха Лысковского района, в 10 км к востоку от Лыскова. Если деревня Татарова располагалась рядом с упомянутыми в летописи татарскими становищами, то аналогия с «нашим» селом Татарским становится полной.

Победа русского войска на Константиновском поле упомянута лишь в одном летописном источнике и может показаться малозначительной. Однако если вышеизложенные предположения верны, значение этого события нуждается в переоценке. Время присоединения к Русскому государству северных мордовских земель, составивших позже Терюшевскую волость, точно неизвестно. Ясно, что процесс присоединения не был одномоментным, а состоял из нескольких длительных этапов: появление первых русских поселенцев, землепашцев и бортников; первые официальные действия русской администрации, установление отношений с мордовскими вождями в той или иной форме; перепись мордовских земель, включение их в систему налогообложения; раздача мордовских земель в поместья. Несомненно, важнейшей вехой в этом процессе было сражение на Константиновском поле. Если действительно до 1549 года татары контролировали эту местность, то ни о каком русском влиянии не могло быть

и речи. Прибытие в терюшевские леса русского войска во главе с видным военачальником, государственным деятелем П. М. Щенятевым положило конец татарскому присутствию. Через три года Иван Грозный взял Казань и все Поволжье вошло в состав Русского государства. Видимо, именно в это время началось проникновение русских в терюшевские земли. Через сорок лет, как показывает самая ранняя сохранившаяся дозорная книга 1588 года, мордовские земли были оценены и учтены; были назначены «государевы подати» и льготы; несколько русских уже проживали в мордовских деревнях (Анпилогов, 1977. С. 66–73). Таким образом, можно считать, что присоединение терюшевских земель к русскому государству началось в 1549 году с победы на Константиновском поле*****.

Можно предположить, что татарское присутствие способствовало сохранению этнической самобытности терюшевской мордвы. К середине XVI века русские селения уже располагались южнее и восточнее будущей Терюшевской волости, а на территории, где хозяйничали татары, русские не могли и не хотели селиться. Поэтому процесс обрусения местных жителей начался намного позже.

ТАТАРСКИЙ СЛЕД В ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ

Как отмечалось выше, к последней четверти XVI века никаких татар в Селе Татарском и Бакшееве не осталось: все местные жители описаны как мордва. Как проверить, нет ли среди современных жителей села Татарского потомков татар? Можно провести поголовное генетическое обследование жителей, но результаты этого дорогостоящего проекта по ряду причин будут невнятными и разочаровывающими. Во-первых, население Терюшевской волости в течение всей истории было подвижно: переселялось из одной деревни в другую, основывало новые селения (особенно под давлением прибывающих русских в XVII веке), так что потомки тех, кто жил в Татарском в XVI веке, сейчас разбросаны по всему Дальнеконстантиновскому району. Во-вторых, татары представляют собой сплав самых различных этносов – тюркских племен, волжско-финских народностей, русских и др., поэтому генофонд татар очень пестр. Какие бы гаплогруппы не выявил генетический анализ у жителей бывших мордовских деревень, наверняка они же встречаются и у татар, так что сопоставление ничего не даст. Как показывают новейшие исследования, генетически мордва-эрзя и казанские татары очень близки (Балановский, 2015. С. 179–181). В переписных книгах XVII века перечислены сотни жителей мордовских деревень. У большинства – мордовские имена, но очень много имен русских, заимствованных задолго до крещения. Попадают и имена тюркского происхождения – Мамайко, Сайгуш, Ушмодей, Китай, Татарко и др., но их наличие говорит только о татарском культурном влиянии, а не об этнических корнях (Мокшин, 2013. С. 105–108; Сушкова, 2008).

ПРЕДЫСТОРИЯ СЕЛА ТАТАРСКОГО

Исходя из рассмотренных выше предположений, предысторию Села Татарского можно представить следующим образом. В XIV–XV вв. на землях северных мордовских племен возникло татарское поселение – возможно, административный центр, в котором татары собирали ясак с окрестных мордовских деревень. В дальнейшем селение использовалось татарами как «опорный пункт» при набегах на муромские и нижегородские земли. В 1549 году в сражении на Константиновском поле был положен конец татарскому присутствию, и село Татарское сохранилось как обычная мордовская деревня. В последней четверти XVI века жители Татарского в полном составе переселились в соседнюю деревню Сескино, а в

самом начале 1600-х годов возобновили деревню Татарское на новом месте – у Каменных Маров*****.

Дальнейшая история села Татарского излагается не предположительно, а на основе сохранившихся архивных документов – писцовых и переписных книг 1588, 1614, 1624, 1646, 1678, 1693 и 1700 гг. В переписных книгах XVII века деревня Татарское каждый раз упоминается с уточнением: «у Каменных Маров». Это вряд ли случайно: таким способом писцы отличали одно селение от какого-то другого одноименного селения. Но в данном случае уточнение понадобилось для того, чтобы отличить новое, возрожденное село Татарское от старого, покинутого жителями в последней четверти XVI века. Место, где раньше была деревня, называют селищем. «Старое селище Татарское» впервые упоминается в «Дозорной книге» 1614 года при описании деревни Березники: «Да тое ж деревни морьдвину Учесу Яковлеву дано по грамоте князя Микиты Ховансково да дьяка Филимона Озерова в деревне в старом селище в Татарском Валгомасовьская выть земли с четырьмя полянками с хмеловыми прежней выдаче к полувыти земли. А с тое земли платити ему посопной хлеб и всякие государевы подати с своею братею вместе. Да с тое ж земли с Татарского ухोजея платит полпуда меду да полкуницы» (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7513. Лл. 152–152 об.). Из этой записи можно понять, что старое селище Татарское находилось неподалеку от деревни Березники, поэтому пахотную землю и четыре медоносных хмелевых полянки получил теперь березниковский крестьянин Учес Яковлев. Упоминаемый князь Никита Андреевич Хованский (ум. 1608) был воеводой в Нижнем Новгороде. Березниковская мордва обратилась к нему с челобитной, чтобы получить права на бывшие угодья Села Татарского.

В описании деревни Березники в книге 1624 года содержится следующий фрагмент: «Да деревни ж Березников мордве Туманку Онтипину, Вечку Кичемасову, Баженку Орземасову с товарищи по их челобитью дано изо льготы старинное их татарское селище на речке на Пичесе, да к тому ж селищу две полянки: полянка Куналиха на ключю да полянка Азнгужа на речке на Азимуже. А на селище старым Татарским за межею деревни Берьсенихи за речкою за Пичесом пашни перелогом и лесом поросло дватцать пять четей» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Л. 31). Упоминаемые деревни Березники и Берсениха существуют и сегодня; река Пичес сейчас называется Печеть (но местные жители произносят ее название как «Пичесть»); «полянка Куналиха» ассоциируется с названием перелеска Кузналиха возле Новых Березников; а вот непроизносимое название второй полянки наверняка записано с ошибками и не локализуется. Эти топонимы позволяют уверенно локализовать старое татарское селище на правом берегу реки Печети, между деревнями Березники и Берсениха. Селище упоминается еще несколько раз при описании сенных покосов деревни Березники.

Почему же жители Татарского покинули это место и перебрались в Сескино? Такое массовое переселение могло быть связано с эпидемией или еще каким-то бедствием. С 1566 по 1570 г. по Руси прокатилось несколько волн «морového поветрия» – эпидемической болезни (вероятно, сыпного тифа), опустошавшей целые города, от Пскова до Свияжска и Чебоксар. Летом 1567 года эпидемия сопровождалась еще и нашествием грызунов (Васильев, Сегал, 1960. С. 43). Это одна из возможных причин, почему жители села Татарского перебрались в Сескино, и почему население было столь немногочисленным: в 1588 году в Сескине насчитывалось всего 16 дворов, включая те, что были перенесены из Татарского. В те давние времена женщины в переписях не учитывались, а мужчин в объединенной деревне было всего девятнадцать. Причем этот случай не был единичным: та же судьба постигла жителей села

Терюшева, которые были вынуждены перебраться в соседнюю деревню Бакшеево (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7514. Л. 85. См. также: Анпилогов, 1977. С. 67).

Во второй половине XVI в. многие русские деревни в Поволжье были разорены черемисами, восставшими против русской власти. Собственно, перепись 1588 года и проводилась с целью установления размеров ущерба, причиненного черемисскими войнами, например: «Село Велдеманово Кутнее на Гремячем ручью, а в нем место церковное, церковь сожгли черемиса... Да впусе того ж села 12 мест дворовых, а дворы пожгла черемиса» (Анпилогов, 1977. С. 17). Но, похоже, эта беда не коснулась мордовских деревень, поскольку переписчики об этом не упоминают (несомненно, терюхане сочувственно относились к восставшим черемисам – сами находились в таком же положении).

К сожалению, из переписи непонятно, кто именно был коренными жителями Сескина, а кто – переселенцами из Татарского. Но имена нескольких жителей Сескина совпадают с отчествами жителей Татарского, известными из переписных книг начала XVII века: Пилис Сидоров, Палешка Мукчemasов, Данилко Григорьев, Костя Сидясов, Якунка Бакшин. Единственный житель Сескина, отмеченный в 1624 году в Татарском – Кирдяш Вихцов. По всей видимости, все эти люди и были коренными жителями Татарского – они переселились сначала в Сескино, а потом основали деревню Татарское на новом месте, у Каменных Маров.

ДЕРЕВНЯ ТАТАРСКОЕ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Село Татарское было отстроено на новом месте в самом начале XVII века. В «Дозорной книге Нижегородского уезда» 1614 года записано: «Мордва Сескинская и Татарская. Деревня Татарское вышла из деревни из Сескина, а поселилась выше деревни Сескина на Каменных Марах» (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7513. Лл. 150–151). Выбор места можно объяснить, если вспомнить уже процитированную запись из книги 1588 года: «с пашнею на половину Каменных Маров та их пашня Татарского села сошлася с Сескинскою пашнею». Пахотные земли, принадлежавшие «Мордве Татарской», находились севернее сескинской пашни, а граница проходила по середине Маров (села Сарлей в то время еще не было, на его месте, возможно, были пахотные земли «Мордвы Татарской»). Теперь землепашцы переселялись из Сескина ближе к своей земле, но не старое место, а на 8 км восточнее. Нежелание жителей Татарского возвращаться на старое место, кажется, подтверждает гипотезу об эпидемии.

В «новом» Татарском в то время было 15 дворов. К сожалению, в «Дозорной книге» нет полного списка жителей, а указаны только домохозяева (да и то с пропусками): Милютка Пилесев, Кучеват Арзамасов, Ерменза Моштасев, Тотай Кенчанзин, Кечемас Пилекшев, Васка Кечуков, Учеватко Костентинов, Ондрюшка Данилов, Поздячко Ульянов, Ушмадейко Сулгашев, Бочюрко Пилесев, Кечемас Пилесев, Атенан Яковлев, Кистяй Тюшин.

Особо отметим в этом списке Ондрюшку (Андрея) Данилова. Он, несомненно, был сыном «русина Данилки Григорьева», жившего в Сескине в 1588 году. Русин – это средневековый этноним, означающий русского. Таким образом, получается, что Ондрюшка Данилов – первый документально подтвержденный русский житель Татарского.

Возле деревни Татарской была священная роща, куда жители ходили делать жертвоприношения языческим богам. Кроме того, по свидетельству П. И. Мельникова-Печерского, здесь же, на берегу Кирмети, был расположен и культовый объект, так сказать, национального значения: огороженная плетнем лужайка, на которой приносились жертвы Назаром-Пасу, богу зимы, луны и загробного мира (Мельников,

1867. С. 237). Возможно, именно это место в окрестностях Татарского называется сейчас «луг Мольбищи».

В «Писцовой книге мордвы и бортников русских» 1624 г. подробно описано возобновленное Село Татарское. Вот полный список жителей мужского пола в 1624 г.: «Деревня Татарская у Камянных Маров, а в ней мордовских дворов: 1) Милютка Телесев да сын его Кудашко; 2) Пиговатко Арземасов; 3) Ийзашко Арземасов; 4) Ерменза Мартасов да дети его Кичанзя да Резук; 5) Кирдюшка Вихцов да сын его Чатреско; 6) Баженко Антонов, что ему дано из Кирдюшевой земли Вихцова; 7) Кечко Арков; 8) Тотайко Кичанзин да брат его Катреско; 9) Учеватко Костянтинов; 10) Сатуш Мечасов; 11) Вашук Ерьмензин; 12) Кичемаско Пилешев да сын его Унарютко; 13) Вадманко Кечюков; 14) Васка Кечюков; 15) Ушмодейко Булгаков да сын его Неверко; да ему ж дано из Кирдюковы земли Вихцова полчети; 16) Мелчюк Пилесев; 17) Кичемаско Пилесев да сын его Пайгуш; 18) Отяшко Якунин да с ним бортник Васка Максимов; 19) Кистянка Тютин; да в деревне же Татарском живут синбилейская мордва: 20) Вашук Васильев; 21) Арзюк Васильев, что дано из Милютины земли Пиляева; 22) Кичемаско Иванов, что снял землю у Пиговатка Арземасова; 23) Килгушко Костянтинов» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Лл. 35 об. – 36 об.). К оригинальному тексту добавлена нумерация дворов, а раскладка по вытям выпущена. По всей видимости, хозяин двора № 1 Милютка Телесев и упоминаемый во дворе № 21 Милюта Пиляев – одно и то же лицо, разночтение объясняется небрежностью писца. Несомненно, это Милютка Пилесев, записанный в первом дворе в книге 1614 года. Ушмодей Сулгашев, упомянутый в книге 1614 г., здесь назван Ушмодейкой Булгаковым (двор № 15) – ошибка переписчика.

Численность жителей Татарского выросла и за счет естественного прироста, и за счет переселенцев из других деревень – в четырех последних дворах показаны переселенцы из деревни Синбилеи. Однако населенность дворов была крайне низкой: 1–2 мужчины в каждом дворе. Это подтверждает гипотезу о том, что население деревни пострадало от эпидемии. Из списка жителей особо выделим Кирдюшку Вихцова (двор № 5) – он единственный, кто упомянут и в Сескине в 1588 году, и через 36 лет в возрожденном Татарском. Видимо, он был старостой деревни: с его слов в писцовой книге записан раздел покосов; похоже, он же был и самым зажиточным крестьянином: на его земле поселились Баженко Антонов (двор № 6) и Ушмодейко Булгаков (двор № 16).

А во двор к Отяшке Якунину (№ 18) подселился бортник Васка Максимов. К началу XVII века леса вокруг Москвы сильно повырубали, и бортники – собиратели пчелиного меда в дуплах деревьев – стали переселяться в Поволжье, в земли, ставшие доступными для хозяйствования после разгрома Казанского ханства. Мед и воск были дорогими продуктами, они поставлялись к царскому двору и шли на экспорт; бортники платили оброк медом. Васка (Василий) Максимов – первый русский бортник в Татарском. Он подселился в чужой двор, потому что ему не нужна была пахотная земля – он искал в лесу пчел, изготавливал для них борти, собирал мед и воск.

В книге описаны принадлежащие жителям Татарского пахотные земли, сенные покосы, бортные ужожи (участки леса с бортными деревьями), а также угольная яма, в которой получали древесный уголь для использования в примитивных металлургических процессах. Видно, что хозяйственная жизнь деревни была разнообразной и напряженной. Исторический интерес представляет описание границ с селом Костянтиновом (ныне райцентр Дальнее Константиново), которым в 1624 г. владели помещики Смирной, Василий и Нелюб Мохневы и Алексей Колзаков (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Лл. 40–40 об.).

ДЕРЕВНЯ ТАТАРСКОЕ В 1646 ГОДУ

Следующая перепись мордовских деревень была проведена (в составе Нижегородского уезда) писцом И. Ф. Шаховским в 1646 году. В Татарском насчитывалось двадцать три двора – столько же, сколько и двадцать лет назад, но население выросло в три раза и насчитывало около двухсот человек (89 мужчин; женщины по-прежнему не учитывались) (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Лл. 1227 об. – 1230). Населенность дворов пришла к нормальному для XVII века значению: 4–5 мужчин (включая детей) во дворе. Вот, например, как разрослась семья Шатрески, сына старосты Кирдюша Вихцова: «Во дворе Шатреско Кирдяшев, у него два сына: Кечайко, Пашка; у него же брат Отымаско, у него сын Нуятко; у него ж племянник Анушка Маресев». Несмотря на многочисленные ошибки писца, которому тяжело давались мордовские имена, можно все же проследить преемственность поколений между двумя переписями.

Перепись 1646 года отметила усиление русской экспансии: русских бортников становилось все больше. Вот и в Татарском появились русские «бортничьи дворы»: «Во дворе Онофрейко Антонов, у него два сына: Оверка, Микифорко; у Оверка сын Сенка, у него ж на дворе в отделе три сына: два Ивашка да Офонка; во дворе Сенка Онофриев, у него четыре сына: Сенка, Васка, Тимошка, Ондрюшка». Похоже, что Сенка Онофриев – отделившийся старший сын Онофрея Антонова; так что это одно разросшееся семейство.

РУССКОЕ НАШЕСТВИЕ

Нам сейчас трудно представить, какой важной отраслью экономики было бортничество в XVII веке. Ведь в то время ни сахарной свеклы, ни сахарного тростника не было, сахар привозился из Индии в качестве экзотического снадобья. Поэтому добыча меда была прибыльным делом. В середине XVII века переселение бортников в Поволжье приобрело массовый характер. Видимо, это явление вызывало беспокойство властей: при составлении переписной книги Терюшевской волости в 1678 году стольник Иван Елизаров и подьячий Никифор Соболевский опрашивали всех русских бортников, откуда и когда они пришли в мордовские земли. Благодаря этому административному порыву, мы имеем уникальную информацию о происхождении русских жителей нынешнего Дальнеконстантиновского района.

В 1678 году деревня Татарское состояла из 44 дворов (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 6. Лл. 31 об. – 36). Переписчики поделили жителей деревни на три категории: «старинные» бортники, пришлые бортники и мордва. «Старинными» считались бортники, поселившиеся в деревне задолго до переписи. В Татарском «старинные» бортники жили в трех дворах; все они были потомками уже упоминавшегося Онофрейки Антонова.

Пришлые бортники занимали восемь дворов, причем все они жили в мордовских дворах, оставленных хозяевами. Вот, например, первый по списку – Анисимко Федоров: «в роспросе сказался: дед, и отец ево, и он, Анисимко, бывал Юрьевца Поволского государевы Березницкой волости деревни Беяева, а в деревню Татарское пришел жить тому дватцать пять лет и живет в тяглом дворе мордвина Баженка Кечкова, а Баженко вышел в Новое Тепелево» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 6. Л. 32). Юрьевец-Повольский был в то время уездным городом (сейчас это город Юрьевец Ивановской области). Анисимко Федоров был родом из дворцовой волости и, видимо, прибыл в дворцовую же Терюшевскую волость на законных основаниях. Он поселился во дворе местного жителя Баженки Кечкова, а тот перешел жить в новую деревню Новое Тепелево. Но как именно развивались события, мы не узнаем никогда: то ли Анисим Федоров поселился в уже пустом дворе, то ли он попросту выжил хозяина из его дома. Не случайно же именно в это время в Терюшевской волости появляются новые починки – их создавали коренные жители,

согнанные с насиженных мест. Во всех терюшевских деревнях было то же: русские бортники заселялись в мордовские дворы, а хозяева уходили в новые деревни.

Вот из каких мест прибыли в Татарское остальные «пришлые бортники»: Фомка Кирилов – из Юмохонской волости Суздальского уезда; Мишка Андреев – из села Губачева Борисоглебского монастыря Ростовского уезда; «захребетник» Ивашко Герасимов – из Толшемской волости Тотемского уезда (в Вологодских землях); Ивашко Ларионов – из Юрьевца-Повольского Елнацкой волости; Васка Козмин и Иевко Ларионов – из Юрьевца-Повольского Ячменской волости; Федка Кирилов из Вологодского уезда, села Фрязинова (Федка Кирилов сказал, что он родом из «Вологоцкого уезду дворцового села Фрязинова»). Однако большое вологодское село Фрязиново с 1617 года принадлежало боярину Б. И. Морозову). Федка явно лукавил: если б он сознался, что пришел в Татарское, бежав от помещика, его бы тут же к этому помещику препроводили. Еще у нескольких «пришлых бортников» в Терюшевской волости заметны нестыковки в показаниях. К тому же бортники наверняка прибавили сроки своего пребывания в Татарском (почти все указали 25–30 лет), рассчитывая, что за давностью лет разбираться никто не будет); Тараско Самойлов и Мартемьянко Анисимов – из Заузольской волости Балахонского уезда.

Однако основное население Татарского по-прежнему составляла мордва: они жили в 33 дворах (да еще в 11 отдельных избах в тех же дворах) и по численности почти в три раза превосходили русских.

ОСНОВАНИЕ СУРОВАТИХИ

Примерно в 1650 году несколько семейств села Татарского ушли из родной деревни и основали новый починок у истока реки Печети, километрах в 15 к западу от Татарского – то ли добровольно, то ли по приказу волостного начальства. Мотивы переселения ясны – истощение пахотных земель, перенаселенность, засилье русских. Новое селение впервые описано в книге 1678 года: «деревня новой починок Литюшиха, а Суроватиха тож» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 6. Лл. 117 об. – 121). В дальнейшем эта деревня называлась просто Суроватихой, после строительства церкви – селом Александровским, а сейчас это село Суроватиха в Суроватихинском сельском поселении Дальнеконстантиновского района. Если действительно мордовские землепашцы хотели скрыться в Суроватихе от нашествия русских, то их план не удался: к 1678 году в деревне было 5 дворов мордовских и уже 19 дворов русских бортников. Вот кто были домохозяевами в мордовских дворах: Останка Вадманов, Тагайка Вадманов, Суроватко Васильев, Сычемаска Сатушов и Важдайко Сатушов. Это все уроженцы Татарского: Останка и Тагайка – сыновья Вадманки Кучемасова, Суроватко Васильев – сын Васки Кучукова, а Сычемаска и Важдайко – племянники Суроватка, сыновья Сатушки Васильева. Они все записаны в переписной книге 1646 года в деревне Татарское (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Лл. 1229–1230).

Название Суроватиха образовано от мордовского имени Суроват с помощью русского суффикса «-их». Поскольку в первые годы существования деревни там был всего один житель по имени Суроват, ясно, что деревня названа по его имени. Суроватко Васильев – сын Васки Кучукова (Кечюкова), упомянутого в переписях 1614, 1624 и 1646 годов. Все потомки Васки Кучукова ушли из Татарского в Суроватиху. А во дворе Суровата Васильева в Татарском поселился русский бортник Иевка Ларионов, который рассказал свою историю переписчикам в 1678 году: «в роспросе сказался родиною Юрьевца Поволского Ячменской волости деревни Масулина, а в деревню Татарское пришел жить тому дватцать пять лет и живет в тяглом

дворе мордвина Суرواتка Васильева, а мордвин Суرواتко вышел в деревню Суرواتиху» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 6. Л. 33 об.). Если предположить, что бортник Иевка поселился во дворе Суرواتки Васильева, и тот сразу «вышел» в новый починок, то годом основания Суرواتихи можно считать 1653 год. И именем, и самим своим существованием Суرواتиха обязана жителям села Татарского.

Попутно можно попытаться выяснить происхождение альтернативного названия деревни – Литюшиха. Оно явно образовано от мордовского имени Литюш, однако жителя с таким именем в 1678 году в Суرواتихе не было. Поскольку все отцы-основатели Суرواتихи были выходцами из Татарского, логично и Литюша поискать там же. И, действительно, подходящий житель нашелся в книге 1646 года: «(во дворе) Вошунка Ермензин, у него два сына Литюшка, Санчешка» (РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Л. 1228 об.). В переписи 1678 года Литюшка (Вошункин или Вошуков) отсутствует, но что с ним произошло – непонятно. В его дворе в Татарском поселился «пришлый бортник» Ивашка Ларионов. По словам Ивашки, он «живет в тяглом дворе мордвина Литюшки Вашукова, а мордвин Литюшка живет в той же деревне в бобылях» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 6. Л. 32 об.). Однако бобыль в Татарском был всего один – Кажайко Келдюшев, так что Ивашка Ларионов явно что-то напутал. Можно предположить, что Литюш Вашуков «вышел» в новый починок вместе с Сураватом Васильевым, но вскоре умер; какое-то время починок назывался по его имени, но потом и название Литюшиха забылось.

СЕЛО ТАТАРСКОЕ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

К концу XVII века переселение русских в Терюшевскую волость приобрело массовый характер, и в 1693 году была предпринята еще одна перепись, в которой учитывались только русские, пришедшие после предыдущей переписи 1678 года. В деревне Татарской стольник Иван Ушаков и подьячий Матвей Козлов насчитали таких тридцать человек (мужского пола, включая домохозяев и их сыновей и братьев) в одиннадцати дворах (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 9. Лл. 12–13 об.).

География пришлых русских разнообразна: Заузольская волость Балахонского уезда, Юрьеvec-Повольский, Юмохонская волость Суздальского уезда, дворцовое село Красное Костромского уезда, Горская волость Коломенского уезда; а хитрый «Бориско Сергеев з братом Ивашкою... сказал родиную Костромского уезду, а чьи крестьяня, того не помнят, а в Татарское пришли жить тому пять лет...» Русские подсалялись в мордовские дворы, а мордва уходила в новые починки.

Перепись 1693 года отметила новое явление в жизни терюшевской мордвы: появились «новокрещены» – коренные жители, принявшие христианство. 16 мая 1681 года царь Федор Алексеевич издал указ о льготах для крещеной мордвы: «А как они крестятся, и им во всяких податях дано будет льготы на шесть лет» (Документы и материалы, 1940. С. 47). Егорка Анисимов, Петрунка Григорьев и Матюшка Кузмин первыми из «Мордвы Татарской» приняли крещение, и в книге записаны уже под русскими именами и отчествами. Правда, как отмечали церковники, зачастую, едва выйдя из церкви, новокрещены снимали с себя кресты и жили по-старому; «новокрещеная мордва в христианской вере не тверда, в церкви Божии не приходит» (Кузнецов, 1912. С. 53). Егорка Анисимов и Петрунка Григорьев из Татарского были «вывезены» в село Новое Покровское (Курилово тож), где проживали только русские бортники и новокрещены.

В 1700 году наступил переломный момент в судьбах не только деревни Татарского, но и всей терюшевской мордвы: царь Петр пожаловал Терюшевскую волость в вотчину изгнанному царю Имеретии (области в Западной Грузии) Арчилу Вахтанговичу. Царь Арчил несколько раз свергался и восстанавливался на имеретинском троне, а с 1699 года находился

Таблица 1

**Динамика изменения численности населения села Татарского
(учтены только мужчины) в XVII веке.**

Год	Количество дворов	Мордва	Бортники русские	Всего мужчин
1614	15			
1624	23	31	1	32
1646	23	89	12	101
1678	44	112	43	155
1700	53	148	88	236

на русской службе. Вместо жалованья Петр Первый отдал Арчилу несколько волостей из числа дворцовых, в том числе и Терюшевскую: «1700 году июля в 10 день по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по наказу ис приказу Болшаго Дворца за приписью дьяка Федора Микулина велено приказу Болшаго Дворца подьячому Никите Минину ехать Нижегородского уезду в Закудемской и Запьянской станы с селы и з деревни, а приехав, взять с собою понятых тутошних и сторонних людей, сколко человек пригоже, и в тех волостях описать церкви Божии ... и всякую церковную утварь, и поповские, и причетниковы, и бортничьи, и мордовские, и новокрещеные, и всяких жилецких людей дворы и в них людей всех по имяном с отцы и с прозвищи, и пашню, и лес, и сенные покосы, и пустоши, и всякие к тем волостям надлежащие угодыя, и рыбные ловли, и бортные ухожьи, все что есть налицо, переписать, а, переписав, отказать Меритийскому царю Арчилу Вахтаневичю и сыну ево царевичю Александру Арчиловичю вместо кормовых денег и питей в вотчину» (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр.10. Лл. 3–3 об.). В литературе можно встретить указания, что Терюшевская волость была пожалована царю Арчилу в 1698 или в 1684 году. Кроме того, 1700 год указан и в «Копии царской жалованной грамоты царю Арчилу Вахтанговичю и его сыну Александру на Терюшевскую волость в Нижегородском уезде» (ЦАНО. Ф. 2013, оп. 602, д. 883. Л. 1 об.). Среди понятых, присутствовавших при переписи и подсчетах, был староста деревни Татарское Иван Ларионов; по его неграмотности, за него к подлиннику отказной книги «руку приложил» терюшевский поп Андрей Феокистов (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 10. Л. 142).

В 1700 году в Татарском проживало около 500 человек (обоего пола) в 53 дворах, причем русских бортников было лишь в полтора раза меньше, чем мордвы (НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр.10. Лл. 20 об. – 24 об.). Как и было приказано, подьячий Никита Минин записал крестьян не только по именам, но «с отцы и с прозвищи» – с отчествами и фамилиями. Вот первые достоверно известные фамилии русских жителей Татарского: Тимошка Власов сын Коеткин, Сенька Иевлев сын Кучин, Андрюшка Иванов сын Сидякин, Ивашко Ларионов сын Барда, Васька Афанасьев сын Ядренев. Как известно, позже, в XVIII–XIX вв., крестьянские фамилии не писались в документах – метрических книгах, ревизских сказках и т.п. Паспортов или удостоверений у крестьян не было. Поэтому многие фамилии, конечно, забылись. Тем более удивительно, что и сегодня, триста двадцать лет спустя, потомки Тимошки Коеткина по-прежнему живут в Татарском и носят его фамилию – Коедкины. Еще недавно Андрей Коедкин вел в Татарском дискотеку – вот она, живая связь времен.

Список источников и литературы

- Антилогов Г. Н.* Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1977. 462 с.
- Балановский О. П.* Генофонд Европы. М.: Тов-во научн. издан КМК, 2015. 354 с.
- Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России. М., Медгиз, 1960. 397 с.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. М.: Наука, 1974. 382 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Т. 4. СПб.–М.: Издание М. О. Вольфа, 1882.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР [Текст] / Под ред. Ин-та истории Акад. наук СССР; (Отв. ред. Б. Д. Греков и проф. В. И. Лебедев); Морд. н.-и. ин-т языка, лит. и истории при СНК МАССР. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. Том 2: 70-е годы XVII в. – середина XVIII в. [Текст]. 352 с.
- Кузнецов С. К.* Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907–1908 г. Вып. 2 (Мордва). М.: Типография Пожидаева, 1912. 73 с.
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка в 3 т. СПб.: Астрель, 2015. Том 1: А-Л. 1168 с.
- Мельников П. И.* Очерки мордвы // Русский вестник. М., 1867. Том 71. № 9. С. 217–258.
- Мининзон И. Л.* Ономастика терюхан // Открытый текст. Электронное периодическое издание. Размещено 05. 12. 2014. [Электронный ресурс. <http://opentextnn.ru/old/space/littlesities/index.html?id=5528> (дата обращения: 20.09.2021)].
- Мокшин Н. Ф.* Тюркизмы в мордовском ономастиконе // Социально-политические науки. № 3, 2013. С. 105–109.
- Неупокоева В. Ю.* Путь Ивана IV Васильевича на Казань в 1552 году: версии и оценки // Молодой ученый. 2016. № 11.2 (115.2). С. 21–24 [Электронный ресурс]. <https://moluch.ru/archive/115/30792/> (дата обращения: 19.09.2021).
- НГОУНБ (Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека). Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1. Писцовая книга мордвы и бортников русских 1624 г. Лл. 31–41.
- НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 6. Книга переписная Терюшевской волости 1678 г. Лл. 31 об. – 36, 117 об. – 121.
- НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 9. Копия с переписной книги Терюшевской волости, выданная Дарье Арчиловне Имеретинской. Лл. 12–13 об.
- НГОУНБ. Ф. 6, оп. 1, ед. хр. 10. Копия с отказной книги Терюшевской волости 1700 г. Лл. 3 – 3 об., 20 об. – 24 об., 142.
- Никоновская летопись (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью) // Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
- Орлов А. М.* Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьб. Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. ун-та, 2001. 242 с.
- Продолжение Хронографа редакции 1512 года / Шмидт С. О. // Исторический архив. М.-Л., 1951. Т. 7. С. 254–299.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / Ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с.
- РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Переписная книга Нижегородского уезда писца И.Ф. Шаховского 1646 г. Лл. 332 об., 1227 об. – 1230 об.

РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 297. Переписная книга Нижегородского уезда писца И. Ф. Шаховского 1646 г. Л.

РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7513. Дозорная книга Нижегородского уезда 1614 г. Лл. 150–152 об.

РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, д. 7514. Лл. 85, 90 об.

Сушкова Ю.Н. Юрико-антропологические аспекты имени у мордвы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2008. № 2(6). С. 16–25.

Татищев В. Н. От Батыя до Ивана Грозного: история российская во всей ее полноте. М.: Алгоритм, 2013. 768 с.

Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование [Электронный ресурс]. <https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/2124.html> (дата обращения: 20. 09. 2021).

Примечания редколлегии

* Летописные, как, впрочем, и археологические, источники никак не позволяют говорить о постоянном присутствии в прилегавших к Нижнему Новгороду мордовских землях XIII–XIV вв. татарских военных контингентов и чиновников (ближайший населенный пункт, где отмечено реальное татарское присутствие, и то в неясной форме – Наровчат). Тем более не может быть речи о таком присутствии в XV в., когда Золотая Орда распалась и деградировала. Более того, отсутствие развитой государственности и менее развитые социально-экономические отношения у мордвы XIII–XV вв. предполагают наличие совершенно определенной системы сбора дани, хорошо известной по более позднему времени и перенятой русской властью – а именно ясачного обложения. Оно вовсе не предполагает наличия сколько-нибудь разветвленной сети административных центров; ясатчики время от времени объезжали подъясачное население, а базироваться могли в Наручади (Наровчате), где как раз отмечено присутствие татарского контингента, правда, под началом сепаратиста. Пределы же влияния казанских ханов ограничивались на западе Сурой, что зафиксировано в летописях и актовом материале.

** Скрытому передвижению просека как раз вредит. Для него больше подходит тайная лесная тропа или известное проводникам направление.

*** Традиция возведения курганов сохранялась в Золотой Орде много позже 1320-х годов (Васильев Д. В. Ислам в Золотой Орде (Историко-археологическое исследование). Астрахань: Астраханский университет, 2007. С. 40; Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. С. 241). К тому же приписывание курганов именно ордынским татарам без опоры на археологический материал с маров весьма уязвимо для критики. Это могут быть естественные образования, или же памятники более раннего времени. Археологически присутствие постоянного кочевого населения в регионе не отмечено, следовательно, вряд ли можно ожидать обнаружение там элитарных кочевнических погребений.

**** Слово «багши» пришло в Восточную Европу от монголов: багш (древнемонг. *bagši*) – учитель, инструктор, мастер, учитель-лама, хозяин, господин. Происходит оно, вероятно, из санскрита, и связано с уйгурами-буддистами, составившими основу штата канцелярии Монгольской империи. В XV–XVI вв. бахши, бакшей – это писец, секретарь (высокопоставленный член посольств) (Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 226–227), и вряд ли в XIV в.

такое лицо могло проживать в столь малозначительном сельском поселении, и дать ему название. Заметим, что достаточно многочисленные топонимы типа «Баскаково» не могут быть связаны с проживанием в тех местах баскаков. Баскак – это очень высокая должность в золотоордынском госаппарате, по источникам известны лишь единицы баскаков, которые фиксируются только в крупнейших городах, в то время, как топонимы относятся всегда к мелким сельским поселениям (Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. С. 152–163. 202–204; Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татар. политики на Руси). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 201). Аналогична ситуация и с бакшеем. «С учетом политической ситуации в XIV – начале XVI вв.» – некорректное замечание, поскольку ситуация изменилась за это время очень сильно. В период распада Золотой Орды и социально-политической дезинтеграции в степи ханы не могли назначать в мордовские земли чиновников.

***** Сомнительно, чтобы русская рать, вряд ли потерявшая в стычке сколько-нибудь заметное число ратников, задержалась бы в зимнее время в таком глухом месте; сбор и разбор трофеев занял бы не более часа.

***** Очень сомнительно, что русские ратники и воеводы стали бы беспокоиться о нескольких десятках, максимум, сотне с небольшим, убитых татарах, да еще в пограничных землях. Убитых просто обобрали и оставили. Если там не было мордовских пашен и близлежащего поселения, то и мордвины вряд ли стали утруждать себя таким занятием.

***** Никаких постоянных значительных контингентов почти на всем протяжении проторенного для московского войска маршрута не было, кроме Васильсурска и Нижнего Новгорода. Поэтому казанцы при пользовании им не сильно рисковали.

***** Вряд ли можно говорить о каком-либо влиянии казанцев в тех местах – слишком близко к Нижнему Новгороду и Мурому, часть волостей которых находились в непосредственной близости к Константинову полю. Это слишком далеко даже от чувашских и марийских земель (где признавалась власть Казани). Кроме того, С. Ю. Шмелев не учитывает вероятность связи топонима «Татарское» с нижегородскими и муромскими служилыми татарами. Такая служилая корпорация (или просто территориальная группа) отмечена в источниках XVI в., но позже исчезает, а вместо нее появляются татары арзамасские и алатырские. (Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // подг. текст К.В. Петров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. С. 65–66). До начала российского освоения северных мордовских земель и основания Арзамаса в тех местах вряд ли могли быть вотчины служилых татар; скорее они уже существовали в нижнем Посурье (Сергачский район), но упоминание именно муромских и нижегородских служилых татар позволяет допустить, что еще в середине XVI в. какие-то их вотчины могли находиться к югу от Нижнего и востоку от Мурома – как раз в Дальнеконстантиновском районе. На территории Села Татарского мог располагаться двор служилого татарина и дворы мордвы, платившей ему ясака; после же продвижения российских границ на юг, татары были переведены в район Арзамаса, а мордовские дворы отошли казне. Такая вот гипотеза.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МОРДОВСКИХ ДЕРЕВЕНЬ НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА С КОНЦА XVI ПО XVII В.

История мордовских деревень Нижегородского уезда на рубеже XVI–XVII вв. изучена достаточно подробно благодаря нескольким ценным источникам, относящимся к тому периоду времени. Во-первых, это дозорная книга Василия Федоровича Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 7096 (1587/88) года. Во-вторых, дозорная же книга Семена Ивановича Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева 7122 (1613/14) года. В-третьих, писцовая книга Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова, составленная в 1620-е гг. (крайняя дата – 1627 г.). Первые два источника были впервые проанализированы А. А. Гераклитовым в 1929 г. в статье «Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 гг.». В 1977 г. дозорная книга 1587/88 г. была опубликована Г. Н. Анпиловым в сборнике «Нижегородские документы XVI века». Писцовую книгу Д. Лодыгина в широкий научный оборот ввела Н. В. Соколова в своем фундаментальном труде «Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков», увидевшем свет в начале 2021 года.

Помимо этих источников некоторые дополнительные сведения можно найти в приходных книгах 7116 (1607/08), 7120 (1611/12) и 7127 (1618/19) гг., которые содержат ценный материал о том, какие угодья были на оброке за нижегородской мордвой, и кто пользовался теми угодьями. Также в них есть перечни мордовских деревень, представлена оценка пашни в живущем (т.е. возделываемой земли), величины посопного хлеба в натуральном выражении и денег, подлежащих уплате за него. Первые две книги опубликованы С. Б. Веселовским в 1910 году и наиболее известны под названием «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг.» (в данной работе они также именуется «платежницы» и сокращенно «НП», а время их написания проставлено в современном формате – 1607/08 г. и 1611/12 г.). Приходная книга 7127 (1618/19) г. была представлена научному сообществу чуть раньше – в 1905 году – в сборнике Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК).

Благодаря всем вышеперечисленным источникам можно проследить динамику развития поселений нижегородской мордвы за период длительностью 40 лет, включающий в себя Смутное время. Дальнейшие сведения, как правило, брались исследователями из приходных книг 1640-х гг., также опубликованных НГУАК. Однако более надежным и комплексным источником следует считать переписную книгу И. Ф. Шаховского и подьячего Прокофия Симанова 7154 (1646) г. по Терюшевской волости и Запьянскому стану. О существовании копий данной книги по этим территориям сведений нет, поэтому приходится обращаться к более поздней переписи Ивана Тимофеевича Елизарова и подьячего Никифора Соболевского 1678 г. Ее огромным преимуществом является сравнение с данными предыдущих книг 1646 г., что позволяет понять, какие поселения существовали в то время, какое в них было количество дворов и жителей, а также были ли они мордовскими, бортничьими или смешанными в части этнического состава населения. Переписная книга 1678 г. использована в данной работе, что дополняет картину развития земель нижегородской мордвы в течение полувека, прошедшего после оформления писцовых книг Д. Лодыгина. В этот период наблюдается колонизация исконно мордовских земель русскими людьми (бортниками), появляются в

большом количестве новые починки, а также происходит образование Терюшевской волости и Запьянского стана.

В силу того, что все источники совершенно разные по своему наполнению, в данной работе будет проведен анализ только двух важных индикаторов развития: изменения перечня населенных пунктов и изменения состава населения по этническим группам (мордва и русские бортники) во времени. Важно отметить, что в категорию бортников могли, вероятно, попадать и так называемые «новокрещены» из мордвы, то есть люди, принявшие православную веру. Но, прежде всего, речь все-таки шла о пришлых людях как с земель Нижегородского уезда, так и с иных территорий, поэтому все они условно будут считаться в данной работе русскими в противопоставление некрещеной мордвы.

Появление и исчезновение поселений можно отслеживать и по приходным книгам, что позволяет видеть динамику весьма подробно. Доступные временные срезы следующие: 1587/88, 1607/08 и 1611/12, 1613/14, 1618/19, 1620-е гг., 1646 и 1678 гг. Количество дворов и населения определено в дозорных, писцовой и переписных книгах, поэтому точек наблюдения меньше: 1587/88, 1613/14, 1620-е гг., 1646 и 1678 гг. Учет населения так или иначе условен – его точность разнится в разных источниках. В связи с этим абсолютные значения вторичны в данном исследовании – важен не прирост числа дворов мордвы или бортников между периодами, а изменение процентного соотношения между ними. На основе сведений из книг, где это возможно, высчитаны доли дворов, относящихся к той или иной группе населения, и оценено, как эти доли менялись в сравнении с предыдущим периодом. Это упрощенный подход, но для понимания общих тенденций его достаточно. Используются и данные о том, к какой категории отнесено поселение – при отсутствии разбивки дворов на этнические группы это позволяет отследить как минимум изменение категории между периодами (например, превращение чисто мордовской деревни в смешанную, т.е. населенную и мордвой, и бортниками).

Дозорные книги 7096 (1587/88) года детально проанализированы в труде Н. В. Соколовой. Они сохранились в виде копии в РГАДА (Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514), копия подготовлена в Нижнем Новгороде, и ее можно датировать концом 1612 года (Соколова, 2021. С. 72). Мордовские земли учтены в отдельной книге со своим заголовком (Соколова, 2021. С. 76).

Нижегородская мордва во время дозора проживала как в селах, так и в деревнях. Еще А. А. Гераклитов выдвинул гипотезу о понятии «село», подметив, что мордовские села могли быть административными центрами отдельных мордовских групп (Гераклитов, 2011. С. 128). В 1587/88 г. не наблюдается никаких признаков, что село чем-то отличается от деревни, поэтому такой статус мог быть характерен для сел в более ранний период времени.

Согласно дозору, мордовские поселения делились на 9 групп: 1) мордва Пумерского села, 2) Терюшевская и Бакшеевская мордва, 3) Синбилейская мордва, 4) Тепелевская мордва, 5) Сескинская и Татарская мордва, 6) Борцовская мордва, 7) Березопольская мордва, 8) Вадская мордва, 9) Запьянская мордва.

Семь первых групп были весьма плотно сосредоточены вокруг современного села Дальнее Константиново (в радиусе не более 15 км). Еще одна группа – Вадская мордва – проживала около реки Вад (три поселения в радиусе не более 10 км от озера Вад: деревни Вадская, Ватня, Олховичи). Последняя группа называлась Запьянской мордвой, и к ней относились две несвязанных между собой подгруппы поселений: первая – на месте современных сел Пилекшево и Ичалки (в прошлом – деревни Пилекшево и Ичалово), вторая – у реки Анды, левобережного притока Пьяны (деревни Новое Можарово и Старое Можарово). Расстояние между ними – около 70–80 км. Наиболее крупной группой по количеству дворов и людей

была как раз мордва Запьянская, последнее место по этим параметрам занимала мордва Березопольская, куда относился всего один сравнительно небольшой населенный пункт.

Перечень всех мордовских сел и деревень, а также пустошей приведен в таблице 1.

Итого в дозорной книге учтено 5 сел, 14 деревень и 3 пустоши. Две пустоши – Старое Терюшево и Старое Тепелево – были приписаны к другим поселениям. Особняком стоит пустошь Новое Терюшево, поскольку на ней в момент проведения дозора шел процесс заселения, но в статус починка она еще не перешла: здесь пытались обосноваться два мордвина из села Пумры, для чего им назначили освобождение от податей на 4 года с октября 1587 года. Названия пустошей свидетельствуют, что на их месте ранее были мордовские поселения: перед дозором шла Третья черемисская война, и некоторые из населенных пунктов мордвы в силу нестабильности в регионе запустели. Например, в дозоре отмечено, что Терюшевская мордва переселилась в Бакшеево из некой Терюшевской деревни. На месте этой деревни, по-видимому, и появилась пустошь Старое Терюшево. А при описании пустоши Новое Терюшево дозорщики отметили несколько запустевших дворовых мест, которые ранее были заселены.

Таблица 1

**Перечень мордовских сел, деревень и пустошей, учтенных в дозорной книге
1587/88 г. с указанием количества дворов и жителей**

№	Название	Группа	Тип	Дворов	Людей	Люди на льготе	Бобыли
1	Пумра	1	С	16	16	1	-
2	Бакшеево	2	С	14	18	-	1
3	в т.ч. Старое Терюшево	2	П	-	-	-	-
4	Новое Терюшево	2	П	-	-	2	-
5	Синбилей Старые	3	С	20	27	-	-
6	Синбилей Новые	3	Д			-	-
7	Тепелево Новое	4	Д	9	9	-	-
8	Тепелевское Большое	4	С	3	3	-	1
9	Кудрино	4	Д	6	6	-	-
10	в т.ч. Старое Тепелево	4	П	-	-	-	-
11	Сарадовская (Тепелево)	4	Д	6	6	-	-
12	Сескино	5	Д	16	19	-	-
13	Новое Борцово	6	Д	12	15	-	-
14	Старое Борцово	6	Д	9	10	1	-
15	Березники	7	С	7	7	-	-
16	Вадская	8	Д	12	14	-	1
17	Ватня	8	Д	9	11	-	2
18	Олховичи	8	Д	4	4	-	-
19	Пилешево (Пилекшево)	9	Д	6	6	-	-
20	Ичалово	9	Д	13	14	-	-
21	Новое Можарово (Андосово)	9	Д	15	15	-	-
22	Можарово Старое	9	Д	15	15	-	-
	Итого (по сумме)	-	-	192	215	4	5
	Итого в конце книги	-	-	191	215	4	4

Сокращения: С – село, Д – деревня, П – пустошь

В итогах дозора также упоминаются 2 селища, из которых одно однозначно идентифицируется как Старое Сескинское селище на реке Кирметь, под вторым, скорее всего, скрывается запустевшее село Татарское, мордва из которого снесла свои дворы в деревню Сескино (отсюда и название группы – Сескинская и Татарская мордва).

В списках жителей мордовских сел и деревень встречаются русские люди (бортники), отмеченные дозорщиками словами «русины» или «русаки», но их упоминания единичны. Итоги по населению подведены без разбивки на русских бортников и мордву и оценить соотношение между ними точно невозможно. Не исключено, что некоторые из неназванных русинами (русаками) носителей полностью русских имен и отчеств не были мордвой. Но явно, что русские не являлись значимой группой в конце 1580-х гг. Это важное наблюдение, поскольку в дальнейшем этнический состав деревень поменяется.

Следующие по времени появления источники сведений – платежницы. И в НП 1607/08 г., и в НП 1611/12 г. приведены списки мордовских деревень в отношении уплаты денежных сборов за посопный хлеб. Поселения в них представлены весьма хаотично без сохранения какого-либо группирования, какое соблюдено в дозорной книге 1587/88 г. Известно, что во время дозора мордва была освобождена от уплаты различных податей, основанием к чему являлась военная служба (Соколова, 2021. С. 117–118). Таким образом, данные списки были сформированы позднее при введении повинности по посопному хлебу среди мордвы. В целом, они идентичны в обеих платежницах, но в НП 1607/08 г. есть некоторые особенности, которые важно отметить.

Поселения в ней разнесены по разделам, которые, очевидно, не соотносятся с мордовскими населенными пунктами. Первая группа деревень приведена под заголовком «Бортные села и деревни за Кудьмой». В нее попали: Новое Можарово (Андосово), Старое Можарово, Новое Тепелево, Пилекшево, Сарадун (т.е. Сарадон). Здесь представлены три деревни Запьянской мордвы из двух различных подгрупп (Новое Можарово и Старое Можарово около речки Анды из одной и Пилекшево из другой), а также два поселения Тепелевской мордвы (Новое Тепелево, Сарадон). Далее перечисляются несколько русских сел со связанными с ними деревнями. Следом начинается раздел «Бортные Березопольские села и деревни», куда отнесены следующие мордовские населенные пункты: Новое Бурцово (т.е. Борцово), Старое Тепелево, Кужедом, Кудрино, Синбилеи, Березниковская, Помра, Сескино, Елховичи, Бакшеево, Терюшево, Малый Вад, Большой Вад, Суст(ат)ого (т.е. Сустатово), Ичалово.

Русские села могли попасть внутрь перечня по причине случайной подмены листов: они занимают только лист № 165 с оборотом, который начинается сразу после описания деревни Сарадон, а заканчивается прямо перед описанием деревни Новое Борцово. Заголовок «Бортные Березопольские села и деревни» находится именно на этом листе, то есть к мордве отношения не имеет.

Отсутствие же заголовка перед началом списка по мордве (до д. Новое Можарово) может быть объяснено тем, что он по какой-то причине был пропущен. В платежнице 1611/12 г. подобный заголовок имеется («Мордовские села и деревни») и проставлен перед описанием д. Новое Можарово. Прямо перед ним упоминаются Закудемские села и деревни (Поповское, Шершово, Летнево, Григорьево, Сонино). Те же поселения учтены и в платежнице 1607/08 г. непосредственно до д. Новое Можарово. Именно к ним и относится заголовок «Бортные села и деревни за Кудьмой».

Можно также обратить внимание, что в этой платежнице нет упоминания д. Старое Борцово и д. Новое Терюшево. Но в НП 1611/12 г. они присутствуют в идентичном по

последовательности перечисления населенных пунктов перечне: Старое Борцово указано сразу перед Новым Борцово, а Новое Терюшево – после Ичалово. Причина, вероятно, заключается в том, что эти деревни попали на места повреждения листов, которые указаны в публикации С. Б. Веселовского («оторвано»). Такие пометки сделаны в НП 1607/08 г., как раз, перед Новым Борцово и после Ичалово (см. НП, 1910. С. 95, 96).

Таким образом, перечень мордовских деревень по своей структуре не отличается от того, который представлен в платежнице 1611/12 г., а наблюдаемые расхождения могут быть объяснены нарушением целостности платежницы 1607/08 г. Известно, что среди Запьянской мордвы уже в 1603–1604 гг. появилась, например, д. Новое Андосово (об этом далее). Маловероятно, что она пребывала на десятилетней льготе, чтобы не попасть в платежницу 1611/12 г. Скорее всего, в период Смутного времени единожды сформированный список по посопному хлебу попросту не менялся, и его изменения последовали уже после дозора 1613/14 г. Таким образом, даже на 1607/08 г. он не включал в себя все существовавшие на тот момент времени мордовские поселения и может быть условно датирован рубежом XVI–XVII вв.

Какие же изменения произошли в составе мордовских поселений к моменту составления перечня, содержащегося в НП 1607/08 г. и НП 1611/12 г., по сравнению с дозорной книгой 1587/88 г.?

Во-первых, в списке из платежниц по посопному хлебу присутствуют только деревни, то есть к моменту его формирования понятие «село» в отношении мордвы перестало применяться. Это только подтверждает тезис о том, что и во время составления дозорной книги 1587/88 г. употребление этого понятия уже не несло особой смысловой нагрузки, а к началу XVII века попросту стало неактуальным и вышло из оборота (одно исключение будет в дозорной книге 1613/14 г., о чем далее).

По сравнению с дозорной книгой В. Борисова добавилась деревня Сустатово. В дозорной книге 1613/14 г. она учтена так: «(дрв) Сустатово вверх Пицы посаду, поселилась на диком поле по памяти воеводы князя Григорья Засекина» (РГАДА. Ф. 1209-1-7513. Л. 141). И далее приведены дополнительные сведения: «по памяти князя Григорья Засекина да 93 [1584/85] году дано сустатовской мордве дикова поля три выти» (там же, л. 142). Деревня эта находилась на удалении от основных земель Нижегородского уезда и была зажата между Арзамасским и Алатырским уездами. Ее ориентиром служит село Абаимово (в начале XVII в. – Новокрещеново), южнее которого и располагались земли сустатовской мордвы. Григорий Осипович Засекин был воеводой в Алатыре, то есть земли деревни Сустатово изначально относились к Алатырскому уезду. Возможно, по этой причине они и не попали в дозорную книгу 1587/88 г., а в какой-то момент произошло их прикрепление к Нижегородскому уезду. Однозначно, что в 1597 году Сустат назван мордвином из Нижегородского уезда, о чем свидетельствует один из арзамасских актов в сборнике С. Б. Веселовского, где он записан как «Сустат Канев» (Веселовский, 1915. С. 136). В то же время в акте 1598 года он же учтен как житель деревни Сустатово Алатырского уезда (*там же*, С. 163). Это говорит о том, что перевод земель мог случиться относительно недавно, и у составителей актов еще не было полной ясности, к какому уезду относить земли.

Из платежницы 1607/08 г. также известен можаровский мордвин Сустат Канесев (НП, 1910. С. 47), где название «можаровский» может относиться к более ранним периодам времени (до учета Сустатово как полноценного поселения), когда за этим человеком было закреплено угодье. Он же упомянут в книге Д. Лодыгина при описании бортного угодья сустатовской мордвы, но к тому моменту времени уже скончался. Таким образом, Сустатово однозначно

является выселком из Старого Можарово. Отсутствие упоминания Сустата в дозоре 1587/88 г. говорит о том, что он уже мог проживать в новом починке, названном его именем.

Еще одним изменением по отношению к дозорной книге 1587/88 г. стало заселение трех пустошей – Старого и Нового Терюшево и Старого Тепелево. На их месте появились одноименные деревни. В списках платежниц также указана только д. Синбилей, нет деления на Старые и Новые Синбилей. Не ясно, что послужило этому причиной, но в дозоре 1613/14 г. оба поселения учтены, в каждом из них достаточно большое количество дворов, поэтому можно предположить, что они существовали непрерывно и ранее. Можно обратить внимание, что в дозоре 1587/88 г. их пашня не разделена, что и могло повлиять в дальнейшем на учет поселений в платежницах под одним названием Синбилей. К тому же пашня в живущем в этой д. Синбилей на 1607/08 и 1611/12 г. (16 вытей с четью) весьма близка к той, которая будет соотнесена с деревнями Старые и Новые Синбилей позже, когда они перейдут в поместье к Ю. Я. Сулешеву в 7124 (1615/16) году (18 вытей с полувытью – см. Соколова, 2021. С. 209–210).

Наконец, среди деревень Тепелевской мордвы появляется новое название – Кужедом, но это не что иное, как второе название села Большое Тепелево, написанного в дозоре 1587/88 г. Это подтверждается в писцовой книге Д. Лодыгина 1620-х гг.: «деревня Кужедом, что было Большое Тепелево на враге / на Кужадоме» (НГОУНБ. Ф, 6-1-1. Л. 10–10 об.).

Итого в дозорной книге 1587/88 г. было 5 сел и 14 деревень, а в списках из НП 1607/08 и 1611/12 гг. к мордовским отнесены 22 деревни. Увеличилось количество поселений в группах Бакшеевской и Терюшевской (Новое и Старое Терюшево), Тепелевской (Старое Тепелево) и Запьянской мордвы (Сустатово). Сокращение перечня коснулось только Синбилейской мордвы (-1, учтена только деревня Синбилей без уточнения Новые или Старые).

Но, как было отмечено ранее, платежницы не отражают всех изменений – некоторые мордовские починки Запьянской мордвы ко времени их оформления уже появились, но в перечень по посопному хлебу не попали. Это раскрывается в следующем по времени источнике – дозорной книге 1613/14 г. Она была подготовлена Семеном Ивановичем Языковым и подьячим Емельяном Евсевьевым. Книга сохранилась в виде копии в РГАДА (Ф. 1209. Оп. 1, Д. 7513), копия подготовлена в Нижнем Новгороде, и ее можно датировать по скрепе дьяка Василия Юдина периодом с 1618 по 1621 г. (Соколова, 2021. С. 124). Описание мордовских земель начинается после русских с листа 136 об., текст обрывается на листе 156 об., окончание дела отсутствует.

Само группирование деревень сохранилось, и все группы поименованы так же, как и в дозоре В. Борисова 1587/88 г. (мордва Пумерского села названа упрощенно мордвой Пумерской). Но мордовские населенные пункты описаны в ином порядке: сначала приведены сведения о Запьянской мордве, далее о Вадской, в конце – о 7 оставшихся группах, при этом из-за утраты части рукописи сведения о Терюшевской, Бакшеевской и Тепелевской мордве отсутствуют полностью, а о Синбилейской мордве – частично. Также, к сожалению, пропущены листы со списками жителей деревень Большой Вад и Старое и Новое Сескино. На это указывают нарушения в последовательности предоставления информации и пропуски в скрепе дьяка Василия Юдина между л. 144–145 (Большой Вад) и л. 150–151 (Старое и Новое Сескино) в последней нумерации арабскими цифрами. В этих местах не наблюдается нарушения и в более ранней нумерации листов, сделанной цифирью, то есть выпадение листов произошло в XVII – начале XVIII вв. до замены кириллической системы счисления.

Под каждой группой мордвы подведены промежуточные итоги по населению, оценке земли, сенных покосов. Это отличает данный дозор от дозорной книги В. Борисова, где

итоги подводились только по отдельным поселениям и суммировались в конце по всей нижегородской мордве. Возможно, что дозорщики в 1613/14 г. выбрали такой подход, поскольку промежуточные итоги по группам мордвы позволяли упростить подведение окончательных итогов, но в силу утраты окончания книги понять, насколько точными были расчеты не представляется возможным.

Группы и относящиеся к ним названия поселений в порядке их упоминания в книге следующие:

Запьянская мордва. 1. Деревня Можарово (Старое Андосово) на речке на Анде; 2. деревни Можаровы выставок деревня Акузово на реке на Пьяне на Нижегородской стороне; 3. деревня Новое Андосово на реке на Пьяне под Тремя островами на алатырской стороне, поселилась ново по выписи Петра Наумова; 4. деревня Юмурга (т.е. Юморга), что была деревня Старое Можарово за лесом, а ныне поселилась на алатырской стороне по выписи воеводы Петра Наумова; 5. деревня Кисленка, поселилась ново; 6. той же деревни Можаровы выставок деревня Сустатово.

Упомянутый здесь Петр Наумов был воеводой в Алатыре в 1603–1604 гг. (Кочетков, 2012. С. 170), обе его выписи касались расселения мордвы на алатырской стороне, т.е. на противоположном берегу Пьяны относительно Нижнего Новгорода. Известно, что Д. Лодыгин позднее использует выпись алатырского воеводы Петра Наумова при установлении границ земель д. Акузово, она датирована 7112 (1603/1604) г. (НГОУНБ. Ф. 6-1-1. Л. 82 об.). Таким образом, можно поместить время появления новых деревень Н. Андосово и Юморга в интервал 1603–1604 гг.

Юморга, как видно из описания – это бывшее Старое Можарово, упомянутое в дозорной книге 1587/88 г. Местоположение этой деревни идентифицируется легко – сегодня это село Юморга Пильнинского района Нижегородской области. Новое Андосово же требует привязки, поскольку даже на планах генерального межевания такое название уже не встречается. Однако «Три острова» – хорошо известное урочище, которое даже было ориентиром на большой Казанской дороге, пролежавшей южнее Юморги (Парадеев, 2020. С. 32). А из более поздней писцовой книги Д. Лодыгина известно, что с востока деревня Новое Андосово граничила с деревней Юморгой (НГОУНБ. Ф. 6-1-1. Л. 89 об. – 90), т.е. ее местоположение можно связать с землями, на которых в том же XVII в. появятся деревни Старая и Новая Березовки.

Итак, из Нового Можарово (оно же изначально Андосово, а далее – Андосово Старое) появились выселки – Акузово и Новое Андосово. Жители Старого Можарово переехали на новое место на другой берег реки Пьяны (на алатырскую сторону) на устье речки Юморги. Выходцами из Старого Можарово основано два выселка: Кисленка и Сустатово, при этом Кисленка, вероятно, появилась совсем недавно по отношению ко времени дозора 1613/14 г., а Сустатово, как ранее было показано, могло существовать на алатырской стороне и ранее дозора 1587/88 г.

Вадская мордва. 1. Большой Вад (сведения о жителях утрачены); 2. Малый Вад на речке на Ватне; 3. Елхово (так записано) на речке на Елховке.

Здесь, в целом, перечень поселений между периодами не поменялся, хотя названия и сменились. Деревня Ватня из дозора 1587/88 г. стала Малым Вадом (подтверждается сверкой перечня жителей). А деревня Вадская – Большим Вадом. Олховичи и Елхово – одно поселение, но с искажениями в написании.

Пумерская мордва. 1. село мордовское Пумра; 2. деревня Вармалей (Новая Пумра).

Очень любопытно, что Пумра, названная в платежницах деревней, вновь становится

селом, но здесь, скорее всего, кроется не что иное, как некорректное заимствование из более ранних источников (той же дозорной книги 1587/88 г.). Мордовским село однозначно не могло быть, поскольку все население Пумры в 1613/14 г. составляли русские бортники, а мордва переселилась в деревню Вармалей. Деревня эта появилась западнее Пумры на ее третьем поле, то есть заняла 1/3 часть земель Пумерской мордвы.

Сескинская и Татарская мордва. 1. д. Татарское; 2. д. Старое Сескино; 3. д. Новое Сескино (сведения о жителях последних двух населенных пунктов утрачены).

Татарское выставлялось из деревни Старое Сескино. Фактически оно было заселено вновь, поскольку ранее являлось селищем. Также из Старого Сескино появилось и Сескино Новое.

Березопольская мордва. 1. д. Березники. **Борцовская мордва.** 1. д. Новое Борцово; 2. д. Старое Борцово. **Синбилейская мордва.** 1. д. Новые Синбилеи; 2. д. Старые Синбилеи. **Тепелевская мордва** – сведения утрачены. **Терюшевская и Бакшеевская мордва** – сведения утрачены.

Утрата сведений о перечне поселений в последних двух группах может быть компенсирована приходной книгой 1618/19 г. Дело в том, что в ее основу лег список деревень данного дозора один к одному за исключением выпадения к тому времени из мордовских земель Пумры и двух деревень Синбилейской мордвы (об этом далее). Перечень деревень Тепелевской мордвы в ней следующий: 1. Новое Тепелево; 2. Сарадон; 3. Кужедом; 4. Кудрино. Старое Тепелево названо пустошью, приписанной к д. Сарадон. К Бакшеевской и Терюшевской мордвѣ отнесены: 1. д. Бакшеево; 2. д. Малое Терюшево; 3. д. Старое Терюшево (см. НГУАК, 1905, отдел III. С. 20-21).

В имеющихся в дозоре 1613/14 г. списках можно отметить два населенных пункта, которые дозорщиками отнесены к бортничьим – это «село мордовское» Пумра и деревня Старые Синбилеи. В Старых Синбилеях в сохранившейся части списка жителей (он неполный) значится отдельно только один мордовский житель – «мордвин Терешка Мирдемасов» (РГАДА. Ф. 1209-1-7513. Л. 156 об.). В Пумре представлены только русские люди. Еще в двух поселениях достоверно проживали и мордва, и бортники – это Малый Вад и Новые Синбилеи. В Новых Синбилеях мордвы, идентифицируемой по мордовским именам и отчествам, не менее 40% (расчет по дворам). В Малом Ваде – не менее 45%, при этом два русских человека названы бортниками прямо в списке, а после них идут одни русские имена и отчества, возможно, что в этой деревне сначала была описана мордва, а далее русские. Как бы то ни было, бортники были уже не единичными, как во времена дозора 1587/88 г. В отношении пропущенного Большого Вада также надо заметить, что он мог быть частично заселен бортниками уже в начале XVII в. Например, среди сторонних людей в одном из арзамасских актов от 1602 года значится бортник Третьяк Осипов «со старова усаду Большова Ваду» (Веселовский, 1910. С. 213). Вероятно, могли присутствовать бортники и среди населения Бакшеевской и Терюшевской мордвы, поскольку в 1620-е гг. в писцовой книге Д. Лодыгина доля бортников в деревнях Бакшеево и Старое Терюшево будет достигать практически 60% (по дворам). Известен русский человек и в деревне Ичалово – отмечен в списке как «бортник». Но в группе Запьянской мордвы влияние русских все-таки было минимальным – это видно по очень высокой концентрации носителей мордовских имен и отществ, одновременно русские имена с русскими отчествами у людей встречаются редко.

Доминирование бортников в списках жителей Пумры (100% бортники) и поселений Синбилейской мордвы, по-видимому, стало основной причиной, по которой данные населенные пункты попали под поместно-вотчинные раздачи. Земли Синбилейской мордвы были переданы в поместье Ю. Я. Сулешеву в 1615/16 г. (Соколова, 2021. С. 160). Пумра

досталась С. В. Головину – известна «вотчинная грамота» ему от 20 ноября 1619 г. (там же), но отсутствие Пумры среди мордовских поселений в приходной книге 1618/19 г. говорит о том, что в поместье эти владения перешли чуть раньше ее составления.

В приходной книге 1618/19 г. список деревень по своей последовательности и структуре большей частью совпадает с дозорной книгой 1613/14 г. (в сохранившейся ее части). В списке остается группирование мордовских деревень, первой также идет группа мордвы Запьянской. Различия следующие: полностью убрана группа Синбилейской мордвы, а оставшаяся деревня Пумерской мордвы – Вармалей (Новая Пумра) – причислена по ошибке к мордве Вадской и помещена между Малым Вадом и Елховкой. Причиной послужило то, что Пумра выбыла из состава мордовских земель, видимо, случайно вместе с ней был удален и заголовок «Мордва Пумерская», а деревню Вармалей причислили к предыдущей группе. В действительности деревня Вармалей должна была стоять под таким заголовком сразу после деревни Елховки. В связи с удалением группы Синбилейской мордвы целиком после Борцовской мордвы сразу начинается список Тепелевской. Оканчивается перечень мордвой Терюшевской и Бакшеевской.

В 1620-е гг. в Нижегородском уезде Д. В. Лодыгином, В. И. Полтевым и дьяком Д. Образцовым ведется работа над писцовой книгой по мордовским деревням. Начался процесс описания не позднее 25 марта 1621 г., в дальнейшем книга дополняется вплоть до 1627 г. (Соколова, 2021. С. 198–199). Сегодня сохранились две копии данного источника – в РГАДА и в НГОУНБ. Обе подробно проанализированы Н. В. Соколовой.

В писцовой книге прежнее группирование деревень уже не соблюдается. Учтено всего четыре группы. Под заголовком «Мордва Вацкая» перечислена как Вадская мордва, так и мордва Запьянская. В списке Тепелевской мордвы есть и Борцовская, и Сескинская, и Березопольская. Оставшиеся две группы – Бакшеевская (без упоминания Терюшевской, как раньше) и Пумерская мордва. Итоги по группам не подведены. Скорее всего, они уже и не играли значимой роли к 1620-м гг., оставаясь пережитком прошлого. Как указывает Н. В. Соколова, их наличие в тексте «оставляет впечатление скорее механического переноса из приправочных материалов» (Соколова, 2021. С. 201), где под приправочными материалами имеется в виду дозорная книга 1587/88 г., которую использовал Д. Лодыгин. Чтобы была возможность сравнивать динамику развития мордовских поселений, деревни перегруппированы по изначальным группам и представлены в таблице 2.

Согласно писцовой книге, на момент начала работы писцовой комиссии две деревни пребывали в запустении – Малый Вад и Сустатово, но мордву и бортников удалось частично вернуть из бегов. Синбилейская мордва после передачи земель С. В. Головину рассредоточилась по деревням Кужедом, Кудрино, Татарская, где их дворы отдельно отмечены в писцовой книге (Соколова, 2021. С. 201). Увеличилось количество поселений в группе Тепелевской мордвы – пустошь Старое Тепелево была заселена.

Изменения коснулись и бывшей группы Запьянской мордвы. Деревня Старое Андосово (она же ранее – Можарово Новое) запустела «от податей и от насильства курмышских / помещиков» (НГОУНБ. Ф. 6-1-1. Л. 101–101 об.) и была по царскому указу передана татарам «покаместа в ту деревню из забег мордва придет» (там же, л. 109). В свою очередь, «по челобитью Запьянские мордвы новиков деревни Юморги Сагайка Тумодеева / Теляйка Худякова да деревни Кисленки Васки Идманова с товарищи дано им в Запьянском же стану за лесом пустошь, что была деревня Старое Можарово на реке на Пяне [Пьяне]» (там же, л. 95–95 об.). Это свидетельство повторного заселения пустоши Старое Можарово во время работы писцовой комиссии.

Таблица 2

**Количество и соотношение бортничьих и мордовских дворов в деревнях,
учтенных в писцовой книге Д. Лодыгина с распределением поселений
по изначальным мордовским группам**

№	Наименование	Описание	Б	М	%Б	%М
	<i>Мордва Тепелевская</i>		9	81	10%	90%
1	Новая Тепелева	деревня	8	27	23%	77%
2	Старая Тепелева	деревня, что была пустошь	0	7	0%	100%
3	Сарадон	деревня	0	11	0%	100%
4	Кужедом	деревня, что было Большое Тепелево	0	21	0%	100%
5	Кудрино	деревня	1	15	6%	94%
	<i>Мордва Борцовская</i>		5	49	9%	91%
6	Старая Борцова	деревня	1	27	4%	96%
7	Новая Борцова	деревня	4	22	15%	85%
	<i>Мордва Березопольская</i>		2	12	14%	86%
8	Березники	деревня, что было село Березники	2	12	14%	86%
	<i>Мордва Сескинская и Татарская</i>		4	48	8%	92%
9	Старое Сескино	деревня, а Новое Сескино тож, стоит врознь	2	9	18%	82%
10	Новое Сескино	деревня	2	16	11%	89%
11	Татарская	деревня	0	23	0%	100%
	<i>Мордва Терюшевская и Бакшеевская</i>		33	35	49%	51%
12	Бакшеево	деревня, что было мордовское село	17	13	57%	43%
13	Большое Старое Терюшево	деревня	16	12	57%	43%
14	Малая Терюшева	деревня	0	10	0%	100%
	<i>Мордва Пумерская</i>		18	22	45%	55%
15	Вармалей	деревня	18	22	45%	55%
	<i>Мордва Вадская</i>		28	34	45%	55%
16	Большой Вад	деревня	18	13	58%	42%
17	Малой Вад	деревня	10	7	59%	41%
18	Ольховка	деревня	0	14	0%	100%
	<i>Мордва Запьянская</i>		0	112	0%	100%
19	Пилекшево	деревня	0	9	0%	100%
20	Ичалово	деревня	0	23	0%	100%
21	Сустатова	деревня	0	9	0%	100%
22	Акузово	деревня	0	22	0%	100%
23	Новая Андосова	деревня	0	17	0%	100%
24	Юморга	деревня	0	20	0%	100%
25	Кисленка	деревня	0	12	0%	100%
	Итого (сумма)		99	393	20%	80%
	Итого писцов		99	389	20%	80%

Сокращения: Б – бортничьи дворы, М – мордовские дворы

Писцовая книга позволяет проследить раннюю историю д. Кужутки (существует под тем же названием в Дальнеконстантиновском районе и ныне). Согласно ей, мордве и бортникам д. Новое Тепелево была дана «по их челобитью изо лготы полянка Кужутки на Комалейском ручью меж Озерки и Пукстеря <...> на той полянке селитца, дворы ставить, и пашня распхать,

и всякими угоди владеть, а для лесные распашки и дворовые ставки тем мордве и бортником <...> дано льготы со 129-го [1621] году апреля с 25 числа по 134-й [1626] год апреля по 25 число» (НГОУНБ. Ф. 6-1-1. Л. 4–4 об.). Известно, что на момент составления переписной книги 1646 г. д. Кужутки уже существовала, поэтому, по всей видимости, заселение поляны было успешным. Временем основания этого населенного пункта можно считать момент предоставления льготы – 25 апреля 1621 г.

Таким же образом прослеживается и момент образования деревни Инелей (ныне – село Богоявление Дальнеконстантиновского района). Мордве деревни Старое Борцово в том же 1621 году предоставлена на льготу «за Старым Борцовским селищем пустошь Инелейка на речке Инелейке» (НГОУНБ. Ф. 6-1-1. Л. 22), и «для дворовые ставки и распашки во всяких государевых подетех [sic, т.е. податях] дано льготы со 129-го [1621] году апреля с 25-го числа до 134-го [1626] апреля по то ж число» (*там же*, л. 22 об.).

Если не брать в расчет пустоши в процессе заселения, то по отношению к приходной книге 1618/19 г. в мордовских землях прибавилась лишь одна деревня Старое Тепелево и выбыла также одна деревня – Старое Андосово. Итого в перечне так и осталось 25 деревень.

Писцовая книга Д. Лодыгина позволяет увидеть изменения в соотношении между бортниками и мордвой, поскольку количество дворов и населения в списках и в итогах разделено по этим двум группам (исключение составляют бобыли, но их дворов совсем немного, и на общую картину они не влияют). Среди Тепелевской, Сескинской и Татарской, Борцовской и Березопольской мордвы доля дворов бортников составляет в среднем от 8% до 14%, для отдельных поселений максимальное значение в деревне Н. Тепелево (23%). Среди Запьянской мордвы бортники не учтены в принципе. Значительная доля бортничьих дворов наблюдается среди Терюшевской и Бакшеевской мордвы, достигая 49% в среднем для всех поселений группы, и 57% для деревень Бакшеево и Большое Старое Терюшево. Деревня Малое Терюшево оставалась полностью мордовской. В поселениях Вадской мордвы дворов русских в среднем было 45%, при этом в Большом и Малом Ваде их было соответственно 58% и 59%, только Елховка оставалась полностью за мордвой. Еще одной группой, где влияние бортников стало значительным, являлась Пумерская. В деревне Вармалей, которая в 1613/14 г. считалась мордовской, в 1620-е гг. доля дворов, принадлежащих мордве, будет лишь 55%. Среднее по всем учтенным в писцовой книге деревням составляет 20% дворов бортников против 80% мордвы. Если убрать из расчетов Запьянскую мордву, где было полностью мордовское население, то данное соотношение по оставшимся группам составит уже 26% против 74%.

Общий свод информации о появлении и исчезновении деревень по источникам, начиная с дозорной книги 1587/88 г. и оканчивая писцовой книгой Д. Лодыгина (крайний год – 1627 г.), приведен в таблице 3.

Итого ко времени описания уезда Д. Лодыгина из перечня в дозоре 1587/88 г. осталось 14 поселений или 56% от общего количества деревень в писцовой книге 1620-х гг. В группе Пумерской мордвы село Пумра выбыло, но было замещено деревней Вармалей (–1/+1), в группе Терюшевской и Бакшеевской мордвы прибавилось две деревни (+2), Синбилейская мордва выбыла полностью (–2), в остальных группах изменения следующие: Тепелевская мордва (+1), Сескинская и Татарская мордва (+2), Березопольская (+0), Вадская (+0), Запьянская мордва подгруппа Ичалово и Пилекшево (+0), Запьянская мордва подгруппа Старое и Новое Можарово (–2/+5), при этом первоначальные поселения, из которых формировались починки, можаровская мордва покинула.

Таблица 3

Появление и исчезновение населенных пунктов в перечнях различных книг с 1587/88 г. по 1620-е гг. в границах земель, изначально принадлежавших Нижегородской мордве

	Дозор 1587/88	НП 1607/08 и 1611/12	Дозор 1613/14	Приходная книга 1618/19	Писцовая книга 1621–1627
Мордва Пумерская					
Пумра	Село	деревня	«село мордовское» Пумра	-	-
Вармалей	-	-	деревня, поселилась ново	деревня	деревня
Мордва Терюшевская и Бакшеевская					
Бакшеево	село	деревня	нет данных	деревня	деревня
С. Терюшево	пустошь	деревня Терюшово	нет данных	деревня	деревня Большое Старое Терюшево
Н. Терюшево	пустошь в процессе заселения	деревня Н. Терюшево	нет данных	деревня	деревня Малое Терюшево
Мордва Синбилейская					
С. Синбилеи	село	учтены как деревня Синбилеи	деревня	-	-
Н. Синбилеи	деревня		деревня	-	-
Мордва Тепелевская					
Н. Тепелево	деревня	деревня	нет данных	деревня	деревня
Кужутки	поляна Кожеткино [sic]	-	-	-	поляна в процессе заселения
Тепелево Большое	село	деревня Кужедом	нет данных	деревня Кужедом	деревня Кужедом
Кудрино	деревня	деревня	нет данных	деревня	деревня
С. Тепелево	пустошь	деревня	нет данных	пустошь	деревня, что была пустошь
Сарадовская (Тепелево)	деревня	деревня Сарадон	нет данных	деревня	деревня Сарадон
Мордва Сескинская и Татарская					
Сескино	деревня	деревня	деревня С. Сескино	деревня С. Сескино	деревня С. Сескино
Н. Сескино	-	-	деревня	деревня	деревня
Татарское	селище	-	деревня	деревня	деревня
Мордва Борцовская					
Н. Борцово	деревня	деревня	деревня	деревня	деревня
С. Борцово	деревня	деревня	деревня	деревня	деревня
Инелей	-	-	-	-	пустошь в процессе заселения
Мордва Березопольская					
Березники	село	деревня Березниковская	деревня	деревня	деревня

Таблица 3 (Продолжение)

Мордва Вадская					
Вадская	деревня	деревня Большой Вад	деревня	деревня	деревня Большой Вад
Ватня	деревня	деревня Малый Вад	деревня	деревня	деревня Малый Вад
Олховичи	деревня	деревня Елховичи	деревня	деревня	деревня Олховка
Мордва Запьянская					
Пилекшево	деревня	деревня	деревня	деревня	деревня
Ичалово	деревня	деревня	деревня	деревня	деревня
Н. Можарово (Андосово)	деревня	деревня	деревня Можарово (С. Андосово)	деревня	передана татарам
Акузово	-	-	деревня (выставок из Н. Можарово)	деревня	деревня
Н. Андосово	-	-	деревня (выставок из Н. Можарово)	деревня	деревня
С. Можарово	деревня	деревня	-	-	пустошь в процессе заселения
Юморга	-	-	была С. Можарово, переселились за Пьяну	деревня	деревня
Сустатово	вероятно, учтена в Алатырском уезде	деревня	деревня, (выставок из С. Можарово)	деревня	деревня
Кисленки	-	-	деревня, (выставок из С. Можарово)	деревня	деревня
Итого	5 сел и 14 деревень (19 поселений)	22 деревни	вероятно, 28 деревень, включая Пумру	25 деревень	25 деревень и +3 в процессе заселения

В группах Терюшевской и Бакшеевской, а также Сескинской и Татарской мордвы фактически были восстановлены те поселения, которые существовали еще до дозора 1587/88 г. – это Старое Терюшево и Новое Терюшево, а также деревня Татарское на землях бывшего одноименного села. Мордва вновь заселила уже освоенные ранее места. Добавилось только Новое Сескино.

Значимые изменения были во второй подгруппе Запьянской мордвы, где в конце XVI – начале XVII вв. прослеживается явная тенденция к переселению на алатырскую сторону: Сустатово, Новое Андосово, Юморга, Кисленки – все они были за рекой Пьяной по отношению к Нижнему Новгороду. В отличие от остальных деревень Сустатово было основано раньше, и на значительном расстоянии от Старого Можарово: это могла быть успешная попытка заселения дикого поля в Алатырском уезде. Еще две деревни (Н. Андосово и Кисленка), появившиеся в начале XVII в., могли возникнуть из-за увеличения количества жителей в Старом и Новом Можарове, а также вследствие возможного притеснения со стороны помещиков, которое упоминается в писцовой книге Д. Лодыгина. Юморга – результат переселения жителей Старого Можарово за Пьяну. Акузово же, хоть и было основано на нижегородской стороне, но пашню ее жители пахали на южном берегу Пьяны, поэтому данная деревня особым исключением из общей тенденции не является. К 1620-м гг., как видно из книги Д. Лодыгина,

мордва предпринимает попытку заселить Старое Можарово, то есть возвращается на нижегородскую сторону. Попытка эта, по-видимому, была успешной, поскольку, согласно приходной книге 1645/46 г., со Старого Можарова взымался посопный хлеб (НГУАК, 1913. С. 159).

Сконца XVI в. на землях Нижегородской мордвы меняется и этнический состав населения. Заселение русскими людьми касается и тех земель, которые компактно расположены около села Константиново (ныне – Дальнее Константиново), и земель Вадской мордвы. Исключением является более удаленная от Нижнего Новгорода мордва Запьянская, где деревни на 100% остаются мордовскими. Русские бортники полностью замещают население Старых Синбилеи и Пумры. В итоге исконные земли Синбилейской мордвы подпадают под помеотно-вотчинные раздачи, Пумерская мордва формирует новый починок на трети своих первоначальных владений, а их основное поселение Пумра переходит в поместье и далее в вотчину С. В. Головину. Выбытие Пумры и Новых и Старых Синбилеи из перечня мордовских деревень произошло до начала 1620-х гг. В 1620-е гг. значимая доля бортников наблюдается в деревнях Бакшеевской и Терюшевской, Пумерской и Вадской мордвы.

Вероятно, что доминирование бортников в деревнях Старое Терюшево и Бакшеево, а также удобство их расположения и предопределило то, что одна из них была выбрана в качестве центра Терюшевской волости, куда вошли деревни бывших мордовских групп, сконцентрированных возле села Константиново (ныне – Дальнее Константиново). По переписи 1646 г., Терюшево было единственным селом среди всего перечня населенных пунктов самой волости, а также Запьянского стана, куда были отнесены деревни бывших групп Вадской и Запьянской мордвы.

Как отмечено ранее, о существовании копий переписной книги И. Ф. Шаховского 1646 г. по Терюшевской волости и Запьянскому стану данных нет, но изменения возможно отследить по сведениям о 1646 г., содержащимся в переписи И. Т. Елизарова 1678 г. Так, в 1646 г. в сравнении с писцовой книгой Д. Лодыгина достоверно учтены следующие новые деревни, которые останутся жилыми и в 1678 г.: Кужутки, Куриловка, Инелей, Макраши, Новая Елховка, Новая Березовка, Старая Березовка, Каменка и Можарово. Только д. Кужутки была со смешанным населением, остальные поселения названы мордовскими. К 1646 г. к Запьянскому стану не относятся деревни Ичалово, Большой и Малый Вад. Причиной послужила их продажа Б. И. Морозову: д. Ичалово была продана в 1637/38 г., два других поселения – осенью 1645 г. (Соколова, 2021. С. 251–252). Выбыла из списка также д. Новое Андосово, которая, вероятно, трансформировалась в Старую и Новую Березовки. Д. Сустатово была учтена, но к 1678 г. запустела «с мороваго поветрия» (НГОУНБ. Ф. 6-1-6. Л. 174 об.), поэтому в переписи нет данных по ней за 1646 г. Есть сведения и о том, что в 1646 г. существовала деревня Новое Бакшеево, но она также запустела до 1678 г., когда жители из нее перешли в деревню Старое Бакшеево (*там же*).

Итого по сравнению с писцовыми книгами Д. Лодыгина из списка деревень выбыло 4 поселения, а добавилось 10, то есть известен 31 населенный пункт. Согласно итогам переписи 1646 г., в Терюшевской волости и в Запьянском стане было «жилых село да тритцать две деревни». Еще две деревни из числа учтенных также поддаются идентификации. Это запустевшая д. Вармалей, заселенная мордвой, и ее надо отличать от одноименной деревни бортников, которая также была в переписи 1646 г. и сохранилась и к 1678 г. Видимо, мордва и бортники были учтены по отдельным поселениям, названным идентично. Последняя деревня в перечне 1646 г. – Кисленка, которая, по сведениям из переписи, была заселена татарами

и мурзами, то есть опять же это не та мордовская деревня Кисленка, которая осталась и в 1678 г., а некий одноименный населенный пункт. Видимо, она была отнесена к Запьянскому стану по территориальному признаку, поскольку земли служилых татар и мурз обыкновенно учитывались отдельно.

Соотношение бортников и мордвы в 1646 г. по сведениям из переписи 1678 г. определить невозможно, но населенные пункты из числа тех, которые оставались жилыми и в 1678 г., можно разнести по категориям: мордовские, бортничьи и смешанные. Изменений в категориях немного: деревни Татарское и Малое Терюшево из мордовских перешли в смешанные, деревня Вармалей разделилась на две под тем же названием – бортничью и мордовскую. Как видно выше, мордва активно формировала починки, некоторые из которых были в процессе заселения уже в 1620-е гг. (Кужутки, Инелей, Можарово). Деревни бывших групп Вадской (Старая и Новая Елховки) и Запьянской мордвы так и остались полностью мордовскими. Данные сведены в таблице 4.

Как сказано ранее, сведения о 1646 г. заимствованы из переписной книги 1678 г. Источник относится к коллекции редких книг и рукописей НГОУНБ: фонд № 6 («Архив царевичей и князей Грузинских»), оп. 1, ед. хр. 6. В описи дело названо так: «Книга переписная Терюшевской волости (на гербовой бумаге). Копия с рукописи 1678 года». Старинный заголовок внутри самого дела более подробный: «Книга переписная Терюшевские волости 186-го году переписи столника Ивана Елизарова да подячего Никифора Соболевскаго». Это поздняя копия, оформленная в 1727 г. по прошению царевны Дарьи Арчиловны Имеретинской от 30 марта 1726 г. Сведения об этом содержатся в делопроизводственной записи, предваряющей текст переписной книги (НГОУНБ. Ф. 6-1-6. Л. 2–2 об.).

В перепись попали 42 поселения (2 села, 40 деревень): по Терюшевской волости (2 села, 30 деревень) и Запьянскому стану (10 деревень). Центром Терюшевской волости оставалось село Терюшево, где на 1678 г. приведены сведения о пяти дворах, принадлежащих подьячим. Вероятно, отсюда же осуществлялось управление и Запьянским станом. Со времени предыдущей переписи 1646 г. исчезли четыре деревни – Сустатово, Новое Бакшеево, Вармалей (мордовская), Кисленки (населенная татарами и мурзами). Одновременно с этим в Терюшевской волости появилось 12 новых починков и одно село, названное Борисовым починком, иначе – Борисово и Новое Покровское. В Запьянском стане населенные пункты не добавились.

В селе Терюшево было 87% дворов, принадлежащих бортникам, то есть этнический состав значительно сместился в сторону русских людей по сравнению с писцовыми книгами Д. Лодыгина (тогда было 57% дворов). Из старинных населенных пунктов высокая доля бортничьих дворов наблюдается в соседней с Терюшево д. Бакшеево (82%), а также в деревнях Новое Тепелево (85%), Вармалей (96%). Деревня Сарадон, остававшаяся еще в 1646 г. полностью мордовской, к 1678 г. имела в своем составе 50% дворов, числящихся за бортниками. Из новых починков полностью бортничьими являлись село Борисово, д. Мирша, 79% дворов в Суроватихе было за бортниками. Но 8 из 12 починков оставались чисто мордовскими, что может свидетельствовать в пользу того, что мордва при наплыве бортников в период с 1646 по 1678 г. уходила на заселение в новые места (вероятно, свои мордовские уголья) внутри Терюшевской волости.

Интересно также, что и в Запьянском стане произошла колонизация русскими людьми, бортники появились в 5 деревнях (Старая и Новая Елховки, Пилекшево, Старая и Новая Березовки). Тем не менее, против 431 мордовского двора во всем стане было всего 60 бортничьих

Таблица 4

Имеющиеся сведения из переписи 1646 г. в сравнении с писцовой книгой Д. Лодыгина

Регион	#	Название	ПК Д. Лодыгина		Перепись 1646 г.	
			В перечне	Тип	Дворов	Тип
ТВ	1	Терюшево	+	БМ	97	БМ
ТВ	2	Бакшеево	+	БМ	32	БМ
ТВ	3	Татарское	+	М	23	БМ
ТВ	4	Н. Тепелево	+	БМ	74	БМ
ТВ	5	Вармалей	+	БМ	35	Б
ТВ	6	Вармалей	-	-	-	М
ТВ	7	Кудрино	+	БМ	25	БМ
ТВ	8	Кужадон	+	М	34	М
ТВ	9	С. Тепелево	+	М	15	М
ТВ	10	Кужутки	заселение	-	21	БМ
ТВ	11	Куриловка	-	-	14	М
ТВ	12	Сарадон	+	М	22	М
ТВ	13	Инелей	заселение	-	18	М
ТВ	14	Березники	+	БМ	32	БМ
ТВ	15	С. Борцово	+	БМ	37	БМ
ТВ	16	Н. Борцово (Сярлей)	+	БМ	50	БМ
ТВ	17	Б. Сескино	+	БМ	29	БМ
ТВ	18	М. Сескино (Чертовка)	+	БМ	22	БМ
ТВ	19	Макраши	-	-	23	М
ТВ	20	М. Терюшево	+	М	24	БМ
ТВ	21	Н. Бакшеево	-	-	нет данных	
ЗП	22	С. Елховка	+	М	12	М
ЗП	23	Н. Елховка	-	-	12	М
ЗП	24	Пилекшеево	+	М	18	М
ЗП	25	Акузово	+	М	65	М
ЗП	26	Н. Березовка	-	-	29	М
ЗП	27	С. Березовка	-	-	52	М
ЗП	28	Каменка	-	-	6	М
ЗП	29	Юморга	+	М	77	М
ЗП	30	Кисленка	+	М	47	-
ЗП	31	Кисленка	-	-	-	Татары
ЗП	32	Можарово	заселение	-	29	М
ЗП	33	Сустатово	+	М	нет данных	М
		Итого (по сумме)			974	28

Сокращения: ТВ – Терюшевская волость, ЗП – Запьянский стан

М – мордовское поселение, Б – бортничье поселение, БМ – смешанное по составу поселение

дворов (12% от общего числа). Для сравнения в Терюшевской волости соотношение дворов по этническим группам было следующим: мордва (692 дв., 56%), бортники (550 дв., 44%). Общая же доля мордвы по сравнению с бортниками по Терюшевской волости и Запьянскому стану была 65% против 35%.

Сведения из переписной книги 1678 г. по всем поселениям приведены в таблице 5.

Итак, нам удалось рассмотреть целый ряд источников, позволяющих увидеть значимые тенденции, происходившие на землях, исконно принадлежавших Нижегородской мордвы. В первые 40 лет со времени дозора 1587/88 г. определяются два фактора роста количества поселений: 1) активность Запьянской мордвы, которая расселялась с нижегородской на алатырскую сторону Пьяны, 2) повторное заселение мордвой, компактно проживавшей около села Константиново, тех мест, где уже до 1587/88 г. находились поселения. Выбытие мордовских населенных пунктов происходило не только в силу переселения с места на место, но и по причине поместно-вотчинных раздач, которые в свою очередь были возможны в связи с переселением на земли мордвы русских бортников. Наибольшая доля бортников к 1620-м гг. (45% дворов и более) наблюдается в Старом Терюшево и Бакшеево, Большом Ваде и Малом Ваде, Вармалее. Остаются свободными от русских людей земли Запьянской мордвы.

Нижегородская мордва в 1587/88 г. подразделялась на целых 9 групп. Однако такое разделение мордвы (а в XVII в. уже мордвы и бортников) со временем теряет свою актуальность, и в писцовой книге Д. Лодыгина упоминания групп сохраняются лишь фрагментарно и не несут смысловой нагрузки. Это свидетельство переходного периода к Терюшевской волости и Запьянскому стану.

В последующие 50 лет вплоть до 1678 г. происходят следующие процессы. Формируется волость и стан. Административным центром становится село Терюшево, где доля русских значительно возрастает и к 1678 г. составляет 87%. В целом на исконных землях Нижегородской мордвы доля бортничьих дворов увеличивается с 20 до 35%, люди прибывают из совершенно разных уездов. Резко прирастает количество населенных пунктов – в основном население починков составляет мордва, но существуют и полностью бортничьи поселения, среди которых и одно новое село – Борисово. В старинных поселениях постепенно растет доля бортников. Запьянский стан подвергается колонизации бортниками позднее Терюшевской волости – появление русских людей здесь происходит между 1646 и 1678 гг. Число поселений в 1587/88 г. составляет 14 сел и 5 деревень, в 1620-е гг. – 25 деревень, в 1646 г. – 1 село и 32 деревни (включая одну за татарами и мурзами), в 1678 г. – 2 села и 40 деревень.

Представленное выше исследование вполне позволяет подтвердить выводы В. Н. Майнова о термине «терюхане», используемом для определения этнографической группы мордвы, расселенной в районе села Дальнее Константиново. В 1878 г. он отметил следующее: «Ни сами жители Терюшевской волости, ни русские их соседи, на самом деле и притом в смысле этническом, никогда не употребляют такого названия и слово «терюхане» переводится как теми, так и другими – жители Терюшевской волости» (Майнов, 1878. С. 31). Действительно, Терюшевская мордва не была ни единственной, ни доминирующей группой мордвы в конце XVI в. Более того, она была в то время вынуждена переселиться в Бакшеево к Бакшеевской мордвы, и они рассматривались вместе. В дальнейшем первоначальные мордовские группы были упразднены. Вновь заселенная деревня Старое Терюшево уже к 1620-м гг. включала 57% дворов русских бортников, что совместно с фактором расположения и повлияло на выбор данного поселения в качестве административного центра Терюшевской волости. В 1678 г. роль мордвы в развитии как села Терюшево, так и рядом расположенной деревни Бакшеево была минимальной (доля мордовских дворов составляла менее 20%). Тезис В. Н. Майнова полностью справедливый.

Таблица 5

Сведения из переписных книг 1678 г. о перечне поселений и этническом составе населения (по дворам) Терюшевской волости и Запьянского стана

	#	Название	Тип	Итого	Доли		Бортники					Мордва				Изм. к 1646 г. +/- дворов
					%Б	%М	СБ	ПБ	Вд	Бо	Итого	М	Вд	Бо	Итого	
ТВ	1	Терюшево	село	123,5	87%	9%	37	38,5	8	24	107,5	10		1	11	26,5
ТВ	2	Бакшеево	дрв	74	82%	18%	18	43			61	13			13	42
ТВ	3	Татарское	дрв	44	25%	75%	3	8			11	33			33	21
ТВ	4	Н. Тепелево	дрв	60	85%	15%	10	41			51	9			9	-14
ТВ	5	Вармалей	дрв	80	96%	4%	27	49	1		77	3			3	45
ТВ	6	Кудрино	дрв	25,5	37%	63%		9,5			9,5	16			16	0,5
ТВ	7	Кужадон	дрв	45	0%	100%					0	42		3	45	11
ТВ	8	С. Тепелево	дрв	26	0%	100%					0	22		4	26	11
ТВ	9	Кужutki	дрв	46	7%	93%		3			3	40	1	2	43	25
ТВ	10	Кривуша	поч	36	44%	56%		15		1	16	20			20	-
ТВ	11	Вышка (Горюшка)	поч	4	0%	100%					0	4			4	-
ТВ	12	Н. Покровское (Борисово)	село	67	100%	0%		65	1	1	67				0	-
ТВ	13	Мирша	поч	28	100%	0%		28			28				0	-
ТВ	14	Зубаниха	поч	8	0%	100%					0	8			8	-
ТВ	15	Куриловка	дрв	29	17%	83%		5			5	23	1		24	15
ТВ	16	Касаново	поч	8	0%	100%					0	8			8	-
ТВ	17	Лапшиха	поч	21	5%	95%	1				1	20			20	-
ТВ	18	Сарадон	дрв	34	50%	50%		17			17	16		1	17	12
ТВ	19	Учеватиха	поч	13	0%	100%					0	13			13	-
ТВ	20	Льготка	поч	17	47%	53%		8			8	9			9	-
ТВ	21	Инилей	дрв	38	0%	100%					0	38			38	20
ТВ	22	Романиха	поч	21	0%	100%					0	21			21	-
ТВ	23	Кажлейка	поч	23	0%	100%					0	20		3	23	-
ТВ	24	Муравьиха	поч	7	0%	100%					0	7			7	-
ТВ	25	Березники	дрв	64	30%	70%	9	10			19	41	3	1	45	32
ТВ	26	Литюшиха (Сураватиха)	поч	24	79%	21%		19			19	5			5	-
ТВ	27	С. Борцово	дрв	50	14%	86%	5	2			7	43			43	13
ТВ	28	Н. Борцово (Сярлей)	дрв	57	32%	68%	5	13			18	39			39	7
ТВ	29	Б. Сескино	дрв	48	6%	94%	3				3	42	1	2	45	19
ТВ	30	М. Сескино (Чертовка)	дрв	40	25%	75%	9			1	10	29		1	30	18
ТВ	31	Макраши	дрв	42	0%	100%					0	42			42	19
ТВ	32	М. Терюшево	дрв	44	27%	73%	11			1	12	30	1	1	32	20
ЗП	33	С. Елховка	дрв	17	29%	71%	5				5	12			12	5
ЗП	34	Н. Елховка	дрв	43	19%	81%	1	6		1	8	33		2	35	31
ЗП	35	Пелекшево [sic]	дрв	55	49%	51%		27			27	25		3	28	37

Таблица 5 (Продолжение)

ЗП	36	Акузово	дрв	71	0%	100%				0	64	3	4	71	6		
ЗП	37	Н. Березовка	дрв	30	20%	80%		6		6	23	1		24	1		
ЗП	38	С. Березовка	дрв	59	24%	76%		13	1	14	45			45	7		
ЗП	39	Каменка	дрв	50	0%	100%				0	43	7		50	44		
ЗП	40	Юморга	дрв	65	0%	100%				0	59	4	2	65	-12		
ЗП	41	Кисленка	дрв	59	0%	100%				0	58	1		59	12		
ЗП	42	Можарово	дрв	42	0%	100%				0	40		2	42	13		
		Итого (по сумме)		42	1738	35%	65%	144	426	10	30	610	1068	23	32	1123	487
		Итого (подсчет писцов)		42	1738	35%	65%	569,5	10	30	609,5	1068,5	23	32	1123,5	-	

Сокращения: ТВ – Терюшевская волость, ЗП – Запьянский стан;
Б – бортники, М – мордва, СБ – старинные бортники, ПБ – пришлые бортники,
Вд – вдовьи, Бо – бобыли.

Список источников и литературы

Веселовский С. Б. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910–1918. Вып. 4: Арзамасские поместные акты. (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. 1915. XVI, 738 с.

Герасимов А. А. Избранное: в 2 ч. / редкол. В. А. Юрченков (пред.) [и др.]. Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2011. Ч. 1. 464 с.

Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории города Алатыря и уезда в XVI–XVII в. Чебоксары: «Грэй», 2012. 281 с.

Майнов В. Н. Результаты антропологических исследований среди мордвы (Известия Императорского Русского географического общества. Т. 14). СПб.: Тип. В. Безобразова и ко., 1878. 84 с.

Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов. Том 6. Нижний Новгород: Типография нижегородского губернского правления, 1905. 414 с.

Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов. Том 15, Выпуск 3. Нижний Новгород: [б. и.], 1913. 162 с.

Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. / Приготовил к печати и ред. член.-соревн. С. Веселовский. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910 (Синод. тип.). V, 284 с.

Парадеев Е. И. О становлении Арзамаса. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2020. 76 с.

Соколова Н. В. Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков: Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 336 с.

ЧЕРТЕЖ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА ЗАЛЕСНОГО СТАНА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ ДЕРЕВЕНЬ КОСТЯНКА, КРАПИВКА И ВЕЧКИСЕВО (ВЕЧКУСОВО) ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ МЕСТНОСТИ

Одним из самых первых массовых источников по исторической географии мордовских деревень Арзамасского уезда являются писцовые книги. Они включали не только описание земельного владения, данные о его размерах и структуре в отношении пашни, сенокосных и лесных угодий, но и фиксировали границы земельного владения с указанием названий оврагов, рек, озер, урочищ. Следующим массовым источником по исторической географии являются материалы Генерального межевания (планы местности и Экономические примечания). Вместе с тем со времени составления писцовых книг по мордовским деревням 136 (1628) и 186 (1677/1678) гг. до мероприятий по Генеральному межеванию последней четверти XVIII в. произошли не только изменения в ландшафтах из-за сведения лесов, увеличения пахотных земель, исчезновения водных объектов (ручьев, озер), но и в топонимике местности.

Тем значимее становятся источники, позволяющие провести локализацию топонимов, упоминающихся в писцовых материалах. Таким источником могут быть планы и чертежи первой половины XVIII в. К сожалению, для Арзамасского уезда они ранее не были известны. Единственным таким источником, известным к настоящему времени, является обнаруженный Е. Парадеевым *«Чертеж Арзамасского уезду Залесного стану деревням Костянке обще з деревнею Крапивкою, и деревни Вечкисевы...»*, выполненный геодезистом Федором Балуевым (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 112. Л. 1). О том, что такие чертежи были не единственные, свидетельствует коллекция чертежей и планов Московских дворцов, монастырей, земель, строений, зданий в дворцовых селах и других местах (РГАДА. Ф. 1239. Московский дворцовый архив. Оп. 57).

Деревни Костянка, Крапивка и Вечкисево (в настоящее время – Вечкусово) с последней четверти XVI в. входили в Залесный стан Арзамасского уезда. Эти селения являлись ясачными, затем дворцовыми, и их население изначально составляла мордва.

Есть документы, свидетельствующие о том, что в Арзамасском уезде межевание дворцовых земель в XVIII в. являлось частью общегосударственного плана мероприятий по упорядочению земельных отношений и прекращению на спорных землях драк и убийств. Кроме этого, межевание решало еще одну задачу. Нужно было обложить налогом новорозчищенные земли, образовавшиеся в результате освоения лесных угодий под пашню после писцового описания. Так, в делах по мордовским деревням Старое Иванцево и Новое Иванцево, также входивших в Залесный стан Арзамасского уезда (РГАДА. Ф. 1381. Оп. 1. Д. 457. Л. 1; Д. 528. Л. 1об.), из текста документов следует, что межевание осуществлялось согласно указа императорского величества (Анны Иоанновны – А. И.). В деле присутствуют конкретные требования по осуществлению межевания и выполнению чертежей. Так, чертеж следовало выполнить «обойдя по писцовым книгам окружные межи». Землю было необходимо обойти по писцовым книгам 136 (1628) и 186 (1677/1678) гг., оброчные поляны и сенные покосы

положить в четвертную меру (РГАДА. Ф. 1381. Д. 528. Л. 1об.), излишек земли разделить между деревнями по четвертям по равному числу душ (РГАДА. Ф. 1381. Д. 457. Л. 1об.). Документы подтверждают, что для «сочинения тех пашенных землях и всяких угодьях чертежа» был прислан из главной дворцовой канцелярии геодезист Федор Балувев (РГАДА. Ф. 1381. Д. 457. Л. 1).

Что касается указа Анны Иоанновны, то речь идет об ее двух июньских указах 1731 г. В указе от 07.06.1731 г., с целью воспрещения «насильств в спорах по землям», следовало «послать во все города, кроме Астрахани и Сибири, выбрать добрых валовых межевщиков», предварительно списав точные копии «со всех прежних межевых книг» (ПСЗРИ. С. 475). В указе от 28.06.1731 г. «О посылке межевщиков во все губернии и провинции для размежевания земель, дабы чрез то прекратить споры по землям» предписывалось с межевщиками посылать и геодезистов «и межевать по инструкции, какова учинена будет по примеру Писцового наказа и всякой даче учинить особливые свои ландкарты...» (ПСЗРИ. С. 506–507).

В описи РГАДА рассматриваемый чертеж датирован первой половиной XVIII века. На основании данных по межеванию соседних деревень его можно датировать 1731–1740-ми гг. В коллекции фонда 1239 РГАДА имеется еще два чертежа Федора Балувева на территории дворцовых волостей Суздальского уезда.

Размеры чертежа: лист 96,5 × 41,5 см, рамка 92,5 × 40,5 см. Масштаб в английском дюйме 200 сажень. По ориентации запад расположен вверху карты.

В левом нижнем углу размещается название чертежа: *«Чертеж Арзамаского уезду Залесного стану деревням Костянке обще з деревнею Крапивкою, и деревни Вечкисевы, в которых имеется по намерению, по писцовым книгам 136-го и 186 годов во окружных их межах явилось земли, и сверх писцовых книг»* (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 112. Л. 1). Далее перечисляется количество земельных владений принадлежащих деревням по писцовым книгам, количество примеренной земли и порядок ее раздела между деревнями. Так, деревням Костянке и Крапивке принадлежало в трех полях 1755 четвертей, сенных покосов 280 четвертей, примеренной земли 1175 четвертей 7 четвериков. Деревне Вечкисевы принадлежало в трех полях 480 четвертей, сенных покосов 60 четвертей, примерной земли 966 четвертей. Всего примеренной земли оказалось 2141 четверть 7 четвериков. Эту землю надлежало разделить каждой деревне на писцовые дачи на 745 четвертей (общее число 2235 в трех полях). Таким образом, примеренной земли должно достаться каждой деревне на каждую четверть по 2 четверти 7 четвериков, в том числе деревням Костянке и Крапивке 1681 четверть 7 четвериков; деревне Вечкисевы 460 четвертей. Соответственно, излишнюю примеренную землю деревни Вечкисевы, 560 четвертей (так в подписи к чертежу, фактически должно быть 506 четвертей), надлежало отделить от деревни Вечкисевы и примерить к деревням Крапивке и Костянке. Отдельно было указано местонахождение 117 четвертей примеренной земли: *«примерной земли от вершины врага Вятъврамоля сто семнатцать четвертей к черному лесу до Мохового болота»*.

В основе чертежа – межа, определяющая границы земельных владений указанных трех деревень. Внутри этих границ подробно показана гидрографическая сеть с оврагами, речками и озерами, крупные лесные массивы и небольшие рощи. Частично представлен и рельеф – специальными знаками изображены наиболее крутые склоны. Населенные пункты показаны групповыми изображениями домов, причем количество этих домов для каждой деревни имеет зависимость от ее населенности. Так, Костянка изображена девятью домами, Вечкусово семью домами, Крапивка пятью домами. Для сравнения, по итогам второй ревизии в

1744–1747 гг. число душ в деревнях было следующее: в Костянке – 334, в Вечкусове – 198, в Крапивке – 106 (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 119. Л. 26, Л. 53 об. Д. 120. Л. 112–127об.).

На чертеже подписаны землевладения деревень: «земля деревни Вечкисевы», «земля деревень Крапивки и Костянки», и отдельно межи от других мордовских деревень: «межа от мордовской деревни Великого Врага», «межа от мордовской деревни Алемаевы», «Алемаевская межа».

В основе гидрографической сети – речка Сердома (левый приток р. Пьяна) с основным правым притоком речкой Суморга. Все они имеют притоки овраги (на чертеже обозначены как «враги»). Другие правые притоки Сердомы: враг Большой Ревелей, враг Малой Ревелей, враг Чепанешной и вершинка, идущая от озера Сычесево. Левые притоки: два притока без надписей, Костянской враг, протекающий через Пропасное болото. На Сердеме показаны три озера: озеро Малое Тумерка (при впадении Большого Ревеля), озеро Тюгелево (при впадении Суморги), озеро Сергиярка. У Суморги три правых притока без обозначения и 5 левых притоков: враг Вятвармолей (вытекает из Мохового болота), Ляpez Брамолей (Левевромалей по писцовым книгам), два притока без надписей, враг Инелей. Небольшое расширение в виде озера на Суморге под деревней Вечкисево названия не имеет.

Фрагментарно показаны овраги другой речной системы – речки Якшенки. Они находились на северо-западном и северном обходе земель: враг Каварзлей, враг без надписи, враг Евилей, вершина Буякшанского врага, Буякшанской враг (Якшенский враг по писцовым книгам) и еще одна вершинка Буякшанского врага.

Чертеж свидетельствует о степени освоенности территории, распределении пахотных и лесных угодий. Так, большой лес полностью отсутствует в междуречье между притоками речки Якшенки и речкой Сердеме. Лес здесь представлен небольшой рощей по левому берегу реки Сердеме, и двумя небольшими рощами к югу и востоку от Костянки. Восточная роща обозначена как «заповедонной лес помесной села Бритова». Южная роща подписана словом «роща». Вероятнее всего, это и есть остатки помры Костянки, куда переселились жители из деревни Старое Тюгелево, располагавшейся ранее на озере Тюгелево. Новая деревня возникла до писцового описания в 1620-е гг. XVII в., либо в его период, первоначально носила прежнее название Старое Тюгелево (Тюгелево), но со временем за деревней закрепилось второе название Костянка по названию помры (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8. Л.191).

Освоенная территория по правую сторону р. Сердеме от 700 до 1000 саженей, что свидетельствует о расширении пахотных земель в этом районе по сравнению с писцовыми книгами 1677/1678 гг. Так, овраг Большой Ревелей по писцовым книгам выходил из черного леса, от края которого до р. Сердеме было 284 сажени (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368). Освоенная территория вдоль Суморги: по правую сторону – до 860 саженей, по левую сторону 280–380 саженей. К ее верховьям полевая территория все более сужается, уступая место лесу. От Вечкусова до края леса, из которого вытекает Суморга, расстояние до 1700 саженей. В этой же части местности стоит отметить наличие множества рощ по склонам оврагов.

Значительную часть на юге и юго-западе местности, указанной на чертеже – верхний бассейн речки Суморга и вершины ее притоков, занимают леса. Названия лесов совпадают с названиями, указанными еще в писцовых книгах: по левобережью Суморги – «черной лес по писцовым книгам написан Сандарской», по правобережью Суморги – «черной лес Синдяновской». То есть фактически на чертеже указано точное местоположение Сандарского и Синдяновского бортных ухажав, где занимались бортничеством жители деревень. Также зафиксировано и местоположение отмеченных в писцовых книгах полей Каменная, Моргужа, Помракужа, Делемкужа. Указано на чертеже и «Старое селище» по левую сторону врага

Ляпез Брамолей. По писцовым книгам это была поляна, на чертеже вокруг нее уже расположены пахотные земли.

Отдельно стоит рассмотреть межевые границы. Они имеют непосредственную связь с писцовыми книгами и полностью повторяют контур межевого обода, местами с обозначением межевными знаками: деревянных столбов и даже деревьев с гранями.

Сравним межи по чертежу с межами писцовых книг 1677/78 гг. (частично, для понимания межи, будут привлечены межи писцовых книг 1628 г.).

Межа деревни Старое Тюгелево, Костянка тож с мордовской деревней Алемаево: «Из черного лесу враг Большой Ревеле[й] а на враге дубок молодой голенаст струю а на нем грани струя на восток а от того дуба вниз по врагу Ревелею до осины сто шездесят сажени на ней грани от тое осины по в[р]агу ж Ревелею до озера Малова Тумерка что усть врага на речке на Сердоме сто дватцат четыре сажени» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368).

На чертеже враг Большой Ревелей вытекает из леса и впадает в озеро Малое Тумерка, расположенное в русле речки Сердома.

Далее по писцовой книге: «а от того озера поперег речки Сердомы прямо на гору поперег Чевасквару лесу на дуб молодой покляп на лсход [восток!] на нем грани дуб стоит где был кудрявой дуб с гранми по конец Чевасквару лесу на[д] вершиною» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368).

На чертеже межа поднимается в «гору», здесь заканчивается лес, занимающий левый высокий берег речки Сердома. Название леса на чертеже не подписано. Но раннее его название – лес Чевасквар. Далее межа на чертеже идет через этот лес, а на меже обозначен «дуб с гранями».

В писцовой книге: «а от того дуба через вершину поперег полянки Вадапуксы до столба дубового сто дватцат пят сажени а на нем грани столб поставлен где были три осины болшие что выросли из одново корени на одной осине были старые грани а от того столба по Коварзле[й] враг до столба дубового сто семдесят две сажени на нем грани столб поставлен подле пни что был дуб кудреват гранми на враге у лесу Кудапомры» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368).

На чертеже от «дуба с гранями» межа пересекает три овражка – вершинки, затем на меже указан столб, оттуда межа упирается в овраг Каварзлей. В писцовых книгах отмечено, что враг находился у леса Кудапомра, но на чертеже враг Каварзлей протекает уже по открытой местности. Кудапомра – еще один исчезнувший топоним ко времени составления чертежа.

Далее «а от того столба вниз врагом Кудапомрою до столба дубового пятсот сорок четыре сажени на нем грани» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368). Здесь, вероятно, имелось в виду, что овраг Каварзлей протекал через лес Кудапомру, и возможно – Кудапомра являлась вторым названием оврага Каварзлей. Действительно, по чертежу, на расстоянии около 544 сажени межа идет вниз по врагу Каварзлею.

Далее в писцовых книгах уточняется принадлежность землевладений по отношению к направлению межи. Что касается непосредственно участка, связанного с межей чертежа, он выглядел так: «и едучи по граням от черного лесу вниз врагом Болшим Верчлеем [Ревелеем!] на озерко Малое Тумерко и через Чевасквар лес по Каварзле[й] врагу правая сторона земля и всякие угоды деревни Тюгелевы мордвы а левая сторона мордовская ж земля деревни Алемаевы по Каварзлей врагу и по черной лес Кудапомра», «а от черного лесу Кудапомра межа мордовская деревням Алемаевым и Тюгелеву с помесными землями промеж их враг Коварзлей» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368).

Следующим в писцовых книгах был отмечен рубеж: «а на враге у лесу Кудапомры межа ж деревни Тюгелевы с помесными /Л. 368 об./ землями розных помещиков конец Микитиных

пол Мотовилова до столба дубового сорок четыре сажени на нем грани столб поставлен подле пни что был дуб з гранми в вершине врага Куражлея а от того столба вниз врагом Куражлеем подле Тимофеевой помесной земли Любятинского пустоши до татарские земли деревни Алемаевы до полюбовных граней каковы грани учинели от Тимофеевы помесные земли Любятинского до столба дубового сорок четыре сажени столб поставлен в о враге Корожлее где стоял дуб з гранми» (ЦАНО Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368 – Л. 368об).

На чертеже вышеуказанный отрезок не выявляется, видимо, из-за малых расстояний и, соответственно, масштаба чертежа. Далее, межа на чертеже соответствует меже писцовой книги: «а от того столба из о врага направо до столба дубового двести сорок сажен на нем грани столб поставлен где столб [стоял!] розвиловато[й] дуб кудрявой среди полянки меж вершины Момокужевы против половины поляны Изверикужи и с полянам Мамак [Мамаксева по писцовой книге 1628 г.!] среди меж вершин» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368 – Л. 368об). На чертеже межа уходит от столба у оврага, пересекает поле и вершинку, за которой указан столб. Расстояние между столбами около 280 саженой. Безымянная вершинка на чертеже является бывшей вершинкой Момокужи (Момоскужи), здесь же располагались поляны Изверикужи и Мамаксева. За межой на чертеже обозначена небольшая роща.

Следующий рубеж: «а от того столба до дуба двести сорок сажен на нем грани одна гран указала назад до столба дубового а другая грань указала вниз по вершинке до врага Евилея и в черной лес а дуб стоит меж вершины где стояла береза з гранми» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602 А. Д. 22. Л. 368об).

Следующий межевой знак на чертеже – столб, действительно обозначен на левой стороне врага Евилея.

Далее в писцовой книге: «а от тое вершины направо вверх врагом Евилеем до первой вершины а первую вершиною вверх в черной лес через Алатарскую дорогу тем же черным лесом Вачкочким через вершинку Вачюкочкую тем же лесом да [до] помесной земли Тимофея Любятинского до горелова дуба на нем старая гран подле ево поставлен столб дубовой на нем гран столб стоит у лесу блиско болотца» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368об).

Пересекая овраг Евилей, межа на чертеже доходит до столба у небольшой рощи, в которой и указано болотце. Здесь в XVII в. заканчивались земли татарской деревни Алемаевы, что и было записано в писцовых книгах: «правая сторона земля и сенные покосы и леса и дубровы и всякие угодыя деревни Тюгилевы мордвы а левая сторона земля и сенные покосы татарские деревни Алебаевы [Алемаевы]» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602 А. Д. 22. Л. 368об). С этого места земли деревни Костянки (Старое Тюгелево) граничили с землями Тимофея Любятинского.

Упоминание Алатарской дороги свидетельствует о том, что до 1677/1678 гг. она проходила справа от оврага Евилей.

Следующий рубеж: «а от того дуба и от столба дубового до дуба кудреватого сто тритцат пят сажен на нем грани а от того дуба на вершинку Инатуналеев враг до столба дубового сто дватцат восемь сажен на нем грани столб поставлен в вершине Инетилееве враге» (ЦАНО. Ф. 2013 Оп. 602А. Д. 22. Л. 368об).

Общее расстояние от столба у болотца до Инатуналеева/Инетилеева врага по писцовым книгам – 263 сажени, полностью соответствует расстоянию на чертеже – около 260 саженой до вершины Буякшенского (Якшенского) врага. И далее: «а от того столба вниз до Якшенского врага а Якшенским врагом вверх /Л. 369/ до вершины да вотчинной земли столника Петра Голохвастова что была Тимофея Любятинского на столб дубовой на нем грани» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 368 об – Л. 369).

Рубеж полностью соответствует рубежу на чертеже: межа идет вниз по вершине Буякшенского врага до устья, далее Буякшенским врагом вверх до другой вершинки Буякшенского врага.

По писцовой книге: «а от того столба направо подле вотчинной земли столника Петра Голохвастова до столба дубового девеносто две сажени на нем грани столб поставлен подле дороги что будет из селца Отяж Поля а Мелничаново [Мелцаново] тож где был дуб з гранью прошед мар а от того столба до столба дубового семдесят сажен на нем грани столб поставлен у Кац помры где стоял дуб з гранми» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 369).

От вершинки Буякшенского врага межа на чертеже пересекает дорогу и подходит к роще, которая обозначена как «заповеданной лес села Бритово», из чего следует, что это и есть ранее называвшаяся «Кац помра» («Скат помра» по писцовой книге 1628 г.).

Пересекая рощу, межа по писцовой книге приходила к вершине Костянского врага, возвращаясь в речную систему речки Сердезь: «а от того столба и ото пня подле Кац помры налево до столба дубового сто восьмдесят шесть сажен на нем грани столб поставлен где стоял дуб з гранми в вершине Костянского врага» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 369).

На чертеже ширина рощи между последним межевым столбом и Костянским врагом около 260 саженей, но вершина врага находится в роще, так что расстояние в 186 саженей в писцовой книге не вызывает противоречий.

Далее межа шла по Костянскому врагу: «а от того столба тою ж вершиною на низ Костянским врагом до речки Сердомы девятсот шездесят сажен» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 369). На чертеже это расстояние составляет около 900 саженей. Костянский враг впадает в речку Сердезь.

На следующем участке данные писцовой книги и расстояния на чертеже расходятся: «а речкою Сердомою на низ до Сиргиярки сто тритцат сажен а озерко Сергиярки на меже» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 369). На чертеже расстояние от устья Костянского врага до озера Сергиярка составляет 500 саженей.

Здесь, согласно писцовой книге, заканчивалось соседство межи с владельцами села Отяш Поле, Мелцаново тож: «а от столба что поставлен у вотчинной земли столника Петра Голохвастова да Кац помры а от Кац помры на низ Костянским врагом до речки Сердомы и до озера Сергиярки по граням правоя сторона земля и всякие угодыя деревни Тюгелевы мордвы а левая сторона вотчинная земля и всякие угодыя столника Петра Голохвастова да Луки Дубенского села Отяш Поля Мелцанова тож» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 369). Ко времени составления чертежа за селом Отяш Поле, Мелцаново тож уже закрепилось название Бритово.

Далее межа разделяла владения деревни Костянки и владения деревни Великий Враг. В писцовой книге эта межа была записана по деревне Великий Враг.

«А межа деревни Великого Врага с мордовскою землею деревни Тюгелева Костянка тож от Сычесевского озера суходолом на низ через болшую дорогу через Сакму до столба дубового четьреста сорок восьм сажен на нем грани, а от того столба тем же суходолом на низ до долинки и долилкою на низ до речки Сердемы дватцат сем сажен» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 363).

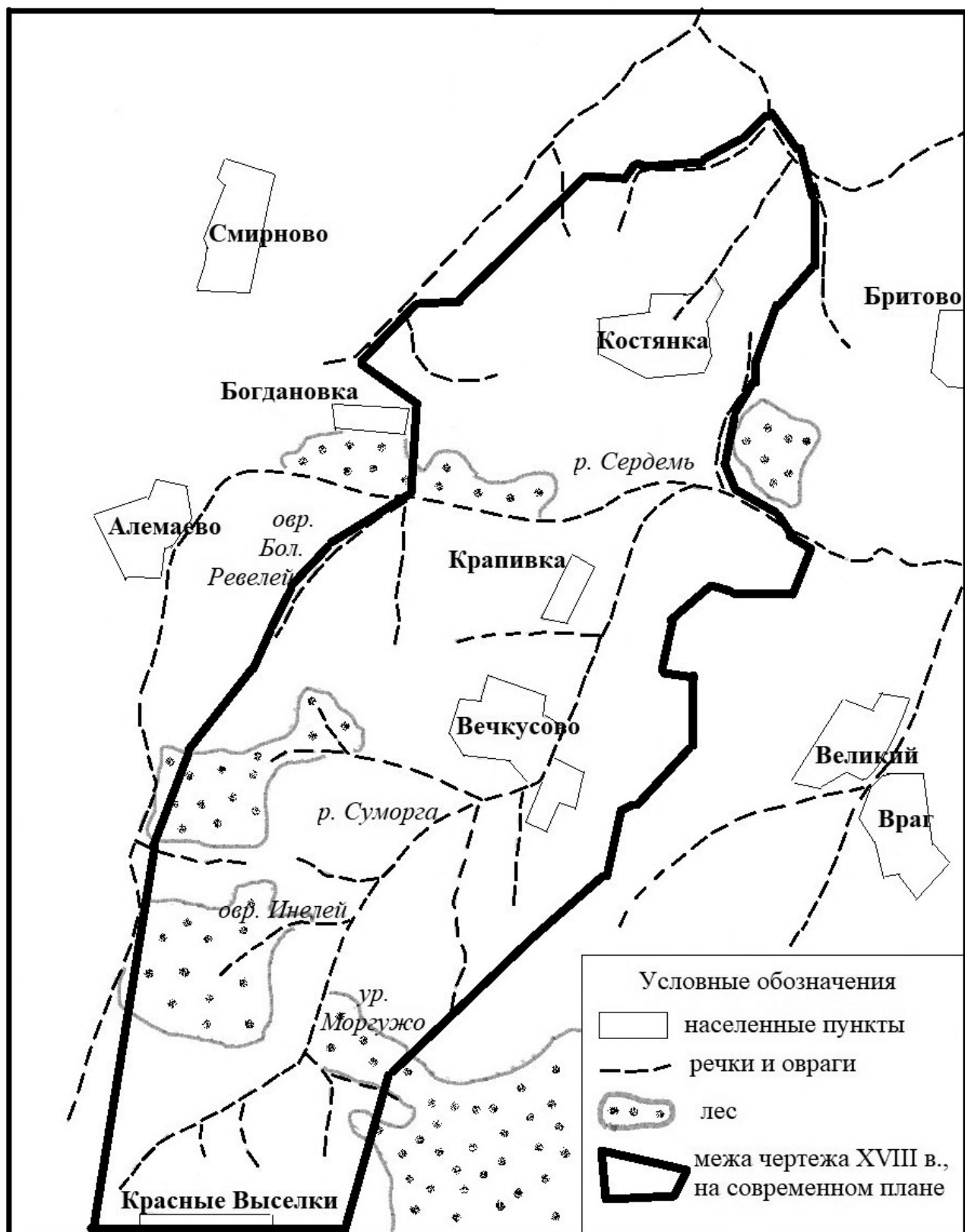
Общее расстояние от Сычесевского озера до речки Сердезь по писцовой книге составляет 475 саженей, что приблизительно соответствует расстоянию на чертеже. Здесь же, на чертеже, межу пересекает сакма – торная дорога. Обозначена она фрагментарно, только в районе межи, с надписью «сакма дорога».

«А от той долинки налево вверх речкою Сердомою да [до] озера до Сергиярки сто шездесят сажен» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 363). То есть межа с землей деревни Великий Враг дошла до озера Сергиярки.

В другую сторону от Сычесевского озера в писцовых книгах была зафиксирована только межа деревни Тюгелевы (Костянки) и Вечкисевы. Для сравнения сначала приведем межу 1628 г.: «/Л. 193/ а от Сычесевского озера межа деревни Тюгелевы от деревни вечкисевской мордвы подле черной лес, а от черново лесу от Синдяковской вотчины, а у черново лесу дуб делной /Л. 193 об./ Кобая Учесева а на нем грань» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1 Д. 8. Л. 193–193 об). В писцовой книге 1677/1678 г. это место было записано так: «подле черной лес а от черного лесу от Силдяковской вотчины, у черного лесу два дуба делных кудреватых один з болоною стоят на одном корени а на них грани а дубя стоят где был делной дуб з гранью Кобая Учесева» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 369). Именно эта точка, где стоял существовавший при межевании Т. Измайлова в 20-е гг. XVII в. Кабаев дуб, была зафиксирована на чертеже: «Кабаев дуб по писцовым книгам, а ныне подновлен поставлен столб».

В 20-е годы XVII века межевание д. Вечкисевы, как и межевание других деревень производилось без измерения в сажнях, а в 1677/1678 гг., когда производились измерения, для д. Вечкусово межевание не было произведено, т.к. «в межах спора ни с кем не было» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Д. 22. Л. 377 об.). Соответственно, владения деревни оставались прежними в соответствии со старыми межами межевания Тимофея Измайлова. Общее описание владений у Т. Измайлова выглядело так: «Да вверх Суморги речки по обе стораны пашни вечкисевские да Кеверемекужа Каменная тож и с уголками и всякие угода и сенные покосы кругом вечкисевских пол с одной стороны Синдяковской лес, а з другие староны вечкисевских пол Сандарской лес да в том же их ободу в Синдяновском лесу их вечкисевская поземная покосная полянка Моргуша на Суморских вершинах да в Сандарском лесу полянка Помракужа да селище старое». И далее: «а даны за живущую за полполчети выти, а были те полянки за ними ж в медвяном оброке в десяти гривенках и даны им те полянки из прибыли в четвертную пашню да полянка Делемкужа по обе стороны вражка Левевромолей сена пятдесят копен» (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 8. Л. 196об.). Все эти поляны обозначены на чертеже.

Из приведенного анализа межи мы видим ряд примеров точного совпадения расстояний, указанных в писцовых книгах и на чертеже. Что касается несоответствий, то надо принять во внимание, что они локальны и компенсируются в других местах в сторону уменьшения/увеличения и, что наиболее важно, вся описанная межа накладывается без существенных погрешностей на современную карту (ил. 1). Особое внимание на чертеже уделено межевым топонимам и, в целом, топонимы на чертеже идентичны топонимам писцовых книг, за редким исключением. Что касается топонимов, существовавших в писцовых книгах и не указанных на чертеже, то можно отметить следующее. Практически все не указанные и, возможно, к тому времени исчезнувшие топонимы относятся к меже д. Костянки. Особенно это касается топонимов западной и северо-западной межи. Здесь по писцовым книгам находились лес Кудапомра, поляны Момокужи, Изверикужи, черный лес Вачкочский. Потеря топонимов, видимо, была связана с рядом причин. Возможно, топонимы на этой территории, обозначающие леса и поляны, потеряли свою актуальность и исчезли вместе с лесами, или просто не возникло преемственности. Возможно, к середине XVIII века произошло замещение названий, но новые названия не были подписаны на чертеже. О том, что со временем названия изменялись, свидетельствует и чертеж. Так, часть писцовой межи – Инетилеев враг, был обозначен как вершина Буякшенского врага. Кацпомра (Скат помра) стала называться заповедным лесом села Бритово. Не стоит исключать и тот фактор, что к этому времени в Костянке русские (254 души по второй ревизии) уже составляли почти 80% населения деревни. Число мордвы составляло 69 душ (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 120. Л. 112–127 об.). Население деревень Вечкусово и Крапивка по-прежнему составляла мордва.



Ил. 1. Окружная межа чертежа XVIII века на современном плане.

Попали на межи и фрагменты двух дорог (полностью на чертеже дороги не обозначены, т. к. в них не было необходимости). Причем между озером Сычесево и озером Сергиярка на меже обозначена и подписана «сакма дорога», что является единственным обозначением фрагмента одного из направлений древней торной дороги вообще на чертежах и картах, включавших в себя территорию Арзамасского уезда.

Отметим и появление на чертеже некоторых топонимов, не указанных в писцовых книгах, это враг Инелей – левый приток Суморги, болото Моховое в вершине врага Вятъвармолей, болото Пропасное по течению Костянского врага, враг Малой Ревелей, враг Чепанешной.

Также, как и в писцовых книгах, не указывающих межи в большом черном лесу, отсутствуют межи в большом черном лесу и на чертеже, а сам лесной обод нанесен достаточно условно. Исключение составляет обозначенная на чертеже в лесу Алемаевская межа. В 208 (1699/1700) г. в этом районе проводилось размежевание леса между д. Алемаево и д. Вечкусево чарочником Иваном Протопоповым, что возможно, и нашло отражение на чертеже (РГАДА. Ф. 419. Оп. 1. Ч. 11. Д. 206. Л. 51–52 об.). Южная часть леса, принадлежащего деревне Вечкусово, на чертеже включает в себя весь бассейн Суморги. Однако спустя полвека, по Генеральному межеванию, эта часть леса принадлежать селу Вечкусову не будет, а войдет в состав дачи села Спасское. Что касается самого Генерального межевания, то в связи с тем, что Костянка, Крапивка, Вечкусово, Великий Враг и Алемаево были отмежеваны общей межей, можно проследить лишь северо-западные, северные и восточные межи с поместными землями. В основном они остались идентичны проведенному межеванию первой половины XVIII в., за исключением северо-западной межи. Она сместилась северо-западнее к оврагу, обозначенном на плане Генерального межевания как Кружлей. Это было связано с пополнением дворцовых земель мордовских деревень, в т. ч. Костянки за счет покидных татарских земель в последней четверти XVIII в. (Драницын, 1912. С. 80).

Отметим, что к Генеральному межеванию площадь под пашней в бассейне Суморги еще более увеличилась. Ко времени составления Атласа Менде на данную территорию (1850-е гг.), от обширных лесов сохранилась лишь небольшая роща на юго-западе, на границе с дачей с. Спасское.

Если проследить современные границы Смирновского сельсовета Шатковского района, то увидим, что восточная граница, к востоку от села Вечкусово, совпадает с межами, утвержденным на рассматриваемом чертеже, которые, в свою очередь, пролегали по межам писцовых книг 20-х гг. XVII в.

На чертеже единственный раз были обозначены озера на речке Сердедь: Малое Тумерка и Сергиярка. Эти озера исчезли к концу XVIII в. и не попали на планы Генерального межевания. Озеро Тюгелево, на котором, согласно писцовым книгам, находилось старое селище – поселение Старое Тюгелево, выходцы из которого основали Старое Тюгелево (Костянку), Крапивку и, возможно, Новое Тюгелево (Великий Враг), еще было отмечено на плане Генерального межевания, но к середине XIX в. превратилось в болото и также пересохло. В этом озере в 1740-е гг. была крещена местная мордва. В статистическом описании Нижегородской губернии 1829 г. подтверждается описание крещения мордвы д. Вечкусово в озере, находящемся вблизи села: «Близ села Вечкушева находилось прежде весьма пространное озеро, в котором мордовские племена окрестных мест восприяли обряд святого крещения; но ныне все оно уже обратилось в пахатную землю и составляет несколько десятин самой хлебобордной и тучной почвы» (Духовский, 1827. С. 36). И. Сахаров в середине XIX в. подтверждает крещение мордвы села Вечкусово в озере: «Жители были мордва – язычники, и крещены насильно с помощью воинской

команды в озере, находившемся близ села, ныне высохшем и поросшем травой (Статистическое описание церквей города Арзамаса..., 1888. С. 3). На Атласе Менде 1859 г. на месте озера показано болото, но через него уже проходит грунтовая дорога.

Исчезнувшая поляна Делемкужа (вариант Телемкужа – зимничная поляна, «телем» – зима, «кужо» – поляна) возможно, указывала на существование в том месте зимницы, а старое селище определенно указывает на место существования поселения, правда, неизвестно, связанного ли непосредственно с Вечкусовым.

Кроме названий речек: Сердемь, Суморга и Якшенка, до настоящего времени сохранилось название оврагов Большой Ревелей, Инелей и двух полей, принадлежавших когда-то деревне Вечкусово: Кеверекужо (Каменная) и Маргужа. Возможно, что Маргужа являлась священным урочищем. О ней сообщал священник села Великого Врага В. Богословский, возглавивший приход с 1845 г. и составивший в 1886 г. историко-этнографическое описание села. В. Богословский указал, что «На краю Великовражского лесного урочища, называемого Моргуша, по дороге к селу Спасскому, в старину рядом стояло два болвана наподобие мужчины и женщины; болваны были обделаны на стоявших на корню древесных стволах». Правда, причина появления этих скульптур не связывалась со священной рощей, хотя и объяснялась старинными обычаями мордвы. Согласно дошедшим преданиям, скульптуры были обделаны «в память совершенного тут убийства жениха и невесты (Богословский, 1886. С. 8–9).

Таким образом, чертеж действительно позволяет не только установить названия топонимов, упоминающихся в писцовых материалах и провести их локализацию и локализацию других объектов (озер, лесов, урочищ, мест поселений, дорог), но и в какой-то мере позволяет проследить динамику изменения топонимики местности и ландшафтов.

Список источников и литературы

Богословский В. Летопись о церкви и приходе села Великого Врага, Арзамасского уезда // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1886. № 10. С. 6-21.

Драницын Н. И. Опись дел Сенатского архива за 1816–1818 годы // Действия НГУАК. Т. XIII. Вып. IV. Отд. II. Нижний Новгород, 1912. С. 74–144.

Духовский М. Статистическое описание Нижегородской губернии, составленное тамошней гимназии старшим учителем Михаилом Духовским. Казань, 1827. 79 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 8. 1728–1732. СПб., 1830. № 5775. С. 475.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 8. 1728–1732. СПб., 1830. № 5793. С. 506–507.

РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 119.

РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 120.

РГАДА. Ф. 419. Оп. 1. Ч. 11. Д. 206.

РГАДА. Ф. 1239. Московский дворцовый архив. Оп. 57. Д. 112.

РГАДА. Ф. 1381. Оп.1. Д. 457.

РГАДА. Ф. 1381. Оп.1. Д. 528.

Статистическое описание церквей города Арзамаса, составленное в 1849 году протоиереем И. Сахаровым (сообщено Титовым) // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1888. 21 декабря. № 51. С. 2–3.

ЦАНО. Ф. 2013. Оп 1. Д. 8.

ЦАНО. Ф. 2013. Оп 602 А. Д. 22.

А. В. Сорокина,
младший научный сотрудник ГБУК НО «Нижегородский государственный историко-
архитектурный музей-заповедник»
annnn_2008@mail.ru

**ДОКУМЕНТЫ И ФОТОМАТЕРИАЛЫ О МОРДВЕ-ТЕРЮХАНАХ КОМПЛЕКСНОЙ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1-го МГУ 1925–1929 гг.
ПО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ НГИАМЗ И ЦАНО)**

В 1925 г. Борис Сергеевич Жуков, палеоэтнолог, сотрудник Института антропологии 1-го МГУ, сторонник комплексного антропологического подхода, сочетающего методы археологии, этнографии, антропологии и естественных наук, организует первую Антропологическую комплексную экспедицию по Центрально-Промышленной области – Ветлужскую антропологическую экспедицию, работавшую два года (1925–1926 гг.). Она стала первой из ежегодных экспедиций, проводившихся с 1925 по 1929 г. не только в Нижегородской губернии, но и Московской, Ярославской, Тверской, Владимирской, Орловской, Брянской, Рязанской, Пензенской губерниях, а также на территории современных Кировской области, Республики Марий Эл, Татарстана, Удмуртии.

Комплексный характер антропологической экспедиции предполагал одновременную работу нескольких отрядов: антропологического, этнографического, археологического, лингвистического. Таким образом, изучались современная культура, быт, облик и язык населения определенной территории в преемственности и сравнении с ее прошлым. На основе лингвистических, этнографических, антропологических и археологических сведений, дополнявших друг друга и рассматривавшихся во взаимосвязи, собиралась общая картина истории заселения, освоения или запустения той или иной местности. Широкий комплексный подход Б. С. Жуков усвоил от своего учителя Дмитрия Николаевича Анучина – основателя Института антропологии при 1-м МГУ.

Сам Б. С. Жуков был нижегородцем (родился 1 декабря 1892 г. в Нижнем Новгороде), его отец и дед издавали известную в городе газету «Волгарь». Хотя энергии Жукова хватало на участие во многих экспедициях в течение одного и того же полевого сезона, в экспедициях, работавших на его малой родине, Борис Сергеевич чаще всего принимал личное участие, а не просто выступал в роли организатора.

Комплексная Экспедиция проводилась при поддержке Ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии. Ассоциацией были организованы ежегодные конференции (с 1924 по 1929 г.), где большое место уделялось изучению трудового потенциала населения губернии, что и было формальной причиной для организации масштабных экспедиций. Первые выводы по экспедиционным материалам прозвучали на II конференции по изучению производительных сил в декабре 1925 г. Материалы конференций публиковались в журнале «Производительные силы», а некоторые результаты работы экспедиции в журнале «Народное хозяйство» (Жуков, 1926; Полевые..., 1927; Работа..., 1927), оба журнала издавались Ассоциацией. Третий, восьмой выпуски журнала «Производительные силы» были посвящены второй и третьей губернскими конференциям по изучению производительных сил Нижегородской губернии (Производительные силы, 1926, 1928). Также Ассоциацией были отдельно опубликованы тезисы докладов второй-четвертой конференций, прошедших соответственно 28 ноября – 4 декабря 1925 г., 26 февраля – 1 марта 1927 г., 23–26 марта 1928 г. (Вторая губернская..., 1925; Вторая губернская...

Резолюции..., 1926; Третья губернская..., 1927; Третья губернская...Резолюции..., 1927; Четвертая губернская..., 1928). Конференция, намеченная на 1929 г., не состоялась в связи с ликвидацией Ассоциации по причине образования в том же году Нижегородского края. Ликвидация Ассоциации стала, возможно, одним из основных факторов, прекративших деятельности экспедиции. После ликвидации Ассоциации, ее полномочия и имущество были разделены между разными организациями. Все издания – напечатанные и готовящиеся к печати – передавались Нижегородскому научно-исследовательскому институту методов краеведной работы (ЦАНО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 110. Лл. 9об, 10, 10об, 25, 26, 35, 35об, 38, 39), созданному в 1931 году и работавшему до марта 1932 года.

В 1929 г. Борис Сергеевич подготовил к печати первый том результатов работы Комплексной антропологической экспедиции – «Труды Комплексной антропологической экспедиции». Рукописи были набраны в типографии, но так и не напечатаны из-за отсутствия средств: ни один из «наследников» Ассоциации не взял на себя существенные расходы на издание (ЦАНО. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 110. Лл. 35, 35об, 39). Набранный текст был рассыпан, а рукописи Б. С. Жукова, вероятно, утрачены, поскольку в 1931 году ученый был арестован. Сведения о его смерти и дате ареста разнятся.

Таким образом, труды экспедиции, за исключением докладов на ежегодных конференциях, организованных Ассоциацией производительных сил с 1924 по 1929 г., не были опубликованы. Документы экспедиции – переписка, отчеты, сметы – находятся в Центральном государственном архиве Нижегородской области. Возможно, что некоторые материалы экспедиции хранятся в архиве НИИ Института антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ им. М. В. Ломоносова, поскольку Б. С. Жуков преподавал в 1-й МГУ, на базе которого и была организована Комплексная экспедиция. Кроме того, он был сотрудником Центрального музея народоведения. Известно, что Комплексная экспедиция работала в тандеме с экспедициями Центрального музея народоведения (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Лл. 46, 46об, 47), сотрудники которого (Е. И. Горюнова, С. П. Толстов) были учениками Б. С. Жукова.

Б. С. Жуков, безусловно, был ключевой фигурой в организации и проведении Комплексной экспедиции. Он состоял членом нижегородских краеведческих организаций и активно сотрудничал не только с Нижегородским губмузеем (в настоящее время ГБУК НО НГИАМЗ), но и с краеведческими музеями на местах, учителями, краеведами, энтузиастами и любителями истории по всей губернии, привлекая их к участию в экспедиции. Все находки экспедиции передавались для исследования в Институт антропологии 1-го МГУ. После исследования многие материалы передавались в Государственный историко-бытовой музей Нижегородского края, сейчас они находятся в коллекции НГИАМЗ.

Начав с Заволжья, экспедиция постепенно смещалась к югу. В 1927–1928 гг. был обследован район проживания мордвы-терюхан. Здесь интересы Антропологической комплексной экспедиции пересеклись с интересами Центрального музея народоведения. Еще в 1926 г. Б. С. Жуковым и сотрудником экспедиции, студенткой 1-й МГУ и младшим научным сотрудником ЦМН Е. И. Горюновой были произведены раскопки Сарлейского могильника (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Л. 26). Е. И. Горюнова провела обследование сел Большое и Малое Сеськино, приобрела коллекцию предметов для Нижегородского историко-бытового музея. К этому времени можно отнести подавляющее большинство предметов терюханского костюма из коллекции НГИАМЗ (Званцев, 1936). 15 августа 1926 г. Е. И. Горюнова записывает легенду к терюханскому костюму, рукопись которой хранится в фондах НГИАМЗ и является прекрасным дополнением к хранящимся в этих же фондах костюмам мордвы-терюхан

(Горюнова, 1926). О костюме терюшевской мордвы из фондов НГИАМЗ подробнее можно узнать в статье сотрудника Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Л. В. Калининой (Калинина, 2017. С. 60–65).

В 1927 г. раскопки продолжились уже по заданию ЦМН. Е. И. Горюнова работала на Сарлейском могильнике, Б. С. Жуков и С. П. Толстов – на Кужадонском (ЦАНО. Ф. Р-56, оп. 1, д. 1738. л. 26). На этом же могильнике неделю практиковался студент Нижегородского университета М. И. Зевакин – участник комплексной антропологической экспедиции, издавший в 1936 г. книгу «Крестьянское движение мордвы Терюшевской волости (1808–1810 гг.): С приложением подлинного дела «О ложном пророке Кузьме Алексееве»: Материалы архива» (Зевакин, ЦАНО, Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 15. Лл. 135–135об.). Данное издание ценно в первую очередь материалами дела Кузьмы Алексеева, хранившимися в Нижегородском архиве и впоследствии утраченными. Следует полагать, что начало изучения М. И. Зевакиным дела Кузьмы Алексеева (Кузьки-бога) было положено во время Комплексной экспедиции, участники которой проводили не только полевые исследования, но и внимательно изучали музейные коллекции, архивы, церковные книги и записи, историю топонимики обследованных населенных пунктов, фольклор. В частности, изучение фольклора мордвы-терюхан в 1927–1928 гг. позволило выделить в нем не только мордовский пласт, но и русскую песню, сюжеты которой были широко распространены в Вологодской и Олонецкой губерниях (ЦАНО Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Л. 48об).

Можно сказать, что две экспедиции – от ЦМН и 1-й МГУ работали параллельно. Одновременно район сел Сарлей, Б. Сескино, М. Сескино, Борцово, Макраши, Б. Терюшево, Мигалихи обследовали два этнографических отряда: от ЦМН под руководством М. Т. Маркелова в составе сотрудниц ЦМН В. Н. Белицер и Е. П. Ульяновой и аспиранта Института народов Востока С. С. Абузова и отрядом комплексной экспедиции под руководством этнолога Музея Центрально-промышленной области С. П. Толстова в составе художника Н. П. Толстова и М. И. Зевакина (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Л. 21–22, 47, 67). В 1928 г. под руководством тех же лиц, с несколько измененным составом отрядов были обследованы села Сиуха, Шониha, Арманиха, Касаниха, Клюиха, Винный Майдан, Лом, Инютино, Криуша, Надеждино, Ольгино. Деревни Макраша, Мигалиха, Сарлей, Большое и Малое Сескино обследовались два года подряд. Кроме того, в 1927 г. комплексная антропологическая экспедиция провела антропологические и лингвистические исследования мордвы-терюхан (ЦАНО Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Л. 33).

Всего Комплексной антропологической экспедицией в 1927–1928 гг. было сделано до 200 шт. фотографий, 130 чертежей и планов, порядка 20 зарисовок жилищ, а также, как сказано в отчете, большое количество зарисовок по костюму, с/х орудиям, промыслам (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Лл. 46об, 47об, 48об). Также приобрели в 1927 г. 200 предметов, в 1928 г. 120 предметов для музейных коллекций: одежда, утварь, предметы производства. Большинство экспонатов поступило в ЦМН, однако 40 предметов было отдано в фонды Нижегородского историко-бытового музея.

Из почти 260 единиц основного фонда (фотографий, карт, планов, схем и чертежей), поступивших от Комплексной антропологической экспедиции за все годы работы, около 25 (в том числе фотографии в составе альбома «Нижегородская антропологическая экспедиция») – это снимки строений деревни Большое Сеськино, раскопок Кужадонского могильника (ил. 1, 1–3) и уже известные фотографии терюханского костюма (ил. 2, 1). Отдельно следует сказать о фотоальбоме «Нижегородская антропологическая экспедиция», состоящем из 145 фотографий, охватывающих все время работы экспедиции. Фотоснимки отражают комплексный характер экспедиции: антропологические исследования павловских кустарей (Павлово, Грудцинская



1



2



3

Ил. 1. Фотографии из альбома «Нижегородская антропологическая экспедиция».
Фонд Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

1 – раскопки Кужадонского мордовского (терюханского) могильника XVII–XVIII вв.;
2 – раскопки погребений на Кужадонском могильнике; 3 – одно из погребений Кужадонского
могильника.

артель), палеоэтнологические исследования (Одошнурский, Большепольский, Перемчалкинский, Кужадонский, Коринский могильники; Одоевское, Богородское, Чертово, Русенихинское городища), этнографические исследования типов жилищ, костюма и быта. На альбоме стоит штамп библиотеки Научно-исследовательского института методов краеведной работы, которому альбом достался, скорее всего, после ликвидации Ассоциации производительных сил Нижегородской губернии. Когда НИИ методов краеведной работы прекратил свою деятельность, альбом попал Горьковский государственный краевой исторический музей.

В фондах музея-заповедника хранятся рукописи Е. И. Горюновой «Легенда к терюханскому костюму» (упомянутая выше) и М. П. Званцева «Мордовская коллекция Горьковского исторического музея» (Горюнова, 1926; Званцев, 1936). Они позволяют в совокупности с документами из ЦАНО уточнить, какие именно предметы костюма мордвы-терюхан поступили в коллекцию НГИАМЗ в результате работы Комплексной экспедиции. В то время как ранее можно было говорить об этом только предположительно (см. Калинина, 2020. С. 83–84). В частности, подробно описано у кого и где приобретена писаная шуба из коллекции музея (Горюнова, 1926. лл. 7–7об). Мы можем атрибутировать данную шубу, шушпан, «граненые» сапоги, «мордовские» лапти, некоторые из вышитых рукавов шушпанов, рубахи. В



1



2



3

Ил. 2. Фотографии терюханок в традиционных костюмах. Фонд Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

1 – фотография из альбома «Нижегородская антропологическая экспедиция»;
2, 3 – фотографии из Фонда документов и фотографий НГИАМЗ.

рукописи имеются зарисовки вышивок на рукавах, описание некоторых терминов, связанных с вышиванием (Горюнова, 1926. Лл. 4–4об). Особенно ценным нам кажется атрибуция части головного убора – венца, до этого момента не атрибутированного. В рукописи М. П. Званцева он назван «неопределенная деталь от головного убора (легенды не имеется)» (Званцев, 1936. С. 19). Там же читаем: «приобретена в 1926 г. в с. Сарлей Е. И. Горюновой, представляет собой холщевую ленту, сшитую в круг, украшенную четырьмя рядами плотно прилегающих друг к другу «ужовок»... (все сооружение представляет невысокий усеченный конус, удобно располагающийся на голове)» (Званцев, 1936. с. 20). Вместе с тем в рукописи Е. И. Горюновой этот головной убор назван «венчик»: «на голову одевался «венчик», представляющий коническую головку без верха, сшитую из грубого холста, сплошь зашитую раковинами. Сзади к этому убору до самого пояса подвешивались черные шерстяные кисти. По бокам к венчику привешивались плетки – длинные полосы холста с нашитыми монетами, которые иногда свешивались до самого подола. Вдоль верхнего края «венчика» прикреплялась бисерная нашивка. «Венчик» носился как девушками, так и замужними женщинами, но последние надевали кроме того коническую «головку», сплошь зашитую монетами. «Головка» иногда делалась из тонкой жести, чтобы лучше держалась на голове» (Горюнова, 1926. Л. 2об). Согласно этому описанию, можно сказать, во-первых, что девушки-терюханки носили головной убор с открытой макушкой, подчеркивавший их незамужний статус. Подобное деление головных уборов на женские и девичьи в зависимости от того, покрывают они макушку, закрывают ли волосы целиком можно встретить во многих традиционных культурах народов России. В таком случае, например, известную фотографию Барро, изображающую группу женщин из деревни Борцово можно однозначно описать как фото группы замужних женщин, а не девушек. Во-вторых, можно говорить о том, что венец был составным головным убором, дополнявшимся в течение жизни женщины при изменении ее статуса (незамужняя девушка-замужняя женщина), и экземпляр из фондов НГИАМЗ, таким образом, является составной частью венца (ил. 2, 2,3). Однако эти гипотезы требуют дальнейшего анализа и подтверждения.

В ЦАНО из документов комплексной экспедиции, касающихся модвы-терюхан, можно выделить отчеты экспедиции за 1927–1928 гг., где очерчен район проживания мордвы-терюхан, описаны основные направления исследования и краткие результаты (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Лл. 19–26, 46–48 с оборотами). Согласно отчетам, были исследованы промыслы, костюм, типы жилищ, обряды и духовная культура. Выяснилось, что наиболее старыми промыслами являются дранье корья, плетение лаптей, жжение угля. Типы жилищ совершенно такие же, как у русских, и не имеют старофинских черт. Одежда терюхан была изучена очень подробно, собрано до 50 отдельных элементов узора вышивки и «богатая мордовская терминология, сохранившаяся в национальной одежде и элементах вышивки» (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Л. 48). Костюм сохранил больше мордовских архаичных элементов, чем эрзянский, например, мужской шушпан. Были выделены более ранние общефинские элементы костюма и более поздние эрзянские. Более подробное описание костюма можно найти в рукописи Е. И. Горюновой (Горюнова, 1926). В обрядах и духовной культуре сотрудники экспедиции отметили, с одной стороны, наличие остатков языческой мордовской религии (обрывки старых молитв, рассказы о мольбищах и священных рощах, свадебный обряд), которая у терюхан особенно сильно проявляется в ритуале погребения и поминальных днях (оставление носилок, бросание денег в могилу, поминальные обеды на могилах и проводы покойного). С другой стороны, календарные обряды совершенно не имеют финских и мордовских черт, являясь сочетанием северорусских (празднование Ярилы) и южнорусских обрядов (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Л. 48об).

Особенно ценными являются упоминания раскопок Кужадонского могильника (ЦАНО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 1738. Лл. 26, 40) в совокупности с фотографиями раскопок из альбома «Нижегородская антропологическая экспедиция» (ил. 1, 1–3), т.к. сведений об этих раскопках практически нет.

Можно сказать, что если бы все материалы комплексной антропологической экспедиции были опубликованы, то они весьма существенно дополнили бы материалы отряда ЦМН. Совместная публикация М. Т. Маркелова и С. П. Толстого (Маркелов, Толстов, 1928. С. 104–123) была лишь предварительным сообщением к большому монографическому труду, который не состоялся.

Рассмотрение материалов экспедиции в комплексе (отчеты из ЦАНО, легенды к приобретенным вещам, сами вещи и фотографии из фондов НГИАМЗ) поможет не только восстановить картину деятельности экспедиции, но полнее изучить некоторые предметы коллекции музея-заповедника. В настоящее время ведется работа по выявлению предметов, переданных в фонды НГИАМЗ комплексной антропологической экспедицией.

Список литературы и источников

Вторая губернская конференция по изучению производительных силы Нижегородской губернии 28 ноября – 4 декабря 1925 года. Тезисы докладов. Нижний Новгород. 1925. 36 с.

Вторая губернская конференция по изучению производительных сил Нижегородской губернии 28 ноября – 4 декабря 1925 года. Резолюции по докладам. Нижний Новгород. 1926. 28 с.

Горюнова Е. И. [Рукопись] Легенда к терюханскому костюму, 1926. 7 л. с оборотами.

Жуков Б. В. Летние работы антропологической комплексной экспедиции // Нижегородское хозяйство. 1926. № 2. С. 95–96.

Званцев М. П. [Рукопись] Мордовская коллекция, 1936. 45 с.

Зевакин М. И., Кузьма Алексеев. Крестьян. движение мордвы Терюшевск. волости (1808–1810 гг.). С прил. подлинного дела «О ложном пророке Кузьме Алексееве»: Материалы архива // Науч.-иссл. ин-т морд. культуры при ЦИК МАССР. Саранск: Мордгиз, Красный Октябрь, 1936. 71 с.

Калинина Л. В. Коллекция традиционной одежды мордвы-терюхан в собрании НГИАМЗ // Нижегородская мордва: история и культура: сборник статей по материалам первых дальнеконстантиновских чтений / под ред. Е. В. Четвертакова, О. В. Гальцевой. Дальнее Константиново: РКДО Дальнеконстантиновского района, 2017. С. 60–65.

Калинина Л. В. Туникообразная одежда мордвы в коллекции НГИАМЗ // Народы Среднего Поволжья: мосты из прошлого. Сборник статей по материалам четвертых Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород: НГК, 2020. С. 81–89.

Маркелов М. Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. 1928. № 2, кн. 6. С. 104–123.

Полевые исследовательские работы 1927 года // Нижегородское хозяйство, 1927. № 8. С. 49–50.

Производительные силы Нижегородской губернии. Выпуск 3. Труды второй губернской конференции по изучению производительных сил Нижегородской губернии. Нижний Новгород. 1926. 255 с.

Производительные силы Нижегородской губернии. Выпуск 8. Труды третьей губернской конференции по изучению производительных сил Нижегородской губернии. Нижний Новгород. 1928. 340 с.

Работа антропологической комплексной экспедиции в Нижегородской губернии в 1927 году // Нижегородское хозяйство. 1927. № 11. С. 64–65.

Третья губернская конференция по изучению производительных силы Нижегородской губернии 26 февраля – 1 марта 1927 года. Тезисы докладов. Нижний Новгород. 1927. 51 (5) с.

Третья губернская конференция по изучению производительных силы Нижегородской губернии 26 февраля – 1 марта 1927 года. Резолюции по докладам. Нижний Новгород. 1927. 20 с.

ЦАНО. Ф. Р-56, оп. 1, д. 1738. 67 л.

ЦАНО. Ф. Р-993, оп. 1, д. 15. 167 л.

ЦАНО. Ф. Р-993, оп. 1, д. 110. 104 л.

Четвертая губернская конференция по изучению производительных силы Нижегородской губернии 23–25 марта 1928 года. Тезисы докладов. Нижний Новгород. 1928. 20 с.

Приложение

**Горюнова Е. И. Легенда к терюханскому костюму [рукопись]. 1926 год.
Фонд Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
(ГОМ 26803-3).**

Текст к печати подготовили – Б. А. Илюшин, А. В. Сорокина, Е. В. Четвертаков.

Лист 1 (лицевая сторона)

Общие сведения о терюханском костюме	с. Сарлей и Б. Сеськино Д.-Константиновской вол. Нижегородского у. и губ.	По расспросам местных жителей, главным образом	15 / VIII 26
--------------------------------------	---	--	--------------

Лет 15–20 тому назад можно было застать полный женский костюм, состоящий из нижеперечисленных частей:

1. На тело надевалась белая рубаша без вышивки, или с узкой вышитой полоской, окаймляющей ворот и подол. На рубашах старого покроя спереди на подоле делался небольшой разрез окаймленный густой вышивкой. Ворот рубахи закалывался небольшой овальной медной пряжкой – «сустужком» (см. ниже)

2. Поверх рубахи одевался «шушпан» – прямой халат с широкими прямыми рукавами, с пришитыми вышитыми нарукавниками. Шушпан подпоясывался цветным шерстяным кушаком в виде широкого пестрого полосатого шерстяного шарфа с бахромой и малиновой несложной вышивкой по краю. Такие кушаки покупались на базаре и носились только по праздникам, в парад. (?) и более молодыми.

Лист 1 (обратная сторона)

Также нарядными считались вязанные из цветной берлинской шерсти кушаки, пальца в 2–3 шириной, длинные, украшенные по концам кистями и помпонами. Будничными поясками, а также носимыми старухами, служили домотканые пояски 2–3 см шириной, тканые при помощи дощечек (от 6 до 12 шт.) из яркой цветной пряжи, в полоску. Также и круглые, плетеные на гвозде в бутылке пояски.

Во всех этих изделиях преобладает красный цвет. Краски употреблялись покупные. Секрет домашнюю изготовления растительных красок утерян, но от старух приходилось слышать о том, что матери их и бабки «варили от корней краску». Но ни названия растения, из которого добывались эти краски, ни способов их изготовления никто сообщить не мог. Знают только, что было 2 оттенка красного цвета более светлый яркий и густой темный.

Лист 2 (лицевая сторона)

На шушпане навешивались все украшения, составлявшие принадлежность женского костюма.

Ворот, как и у рубах, застегивался небольшой овальной пряжкой медной или серебряной (чаще медной и бронзовой) с проволочной бронзовой булавкой. В прежнее время такая пряжка («сустужок») была значительных размеров, часто украшалась цветными стеклянными «глазками».



Сустужек или «сустуг» одевался всегда незамкнутой частью вверх, булавкой справа на лево (не обязательно). По словам старух, таких сустугов надевали прежде помногу на шушпан (см. Сарлейский могильник) в порядке убывающей величины книзу.

Подол: на уровне середины бедра и до низу закалывался 2–3 маленькими сустужками. Сустугом на груди укреплялось самое богатое нагрудное украшение, состоящее из широкой полосы холста, с нашитыми на ней серебряными монетами, расположенными в порядке убывающего к низу достоинства. Некоторые женщины навешивали по 30 рублей серебром.

Лист 2 (обратная сторона)

Сзади, на поясницу подвешивался «розняк» – украшение с кистями и монетами (ни у кого не сохранилось).

К рукавам пришивалось до 6-ти кисточек из цветной шерсти или шелка, называемые «дудяшки», преобладающие цвета – желтый, малиновый и черный. К ним пришивались раковинки («кумерки», «кумры») и бусы.

На голову одевался «венчик», представляющий коническую «головку» без верха, сшитую из грубого холста, сплошь зашитую раковинами или монетами. Сзади к этому убору, до самого пояса, подвешивались черные шерстяные кисти. По бокам к «венчику» привешивались «плетки» – длинные полосы холста с нашитыми монетами, которые иногда свешивались до самого подола (по-видимому, сведения преувеличены). Вдоль верхнего края венчика прикреплялась бисерная нашивка. Венчик носился как девушками, так и замужними женщинами, но последние надевали кроме этого коническую «головку», сплошь зашитую монетами. Головка» иногда делалась из тонкой жести, чтобы лучше держалось на голове.

Лист 3 (лицевая сторона)

На руки надевали по несколько незамкнутых медных и бронзовых орнаментированных запястий, сохранившихся во многих домах среди детских игрушек. По-видимому, носились также медные кольца и перстни с печатками.

В настоящее время с каждым годом пропадают один за другим элементы костюма. Сохранилась пока нательная рубаха и шушпан, которые носят еще и молодыми женщинами.

Лист 4 (лицевая сторона)

«Рукава» к шушпану	д. Б. Сеськино Дальне-Константин. вол. Нижегородск. у. и губ.	Саласов Дмитрий Филиппов. (старик, отец деревенского уполномоченного)	15 / VIII 26
--------------------	--	--	--------------

«Сонедикать» – прошивать по холсту черной ниткой рисунок, намечивать.

«Цветить» – прошивать по черной наметке цветными шерстями. Вышивают прямо по холсту, высчитывая нитки.

«Рукава» – широкие, сужающиеся к кисти нарукавники, которые приметываются к рукавам «шушпана»; во время стирки спарываются. Сплошь зашиты цветными шерстями. Преобладает яркий красный цвет. Ширина вышивки от 8–25 см. Орнамент – геометрический, часто свастика. Названия орнаментов вышивки см. выше. Узкие вышивки носятся старухами, широкие молодыми. В последнее время рукава заметно исчезают, многие разрезаются и перешиваются на домашнюю обувь, как прочный материал, но пожилыми женщинами еще носятся, особенно в церковь (см. на обороте).

Лист 4 (обратная сторона)



Вожапри



Ряды



Споеный



Решетка



Обычай связанный с свадебным обрядом. Каждая невеста ко дню свадьбы заготавливает до нескольких десятков пар вышитых рукавов, часто именные. На сговор во время запевания, когда собирается вся родня, а часто и знакомые, существует обычай оделить всех парой вышитых рукавов. Поручается это снохе, которая связывая рукава жгутом, бросает кому-нибудь из присутствующих, называя имя.

В более состоятельных семьях такими подарками оделяют всех присутствующих, как родственников, так и всех знакомых. У бедных же этого обычая придерживались лишь по отношению к ближайшим родственникам. В настоящее время этот обычай заменен другим.

Лист 5 (лицевая сторона)

Сапоги «граненые» (терюхане)	д. Б. Сеськино. Дальне-Константин. вол. Нижегород. у. и губ.	Дмитрий Филиппович Саласов (отец деревенского уполномоченного)	15 / VIII 26
---------------------------------	--	---	--------------

Делались в д. Касанихе, где был мастер, изготавливавший такие сапоги специально для мордвы. Являлись праздничной одеждой обувью, считались дороже обыкновенных, надевались «для славы», или «на отличку». Носились девицами и молодыми женщинами, надевались на портянки «подобувку». Купленная пара носилась как праздничная обувь Авдотьей Герасимовной Саласовой; в последние годы, будучи поношенными, а также ввиду редкой смены моды, употреблялись как будничная рабочая обувь.

Лист 6 (лицевая сторона)

Лапти «мордовские» (терюхане)	д. Б. Сеськино. Дальне-Константин. вол. Нижегород. у. и губ.	Дмитрий Филиппович Саласов	15 / VIII 26
----------------------------------	--	----------------------------------	--------------

Сплетены Дмитрием Филипповичем Саласовым, стариком 60 лет, одним из немногих умеющих которые еще умеют их плести. В настоящее время «мордовские» лапти совершенно не носятся в районе, будучи замененными русскими лаптями. Отличаются от русских присутствием «хвостика» на пятке, который при обувке заплетается под оборы. Плетутся в 5 лык, делаются различными для правой и левой ноги.

Носятся с 2-мя парами онучей: вниз обертываются грубые домотканые онучи, поверх закрывая их, обувают тонкие, из покупного белого материала (бумажного полотна или [сокращено, неразборчиво]) узкие портянки (приобретены), под которые прячут конец «хвостика». Лапти подвязываются мочальной веревкой под колено.

Лист 7 (лицевая сторона)

Шуба «писаная» терюхане	д. Б. Сеськино. Дальне-Константин. вол. Нижегород. у. и губ.	Евдокия Герасимовна Саласова (жена деревенского уполномоченного)	15 / VIII 26
----------------------------	---	---	--------------

Принадлежала Наталье Александровне Пияшевой, которой досталась от матери, умершей около 1921 года. Мать носила шубу сама. Такого рода шубы носились девушками и молодыми девушками. Шились специальными портными. Данную шубу шил портной Яков Алексеевич Казаков в д. Б. Сеськино. Украшения на шубе делались им же. Портному приносился ~~готовый~~ материал (выделанные овчина) и из его рук заказчик получал готовую вещь, с украшениями и ~~проч.~~, вырезанными из овчины и проч. Искусством этим владели не все; существовали специальные мастера, которые

Лист 7 (обратная сторона)

передавали свое умение из поколения в поколение.

По словам стариков, «деды работали искуснее отцов». Шуба праздничная. В будни носились шубы «неписанные». На нижнюю рубаху и шушпан надевалась шуба, причем подол шушпана подбирался как можно выше, чтобы не был виден из под шубы; поверх шубы надевался другой шушпан, более нарядный, и подвязывался кушаком, но так, чтобы передние полы расходились и не закрывали ~~выт~~ украшений на шубе. На голову надевали шаль и «венец», ноги обували в сапоги, или лапти. В настоящее время такие шубы не носят. Русские шуб такого рода не носят.

О. В. Гальцева,
заведующая сектором этнографии НГИАМЗ
ol.galczewa@yandex.ru

О. И. Александрова,
научный сотрудник Историко-архитектурного музея-заповедника «Щелоковский хутор»
magdaalex2014@yandex.ru

«ЗАБЫТЫЕ ПИСЬМЕНА»: КОД САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ТРАДИЦИОННОЙ ВЫШИВКЕ ТЕРЮХАНСКИХ ШУШПАНОВ

Нижегородская область является территорией многонациональной. Многовековое взаимодействие пришлых и коренных народов сделало возможным формирование здесь целого ряда самобытных локальных культур, представляющих собой настоящие этнографические ребусы. Одной из таких загадок является этнографическая группа мордвы-терюхан, некогда населявшая Терюшевскую волость и прилегающие к ней земли Нижегородского уезда Нижегородской губернии (современная территория Дальнеконстантиновского, частично Кстовского и Богородского районов Нижегородской области).

Археологические данные позволяют говорить о том, что группа финно-угров, получившая название «терюхане», появилась на территории современного Дальнеконстантиновского района в XIII–XIV веках. Этим временем датируются четыре крупных, еще не до конца исследованных могильника: Сарлейский, Старосельский, Малотерюшевский и Помринский. Материалы этих могильников схожи наличием курганных насыпей, жертвенных животных, большим количеством парных захоронений, отсутствием в погребальном инвентаре керамики. В то же время погребения характеризуются большим количеством металла – это бортовые топоры, образцы оружия, украшения. Среди украшений встречаются серебряные предметы (Четвертаков, Втюрина, 2020. С. 6).

Анализ погребального инвентаря показывает, что в XIII–XIV вв. этническая группа терюхан было достаточно мощной и влиятельной. Можно предположить, что в это время терюхане занимали особое и весьма привилегированное положение, вероятно связанное с золотоордынской политикой на этих территориях, что подтверждают и находки украшений с процарапанными арабскими надписями. Е. В. Павлов также предполагает, что во второй половине XIII в. сбор дани среди подвластной мордвы мог перейти к отдельным представителям местной элиты (Павлов, 2017. С. 98).

Вероятно, период привилегированного положения оказал значительное влияние на последующую историю терюхан. Возможно, именно тогда у них начинает формироваться идентичность, основанная скорее на более развитой общественной организации и военном превосходстве, нежели этнической принадлежности. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что из всех известных истории восстаний мордвы, начиная с XIII в., наиболее значимые были связаны с терюханами. В начале XIX в. Терюшевская волость стала ареной крупного национально-религиозного движения мордвы, которое возглавил терюханин Кузьма Алексеев. О его значении говорит целый ряд публикаций с конца XIX века до наших дней (Сорокина, 2020. С. 99). И. А. Бессонов в своей монографии, посвященной этим событиям, пишет, что «благодаря взаимодействию с развитыми культурами Руси и Булгарского ханства нижегородская мордва продвинулась в развитии своей религиозной системы и обрядности дальше остальных групп мордовского народа» (Бессонов, 2015. С. 20).

Первым исследователем этой этнической группы мордвы во второй половине XIX в. стал П. И. Мельников. К этому времени терюхане представляли собой довольно компактную группу численностью около 25 тыс. человек, проживающих в 41 селении. Селения терюхан располагались чересполосно с русским населением. Интерес Мельникова был вызван тем фактом, что при почти полной утрате языка и совершенном слиянии с русскими в области хозяйственного быта, терюхане сохраняли самосознание, своеобразную обрядовую культуру и национальный костюм.

В XX в. этой группой серьезно заинтересовались научно-исследовательские центры Москвы. Терюхане были выделены в отдельную этнографическую группу, изучение которой позиционировалось как одна из наиболее значимых задач научного исследования народностей Средней России: «В частности, от исследования обрусевшей группы мордвы водораздела Теши и Кудьмы – терюхан, группы, сохранившей в своей материальной и духовной культуре целый ряд элементов, резко обособляющих ее от родственной по рудиментам языка эрзи, можно ждать разрешения многих темных вопросов культурной истории Волго-Окского района» (Маркелов, Толстов, 1928. С. 105).

В 1928 году С. П. Толстов и М. Т. Маркелов назвали терюхан носителями реликтовой культуры, сохранившей в себе целый ряд архаичных элементов в ходе «чрезвычайно сложных этнических взаимодействий». Позднее в своей статье «Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии» С. П. Толстов, еще раз анализируя материалы трехлетних исследований, писал: «Мы должны рассматривать терюхан, как какую-то чрезвычайно архаичную по своим особенностям древне-финскую группу, сперва подвергшуюся воздействию древних болгар, а затем вошедшую, как один из компонентов в состав эрзянского народа, и только потом ассимилированную великороссами» (Толстов, 1929. С. 155).

Все исследователи отмечают, что одним из основных и наиболее устойчивых элементов культуры терюхан является костюм. В 1957 г. в Дальнеконстантиновском районе Горьковской области работала этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР, которая констатировала окончательное обрусение терюханской группы. Однако участники экспедиции под руководством В. Н. Белицер все же зафиксировали у некоторых старожилов знаковые части традиционного костюма, украшенные характерной вышивкой, бережно хранимые в качестве погребальной одежды. В 1973 г. В. Н. Белицер публикует работу «Мордовская народная одежда» (Белицер, 1973. С. 380), в которой дает подробное описание женского комплекса одежды мордвы терюхан.

Основой традиционного костюма мордвы-терюхан является шушпан – длинная туникообразная распашная одежда из белого холста. Такой вид одежды встречается у разных народов. Терюханский шушпан начала XX в. по крою близок к традиционной рuce восточных и северных эрзя (Калинина, 2020. С. 85), а по способу орнаментации и вариативности обрядовых функций схож с распашным шушпаном, широко распространенным у русских, в период с XIV–XV до XVIII вв. (Соснина, Шангина, 2001. С. 379–380). Этот факт может свидетельствовать в пользу того, что обрусение терюшевской мордвы началось достаточно рано. И. А. Бессонов, опираясь на отдельные факты истории Нижнего Новгорода, пишет о возможных тесных контактах между мордовским и русским этносом на этой территории уже в XIII в. (Бессонов, 2015. С. 12).

У терюхан, как и у русских, бытовало несколько вариантов шушпана: повседневный, обрядовый, праздничный. В русской традиции для каждого из перечисленных случаев шился специальный шушпан с характерной отделкой, различающейся по цвету и богатству декора. У те-

рюхан статус шушпана изменялся при помощи сменных отрезных нарукавников, «рукавов» или «обшлагов», как их называет В. Н. Белицер (Белицер, 1973. С. 85). «Рукава» вышивались и хранились отдельно и, видимо, заменялись в зависимости от назначения шушпана. В. Н. Белицер пишет, что вышитые обшлага являлись свадебным подарком невесты, и девушки заготавливали их в большом количестве (Белицер, 1973. С. 85).

Вышивка всегда была визитной карточкой мордовского национального костюма, однако вышивка на терюханских шушпанах и по технике, и по орнаменту коренным образом отличается эту группу от всего мордовского этноса.

Ряды плотной ковровой вышивки, выполненной красными шерстяными нитками на отрезных рукавах терюханских шушпанов С. П. Толстов рассматривал как имитацию весьма древнего способа украшения шушпанов у русских (Толстов, 1929. С. 155) путем нашивания красной шерстяной тесьмы и полос узорного тканья.

Наиболее ранние археологические свидетельства о вышивке на погребальных шушпанах мордвы-терюхан относятся к XVI в. Это вполне соответствует периоду широкого бытованию шушпанов у русских.

У финно-угорских народов ближайший аналог этому своеобразному способу украшения одежды встречается только в мужском «запоне» коми-пермяков (Толстов, 1929. С. 155).

В коллекции НГИАМЗ насчитывается 14 шушпанов с орнаментированными вышивкой «рукавами» и 25 пар отдельных вышитых «рукавов», среди которых нет ни одной повторяющейся пары, при этом общая композиция вышивки жожапри («голова рукава») во всех случаях остается неизменной: по краю зубцы кияксы, обращенные вверх, выше – ряды и широкие полосы с геометрическим орнаментом решетка (Белицер, 1973. С. 85).

Все предметы поступали в музейный фонд из разных селений Дальнеконстантиновского района (Сарлей, Арманиха, Кажлейка, Макраша, Большое Сескино) в период с 1926 по 1970-е гг. Можно предположить, что отсутствие повторов в характерном орнаменте терюханской вышивки являлось одним из важных условий ее исполнения.

Орнамент вышивки на отрезных рукавах шушпанов ранних фондовых поступлений (1919 г. – из коллекции купца Д. В. Сироткина и 1926 г. – из приобретений Южного отряда Антропологической комплексной экспедиции) представляет собой «чистые формы прямолинейно-геометрического стиля», который С. П. Толстов связывал с некоторыми типами орнамента бронзовой эпохи (андроновская и срубная культуры) (Толстов, 1929. С. 155). Действительно, в орнаменте вышивки на этих шушпанах (Л. В. Калинина относит их к первой половине XIX в.) (Калинина, 2020. С. 83), можно распознать имитацию гребенчатого штампа на древней керамике. (ил. 1, 1, 2).

На вышивке рукавов, изготовленных позднее, появляются следы размывания традиции, особенно это становится заметным в XX в. На отдельных полосах вышивки появляется богатый декоративный орнамент с включением зеленого, желтого, фиолетового (иногда синего) цветов, в более поздних образцах встречаются даже фрагменты русского текста: «Кого люблю, того дарю» или «Боже царя храни», что может свидетельствовать об утрате навыка распознавания семантики архаичного орнамента, однако повторов, по-прежнему нет (ил. 1, 3, 4).

Особый интерес вызывает вышивка зубцов кияксов – тип свастического орнамента, который украшает нижний край отрезных рукавов, всех исследованных нами терюханских шушпанов.

Кроме того, мы можем видеть его на плечевых вставках мышкат (Званцев, 1936. С. 16) праздничного шушпана – папоняхи из коллекции Д. В. Сироткина и в оформлении имитации разреза на женской праздничной рубахе из той же коллекции (ил. 1, 5, 6).



1



2



3



4



5



6

Ил. 1. Вышивка вожапри и мышкат.

1, 2 – вышивка вожапри (XIX век); 3, 4 – вышивка вожапри (начало XX века); 5 – вышивка мышкат (конец XIX века); 6 – оформление имитации разреза на рубаше (конец XIX века).
Фонд Нижегородского историко-архитектурного музея-заповедника.

Кияксы также имеют некоторое сходство с орнаментами керамики андроновской культуры, однако огромный временной разрыв не позволяет говорить о какой-либо преемственности.

Более перспективным представляется применение в изучении вышивки кияксы методов, предложенных исследователями орнаментов коми, которые доказывают, что большинство диагонально геометрических орнаментов имеют в своей основе родовые знаки.

В основе орнамента кияксы лежит древообразный свастический знак. На первый взгляд может показаться, что он всегда одинаков, однако в ближайшем рассмотрении становится очевидным, что при сохранении общей стилистики и геометрии рисунка, в каждом случае он имеет свои исключительные особенности. Этот способ, варьирования в рамках существующей изобразительной схемы, характерен для родовых мет разных народов, когда отделение имущества происходит внутри рода (Ефименко, 1874. С. 145–170; Кауркин, 2016. С. 36–47).

Необходимо отметить, что родовые знаки продолжают бытовать на территории бывшей Терюшевской волости и в настоящее время. Особенно популярен этот архаичный способ маркирования имущества в среде современных бортников – потомков терюхан. Также родовые знаки можно найти на могильных крестах и старинной домашней утвари. Показательно, что во всех случаях меты собраны из прямых и диагональных линий. Однако окончательные выводы можно сделать, только на основании тщательного сравнительного анализа.

Л. С. Грибова одной из основ орнамента финно-угорских народов считает тамгу и выделяет несколько ее функций. Тамга является не только знаком собственности и родовой принадлежности, она служит магическим оберегом и украшением (Грибова, 1980. С. 155–156).

Важные для нас сведения представлены в статье «Тамга (к функциям знака) В. С. Ольховским. Он пишет, что по происхождению тюркско-монгольский термин «тамга» (тавро, клеймо, печать) получил распространение в завоеванных странах Восточной Европы в ходе татаро-монгольской экспансии XIII–XV веков. На этих территориях он сохранил прежние и приобрел новые значения – документ с ханской печатью, «(денежный) налог» (Ольховский, 2001. С. 75).

В отличие от русских «знамен» и мордовских тешкс, тамга могла выполнять функцию знака этнической и коллективной принадлежности. Ольховский пишет: «Коллективом – владельцем тамги – могла быть семья, клан племя, племенная группа. Принадлежность членов группы к одной «тамге» выделяло их из массы прочих индивидов и означало их принадлежность к «своим» и отличие от «чужих». В данном случае, как утверждает Ольховский, тамга являлась сигнально-опознавательным знаком родственников (реально или фактически), наносившимся на родовые флаги, святыни и т. д. (Ольховский, 2001. С. 75). У терюхан предполагаемые сигнально-опознавательные знаки наносились на верхнюю одежду – шушпан, который традиционно надевался, и поверх льняной рубахи, и поверх демисезонной сермяги, и поверх зимней, овчинной шубы. По мнению В. С. Ольховского, в этом случае «тамга» могла выполнять функцию оберега – символа сакральной мощи конкретного коллектива.

Такой подход позволяет предположить, что каждый вариант вышитых зубцов кияксы заключал в себе определенную конструкцию исходного родового знака, стилизованного в характерный геометрический орнамент. Этот орнамент являлся своеобразным кодом, определяющим принадлежность рода к группе (ил. 2). Нанесение орнамента, содержащего в себе знаки и символы, понятные только членам одной группы, на верхнюю одежду, могло быть связано с необходимостью закрепления статусного самосознания в меняющейся политической ситуации. Это предположение в свою очередь объясняет различия в узорах при их однотипности, длительность их бытования и многочисленность сохранившихся образцов. Так,



Ил. 2. Вышивка княксы. Конец XIX – начало XX века.
Фонд Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

вышитых терюханских «рукавов» в нижегородских музейных коллекциях гораздо больше, чем образцов вышивки на элементах одежды более многочисленных эрзи и мокши, сохранивших свой язык и культуру.

В пользу того, что в формировании идентичности терюхан главную роль сыграла именно родовая, а не этническая составляющая свидетельствуют также результаты этнографических исследований последних лет.

Потомки терюхан в начале XXI в. при определении своей этнической принадлежности испытывают серьезные затруднения и определяют ее гибкой формулой: «Это мы раньше были мордва, теперь мы все русские» или ссылаются на русских соседей: «Нас называют мордвой» или «Говорят, что мы мордва» (личный архив Гальцевой О. В. Материалы экспедиции в Дальнеконстантиновский район Нижегородской области. 2019 г. Тетрадь № 2). Экзотоним «мордва» употребляется на территории Поволжья более в характерном значении «иной». В этом случае «мордовским» называется все непонятное, несовременное, вышедшее из употребления. Термин «терюхане», исходя из имеющихся данных, появляется в XIX в. и также не является самоназванием. В документах XVII–XVIII вв. встречается название «терюшевская мордва», которое, по всей видимости, произошло от названия центра расселения этой группы – села Большое Терюшево.

Главным маркером этнической идентичности этой территории на протяжении всего XX в. оставался терюханский шушпан. Среди местного населения бытовали выражения: «одеться мордовкой», «ходить мордовкой» или «рядиться мордовкой». Мордовками называли женщин в шушпанах, в то время как их соплеменниц, одетых в современную одежду, идентифицировали как русских.

В настоящее время обрусевшие терюхане, в чьих семьях сохранились шушпаны, воспринимают их просто, как вид старинной одежды, например: «Это шушпан моей бабушки» или «Мы на святки одевали дедушкин шушпан» и т.д. В послевоенные годы, по свидетельствам наших информантов, шушпаны носили уже только пожилые женщины. Во второй половине XX в. (в 1970-х гг.) шушпаны надевались главным образом для посещения престольных праздников и кладбищ – это события, связанные с семьей, родом. Доле всего шушпаны бытовали, как погребальная одежда. По нашим данным, последнюю женщину из деревни Кажлейка похоронили в шушпане в 1991 г.

Таким образом, можно предположить, что для терюхан именно самобытный орнамент вышивки стал главным резервуаром культурной памяти. Это предположение, в свою очередь, позволяет несколько шире взглянуть на механизмы формирования идентичности у малых групп.

Список литературы и источников

Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 215 с.

Бессонов И. А. Эсхатологическое движение Кузьмы Алексеева: мировоззрение, обрядность, историческая эволюция. СПб.: Алтея, 2015. 166 с.

Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980. 239 с.

Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Саранск: Мордовское государственное издание, 1948. Вып. 1. С. 6–55.

Ефименко П. Е. Юридические знаки (Опыт исследования по сравнительному обычному праву) // Журнал министерства народного просвещения. 1874, октябрь. Ч. 175. № 10. С. 53–83.

Званцев М. П. Мордовская коллекция Горьковского исторического музея. 1936. ГОМ 23889–7.

Калинина Л. В. Туникообразная женская одежда мордвы в коллекции НГИАМЗ // Народы Среднего Поволжья: мосты из прошлого. Нижний Новгород: Новая гуманитарная культура, 2020. С. 81–89.

Кауркин Р. В. К вопросу о бытовании семейно-родовых знаков у русского и мордовского народов (по материалам этноконфессиональной экспедиции «Российская провинция») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, № 3. С. 36–47.

Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 134 с.

Маркелов Т. М., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры // Этнография. 1928 г. № 2. Кн. 6. С. 104–123.

Ольховский В. С. Тамга (к функциям знака) // Историко-археологический альманах. № 7, Армавир, 2001. С. 100–109.

Павлов Е. В. Политико-правовой статус мордовских земель в составе государства Золотой Орды // Общество: политика, экономика, право. Краснодар: ХОРС, 2017. № 2. С. 97–99.

Сорокина А. В. Повесть П. М. Красовского «Кузька – мордовский бог» с точки зрения исторической достоверности // Народы Среднего Поволжья: мосты из прошлого. Нижний Новгород: Новая гуманитарная наука, 2020. С. 98–109.

Соснина Н. Н., Шангина И. И. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб: Искусство СПб., 2001. С. 379–380.

Толстов С. П. Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии // Культура и Быт населения центрально-промышленной области (этнологические исследования и материалы) / под. ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова. М, 1929. С. 149–161.

Четвертаков Е. В., Втюрина К. Н. Женское мордовское средневековое погребение с перстнем-тамгой (по материалам Старосельского могильника) // Народы Среднего Поволжья: мосты из прошлого [текст]: сборник статей по материалам четвертых Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород: Новая гуманитарная культура, 2020. С. 5–10.

**«МОРДВИНА МОЖНО ТОЛЬКО ОТЛИЧИТЬ ПО ПЛАТЬЮ...»
ОПИСАНИЕ МОРДОВСКОЙ ОДЕЖДЫ
В «ДОРОЖНЫХ ЗАПИСКАХ» П. И. МЕЛЬНИКОВА**

Павел Иванович Мельников (1819–1883) – русский писатель, историк-краевед, этнограф и фольклорист, один из «крупнейших отечественных финно-угроведов XIX века» (Морохин, 2011. С. 5) – начал свой путь с путевых заметок «Дорожные записки. На пути из Тамбовской губернии в Сибирь». Они появились в печати в 1839 г. в знаменитом журнале «Отечественные записки» А. А. Краевского и в других журналах («Москвитянин», «Журнал военных учебных заведений»). Годом ранее состоялось реальное путешествие: Павел Мельников тогда только что блестяще окончил Казанский университет, ему предложили остаться при университете, но за провинность на студенческой вечеринке попечитель университета М. Мусин-Пушкин отменил решение о назначении на кафедру славянских наречий и отправил его в сопровождении солдата в захолустный городок Шадринск Пермской губернии. Сменив гнев на милость, П. И. Мельникова оставили преподавать в гимназии в г. Пермь, откуда он отправлял свои заметки.

Путь литературного героя Мельникова-Печерского начинался не в Казани, а в Бутаково, «селе Тамбовской губернии Темниковского уезда»; ныне это село Вознесенского района Нижегородской области.

Статья Первая «Дорожных записок» предварена кратким конспектом; в основном в ней перечислены посещенные населенные пункты по дороге к Нижнему Новгороду: «Саровская Пустынь – Илевский Завод – Мордва – Ардатов – Линия – Выездное – Арзамас – Дорога к Нижнему – Постоялый двор – Анкудиновка». Мы видим, что заголовок «Мордва» выделяется из этого ряда. Путь можно проследить по карте. Выехав из села Бутаково, герой остановился в монастыре Саровская Пустынь; на пути в г. Ардатова, проезжая «полусонные поля», задумался о влиянии природы на человека, и углубился в рассказ о мордве, еще потому, что возникший на этом отрезке пути был мордвином.

П. И. Мельников пишет: «Они составляют более, нежели одну осьмую часть всего народонаселения Нижегородской губернии; впрочем, число их заметно уменьшается, может быть потому, что они нечувствительно смешиваются с русскими, от которых мордвина можно только отличить по платью и по выговору. Мордвины разделяются на два племени: эрдзя и мокша; в Нижегородской губернии живет только первое... Одежда их состоит из длинной белой холщовой рубахи, вышитой по плечам черными и красными нитками; женщины носят коротенькое платье, называемое понька (сноска Мельникова-Печерского: соседняя русская женщины носят эти же поньки), а на голове особенный убор с опускающимся назад покрывалом, вышитым тоже черными и красными нитками, а у богатых и шелком» (Мельников, 1898. С. 148–149).

Итак, «платье» (одежда) и «выговор»; т. е. язык и национальный костюм – главные отличительные признаки мордовского народа. Герой П. И. Мельникова выделяет своим вниманием «полурусское наречие» и русское заимствование в женской одежде. Из национальных особенностей костюма эрзи, проживающей на территории Нижегородской губернии, отмечает белую холщовую рубаху, расположение и цвет вышивки на ней, и женский головной убор

с опускающимся назад покрывалом. Если вторая часть описания точно посвящена одежде замужних женщин, т. к. понька – символ замужества, не совсем понятно, кому принадлежит «платье» «мордвина», «мордвинов» в описании – мужчинам или всем представителям мордовского племени, в данном случае, эрзи.

Белая холщовая рубаха и сегодня считается отличительным общемордовским признаком как женской, так и мужской одежды. Но в остальном это описание не похоже на другие – ни на те, что были перед ним, ни на те, что были после.

Например, Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) – урожденный немец, этнограф, академик Российской академии наук, в целом о мордовской одежде написал так: «Мордовское мужское одеяние во всем, кроме рубашек, украшенных шитьем около воротника и ворота, походит на русский мужичий наряд. Женская же одежда, в обоих поколениях, несколько отменита». Далее следует информация о различии девичьего и «бабьего» костюма (в основном в головном уборе), и подробное описание женского праздничного костюма: обуви, рубахи, «запона» с бахромой и кисточками, который висит сзади от пояса, и т. д. (Георги, 1777. С. 43).

Впрочем, академик Иван Иванович Лепехин (1740–1802) – руководитель одной из групп экспедиции в Поволжье (другой группой руководил Петр Симон Паллас) тоже упоминает вышитую плечевую часть на мордовских рубашках, видимо, мужских: «Чуваши, Мордва и Татары ходят так, как и Русские крестьяне, с тем только различием, что у Чуваш и Мордвы рубахи вышиваются около ворота и по заплечнику разноцветною шерстью» (Лепехин, 1771. С. 162). Отдельно он описывает «женский мордовский убор», различающийся у мокши и эрзи: «В женском платье между Мокшанами и Ерзянами есть также не малая разность. Эрзянки ходят только в портах понксъ, рубашках панарь, и в долгорукавных распашных балахонах без боров, называемых по Ерзянски *Шуптанъ*, по мокшански *Руця*». (Название балахона очень напоминает «шушпан» – похоже на ошибку или опечатку. Оба эти термина известны у терюхан, значит, академик И. И. Лепехин считал терюхан эрзей. Название «руця» характерно для эрзянской, не мокшанской верхней одежды).

О тождественности мужского мордовского костюма русскому и самобытности женского писала и советский этнограф Вера Николаевна Белицер, отмечая всеобщее распространение русской косоворотки, сшитой из белого холста. «На ее принадлежность мордвину указывал только тканый или вышитый орнамент, который окаймлял обычно подол и рукава рубахи...» (Белицер, 1973. С. 196).

По описанию Мельникова-Печерского невозможно найти соответствующих аналогов мужского и женского комплексов в альбомах по мордовскому костюму.

Напрашиваются мысли о неискушенности путешественника: и реальная дорога Мельникова шла из Казани, а не из Бутакова, и «Записки...» – это только первое его сочинение, увидевшее свет... Но все же мы доверяем П. И. Мельникову как этнографу, пусть на тот момент и начинающему. Николай Михайлович Фортунатов, например, уверен, что на момент создания «Дорожных записок» «...многие черновые заготовки для него уже существовали в беглых, но точных до мелочей его наблюдениях над одеждой...» (Фортунатов, 2018. С. 131). Поэтому хотелось бы разобраться, какую группу мордвы-эрзи мог видеть П. И. Мельников, а также рассмотреть похожие костюмы в музейных коллекциях или на старинных рисунках и фотографиях.

Под описание «длинной белой холщовой рубахи, вышитой по плечам черными и красными нитками» подходит рубашка из коллекции Петра Симона Палласа (1741–1811), которая находится в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук (Кунсткамере). Со-

трудники ГИМ (Исторического музея в Москве), по всей вероятности, именно ее упоминают как «одежду из села Пилекшево на границе Нижегородского и Арзамасского уездов», часть населения которого составляла мордва-эрзя (Праздничная одежда народов России, 2017. С. 220). Автор альбома «Мордовский народный костюм» Татьяна Петровна Прокина рассматривает рубахи, привезенные из академических экспедиций по Среднему Поволжью в конце XVIII века как редкие ритуальные образцы эрзянской одежды северной группы. Она пишет: «Редчайшего рисунка орнамент использовался в вышивке на плечах, подоле, по переднему шву и по рукавам, он состоял из растительных, зооморфных и антропоморфных изображений» (Прокина, 2007. С. 104). Территории северной группы эрзи входили в состав Лукояновского, Сергачского и Арзамасского уездов. Автор считает одежду терюхан также связанной с «древнейшими эрзянскими традициями» (Прокина, 2007. С. 120); в альбоме «Мордовский народный костюм» эрзянский национальный костюм Нижегородской губернии представлен северной (по отношению к границам современной Мордовии) и терюшевской группами.

П. И. Мельников в тексте «Дорожных записок» не выделяет терюхан из «эрдзядов», он пишет: «Центром нижегородской мордвы считается село Терюшино: это как бы столица племени Эрди...» (Мельников, 1898. С. 149). То есть, когда пишет о нижегородской мордве или об эрзе, он может иметь в виду терюхан и терюханский костюм. Но в дальнейшем, как мы видим из «Очерков мордвы» 1867 г., он пришел к другим выводам: «мордва разделяется на несколько племен. Главное из них, эрзя, или эрдзяды, живущие в Арзамасском, Ардатовском, Лукояновском, Сергачском и Княгининском уездах Нижегородской губернии... Племя терюхан... было очень близко к эрдзядам...» (Незнакомый Павел Мельников, 2011. С. 280).

В очерке «Эрзянская свадьба» 1851 г. П. И. Мельников, описывая ход свадьбы и свадебные костюмы с. Сескино Терюшевской волости Нижегородского уезда, упоминает вышитые верхние рубахи *полоскопайку* и *сундарю* (Незнакомый Павел Мельников, 2011. С. 394).

В. Н. Белицер считала их верхней одеждой, вариантами шушпана; сама она их уже не застала, но записала воспоминания о том, что *полоскопайка* и *попоняха* были богато вышиты цветной шерстью на рукавах и на плечах; наплечная вышивка в виде шестиугольных розеток называлась «мышкат» (Белицер, 1973. С. 85).

М. Т. Маркелов и С. П. Толстов тоже считали *полоскопайку* шушпаном (Маркелов, 1928. С. 66). На двух шушпанах из коллекции НГИАМЗ есть плечевые шестиугольные вышивки.

Как известно, наиболее богато украшенной, вышитой является свадебная женская одежда. Есть вероятность того, что в отрывке «Дорожных записок» говорится об одежде мордвина – мужской и необрядовой. В этом случае, вспомним, что даже в 1920-е годы шушпаны еще носили и мужчины, «некоторые старики и пастухи» (Маркелов, 1928. С. 67); и шушпаны выглядели как длинные рубахи и могли иметь плечевую вышивку.

О самых редких, архаичных вариантах мужских мордовских рубах В. Н. Белицер пишет, что, как и женские, до конца XIX века они шились из белого домотканого холста, имели одинаковое название *панар* и вышивку, более простую, чем на женских рубахах, которая «иногда располагалась узкими поперечными полосами на плечах... Рубахи, сшитые в начале XIX в., вышивали шерстью; позднее, во второй половине века, их стали вышивать красными и черными, а иногда только черными хлопчатобумажными нитками. Узоры представляли собой несложные геометрические фигуры: ромбы, кресты, квадраты, а в технике шитья преобладали двусторонний шов, косой стежок, иногда строчка, на поздних рубахах – крестик» (Белицер, 1973. С. 31). И в этом случае речь идет только о воспоминаниях, иллюстрации подобной рубахи в монографии не приводится.

Мужская, предположительно эрзянская, рубаха, представленная на экспозиции Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина, имеет поперечные плечевые украшения в виде полосы красного цвета; о технике, в которой они выполнены – вышивка или ткачество – судить по фото сложно. Мужские рубахи с красно-черными вышивками на плечах мне встречались пока только на современных реконструкциях костюма эрзи. Но во времена, предшествующие выходу «Дорожных записок», почти 200 лет назад, эрзянские рубахи с плечевой вышивкой, и женские, и даже мужские, возможно, случилось видеть П. И. Мельникову.

Еще одной загадкой является упоминание в «Дорожных записках» «коротенького платья понька». До последнего времени о поневе в Нижегородской губернии почти не было известно. По всей вероятности, это первое упоминание о бытовании поневы на этой территории. Почти 30 лет спустя в «Очерках мордвы» Мельников снова написал о бытовании поневы-«понявы» в мордовской среде (которое тоже никем не было отмечено): «Мордовки особенно щеголяют своими ногами, для чего и носят короткие рубахи и понявы» (Незнакомый Павел Мельников, 2011. С. 361). Термин «понева» он также использовал в своей художественной прозе, во второй книге романа «На горах», когда одна из героинь, Аграфена Петровна, едет из Нижегородской губернии в село Луповицы, стоящее «в степной глуши, на верховьях Тихого Дона...»: «Все было ей ново: и невиданная за Волгой черная, как уголь, земля, и красные либо полосатые поневы вместо темно-синих заволжских сарафанов...» (Мельников, 1979. С. 219).

Понева, или понька, понява – это «поясная одежда замужних женщин» (Русский традиционный костюм, 2001. С. 242), как правило, из клетчатой шерстяной ткани на вздержке. «Его принято считать наиболее древним у восточных славян. Ученые предполагают, что его основные части... уже были составляющими женского костюма в период формирования древнерусской народности, то есть в VI–VII веках» (Русский традиционный костюм, 2001. С. 6). Комплекс одежды с поневой считается характерным для южных губерний России, в том числе, Рязанской, Тамбовской.

На территории Тамбовско-Рязанского пограничья – «русской мещеры» – костюм с поневой изучал Борис Алексеевич Куфтин, советский этнограф и археолог. Он наблюдал поневу в «пограничных с Ардатовским уездом частях Темниковского уезда», но не видел нижегородских понев. Он писал: «У меня не имеется данных, чтобы судить, какого рода понева была распространена в Ардатовском и Лукояновском уездах Нижегородской губернии... После последней поездки 1921 года я не имел более возможности сколько-нибудь длительно побывать в этих краях, чтобы проследить границы, уходившие на восток по Мокше к самому г. Темникову, на север и северо-восток в пределы Нижегородской губ.» (Куфтин, 1926. С. 73).

Основываясь только на письменных источниках (вероятно, на указанных выше упоминаниях П. И. Мельникова и Б. А. Куфтина), авторы очерка «Одежда русских центрального региона XVII – начала XX в.» включили Нижегородскую губернию в список из нескольких губерний центра России, где встречался поневный комплекс, который «в целом очень мало изучен, так как почти не сохранилось этнографических образцов и даже их описаний» (Зимина, Шангина, 2011. С. 80).

Между тем в 1923 году четыре волости, в том числе Бутаковская (а также Вознесенская, Криушинская, Мотызлейская) из северной части Темниковского уезда Тамбовской губернии, вошли в состав Нижегородской губернии. С 1929 года это территория Вознесенского района Нижегородской области, затем – Нижегородского края. В 1960-е годы случайно в поле зрения искусствоведов, изучавших полхов-майданскую роспись по дереву, попал ни на что не

похожий костюм с поневой, который называли «комплексом Полховского Майдана». Долгое время в литературе по костюму Нижегородской области повторялось, что костюм с поневой существует только в селе Полховский Майдан.

В это же время с 1962 г. в фонды НГИАМЗ поступают предметы костюмов с поневой (около семидесяти) и фотографии местных жителей, одетых в эти костюмы, из села Криуша, деревень Вилки и Починки, расположенных в окрестностях с. Полховский Майдан (ил. 1). Подобные поневы из красной шерсти с синей или черной, белой или желтой нитями в клетке экспонируются в историко-краеведческих музеях р. п. Вознесенское, г. Саров, в частном музее В. А. Ключковой в с. Новоселки Вознесенского района – во многих частных и государственных коллекциях (например, во Всероссийском музее декоративного искусства, в «Музее сословий России» в г. Москве).

В начале 2000-х годов в результате нескольких экспедиций нами было установлено, что поневный комплекс бытовал во многих старинных деревнях и селах Вознесенского района у бывших помещичьих крестьян, за что местными жителями назван «барской обрядой» (ил. 3, 1). Село Полховский Майдан не входит в их число, так как его населяли «свободные от барщины» крестьяне в отличие от окрестных деревень. Костюм настолько необычен, что местные музейные работники представляли его нам как мордовский, возможно, следуя за тенденцией «мордовским», угро-финским по происхождению считать непонятные явления в нижегородской традиционной культуре.

Б. А. Куфтин писал: «сама поневная форма чужда финскому костюму» (Куфтин, 1926. С. 84). П. И. Мельников зафиксировал бытование поневы, в том числе, и у мордвы, на фоне ее обрусения. Имеются факты одновременного бытования в мордовском костюме различных знаковых элементов одежды мордвы и русских. Например, «в 1950-е годы Н. И. Лебедева увидела, а Е. Аксельрод сделала зарисовку женщины из села Вяземка Керенского уезда Пензенской губернии в праздничном костюме. На ней были надеты одновременно распашная тяжелая понева и набедренная повязка-пулагай в виде тканой полосы с длинными до колен шерстяными кистями» (Жигулева, 2018. С. 15). «Вопрос о проникновении русских элементов в мордовский женский костюм сложен и малоразработан» – отмечала В. Н. Белицер (Белицер, 1973. С. 196). Сегодня мы еще имеем возможность наблюдать, как элементы русской культуры, утраченные у русских, продолжают бытовать, законсервировавшись, в мордовской среде. Подобный вариант смешения разных культурных традиций представлен и в отрывке из «Дорожных записок». Вспомним, что путешествие начиналось в с. Бутаково; нами установлено, что русские жители села и близлежащих деревень и сегодня хранят старинные костюмы с «поньками» (ил. 3,2). В Бутакове герой полюбовался живописными окрестностями села, полосой Муромских лесов на севере, куполами Саровской пустыни на этой полосе: «Как звездочки горят перед нами купола Саровской пустыни». Благодаря Саровскому и Дивеевскому монастырям мы имеем множество фотографий паломников на этой земле, на границе Тамбовщины и Нижегородчины, начала XX в.

По счастливой случайности мы можем видеть словно глазами П. И. Мельникова мордовских женщин в «поньках» именно в этих местах. На фото Максима Петровича Дмитриева 1904 года мы видим женщин в сопровождении мужчины, одна из которых одета в белую мордовскую рубаху с напуском и клетчатую поневу (На рубеже двух веков, 1985. С. 99). Этот снимок вместе с другими вошел в серию открыток «На пути в Саровъ» (Почтовые открытки фотографа Максима Дмитриева, 2007. С. 155). На открытках «Богомолки мордовки у Дивеевского монастыря», «Мордовки идущія на богомолье» группа из десяти женщин, идущих



Ил. 1. Жители Вознесенского района. 1960-е гг.

Фонд Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

вдоль дороги, снята с разных ракурсов. Большинство из них одеты в белые мордовские рубахи и поневы с такой же по размерам, как на вознесенских поневах, клеткой. Трудно сделать вывод о локальной группе, к которой могли бы принадлежать эти мордовские «странницы», например, по декору их рубах. Однако можно заметить, что у одной из женщин (вторая слева) декорированы плечи у рубахи. На головах у всех повязаны платки, а не «особенный убор с опускающимся назад покрывалом».

Есть и другие фотоснимки мордвы того же времени, места и также связанные с ситуацией «богомолья». Это фотографии мордовской делегации на торжествах 1903 года, связанные с прославлением Серафима Саровского, приездом царской семьи в Саровскую пустынь и в Дивеево. В опубликованных воспоминаниях очевидцев говорится о выстроенном «народном городке», который посетил царь Николай на обратном пути из Саровской пустыни через Дивеевский монастырь в Арзамас. Архимандрит Сергей (Тихомиров) в «Письмах из Сарова» пишет: «Какую пеструю и вместе с тем живописную картину представляли эти массы люда, зашедшего сюда из отдаленных углов России! Конечно, главным образом здесь были жители наших великорусских губерний, в особенности Тамбовской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Владимирской; но мы... видели типичные физиономии и костюмы мордвы, чувшей и черемис» (Преподобный Серафим, 2003. С. 211).

На фотографии Михаила Иосифовича Грибова, сделанной 17 июля 1903 г. в Сарове, среди представительниц Тамбовской губернии, ожидающих приезда царской семьи, две одеты в мордовскую одежду – и обе они, судя по праздничному костюму, эрзянки (ил. 2). Сегодня такой костюм сохраняют жители Теньгушевского района Республики Мордовия северо-западной группы эрзи, которую называют «шокша» по названию крупного села. На снимке



**Ил. 2. Женщины в национальных костюмах в ожидании прибытия императора.
Саров. Фото М. И. Грибова. 1903 год.**

Александра Карловича Ягельского, посвященном этому же событию, мы можем отличить подобные костюмы по самому большому покрывалу головного убора сзади.

Сегодня на территории Вознесенского района не осталось мордовских сел, кроме поселка Преображенка, жители которой переселились из Теньгушевского района в 1922 году. 30 июня 2006 года я записала рассказ Марии Кузьминичны Беспаловой 1928 года рождения об «эрзянской обряде»: «это эрзянска... Пушки и такая корона была... Сорока – по-русской-та, а по-мордовской “сорка́”. Котора вот так стоит – это сорка, а пух – тут висел. (Поньки – юбки) юбка мы не носили – белые рубашки вышитый: тут вот вышитый, тут вышитый, в общем, кругом вышитый. А здесь – все белая она – из холста. Тогда ведь из холста носили. В Теньгушеве – вот там мордва, там все и узнаете. Там и обряд найдете» (Тетрадь 2, 2006).

Из предметов мордовской одежды в Вознесенском районе мы наблюдали теньгушевские сороки (головные уборы замужних женщин), две сороки экспонируются в частном музее В. А. Ключковой в с. Новоселки. Длинный и широкий «хвост» этих сорок можно назвать «опускающимся назад покрывалом, вышитым черными и красными нитками». Такие вышивки, такие костюмы в цвете мы можем видеть на нарядах участниц фольклорного ансамбля «Пизельне» села Нароватово Теньгушевского района Республики Мордовия на фестивалях и праздниках – например, на престольном празднике в Духов день в с. Борки Вознесенского района (ил. 3, 3, 4). Женские рубахи шокши *панар аложаке* или просто *аложаке* отличаются красно-черной вышивкой, расположенной на плечах и рукавах. «Вышивка эта – *супрят* –



1



2



3



4

Ил. 3. Фотографии традиционного костюма.

1 – И. В. Фуфаева в одежде с поневой. Деревня Починки Вознесенского р-на (фото М. А. Левкина, 2006 год); 2 – жители села Бутаково и деревни Марьино в одежде с поневой. Село Борки Вознесенского р-на (фото Л. В. Калининой, 2019 год); 3, 4 – участницы фольклорного ансамбля «Пизельне» с Нароватово Теньгушевского р-на Мордовии. Село Борки Вознесенского р-на (фото Л. В. Колесниковой, 2013 года).

украшала плечи и спускалась вдоль рукава. Вышивка на рукаве называлась *аложаке* (дорога рукава)» (Белицер, 1973. С. 46).

Специалисты по костюму утверждают, что истоки костюма теньгушевской мордвы «связаны с культурой эрзян Нижегородской губернии, наибольшую близость он имеет с комплексом терюшевской мордвы» (Прокина, 2007. С. 136).

В «Очерках мордвы» П. И. Мельников упоминает и «эрдзядов», обитающих в северной части Тамбовской губернии (Незнакомый Павел Мельников, 2011. С. 281).

Можно предположить, что П. И. Мельников в своих «Дорожных записках» при описании типичной одежды мордвы имел в виду вариант одежды замужней теньгушевской эрзянки с рубахой и сорокой, вышитыми красными и черными нитками, с красной клетчатой поневою, которая тоже была распространена в северной части Тамбовской губернии. Возможно, эти костюмы бытовали севернее и северо-восточнее, «в пределах Нижегородской губернии»: на это нам косвенно указывает расположение главы «Мордва» между «Илевским Заводом» и «Ардатовом» Нижегородской губернии. Вслед за Н. М. Фортунатовым мы не сомневаемся, что П. И. Мельников – Андрей Печерский «был особый тип художника, который пишет только о том, что хорошо знает, что прошло у него перед глазами...» (Фортунатов, 2018. С. 276). Поэтому не одно поколение исследователей опирается на его описания как на свидетельства очевидца.

Список литературы и источников

- Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. М.: Наука, 1973. 216 с.
- Георги И. И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их жилища, обрядов, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – М.: РУСАЛ, 2007. 118 с. <https://search.rsl.ru/ru/record/01004093867>
- Жигулева В.* Русская народная одежда. Понева и юбка. М.: Бослен, 2018. 256 с.
- Зимица Т. А., Шангина И. И.* Одежда русских центрального региона. XVII – нач. XX веков // Русская народная одежда: историко-этнографические очерки / Отв. редактор В. А. Липинская. М.: Индрик, 2011. С. 63–96.
- Куфтин Б. А.* Материальная культура русской мещеры. Часть 1-я. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. М.: ГМЦПО, 1926. 164 с.
- Лепехин И. И.* Дневные записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1772. 343 с. <https://runivers.ru/lib/book7645/>
- Маркелов М. Т., Толстов С. П.* К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. № 2. 1928. 107 с.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Дорожные записки. На пути из Тамбовской губернии в Сибирь / Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. 12. – Петербург, Москва: Т-во М. О. Вольфъ С., 1898. 432 с.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский).* На горах. Кн. 2. Горький: Волго-Вятское кн. изд.-во, 1979. 494 с.
- На земле вознесенской / сост. Н. А. Шемяков. Арзамас: Арзамасская типография, 2009. 480 с.
- На рубеже двух веков: Нижегородское Поволжье в фотографиях М. П. Дмитриева: Фотоальбом / Сост. В. В. Колябин, А. И. Оношко, Н. Ф. Филатов, В. А. Харламов. Горький: Волго-Вятское кн. изд.-во, 1985. 191 с.

Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Нижний Новгород: Книги, 2011. 544 с.

Почтовые открытки фотографа Максима Дмитриева из коллекции Льва Тельнова. Составитель О. А. Рябов. Нижний Новгород: издательство «Книги», 2007. 560 с.

Праздничная одежда народов России. Из собрания Исторического музея. М., 2017. 368 с.

Преподобный Серафим, Царь и народ: Чудо прославления. Саров – Дивеево, 1903 год. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 256 с.

Прокина Т. П. Мордовский народный костюм. Альбом. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2007. 464 с.

Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Авторы-сост. Соснина Н., Шангина И.И. СПб., 2001. 400 с.

Фортунатов Н. М. Нечаянная слава. Жизнь и труды Павла Мельникова – Андрея Печерского. Документальная повесть. Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2018. 352 с.

Тетрадь 2. Вознесенский район. 25(1). Эрзянска обряда (устный рассказ). Записан 30 июня 2006 г. в д. Преображенка Вознесенского района Калининой Л.В. от Беспаловой М.К. 1928 г. р. // Личный архив Л. В. Калининой.

Д. В. Карабельников,
независимый исследователь, краевед, Нижний Новгород,
d.karabelnikov@mail.ru

ОБРЯД ПОСЕЩЕНИЯ МОГИЛЫ И ОХРАНЫ ЕЕ ОТ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ (по материалам этнографических исследований в деревнях Нижегородского Заволжья)

Похоронно-поминальные обряды и обычаи, являющиеся наиболее консервативными из всех прочих церемониальных действий, издавна занимали особое место в культурах народов земного шара. Следование сложившимся ритуальным догмам во все времена считалось очень важным для достижения упокоения души усопшего в загробном мире. Поэтому прямым долгом родственников и близких покойного было выполнение традиционных обязательств в отношении умершего. Соблюдение этих требований контролировалось как общественным мнением, так и древним убеждением, что душа умершего может наказать родных, если что-то будет сделано не так.

Погребение и поминки всегда рассматривались как особые события, когда неуместным считалось проявлять бережливость в средствах и пренебрегать давно устоявшимися правилами. Даже теми, которые в наши дни могут показаться утерявшими всякий смысл (Кремлева, 1999. С. 517; 2003. С. 517). В XX в. похоронно-погребальная обрядность русских все еще сохраняла немало пережитков дохристианских верований. Так или иначе, архаичность обрядов, в особенности свадебного и похоронного, исследователями отмечается в различных регионах России и по сей день.

Часть этапов похоронного обряда носит магическо-охранительный характер. Они призваны защитить как самого покойного, так и живых людей от него. К примеру, обережное завешивание зеркал в доме, вынос умершего вперед ногами, укладка на могильную насыпь небольшого камня-валуна, бросание в могилку зерен ржи, монет или горсти земли, а также поспешное избавление от некоторых вещей, «общавшихся» непосредственно с мертвым телом. Все эти действия не связаны с христианскими канонами напрямую. Тем не менее они свято чтутся и поддерживаются народной верой, передаваясь из поколения в поколение.

В немалой степени это касается и Нижегородской области – одного из основных центров расселения сторонников старой веры, региона, где и по сей день сохраняются некоторые элементы архаичной обрядности. Так, например, и ныне в некоторых северных районах Нижегородского лесного Заволжья пожилые люди заблаговременно изготавливают себе гробы и деревянные кресты. При этом в гробу, заранее готовившемся для одного человека, мог захраниваться его скоропостижно скончавшийся родственник. О данном факте в числе прочих упомянула одна из наших информанток, уроженка Семеновского района, для которой при жизни был сделан такой гроб: *«Приехала я из города (Нижнего Новгорода. – Д. К.), а в гроб, что для меня делали, уже свата положили...»* (Карабельников, 2006н. Кассета 1. Сторона В. Время беседы 37.00–38.00).

Все мы знаем, что после кончины по православным нормам следует обмывание и обряжание тела. Далее усопшего в старину клали на лавку в передний угол избы, а теперь – в гроб, устанавливаемый на табуретки в центре помещения. Когда покойный уложен в домовину, зажигается лампадка возле образцов и начинается молебен. По обычаю между кончиной покойного и погребением его на третьи сутки над телом, собранным к последнему прощанию, беспрестанно дено и ночью читаются молитвы особо приглашаемыми бабушками-«читальщицами».

Опрошенные исследователями пожилые женщины изъявили уверенность, что во время исполнения русских похоронно-поминальных обрядов при покойнике обязательно положено сидеть до самых похорон. Его не оставляют одного еще и из-за опасения, что *«бес залетит и испортит усопшего»* (Кремлева, 1999. С. 521; 2003. С. 521). Данный факт подтвердила другая наша собеседница из того же Семеновского р-на, считавшая, что после кончины близкого человека нужно находиться при нем и день и ночь: *«Надо сидеть у покойника два дня и две ночи. И молиться двадцать кафизм. Но теперь этого не делают – лень потому что. Двадцать кафизм – это очень много! И до похорон нужно успеть эти двадцать кафизм прочитать»* (Карабельников, 2006м. Кассета № 4. Сторона А. Время беседы 06.00–07.00). Вместе с тем сельские жители до сих пор убеждены, что покойный слышит все происходящее вокруг него (Кремлева, 1999. С. 521; 2003. С. 521).

Примечательно, что с представлениями о смерти, загробном мире и состоянии умершего в русском народном сознании устойчиво связывается мотив сна, что, к слову, выражается в некоторых похоронных плачах и эпитафиях. Таким образом, в самом факте сидения над покойным изначально заложено некое противопоставление смерти-сну ритуального бдения живых в течение двух-трех ночей при еще незахороненном теле. Согласно некоторым представлениям, во время выноса гроба не позволяется спать даже младенцам. Их обязательно будят (Седакова, 2004. С. 57).

Известно, что похороны сопровождаются традиционными поминками, после которых присутствующие расходятся. Ныне обычно все поминками и заканчивается. Однако в нашем исследовании рассматривается совсем другой аспект похоронно-поминального обряда, кажущийся нам теперь отклонением от общепринятого канона. Это – практически забытый даже среди самих староверов и никонианцев обряд охраны могилы, или, проще говоря, посещение родственниками могилы в первые ночи после похорон.

Рассказы о совершении этого ритуала зарегистрированы нами в нескольких русских деревнях Нижегородского лесного Заволжья. Известно, что ревнители древнего благочестия всегда истово чтиты исконные традиции своих предков. И, как показали наши исследования, обряд охраны могилы совершался ими, а также некоторыми православными с единственной целью – сберечь усопшего от посягательств нечистой силы, в реальности и вреде которой они нисколько не сомневались.

Так, одна пожилая старообрядка, проживавшая в д. Яндовы Семеновского р-на Нижегородской области, поведала нам: *«Еще только покойника выносим из дома, и идет похоронная процессия, с одной стороны гроба летит Ангел, с другой стороны – Нечистый. И вот душу (покойного. – Д. К.) один тянет к себе, другой тянет к себе. Который, вот, перетянет. Если сильно грешной – душа его уйдет к Нечистый. А не больно уж грехов-то – уйдет сюда, с Ангелом... Мы покойника отмаливаем, но сразу-то его не замолишь. Это дело-то ой какое долгое! Вот, все шесть недель надо молиться: каждый день сорокоуст. А потом уж мертвецу место указывают – куда. К тому или другому»* (Карабельников, 2006в. Кассета № 4. Сторона А. Время беседы 03.00–04.00).

В ходе фольклорного исследования нами было выяснено, что старообрядцев д. Яндовы раньше называли беспоповцами или самокрещенцами. Представители данного течения отвергают священство, полагаясь на наставников, которые сами совершают некоторые обряды богослужения, такие как крещение, исповедь, брак (приемлющие его) и похороны. В соседних деревнях их называют «чашечниками», «кадушечниками». Но чаще про них говорят просто – «кулугуры яндовские» («кулугуры» – обидное для самих старообрядцев прозвание).

Существовавшую практику охраны умершего от нечистой силы в первые ночи после похорон можно наглядно наблюдать в народной культуре старообрядцев Нижегородского Заволжья. Так, опрошенный автором старовер Авдей Иванович Маслов из д. Пятейки Городецкого р-на Нижегородской области, 1929 г. р., поведал, что самолично он подобного обряда уже не застал. Но в молодости слышал, что в их деревне бабушки некогда ходили охранять могилы, объясняя это тем, что покойнику якобы первые две-три ночи страшно (Карабельников, 2006и. Кассета № 4. Сторона А. Время беседы 00.01–02.00).

Отметим, что известная сказка «Сивка-бурка» из репертуара нижегородского сказочника Михаила Ананьевича Сказкина из деревни Малое Климово Уренского р-на, записанная Н. Д. Комовской в 1948 г. под авторским заголовком, имеет у автора также альтернативное название «Три ночи на могиле отца». По сюжету этой сказки умирающий отец призывает к себе троих сыновей и велит им после своих похорон поочередно три ночи караулить его могилу. Как только минула полночь, земля заколебалась, песок рассыпался и младший сын, взявший на себя эту обязанность вместо братьев, услышал голос своего родителя, доносившийся из могилы. В первую ночь за усердие умерший отец препоручает ему волшебного коня Сивку-Бурку, во вторую ночь – Оленя Золотые Рога, в третью ночь – Свинку Золотую Щетинку (Сказки..., 1956. С. 128–141).

В конце XIX в. именно в д. М. Климово, где позднее жил М. А. Сказкин, большое пространство получила нётовщина (или Спасово согласие) – один из крайних беспоповских толков, зародившийся вероятно у нас в Нижегородском крае еще в конце XVII в. Местный центр нётовщины находился в соседней деревне Буренино, в 5 км от д. М. Климово. Житель Буренина крестьянин Ф. Г. Коробейников, организовав эту секту, выступил с призывом покинуть мир, где царствует Антихрист. После чего многие его последователи удалились за ним в лес, где вскоре большинство из них умерло от голода (Кремлева, 1974. С. 88).

Вероятно, впервые обряд охраны могилы применительно к горьковскому лесному Заволжью был научно задокументирован в 1972 г. известной исследовательницей похоронно-погребального обряда И. А. Кремлевой. Причем он был отмечен ею только в двух деревнях – Большое и Малое Зиновьево Семеновского района. В частности, женщина, находившаяся, по ее собственным словам, с часу до двух ночи на местном кладбище у могилы своей матушки сообщила ей: *«Всю ночь (после похорон родственника. – Д. К.) на могиле сидят, молятся и разговаривают с покойным, охраняют его от «нечистой силы».* Также было сказано, что если оставить покойника одного, то *«нечистая сила (ему. – Д. К.) все тело будет драть, рвать».* Зимой охранявшие могилу люди для тепла разводили костер.

Далее И.А. Кремлева резюмирует, что, очевидно, правило сторожить могилу по ночам у русских сохранилось лишь в немногих местах, в том числе и в некоторых заволжских старообрядческих деревнях тогда еще Горьковской области.

Кроме того, Ирина Андреевна приводит быличку, во многом перекликающуюся с повестью Н. В. Гоголя «Вий», зафиксированную в Тульской губернии в конце XIX в. Как мы знаем, знаменитое произведение, обессмертившее Николая Васильевича, было впервые им опубликовано в 1835 г. в сборнике «Миргород». В быличке из Тульской губернии, без сомнений, также прослеживается интересующий нас обычай: *«У одного парня в чужой деревне умерла невеста, а она была ведьма. Чтобы она не замучила парня, народ посоветовал ему ходить к ней на кладбище и сидеть на кресте могилы ее три ночи; тогда она оставит его в покое и ничего не сделает ему. Парень ходил на могилу ведьмы три ночи и каждую ночь ее видел до первых петухов. Она все три ночи выходила из могилы и искала его. В первую ночь*

она искала его одна, во вторую – со своими подругами-ведьмами, а в третью, чтобы отыскать его, по совету старой ведьмы они принесли с собой младенца с хвостиком, который и указал им, где парень сидел (но в это время, к счастью для него, уже закричали петухи)». Как видно из этих строк, исследуемый нами обряд был когда-то распространен не только среди жителей Нижегородчины. Почти доказано, что некогда он мог быть общерусским (Кремлева, 1989. С. 257, 258).

Материалы 2006 года об обычае посещать могилу новопреставленного родственника в первые ночи после похорон, зафиксированные автором данного исследования в деревнях Семеновского и Ковернинского районов Нижегородского лесного Заволжья, полностью согласуются с данными И. А. Кремлевой. На их основании можно предположить, что обряд посещения-охраны могилы в древности существовал на территории всего нашего региона. Вводимые в научный оборот в данной статье свидетельства наших информантов также могут в дальнейшем оказаться весьма полезными в изучении ритуального обрядового фольклора нижегородских старообрядцев и православных.

Изначальный интерес к описываемой проблематике проснулся у автора статьи в д. Протазаново Ковернинского р-на Нижегородской области в июле 2006 г. после того, как пожилая женщина в красочных подробностях расписала, как родственники покойного посещали его могилу в первые ночи после похорон: *«Кто как ходит, но обычно вечером, потемней когда. Даже зимой. Я вот, например, девять дней ходила. Кто молиться не умеет – так просто перекрестится. А люди молятся так молятся. Все говорят, покойник вроде бы тоже боится. Камешек-то на могилку кладут, чтобы душа его за этим камешком пряталась. У каждой могилки у нас у креста камешек тот ложат. Молишься на могилке вечером, когда пойдешь «посещать». А пойдешь домой – могилку кругом обходишь со словами: Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас! И так вот три раз. Это нужно, чтобы не летал, нечиста сила, чтобы не летала»* (Карабельников, 2006з. Кассета № 1. Сторона Б. Время беседы 30.00–35.00).

Действительно, по нашим наблюдениям, именно в Городецком, Семеновском, Чкаловском и Ковернинском районах Нижегородчины бóльшая часть захоронений на сельских кладбищах оформлены лежащим в изножье или у подножия креста камнем средней величины, примерно на 2–3 кг, природного происхождения – окатанным валуном. К нему обычно прислоняются старинные медные, современные картонные либо пластмассовые образки, ставятся цветы. В других районах области подобные камушки, а порой и обломки кирпичей, кладутся сзади креста. И их наличие в некоторых случаях дается другое объяснение – дабы покойник не вставал. Иногда необходимость такого камня объясняется с более практической точки зрения – чтобы могила была заметнее и ее случайно не перекопали (Смирнов, 1920. С. 35).

Словом, в сознании верующих формируются самые разные версии появления на могилке одного камня. Например, Ф. Т. Тананина из Семеновского р-на уверяла нас, что *«душа целый день, летаючи, устает, и присаживается на камушек отдыхать. По этой причине ложат камушек около креста – душа отдыхает на этом камушке»* (Карабельников, 2006н. Кассета № 1. Сторона В. Время беседы 43.00–44.00).

Тем не менее среди жителей заволжских деревень Нижегородской области наиболее популярна следующая интерпретация: *«К часоушке (т.е., голбецу. – Д. К.) на кладбище прикладываешь камешек-то. Все говорят, душа-то вот первую ночь боится ночевать-то одна – так за этот камешек и прячется»*. (Карабельников, 2006в. Кассета № 1. Сторона А. Время беседы 35.00–36.00).

Поверье, что покойнику страшно в могиле одному, естественно и объяснимо. В некоторых похоронных причитаниях могила и подземный (иной) мир осознаются русскими как нечто таинственное, пугающее, загадочное. Могила описывается как глубокая, престрашная, темная. Так, фольклорной экспедицией МГУ был записан следующий причет: *«Уж не убойко-се, желанная, Уж ты престрашиного да ты се кладбища, Уж подземельной да ты пещерочки, Уж се глубокой-то только могилочки»* (Чистяков, 1982. С. 121).

И. А. Кремлева в своих полевых материалах 1972 г., также со слов местных жителей, пишет: *«Выроют могилу и не оставляют одну, стерегут, специально дежурный сидит. Боятся, что нечистая сила попадет в могилу»*. Камень укладывается на надгробном холме *«посредине рук и у ног для того, чтобы покойник смог защититься от нечистой силы»* (Кремлева, 1989. С. 260). Что касается нашего исследования, Авдей Савельевич Маслов, старообрядческий староста д. Малое Зиновьево Семеновского района, рассказал нам так: *«До сих пор мы ходим. Не всю ночь, а до 12 часов сидим обязательно. Вечером уходим и, скажем, зимой длинный вечер получается. Летом покороче – пойдешь перед заходом солнца. Побывать, чтобы вроде бы не так боязливо, видимо, было покойнику – разговор среди людей такой идет. Из старины нашей, из старой веры это идет-водится. И в этот момент молимся. Помолимся и посидим, и отдохнем, и опять помолимся на кладбище. По обычаю по одному не ходят – всей семьей идут. Просто ходим помолиться, помянуть покойного, побывать с ним. Мы в основном все в деревне ходим до 12 часов (ночи) когда покойник умер, три дня ходим. Так что сидим часов до двенадцати ночи. Я все сорок дней ходил. А до 12 часов три дня первые сидят. Приходим, в основном, читаем молитву «Господи, Помилуй». Мы верим в Бога, верим Старой Вере. Как родители наши верили, так и мы продолжаем верить»* (Карабельников, 2006к. Кассета № 1. Сторона В. Время беседы 37.00–43.00).

Интересно, что во многих сельских районах действительно жители стараются в одиночку на кладбище не ходить даже днем, независимо от расстояния до него. Обычно идут «посещать могилки» по два-три человека, как правило, это женщины преклонных лет. Объясняется это в ряде случаев поверьем, что кто ходит на кладбище один, вскоре умирает.

Приведем другой записанный нами рассказ о посещении в ночное время жителями д. Малое Зиновьево тамошнего погоста: *«Похоронят покойника родные, придут домой, людей накормят. А вечером после поминок, в первый же день после похорон, опять идут на кладбище на могилу. Кто до двенадцати ночи там пробудет, кто побольше, кто поменьше. По одному человеку не ходят – боятся. Вот я мужа схоронила. Пришли мы со взрослыми детьми на кладбище. Поклон в землю кланяемся, прощаемся. Сидим долго. А домой пошли – читаем: «Господи Иисусе, Сыне Божий, помилуй нас! Господи, благослови, прости нас, Христа ради, и благослови!» Молитвы эти три раз произносим – раз обходим могилку. А прощаемся три раза вот: а «Господи Иисусе...» надо три раза молиться, потом «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь». Нам не нужно, чтобы покойник домой приходил. Почто это?! Это нечистая сила придет к нам – это нам не надо!»* (Карабельников, 2006а. Кассета № 1. Сторона В. Время беседы 41.00–43.00).

Как мы видим, в сознании опрошенных нами современных старообрядцев и православных нижегородского Заволжья неизбежно происходит смешение древних языческих и более поздних христианских элементов. Собственно, как и в случае всех остальных религиозных людей. С одной стороны, как истинно верующие во Христа, они осознают, что душа покойного, отлетая от тела, нуждается лишь в постоянном помине живых через молитвы, добрые дела и подаяние. С другой стороны, согласно с более древними верованиями, люди идут

по ночам посещать и охранять могилу новопреставленного близкого родственника на кладбище. При этом объясняют свой поступок тем, что умершему будет якобы не так скучно и страшно в компании живых родичей. Вместе с тем желание хоть как-то облегчить покойному процедуру расставания с этим миром никак не умаляет их искреннего страха перед самой возможностью возвращения духа любимого человека к ним домой.

Важную информацию мы услышали в деревне Большое Оленево Семеновского района. На вопрос, существует ли в тех краях традиция охранять могилу ночью после погребения, бабушка Манефа поведала следующее: *«Как после похорон стемняца, так и нужно идти. Ночью пойдём каждый к своему покойнику. Вот я мужа скоронила, так дети ходили три ночи к Ване, оцу-то, туды. Всю ночь сидели, а как начинало рассветать, так домой подем. Да, милый, мы долго сидели. Да везде, везде, в окрестных деревнях так ходят, и в селе Святицах тоже сидят ночь, а уж до 12 часов или до двух так уж это обязательно. А сидят ночью родственники, потому что, говорят, сойдутся в могилу-то все эти беси, придут беси. Так, вот мы их увидим, вроде то что. Так, это, мол, не придут они, нас побоятся придти-то. Это Нечистая сила, да, Дим. Вроде бы как покойник еще лежит живой, и к нему чтобы беси не подходили. И вот ночью, вот которой мы только скороним родного, мы его охраняем. И так ходим, главно, три ночи».*

Далее Манефа Леонидовна рассказала нам весьма колоритную быличку, повествующую как раз про посещение могилки в первую ночь после похорон: *«А вот знаешь чего, тебе только скажу? Один мужик, грешным делом, был негоден для Бога. И когда он умер, жена его с дочерью в первую ночь пошли посещать его могилку. И они охраняли мужа. А он был несправедливый для Бога – он все веровал и не веровал. И вот они, говот, сказывают, сидим мы на лавочке недалеко от могилки. И вот, говорит, знаешь, что, значит, только сидим и вот ровно в двенадцать часов ночи идет кака-то о-о-огненна змея. Змея, говорят, стра-а-ашная идет. И вот мы, говот, затряслись, боимся. И она, змея, залезла, говот, в эту могилу в яму эту Николаеву. Так и ушла, говот, туды в могилу. Они сидели как раз ночью, в двенадцать часов, и эта ползла вот штука. Как скоронили, он лежал в первую ночь. Вот та-а-кая (старушка развела руками. – Д. К.) огненна змея. Вот в Святицы приедешь, там тебе тоже скажут»* (Карабельников, 2006бп. Кассета № 2. Сторона В. Время беседы 00.01–05.00).

Очень содержательно и подробно также сообщение другой нашей информантки, Тананиной Фаины Тарасовны (матери моего друга детства). Она рассказала буквально следующее: *«До сих пор в наших краях сидят на кладбище первые ночи после погребения покойного. Ходят навестить по несколько человек, потому что одному или вдвоем ночью на кладбище жутко. Если зимой идут, тогда костер жгут прямо у могилки. И мы согреемся, и душе покойного теплее будет. Идут часов в десять вечера. Тогда и начинают молиться. Особо усиленно молятся с 12 ночи до трех часов. Потому что, говорят, в это время нечистая сила в разгуле – по этой причине усиленно молятся. И этими молитвами отгоняют беса. Душе покойника страшно и ее нельзя оставлять одну. Зажигают свечи и кадильницу. Свеча горит постоянно. Кадят ладаном, чтобы отгонять Нечистую. Ну не постоянно, а как какая молитва подходит, то кадильницей кадят. Кстати, когда с кладбища уходят, из кадильницы высыпают угольки и остатки ладана на могилу. Т.е., например, мы первую ночь пробыли – высыпаем, и так все три ночи. Уходим – могилку три раза обходим с молитвой «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Некоторые даже и девять дней ходят, то есть ночей. А до девятого дня – это самое страшное время для души. Боится она. Вообще, нужно бы все сорок дней ходить, но в основном просто придут родные вечером*

после работы – перекрестились, помянули, три раза могилку обошли и пошли домой. Но могилку три раза нужно обходить обязательно! И с начала до конца непрерывно читают молитвы. Даже если кто с покойником и разговаривает – остальные все равно не переставая молятся. Уходят с кладбища, как в три часа ночи пропоют петухи. Это объясняется тем, что петухи поют в 12 ночи. И после этого на кладбище приходит Нечистая сила – именно к душе покойного. Вот чтобы, вроде бы, этого не было, люди старой веры три ночи сидят вместе с душой и молитвою отгоняют нечистую силу. В три часа ночи петух пропоет, и нечистая сила уходит восвояси, то есть с трех часов начинается утро. Кстати, первые шесть недель на могилке нельзя ничего поправлять, даже если что-то свалится на бок и лежит на боку. Вот сорок дней пройдет – тогда можно».

Далее Фаина Тарасовна подтвердила: «*Был такой обычай. Точно. Но теперь уже меньше ходят (ночью на кладбище. – Д. К.). Схоронят, людей накормят, а вечером, как начинает темнеть, все равно идут на кладбище и теперь. И необязательно долго там бывают, но все равно идут, чтобы не страшно душе было. Я сама лично сидела, когда папа умер. Было это в 1968 г. Нас тут много было: я, мама, брат из Харькова с женой. Пришли мы, положили начало молитвы, долго молились, потом сели кругом и разговаривали, вспоминали папу. И кадила кадили, а ночь закончилась – высыпали из нее (кадила. – Д. К.) угольки прямо на могилку к ногам. Его мы в Елистратихи похоронили. Пришли-та мы вечером, в мае это было, вечера были длинные, и мы сидели так (у могилки. – Д. К.) всю темноту. Долго мы пробыли, а как светать начало, пошли домой. Получается часа в три ушли с кладбища... Ходят и в Елистратихе, и в Поломе. Раньше, говорят, так и в Зарубине ходили, и в Ключах. А теперь уж не знаю чего там. Раньше было, точно было! В ночь после похорон и посещали. Что не понятно тебе, разве, что вся Заволга и есть старообрядцы. Все леса здесь, по этой причине сюда и удирали, прятались. Ночью на могилках и в Фундриково сидели. Я раньше слышала и в Улангерском монастыре был такой обряд».*

После этого Ф. Т. Тананина в беседе с нами упомянула еще один важный аспект: «*Шесть недель, сорок дней которые идут, у нас вешают на угол дома тряпочку-лоскут, т. е. типа полотенца, чтобы душа утиралась»* (Карабельников, 2006н. Кассета № 1. Сторона В. Время беседы 35.00–45.00). В романе «В лесах» мы также находим описание подобного ритуала с вывешиванием полотенца на доме во время и после похорон молодой девушки Настеньки: «*Управившись с этим, она снаружи того окна, в которое вылетела душа покойницы, привесила чистое полотенце, а стакан с водой с места не тронула. Ведь души покойников шесть недель витают на земле и до самых похорон прилетают на место, где разлучились с телом. И всякий раз душа тут умывается, утирается»* (Мельников, 1987. С. 560, 561).

В самом деле, согласно народным поверьям, в течение сорока дней душа усопшего на ранней заре обязательно возвращается к своему дому и, умывшись росой, утирается вывешенным с внешней стороны оконной рамы для нее полотенцем (Лебедева, 1989. С. 244). В Варнавинском уезде Костромской губернии (ныне одноименный район Нижегородской области), еще в начале XX века существовало поверье, что «душу терзают со всех сторон, особенно в дни 3, 9, 20 и 40-й» и она «утирает полотном слезки». Также считали, что вместе с душой утирается этим холстом и ее Ангел-хранитель (Смирнов, 1920. С. 32). Полотенца часто можно увидеть повязанными и на кладбищенские кресты в Нижегородской области, например на захоронениях марийцев и мордвы.

Очень любопытно, что обряд посещения и охраны могилы от нечистой силы в первые ночи после похорон был выявлен нами не только в среде старообрядцев, но и у православных

жителей сел и деревень Светлое, Святицы, Лисино, Филиппово, Феофаниха, Зуево, Хахалы, Медведево, Шадрино и Паромово Семеновского р-на Нижегородской области. Приведем некоторые из этих сообщений:

«Приходим на кладбище до 12 часов (ночи. – Д. К.). В зимнее время уходим с кладбища пораньше, ну а в летнее сидим почти до утра. То есть где-то часов до трех. Ходят обязательно только родные. У меня умер отец в этом 2006 году. А был мороз 40 градусов. И мы пошли часов в 11 вечера и были там где-то до часу ночи. Говорят, что покойнику страшно в этот момент, и самые близкие должны быть рядом с ним именно в 12 часов ночи обязательно.»

Приходим на кладбище зимой, разводим костерок и так просто стоим, сидим, общаемся. Вспоминаем покойного. Обычно говорят – молятся. Но лично в моей семье мама – учительница и религиозно как бы мы не воспитаны. И поэтому мы не молились на могилке. Я ходила, сестра ходила, муж ходил, то есть самые близкие. Свечку зажигали. Когда уходили, обязательно обходили три раза могилку с молитвой. В некоторых окрестных деревнях бытует мнение, что самые близкие родственники в течение 40 дней не плакали об усопшем. Якобы это мешает душе, якобы они там находятся на службе в течение 40 дней. А этот плач и слезы мешают продвижению души по каким-то ступеням, которые ее в дальнейшем приводят как бы в рай» (Карабельников, 2006р. Кассета № 3. Сторона А. Время беседы 00.01–05.00).

Нечто подобное поведала нам и другая информантка: *«Когда папа умер, это было в 1982 году, мы его в Паромово похоронили. Мы пошли вечером на кладбище, и там сидели до двух часов ночи. Свечки стояли, горели. Была мама, мы с сестрами, брат и будущий муж. В основном родня ходит. Мама говорила, что после смерти человека, душа стоит три дня на кладбищенских воротах, вроде как дежурная кладбища она, и мы должны ей помогать, потому что ей одной страшно. У нас так и многие бабушки говорят. Три ночи мы ходили, в основном у нас все ходят три ночи.»*

Мы видели, в первую же ночь после похорон в 12 часов: мы сидели, свечки горели, «змейку» видели на могилке в головах. Она такая тоненькая, как фарфор-то вот блестит. Мама молилась, мы сидели. И вдруг смотрим, а она извивается и вверх из земли-то. И мы так напугались! Небольшая, как фосфор блестит, зеленовато-желтого цвета, но такая вот светлая. Была, была и пропала. Несколько секунд ее видели». (Карабельников, 2006е. Кассета № 3. Сторона А. Время беседы 05.00–08.00).

В охране могил участвуют люди самого разного возраста, не только пожилые. Девушка из села Светлое, которой на момент интервью был 21 год, тоже поделилась с нами своими впечатлениями: *«В нашем селе, когда умирает близкий человек, то в первую ночь мы ходим к нему, ну как бы поддерживаем его, потому что ему там, родному, плохо, он тоскует, конечно. Бабушка, мама, все так говорят. Поэтому и мы ходили в первую ночь. Обычно три ночи у нас ходят. Мы хоронили бабушку в Хахалах в 2003 году. Бабушка у нас была крещеной православной. Пришли мы на кладбище к 12 часам ночи, сидели мы часа два-три. Сидели на лавочке. Просто сидели. Разговаривали о прошедших похоронах. Страшно, конечно. Жутко было мне. Сидели – я, папа, мама и друг мой, муж теперь. То есть мы покойника поддерживаем, потому что у него Суд и он встречается с Богом» (Карабельников, 2006л. Кассета № 3. Сторона А. Время беседы 15.00–19.00).*

«Похоронили покойника и вечером в 11 часов идем на кладбище. Сидим, жгем костер. Это было летом, но было темно. Сидели до трех часов ночи. Старожилы нам сказали, что душа пока летает, мы ее охраняем от какой-то нечистой силы. Мне вот так вот объясняли.»

И вот когда у меня муж умер, мы сидели до трех часов. Потому что ровно в три часа вот эта вот нечистая сила исчезает. Похоронили его в деревне Зуево. В Зуево ходят, в Светлом ходят, в Хахалах ходят, в Медведево тоже ходят, в Паромово ходят и в Кельях ходят (Кельями в соседних деревнях называют Большое Оленево. – Д. К.). Испокон ходят. Но сейчас, конечно, ходят не так, как положено. Вот пришли, до двенадцати немного посидели и около часа уходят. А раньше более сидели, а в Зуево мы сидели ровно до трех часов ночи. Мужа похоронили и все три ночи сидели. И все три сидели до трех часов: три часа пробило – мы уезжаем. Ходили мы: зять, дочка, я и родители мои. Сама я живу в Лисино» (Карабельников, 2006б. Кассета № 3. Сторона А. Время беседы 25.00–27.00).

«Знаю, что ходят три те ночи, а три еще ниче не знаю. Сама ходила. Летом приходили часов в 10, в 11 и до утра. Как светать будет, там мы молимся, 17-ю кафизму читаем. А молились: что знам, то и молились. Кадила с собой не было, свечку зажигаем. С покойным не разговариваем, плачем, между собой говорим. Вроде-де ходят люди, и мы ходим. А зачем? А почему я знаю? Нет, мы ничего не знам. Вроде говорят, покойникам страшно, говорят, и мы как бы компанию создаем душе. Душе страшно...» (Карабельников, 2006с. Кассета № 3. Сторона В. Время беседы 31.00–33.00).

«Кто ходит, кто не ходит. Не знаю, почему ходят и для чего ходят. Умер муж, я не ходила, а дети ходили, с вечера. Три дня ходят по закону-то, по-нашему. Люди ходят – и нам надо. Только так! Люди идут – и мы идем. Идем, а не знаем, зачем даже» (Карабельников, 2006г. Кассета № 3. Сторона В. Время беседы 35.00–37.00).

«Молятся, молится надо. Тут хоть карауль, не карауль, все равно вся этаже история будет... Да, ходят родственники. До сих пор идут в ночь. Кто во сколько пойдет, кто с вечера, кто часов в 11. Вот сюда на кладбище и ходят (в с. Светлое. – Д. К.). Я сама схоронила мужа, так я тоже ходила, со мной дети ходили. Мы его в Паромове похоронили. Придем, помолимся, посидим. А часов в 12 уходим домой. Три ночи ходили. Мы ходили, ничего мы не видели. Кто ходит, тот, бывает, скажет, что слышали какой-то шум. Да что-то, где-то, чего-то слышали, видели. Мы ходили – ничего не слышали. Вроде бы так, как бывало ино, все ходили. Так как бывало ино, и все, и поминали по-бывалошному. А теперь вообще не знаю» (Карабельников, 2006б. Кассета № 3. Сторона А. Время беседы 43.00–45.00).

«Вот у нас отец умер – мы три ночи ходили. Уйдем, чтобы видно было в сумеркам, а уж домой уходим, когда рассветат. А че – придешь ни одна, кто чево разговаривают. Только родны ходят, только каждый к своим. А к чужим-то кто пойдет?! Думаешь, три или четыре километра охота кому-то идти?! В Светлом мы его похоронили. У нас одни могилки, у церкви там. В 1990 году мы похоронили. Скоронили. Ну, и засвѣтили свечку. Помолились. Ну и хош молис, хош сиди. Че хош делай. Он все равно ниче не скажет (покойник. – Д. К.). Три ночи подряд ходили. Все говорят, они (усопшие. – Д. К.), как скоронят, там боятся. Вот и ходят. А я слышала, в людях ходят все сорок дней. Вот, говорят, все сорочины ходила. А я три ночи подряд ходила. Всей семьей были, там страшно ведь сидеть-то. А ветер вот подует, ой! Да темно там! И в Святицах, и в Паромове, и в Зуеве мы это соблюдаем... Везде ходят. А как же, они (покойники. – Д. К.) ведь там одни боятся первы ночи. Там все-таки другие покойники, они ожились уже. А эти еще только пришли и им там страшно. А я слышала, вон, дьяковские все 40 дней ходят» (Карабельников, 2006д. Кассета № 3. Сторона В. Время беседы 34.00–37.00).

«Да, у нас ходят. Теперь – мало ходят, все бросили... Нынче уж не верят молодежь-то. А я-то туда не пойду – боюсь. Я не ходила никогда, ни одной ночи не сидела. И ко мне ведь

никто не придет... Некому сидеть, и далеко. Кто придет? Бойсь, не бойсь, так и будешь сидеть. Все говорят, бояться они (покойники. – Д. К.) вроде бы первую ночь, вторую, третью. Вот стучати, кричат покойники, ково закопали. А моя бабушка мне сказывала – она так сидела и караулила. Она и говорила: «Не бойся, мы к тебе пришли. Не бойся, ты не один, мы с тобой!» Это кто-то бывалый придумал, до нас это еще было. А теперь уж все нарушили... Филипповские ходят в Светлое на могилки, в Шадрине свое могилки, в Кельях свое. Самое боязное время – это 12 часов. У нас тетя, материна сестра, одна поиди в 11 часов в Светлое. А первый час поидет – она поидет домой. Уж ей не страшно было одной – одна она ходила» (Карабельников, 2006ж. Кассета № 3. Сторона В. Время беседы 37.00–40.00).

«А мы ходили в ночь, когда хоронили. Ленька-то на машине-то приезжал. Ой, как ветер дул! Это было, наверное, в 12 часов. Страх напал, когда стояли! Не помню – это у мамы было или папу хоронили: ой, как ветер подул, страх-то! Один-то убежал! А куда бежать-то?! Темна ночь, и потом заорала собака-то, залаяла прямо собачина у могилы. Ой, как страшно-то! Мы думали, машину украли! А раньше люди были – их уже нет... Они всему верили, ко всему были привержены, детей учили, а нас уже не учили – мы не знаем чево. А наши дети, они уж и не верят ничему. Все кончилось, и нынче верить никто не стал...

Если могилу роют и вырывают кости человека, он уже сгнил, а кости-те целы. И вот его положут, этого покойника другова, и тот, старый покойник, его с места гонит. Ему и страшно из-за этого. А эти кости, коли выкапывают, кладут в чистый: берут, там, платок ли новый, коленкор ли отрезают. И их кости закладывают, не кидают на землю. Это его место: кости собирают все в платок, завязывают и туды в уголок кладут, и уж потом на место гроб ставят. Вот новый покойник и боится старого, тот его и гонит, видимо, в первую ночь. Вот так вот говорят. Все, когда идут могилу рыть и берут обязательно во что-то завернуть эти кости. Если на целом месте, значит, ничаво нет, его никто не пугат. А если, где покойник был, место, то уже все пропало, горки-то уж нет, крестов нет, роют и вытаскивают кости. Часто такое бывает, потому что тут (в с. Светлом. – Д. К.) один на одном бес. Мы, кстати, не хотим, чтоб покойник к нам приходил – его похороним и говорим: «Вот тебя схоронили, ты к нам не ходи, а мы к тебе придем» (Карабельников, 2006д. Кассета № 3. Сторона В. Время беседы 40.00–45.00).

«Здесь считают покойника живым. То есть к нему положено сорок дней ходить и разговаривать с ним. Вот он умер. Его похоронили сегодня. Обязательно этой ночью надо прийти к нему на могилку. Потому что он в эту ночь ушел из мира. Он был среди родственников. А теперь он пришел на кладбище, где много других людей лежат. Где много нечистой силы. Особенно и будут встречать здесь черти, и дьяволы совращать будут. Поэтому ему надо помочь!

Люди приносят с собой свечки, святой воды, и читают на этой могилке семнадцатую кафизму. Это кафизма из Псалтыря, которая очень помогает, силу дает умершим. Это вот обязательная традиция в Теплове такая. Притом следует каждый день сорок дней ходить на кладбище, вообще в любое время! И его утешать, за него молиться. Видите – это все как к живому существу относятся» (Доронин, 2003).

Как видите, большинство из опрошенных нами уверены, что без посещения могилы и охраны новопреставленного родственника живыми сородичами в первые три, лучше девять, а идеально – все сорок ночей после похорон, тому не обойтись. При этом пробыть на захоронении надо как минимум до 12 часов ночи, но для нужного эффекта гораздо дольше – до двух–трех часов. Считается, что именно в это время умерший наиболее беззащитен. Еще не адаптировался и становится легкой добычей темных сил. Но окончательная победа над нечи-

стью или окончательное поражение зависят все же не от живых «охранников», а от степени угодности покойного Богу.

Ближайший аналог практике посещения могилы ночью зарегистрирован у мордвы в конце XIX – начале XX вв. Этот обряд осуществлялся тогда, когда человеку был нужен совет умерших предков. Чтобы их задобрить, мужчина шел ночью на кладбище, взяв с собой жертвенную трапезу (хлеб и соль). Придя на место, он ложился ничком на могилу нужного ему покойника, ближайшего родственника мужского пола – отца или деда, и старался заснуть, чтобы увидеть сон. Так он надеялся получить от предков совет о поведении в тяжелой или необычной ситуации, а также узнать их мнение относительно успехов планируемого дела (Федянович, 1989. С. 109).

В нашем исследовании рассматривается исключительно фольклорная и этнографическая составляющие ритуала посещения и охраны могилы по ночам у русского населения нижегородского Заволжья. В силу этого, а также дабы не перегружать статью, автор, решил обойти филологические трактовки самого понятия «бъдынь», которое предположительно изначально обозначало данный ритуал.

Свидетельством древности описываемого автором обряда у славянских народов, в том числе можно считать и тот факт, что слово «бъдынь» было непонятным переписчикам уже в средние века. Да и толковать это понятие ныне можно лишь предположительно.

Обычай бодрствовать на могиле зафиксирован еще у многих народов и во внеславянском ареале. Более четко выражен этот обычай у обских угров: на Иртыше вдова или вдовец посещали могилу умершего супруга первые четыре-пять ночей после погребения; у них зафиксирована даже сказка о супруге, скончавшемся от горя на могиле своей жены. По старой традиции нанайцев, после похорон жена покойного около недели все ночи проводит около могилы усопшего (Шимкевич, 1896. С. 19). По три ночи посещали и охраняли могилу и верующие евреи.

Дзерасса, героиня осетинского эпоса, велит своим сыновьям первые три ночи сторожить ее склеп, дабы избежать возможного надругательства над ее мертвым телом (Кайтмазов, 1889. С. 10). В Сванетии близкие родственники сторожили три ночи могилу охотника, чтобы избежать расправы над ним богини Дали (Вирсаладзе, 1976. С. 73). У таджиков Западного Памира на кладбище ставился специальный шалаш для человека, нанимавшегося охранять покойников от допроса ангелов. На случай встречи с ангелами этого сторожа вооружали длинной палкой (Андреев. 1953. С. 202, 203). Вплоть до 1930-х гг. у лезгин было принято охранять могилу в течение трех дней и ночей. Около захоронения сооружали шалаш, где коротали ночь родственник покойного и набожный старик, хорошо знавший молитвы за усопших (Гаджиев, 1977. С. 13, 14). Аналогичный обычай бытовал и у лакцев, и у кумыков.

К началу прошлого века смысл подобного рода обрядности начал забываться: давались более рационалистические объяснения ритуала: труп якобы охраняли от волков (таджики), вообще от хищных зверей (грузины). Не подлежит сомнению, что первоначально в качестве посягателя на покойника выступала нечистая сила.

В искусстве тематика охраны могилы нашла свое воплощение в картине русского художника-передвижника В. Г. Перова, названной автором «Сцена на могиле». Это одна из его первых «больших» картин; она была окончена в 1859 году. Искусствовед О. А. Лясковская так описывает ее сюжет: на картине изображены фигуры трех женщин на только что насыпанном могильном холме у креста-голубца; на небе клубятся темно-серые тучи, уходящая вдаль равнина покрыта тьмой, слева вдали за купой деревьев чуть виднеется колокольня. Молодая женщина, одна из троих, кормит грудью ребенка; жесты, позы и выражения лиц

матери, сестры и жены усопшего выражают их безграничную скорбь. Нас в данном контексте более всего интересует темное грозное либо ночное небо (Лясковская, 1979. С. 23, 24).

Сам художник впоследствии объяснял, что он создал это ученическое полотно на мотив слов русской народной песни: «Мать плачет, как река льется; сестра плачет, как ручей течет; жена плачет, как роса падет – взойдет солнышко, росу высушит». Это объясняет, почему женщин трое.

Это объяснение вполне устроило столичных критиков; В. Г. Перов не стал вдаваться в детали, предлагая считать свою картину аллегорической – как воплощение женской скорби. Однако же, рассмотрев отдельные факты биографии художника, мы можем отметить, что дело, вероятно, обстоит не так просто.

Вышло так, что детство художника прошло в сельце Саблуковка под Арзамасом, где его отец получил место управляющего в барской усадьбе. Мальчик рано проявил способности к живописи, и поэтому был отдан родителями в уездное Арзамасское училище, которое и кончил за три года. После этого, в 1846 г., он поступил в известную художественную школу А. В. Ступина, где недоучился. В целом молодой Перов около десяти лет в детстве и юности прожил в селах Арзамасского уезда, где по тем временам было немало старообрядцев и, вероятно, мог существовать исследуемый нами обряд. Юноша любил охоту и часто совершал длительные пешие прогулки; любил он также беседовать с местными крестьянами.

Хотя В. Г. Перов никогда об этом не говорил напрямую, очень похоже, что подсознательно в своей ранней работе «Сцена на могиле» показывает не столько аллегорических крестьян, сколько именно обряд охраны свежей могилы в первые ночи после похорон, свидетелем которого он мог быть – или по крайней мере, о существовании которого он знал понаслышке. Однако это всего лишь наше предположение, и последнее слово в интерпретации сюжета картины должно принадлежать искусствоведам.

Отметим, что обычай бдения у могилы усопшего родственника, совершаемый в ночное время, в немногочисленных старообрядческих и православных деревнях Нижегородского Заволжья, объясняется народными поверьями, имеющими глубокие языческие корни. Согласно собранному нами фольклорному и лингвистическому материалу, в первые несколько суток по погребению тела, покойник (по убеждению верующих) тоскует по оставленным им живым родственникам. В свою очередь, родные также испытывают тоску по умершему, являвшемуся, кроме того, связующим звеном с их давно усопшими предками. Поэтому между членами единого родового коллектива (живыми и мертвыми) сохраняется тесная связь, при которой покойные предки выступают в роли охранителей живых потомков.

С потребностью в покровительстве со стороны пребывающих в загробном мире предков связаны также представления о возможности их возвращения в мир живых. В поминальных причитаниях-плачах родные усопшего обеспокоены его возможными намерениями навсегда покинуть подлунный мир и оставить потомков без покровительства. Снаряжая дорогого человека в дальнюю неведомую дорогу, т.е. на тот свет, живые дают ему поручения к давно ушедшим предкам. В обрядности этого погребального ритуала и в причетах одновременно с уважением чувствуется и страх перед умершим, могущим причинить вред живым своим возвращением или иными действиями. Тем не менее любовь к умершему и родственные связи с ним все равно не распадаются, но становятся лишь крепче. Отмечается, что «в похоронных причитаниях XIX–XX вв. представление о путешествии в загробный мир объединило в себе множество противоречивых элементов: языческие архаичные славянские верования, заимствованные верования, христианские взгляды на душу» (Чистяков, 1982. С. 114–127). Есть

сведения, что заволжские старообрядцы раньше изредка хоронили своих сородичей в подполе своего собственного дома (Зеленин, 1995. С. 326). Таким образом, любовь и почтительное отношение к покойнику у некоторых сельских староверов и православных нижегородского Заволжья органически уживается с паническим страхом перед ним же, так как в облики покойного в мир живых может являться нечистая сила.

Обряд посещения и охраны могилы в первые ночи после похорон умершего по рассказам деревенских жителей был зарегистрирован нами в следующих населенных пунктах: в старообрядческих и православных деревнях Малое и Большое Зиновьево, Большое Оленово, Полом, Елистратиха, Зарубино, Ключи, Фундриково и населенных пунктах Светловского сельсовета: селе Светлое и деревнях Святицы, Лисино, Филиппово, Зуево, Хахалы, Шадрино, Медведево и Паромово Семеновского района Нижегородской области. Не во всех этих деревнях существуют кладбища, поэтому хоронят и соблюдают этот обряд на погостах близлежащих населенных пунктов, где таковые существуют. Также этот обычай, вероятно, существовал и в населенных пунктах Ковернинского района и в единичном случае зафиксирован в с. Теплово Кулебакского района.

В связи с этим мы делаем вывод, что отмеченный И. А. Кремлевой и исследованный нами архаичный ритуал посещения и охраны могилы в первые ночи после похорон у старообрядцев и православных преследует цель обеспечить охрану не столько могилы, сколько души покойного от вероятно представляющей для него немалую опасность «нечистой силы», могущей повредить посмертному его существованию. С другой стороны, покойник сам представляется демоническим, угрожающим живым людям существом. Такая двойственность, амбивалентность восприятия умершего свидетельствует о сохранении архаичных, дохристианских мифологических мотивов, осмысленных в процессе исторического изменения и разложения первоначального языческого погребального обряда с его постепенным обогащением позднейшими христианскими наслоениями.

Список литературы и источников

Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) в 2-х вып. Вып. 1. // Труды. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. Т. 7. / Акад. наук Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Сталинабад: АН Таджикской ССР, 1953. 251 с.

Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука, 1976. 360 с.

Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды лезгин (по материалам Самурской долины). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата. [исторических] наук: 07.00.07 / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Махачкала, 1977. 22 с.

Доронин Д. Ю. Беседа с Фадеевым М. Е., 1946 г. р., жителем с. Теплово Кулебакского р-на Нижегородской области, от 16 июля 2003 года: из личной беседы с автором.

Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки // Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Кайтмазов А. Сказание о нартах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Отдел 2. Тифлис: Управление Кавказского Учебного Округа; тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1889. С. 3–36.

Карабельников Д. В. Беседа с Абакумовой Ниной Фроловной, 1928 г.р., староверкой, проживавшей в д. Большое Зиновьево Семеновского района Нижегородской области, от

июля 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 1.

Карабельников Д. В. Беседа с Бабушкиной Ниной Георгиевной, 1932 г.р., православной, уроженкой д. Феофаниха Семеновского р-на, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Бесчастновой Марией Филипповной, 1938 г. р., старообрядкой беспоповского толка, проживавшей в д. Яндовы Семеновского района Нижегородской области, от октября 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 4.

Карабельников Д. В. Беседа с Градовой Ольгой Федоровной, 1926 г.р., православной, проживавшей в селе Светлом Семеновского р-на, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Климиной Зоей Николаевной, 1933 г.р., православной, проживавшей в д. Филиппово Семеновского р-на, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Колбасиной Татьяной Григорьевной, 1963 г.р., бухгалтером школы, проживавшей в селе Светлое Семеновского р-на, декабрь 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Короткиной Марией Николаевной, 1930 г.р., православной, проживавшей в д. Филиппово Семеновского р-на, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Лещевой Пелагеей Степановной, 1930 г.р., православной, проживавшей в д. Протазаново Ковернинского района Нижегородской области, от июля 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 1.

Карабельников Д. В. Беседа с Масловым Авдеем Ивановичем, 1929 г.р., старовером из д. Пятейки Городецкого района Нижегородской области, от 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова. [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 4.

Карабельников Д. В. Беседа с Масловым Авдеем Савельевичем, 1932 г.р., староверческим старостой, проживавшим в д. Малое Зиновьево Семеновского района Нижегородской области, от июля 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 1.

Карабельников Д. В. Беседа с Напыловой Светланой Константиновной, 1985 г.р., православной, проживающей в селе Светлое Семеновского района от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Сироткиной Антониной, 1929 г.р., проживавшей в д. Поллом Семеновского района Нижегородской области, от октября 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 4.

Карабельников Д. В. Беседа со старообрядкой, уроженкой д. Елистратиха Семёновского района Нижегородской обл., жившей в д. Поллом того же района Тананиной Фаиной Тарасовной, 1941 г. р., на момент интервью проживавшей в г. Нижнем Новгороде, в 2006 году: из личного архива Д. В. Карабельникова. [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 1.

Карабельников Д. В. Беседа с Ушановой Александрой Лаврентьевной, 1956 г.р., православной, проживавшей в деревне Лисино Семеновского района, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова. [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа со старообрядкой Чечиной Манефой Леонидовной, 1924 г. р., проживавшей в д. Большое Оленево Семеновского района Нижегородской области, от сентября 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова. [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 2.

Карабельников Д. В. Беседа с Чубаровой Людмилой Васильевной, 1951 г.р., главой Светловской администрации в селе Светлое Семеновского р-на, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова. [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Карабельников Д. В. Беседа с Яшиной Анной Григорьевной, 1934 г.р., православной, проживавшей в деревне Святицы Семеновского р-на, от декабря 2006 года: из личного архива Д. В. Карабельникова. [Аудиозапись]. Нижний Новгород, 2006 г. Кассета № 3.

Кремлева И. К. Об эволюции некоторых архаичных обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт / Отв. ред. М. М. Громыко и Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 248–264.

Кремлева И. К. Отмирание старообрядчества в заволжской деревне // Советская этнография. 1974. №6. С. 87 – 97.

Кремлева И. К. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: [монография]. // Народы и культуры / Отв. ред. В. А. Александров и др. М.: Наука, 1999. С. 517–532.

Кремлева И. К. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: [монография]. // Народы и культуры / Отв. ред. В. А. Александров и др. М.: Наука, 2003. С. 517–532.

Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX – XX вв. // Русские: семейный и общественный быт / Отв. ред. М. М. Громыко и Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 229 – 248.

Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах: в 2 кн. Кн. 1. М.: Правда, 1987. 624 с.

Лясковская О. А. В. Г. Перов: особенности творческого пути художника. М.: Искусство, 1979. 175 с.

Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян // Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Сказки, рассказы, песни Горьковской области / сост. Н. Д. Комовская. Горький: Горьковское книжное издательство, 1956. 295 с.

Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Кострома: Северный Рабочий, 1920. С. 21–126.

Федянович Т. П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы / Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 100 / Отв. ред. Н. Ф. Мокшин. Саранск: Мордовское кн. изд., 1989. С. 96–125.

Чистяков В. А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX – XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. В. К. Соколова. М.: Наука, 1982. С. 114–127.

Шимкевич П. П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / Под ред. М.Я. Сибирцева. // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 2, вып. 1. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1896. 133 с., 27 л. ил.

И. Л. Мининзон,
ботаник, географ, сотрудник Ботанического сада
ННГУ им. Н.И.Лобачевского
e-mail: ilya.mininzon@yandex.ru

МОРДОВСКАЯ ТОПОНИМИКА НА КРАЙНЕЙ СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ СВОЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ НЕЕ ЛАНДШАФТЫ

Сопоставление области обитания каких-либо этнических групп с характером природных ландшафтов – давняя традиция в отечественной исторической науке. Еще В. О. Ключевский (Ключевский, 1990. С. 55–62) сопоставлял природные условия с одной стороны и хозяйственные, культурные и даже психологические особенности русского населения, сложившиеся при заселении верхнего Поволжья – с другой. В течение последних десятилетий мы, интересуясь историей заселения Нижегородского края в связи с его ландшафтами и растительным покровом (Мининзон, 1998), обращали внимание на самую северную группу мордвы, т.н. мордву-терюхан, которая, судя по историческим документам начиная с XVI в. (Анпилогов, 1977. С. 66–76) и топонимике, обитала в Дальнеконстантиновском, а отчасти в Богородском и Кстовском районах. Целью предлагаемой работы является попытка сопоставления ареала самой северной группы мордвы с распространением различных типов лесов: обитали ли они на территории с каким-то определенным типом растительного покрова, или же населяли территорию с разнообразным растительным покровом. Во избежание недоразумений укажем, что мы имеем в виду коренные типы растительного покрова севера нижегородского Правобережья, преобладавшие в эпоху перед сплошным сельскохозяйственным освоением территории, а также в более позднюю эпоху после запустения местности из-за набегов врагов, эпидемий и т. д., когда шло восстановление коренного растительного покрова: елово-сосновые леса, смешанные хвойно-широколиственные леса, широколиственные леса (дубравы). В настоящее время от подобных лесов остались сравнительно небольшие участки. Большая часть современной территории данной местности покрыта вторичными березовыми и осиновыми лесами, культурами сосны, пашнями, залежами, лугами, в т. ч. луговыми степями и практически ничем не отличается от комплексов растительности почти всего нижегородского Правобережья.

Естественно, что для решения данного вопроса необходимы, во-первых, массовый материал по заселению территории, во-вторых, достоверные сведения по коренному растительному покрову этой территории. В настоящее время, как мы полагаем, единственным массовым материалом, позволяющим судить о былом расселении самой северной группы мордвы, является топонимический материал.

В качестве используемого топонимического материала приняты две группы географических названий. Во-первых, наименования селений и речек (последние – отмеченные на карте масштаба 1:200 000), которые, на наш взгляд, наиболее достоверно являются мордовскими по происхождению. Это топонимы, имеющие форманты лей (речка), мас (земля), гуша/кужа (поляна), пиче/пица (сосна). Во-вторых, микротопонимы (наименования частей селений, урочищ, малых речек), названия которых либо также наиболее достоверно мордовские по происхождению, имеют вышеупомянутые форманты, либо русские, но указывающие на мордву, типа Мордовский порядок (часть селения), Мордовская дорога и т. п., а также топонимы «Мольбище», указывающие на место языческих религиозных отправлений. В-третьих, микроэтнонимы «мордва»; микроэтноним – коллективное прозвище жителей какого-либо селе-

ния (термин Е. В. Ухмылиной). Топонимический материал взят непосредственно из топографических карт масштаба 1 : 200 000 (Атлас карт..., 1993), микротопонимический и микроэтнонимический материал собран нами в ходе маршрутных ономастических исследований и опубликован (Мининзон, 2019; Мининзон, 2015).

Такие топонимы и селения с подобными микротопонимами и микроэтнонимами представлены на схематической карте 1. Как можно видеть из этой карты, подавляющее большинство мордовских по происхождению топонимов (наименования селений и рек) сосредоточено в бассейне р. Озерки в Дальнеконстантиновском районе. Как же обстоит дело с мордовской топонимикой в ближнем окружении Дальнеконстантиновского района? К северу, в Кстовском районе имеется один топоним – Лапшлей, к северо-западу, в Богородском районе, также один топоним – Килелей, к востоку, в Большемурашкинском и Перевозском районах они отсутствуют, к югу, в Арзамасском районе имеется два – Черемас и Ишлей. Мы склонны объяснить это тем хорошо известным фактом, что именно на территории современного Дальнеконстантиновского района и отчасти в ближних к ней территориях Богородского, Кстовского и Арзамасского районов дольше всего сохранилась в качестве самостоятельного, необруселого населения группа мордвы, которая и сумела сохранить мордовские по происхождению наименования селений и рек.

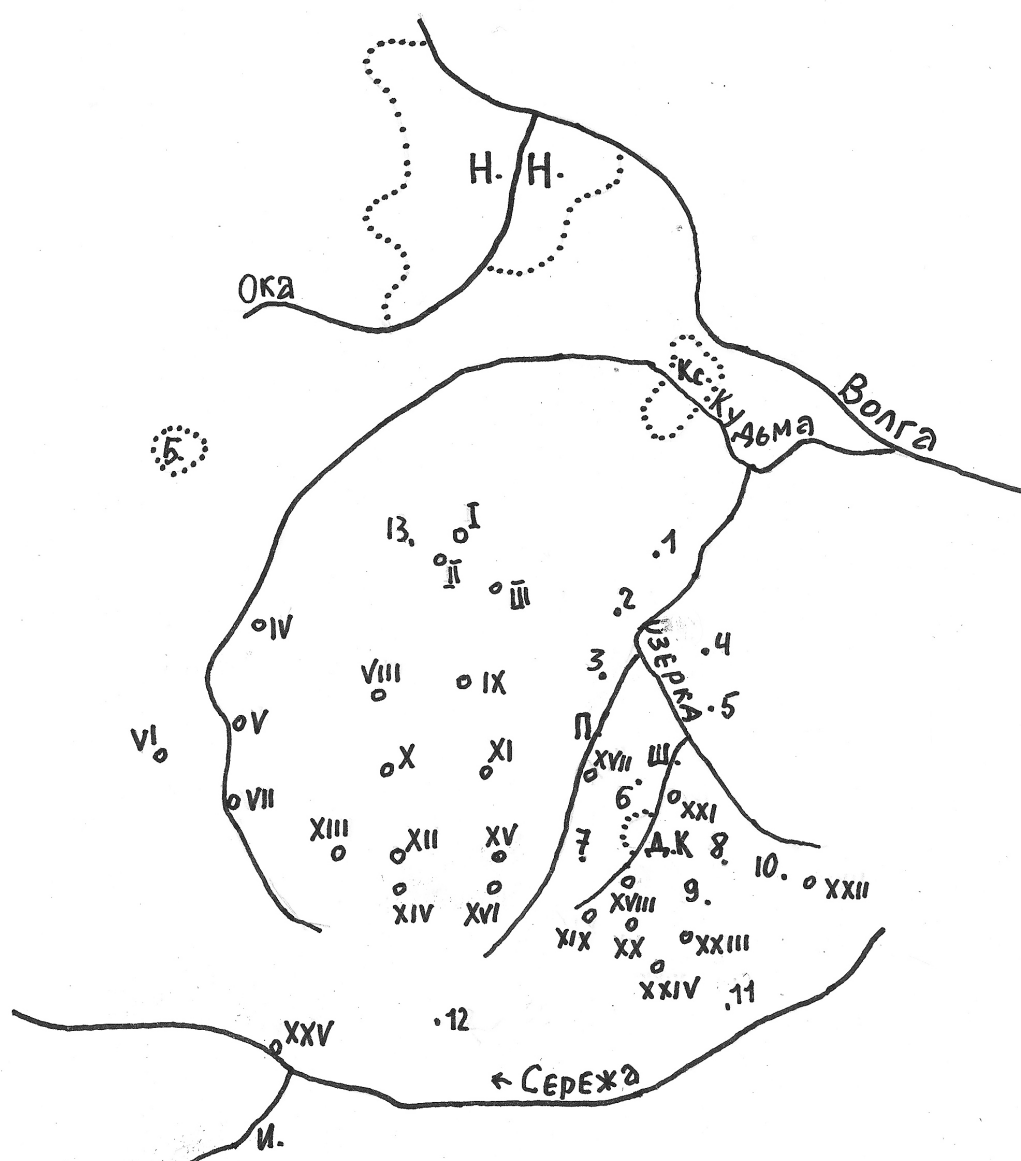
К западу и юго-западу от бассейна Озерки в основном сосредоточены селения, наименование которых русское по происхождению, но в которых, или в окрестностях которых имеется мордовская топонимика и/или с самими селениями связан микроэтноним «мордва». По нашему мнению, эту западную группу названий можно связать либо с нахождением здесь мордвы, обрусевшей уже в далеком прошлом, либо миграцией сюда уже обруселого мордовского населения с запада. Возможен и третий вариант: названия этим селениям давали помещики, их владельцы, либо чиновники.

Перейдем теперь к источникам по коренному растительному покрову исследуемой территории. Этот источник – карта восстановленного растительного покрова Горьковского края, созданная коллективом местных и столичных ботаников под руководством В. В. АLEXИНА (Карта..., 1934). Карта эта получена в результате полевых маршрутных исследований флоры и растительности в течение 3 лет. Ее фрагмент, относящийся к исследуемой нами территории с наложенными на него мордовскими топонимами представлен на схематической карте 2.

По карте 2 легко заметить, что ареал распространения мордовской топонимики совпадает или тесно соседствует в большинстве своем с областью распространения широколиственных лесов (дубрав) и отчасти хвойно-широколиственных лесов. Что касается селений, наименование которых русское, но в которых, и/или в окрестностях которых имеется мордовская микротопонимика и микроэтнонимика, то они в массе распространены к западу и юго-западу, в области хвойных лесов.

Итак, мордва на северной границе своего бывшего распространения занимала два различных ландшафта: область широколиственных и отчасти хвойно-широколиственных лесов на сравнительно более плодородных суглинистых серых и темно-серых лесных и дерново-подзолистых почвах и область елово-сосновых лесов на менее плодородных супесчаных дерново-подзолистых почвах. С каждым из этих ландшафтов связаны различные хозяйственные комплексы, зависимые от почв и взаимосвязанных с ними особенностей растительности. С первым – полеводство, животноводство, пчеловодство. Со вторым – охота, пчеловодство, в меньшей степени – полеводство и животноводство.

Мордовская топонимика на ее северной границе



Пояснения к карте

Пунктирными линиями обозначены границы областного и районных центров;

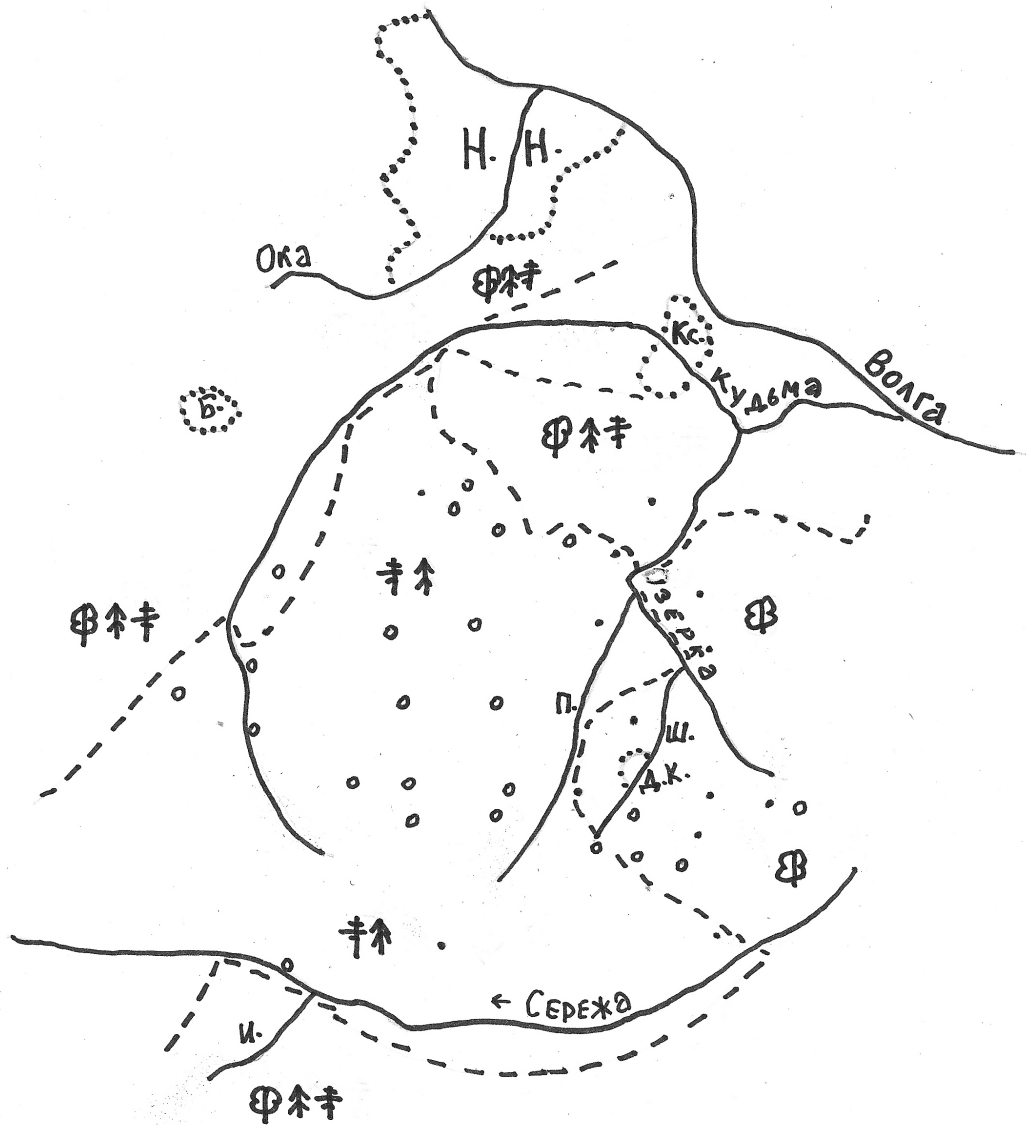
Сокращения: Н.Н. – Нижний Новгород, Б. – Богородск, Д.К. – Дальнее Константиново, Кс. – Кстово.

Буквами при реках обозначены: И. – Ишлей, П. – Печеть, Ш. – Шемлей.

Арабскими цифрами обозначены селения с мордовскими по происхождению наименованиями: 1 – Лапшлей, 2 – Чуварлей, 3 – Кужутки, 4 – Трухлей, 5 – Симбилей, 6 – Кужадон, 7 – Сарлей, 8 – Б. Пица, 9 – М. Пица, 10 – Вармалей, 11 – Маргуша, 12 – Черемас, 13 – Килелей. Сами селения обозначены точками.

Римскими цифрами обозначены селения с русскими по происхождению наименованиями с мордовской микротопонимикой и/или этнонимикой: I – Гремячка, II – Гари, III – Нов. Владимирова, IV – Лукино, V – Хвощевка, VI – Шарголи, VII – Ключищи, VIII – Ягодное, IX – Касаниха, X – Шониха, XI – Арманиха, XII – Мигалиха, XIII – Надеждино, XIV – Ольгино, XV – Арапиha, XVI – Муравьиha – Суrowатиha, XVII – Сарадон, XVIII – Татарское, XIX – Б. Сескино, XX – М. Сескино, XXI – Кудрино, XXII – Помра, XXIII – Б. Терюшево, XXIV – М. Терюшево, XXV – Пустынь. Сами селения обозначены кружочками.

Распределение селений и речек с мордовскими названиями и селений с русскими названиями, но с мордовской микротопонимикой и микроэтнонимией на фоне коренных типов растительности



Обозначения:

Ф – широколиственный лес

Ф↑↑ – смешанный лес ↑↑ – елово-сосновый лес

Штриховой линией обозначены границы территорий с различными типами коренных лесных сообществ. Прочие обозначения – как на предыдущей карте.

Перейдем к оценке репрезентативности и, следовательно, достоверности полученных нами данных. Топонимический материал, как мы полагаем, использован весь. Микротопонимический материал неполон. Нам удалось собрать микротопонимику и микроэтнонимию лишь по Богородскому и по части селений Дальнеконстантиновского района. Данных по территориям к востоку и юго-востоку в нашем распоряжении не было. В то же время из карты 1, а также из топографических карт области масштаба 1 : 200 000 легко видеть, что топонимика и без микротопонимических данных достаточно полно очерчивает (я повторяю – только очерчивает!) ареал былого распространения мордвы – терюхан. Ближайшая к ней известная еще с XVI в. группа вадской мордвы (Анпилогов, 1997. С. 66–76) с ее современной мордовской топонимикой Вадского района (Салалей, Букалей, оз. Мордовское) лежит достаточно далеко к юго-востоку от Дальнеконстантиновского района. Восточнее же, в Большемурашкинском районе, достоверной мордовской топонимики, как мы полагаем, нет вовсе. Разумеется, топонимический материал, хотя он и самый массовый и доступный, далеко не исчерпывает корпус источников по распространению мордвы: существуют археологические и актовые материалы.

Что касается карты восстановленного растительного покрова, то она считается среди ботаников и географов весьма достоверной. Тем не менее не следует думать, будто составители этой карты побывали всюду. Исследования они проводили маршрутным методом и трассы их маршрутов оставляли белые пятна, которые они заполняли, руководствуясь почвенными картами и немногочисленными литературными данными. Кроме этого, нельзя забывать, что эта карта сильно генерализована, как говорят картографы. Разумеется, существует еще один источник знаний о былом растительном покрове – споро-пыльцевой анализ, в последние десятилетия все больше проникающий в археологию. Но он требует особой квалификации исследователей и специального оборудования. Кроме этого, данные споро-пыльцевого анализа позволяют достоверно судить о видовом составе флоры, а не о растительности.

Итак, как мы полагаем, наша работа носит лишь предварительный характер. Значение ее – привлечь внимание историков, археологов, этнографов, как профессиональных, так и из числа местных краеведов к проблеме связи между историей расселения мордвы, да и любой другой этнической группы (и археологической культуры!), ее хозяйственно-культурным комплексом и природным окружением.

Список источников и литературы

Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI в. (1588–1600 гг.). М.: МГУ, 1977. 462 с.

Атлас карт: Нижегородская область. Топографические карты масштаба 1 : 200 000. Листы О-38-XXXII, О-38-XXXIII, N-38-II, N-38-III. Съёмка 1984 г. ВТУ ГШ, 1993.

Карта восстановленного растительного покрова (геоботаническая теоретическая карта) Горьковского края в части бывшей Нижегородской губернии. Исследования 1925–1928 гг. / под общ. ред. проф. В. В. Алехина. Масштаб 1 : 500 000. Издание Горьковского госуниверситета. 1934.

Ключевский В. О. Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья... Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса // В. О. Ключевский. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и прим. В. А. Александрова. М.: Правда, 1990. 624 с.

Мининзон И. Л. Физико-географические факторы в истории заселения Нижегородского края // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории: Материалы чтений памяти Н. М. Добротвора. 24–25 апреля 1997 г. Н. Новгород, 1998. С. 167–168.

Мининзон И. Л. Ономастика терюхан // Поволжские финны на перекрестке эпох: сборник статей по материалам вторых и третьих Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Е. В. Четвертакова, О. В. Гальцевой. Нижний Новгород, 2019. С. 97–105.

Мининзон И. Л. «Что в имени тебе моем?..» (Ономастика Богородского района) / при участии Дудовой А. А., Кузмичевой С. И., Махлонова В. В., Пчелина Н. А. / под ред. Н. А. Пчелина. Нижний Новгород, 2015. 68 с.

Приложение

Лингвистический анализ антропонимического и микротопонимического материала, собранного исследователями в населенных пунктах бывшей Терюшевской волости.

Составитель – В. А. Девицын

I. Фамилии, записанные краеведом И. В. Биткиным (п. Суроватиха) в населенных пунктах Дальнеконстантиновского района.

Из 133 фамилий, записанных И. В. Биткиным, к образованным от мордовских корней с высокой долей вероятности относятся 15. Некоторые из них даже можно перевести. Адясов, Веденяпин – от эрзянских слов ведень – «водяной» и пине – «собака». (Серебренников и др., 1993. С. 115 и 481), Вородеев, Кавтасьев / Кафтасьев – от эрзянского кавто – «два» (Серебренников и др., 1993 С. 222), Митрясов, Пермагаев (Пермись, Пермей), Пиговатов, Пиюков, Пимкин, Пияшов, Салалеев – сравните Салалей – село в Вадском районе, от эрзянского саламс – «таять» (Морохин, 1997 С. 169), Саяшкин, Стемасов, Тораев, Чиндясов. Чиндяс – эрзянское дохристианское имя, часто встречающееся в переписях мордвы XVII века (Инжеватов, 1987. С. 243).

Фамилии мордвы в большинстве своем – отчества от личных имен. Сейчас составлен почти полный свод всех формантов, которыми имена образованы: -ай, -с, -ш, -ат, -ут, -ав, -апа. Указывали и фамилии на -мас, -ват, -дей (Никонов, 2021). Маркерами мордовских фамилий служат и такие их окончания, как -шкин и -нкин, получившиеся из уменьшительных форм имен (Алешка – Алешкин, Мишанька – Мишанькин). В то же время у мордвы встречаются и такие совершенно не эрзянские и не мокшанские по звучанию фамилии, как Рыбаков, Морозов или, например, Брыжинский. А С. Ю. Шмелев, исследуя родословную семьи Тихановых из села Мигалиха, обнаружил в роду даже такое неожиданное для мордвы имя, как Мельчук (Шмелев, 2019. С. 41). Так что в каждом конкретном случае для того, чтобы определенно ответить на вопрос о происхождении фамилии, необходимо проделать такую же работу в архивах, какую выполнил С. Ю. Шмелев.

II. Термины, приведенные в статье И. Л. Мининзона «Ономастика терюхан» (Мининзон, 2019. С. 97–105).

1. Деревня Арапиха

Урекс – дол, овраг, луг. Урексчи – «рабство, замужество» (Серебренников и др., 1993. С. 696). Чи в эрзянском языке – компонент сложного слова, придающий ему отвлеченное значение. (Серебренников и др., 1993. С. 747). Например, сьупав – «богатый», сьупавчи – «богатство». Следовательно, урекс – прилагательное, соотносимое по смыслу с терминами «рабство (например, «рабский»), замужество». Сравните также уредев – «шафер, участник свадебного поезда со стороны жениха». Возможно, в окрестностях нашего Урекса принято было проводить некие обряды, связанные со свадебным. Например, оплакивание невесты, которую отдавали замуж.
Ошлей/Ошлеи – овраг. Ош – город (Серебренников и др., 1993. С. 449).

2. Село Арманиха

Мерясов – скорее всего от языческого имени Меряс.

Миянг – река. От эрзянского мия – «бобр» (Серебрянников и др., 1993. С. 385). Суффикс -нг образует имена прилагательные от существительных (Евсевьев, 1931. С. 28). Бобровая река.

Пукстерь/Пустерь – река. Николай Морохин возводит происхождение этого гидронима к финно-угорскому корню пукст/пукш – «корм». (Морохин, 1997. С. 161). Но не исключено, что здесь с учетом не однажды отмеченного терюханского уканыя можно рассмотреть местный вариант эрзянского прилагательного покш – «большой». Большой Терь. Что же касается корня Тер/Терь, то варианты его происхождения мы рассматривали на предыдущей конференции, когда предприняли попытку этимологизации термина Терюш (Девыцын, 2020. С. 137–140).

Саранг – река. От финно-угорского корня сары «болотистый» (Морохин, 1997. С. 171).

Тумоченг – лес. От эрзянского тумо «дуб» (Серебрянников и др., 1993. С. 682) и ченгемс «палиться» (Серебрянников и др., 1993. С. 745). Подпаленный (подгоревший) дубовый лес.

3. Деревня Бакшеево

Курмыш – микротопоним. По В. И. Далю Курмышь – ряд изб, поселок, порядок, одна сторона улицы; пашенка особняком. (Даль, 1995. С. 223). В русских народных говорах Горьковской области (в Сосновском, Борском, Бутурлинском, Уренском районах) также записаны слова курмы, курмыш в значении «дома, стоящие особняком. Сравните эрзянское курмушкалезь «сжеженный, сжатый, скорченный»; мокшанское курмоштамс, крмоштамс «сжаться» и курмозь «пук, горсть»; марийское кормыж «горсть»; финское kuristaa «жать, сжимать; вить», kouga «горсть», kigoa «собрать (в складки, сборки)»; эстонское kurg «бухта; угол», kuru «угол» (Девыцын, 2009. С. 42).

4. Село Новые Березники (народное название Мордовские Березники)

Потман – микротопоним. Эрзянское потмо – «внутри, внутренний» (Серебрянников и др., 1993. С. 504). Вероятно, это улица или порядок внутри села.

Версадонг – овраг. Этимологизация первой часть слова затруднительна, фонетически она близка к эрзянскому глаголу верськедемс – «искриться, сверкать» (Серебрянников и др., 1993. С. 126), а вторая – донг – может быть наследием ираноязычных племен, обитавших на этих землях до прихода финно-угров. Сравните Кужадон и Сарадон, где «дон» – «вода» (Поспелов, 2008. С. 83).

Вингузов – овраг, луг. Гужов – от эрзянского кужо – «поляна» (Серебрянников и др., 1993. С. 309).

Калафт – овраг. Сравните эрзянское калавтома – «разрушение, излом» (Серебрянников и др., 1993. С. 226).

Печеть – река, овраг, луг. От эрзянского пиче – «сосна» (Серебрянников и др., 1993. С. 483).

Сечуга/Сечуг – река. От мордовского сеча – «мед» и гидроформанта -га – «вода, река» (Морохин, 1997. С. 175).

5. Село Борисово Покровское

Губанов. От «губан» (синоним – ногай) – персонаж многих эрзянских народных песен, в которых так называли степняков-кочевников (Вирь чиресэ). Термин образован от гидронима Кубань.

Мыза – микротопоним. Происхождение названия этого топонима Николай Морохин связывает с тем, что в конце XVIII века выходец из Прибалтики председатель Нижегородского уголовного суда К. М. Ребиндер, владелец Ляхова, приобрел земли возле Московской и Арзамасской дорог и создал там ферму, названную на прибалтийский манер (Морохин,

1997. С. 39). Вместе с тем в Нижегородской области есть еще несколько мест с названием Мыза. Например, поселки в Ардатовском и Кулебакском районах, а также часть райцентра Вознесенское на западе населенного пункта. Здесь К. М. Ребиндер вряд ли мог построить дачу. Зафиксировал микротопоним с таким же названием и краевед И. Л. Мининзон. В современном эрзянском языке слов, созвучных мызе, нет, но они зафиксированы в родственных прибалтийско-финских языках. Макс Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» сообщает: эстонское *mõiz*, водское *mõiza*, ливское *moiz*, финское *moisio* означают «двор, имение» (Фасмер, 2021).

Чапурда – микротопоним. Созвучно с чопода – «темный» (Серебренников и др., 1993. С. 755).

Кужкино – лес. Эрзянское кужо – «поляна» (Серебренников и др., 1993. С. 309).

Мордовская тропа – название говорит само за себя.

6. Деревня Борцово

Пичеть – река. Пиче – «сосна» (Серебренников и др., 1993. С. 483), пичеть – «сосны».

7. Деревня Винный Майдан

Сарадониха – лес. От финно-угорского корня сары «болотистый» (Морохин, 1997. С. 171) и «дон» – «вода» (Поспелов, 2008. С. 83).

8. Село Кажлейка/Клюиха

Вошклеийский – овраг. Вероятно, то же, что и **Ошлей** в соседней Арапихе.

Кажлей – река. Село Кажлейка – от мордовского кож/кузла – «ель» или кужо – «поляна» (Морохин, 1997. С. 99).

Курмыш – микротопоним. См. выше (деревня Бакшеево).

Пустерь – река. См. выше (село Арманиха).

9. Деревня Кудрино

Керметь – река. От слова керметье, обозначающего у поволжских финно-угров и чувашей духа-покровителя рода (Морохин, 1997. С. 104). Керметь – чувашская, черемисская или вотяцкая божница, капище (Даль, 1995. С. 105).

10. Деревня Кужадон

Керметь – река. См. выше (деревня Кудрино).

Курмыш – микротопоним. Смотри выше (деревня Бакшеево).

11. Сельцо Лапшиха

Бакалда – лес. Бакалда – «яма (наполненная водой)» (Серебренников, Бузакова, Мосин, 1993. С. 70).

Локсиндей – река. По-эрзянски локсей – «лебедь», локсеень – «лебединый» (Серебренников, Бузакова, Мосин, 1993. С. 349).

Мокша – овраг, луг. В названии можно вычленить гидроформант -ша, обозначающий небольшую речку, формант мока/мака не поддается этимологизации (Морохин, 1997. С. 138).

Пукстерь/Пустерь – река, луг, овраг. Смотри выше (село Арманиха).

12. Село Мигалиха

Чиндясов – от имени Чиндяс – эрзянское дохристианское имя, часто встречающееся в переписях мордвы XVII века (Инжеватов, 1987. С. 243).

Кужендей/Кужингей/Куженгей – луг, река. Кужендей – мордовское языческое имя (Морохин, 1997. С. 118).

Курмыш – микротопоним. См. выше (деревня Бакшеево).

Миянг – река. См. выше (село Арманиха).

Мыза – микротопоним. См. выше (село Борисово Покровское).

Патяв – овраг. По-эзьянски патя – «старшая сестра, тетя». (Серебрянников и др., 1993. С. 461).
Сечуга – река. См. выше (село Новые Березники).

13. Деревня Надеждино

Губанов – см. выше (село Борисово Покровское).

Куженгей – река. См. выше (село Мигалиха)

Мурей – жители Ключищ. Возможно, от эзьянского глагола морамс «петь» (Серебрянников и др., 1993. С. 390) с терюханским акцентом на У. Певуны.

14. Деревня Ольгино

Губанов – см. выше (село Борисово Покровское).

Курмыш – см. выше (село Мигалиха).

Патяв – овраг. См. выше (село Мигалиха).

Сечуга – река. См. выше (село Новые Березники).

15. Село Помра

Бакалды – овраг, луг. См. выше (сельцо Лапшиха).

Виргилей – овраг, луг. По-эзьянски верьгиз – «волк» (Серебрянников и др., 1993. С. 137).

Подвармалейки – овраг, луг. Варма – «ветер» (Серебрянников и др., 1993. С. 108).

Симбилей – овраг, луг. Цимбельдема – «блеск» (Серебрянников и др., 1993. С. 726).

16. Деревня Сарадон

Лапокша – овраг, луг. В эзьянском языке лапштаня – «приплюснутый» (Серебрянников и др., 1993. С. 332), лапуж – «плоский» (Серебрянников и др., 1993. С. 332). В родственных языках также есть созвучные термины со сходным значением. В марийском лапка и лопка – «плоский», в финском läpsäys – «шлепок», в венгерском lapos – «плоский» (Девуцын. 2009. С. 44).

Мордовки – поле. Название, говорящее само за себя.

Пичесть – река. См. выше (деревня Борцово).

17. Село Сарлей

Мордовский порядок – название, говорящее само за себя.

Волдоман – река. Валдо – «свет» (Серебрянников, Бузакова, Мосин, 1993. С. 101).

Кирметь – река. Смотри выше (деревня Кудрино).

Кузьмир – лес. Возможно, исходная форма – Кузвирь (взаимозамена звуков В и М возможна в эзьянском языке) от куз «ель» и вирь «лес» (Серебрянников, Бузакова, Мосин, 1993. С. 309 и 136). Еловый лес.

Мордовские кладбищи – название, говорящее само за себя.

Сечуга – река. См. выше (село Новые Березники).

Шишлейка – река. Шиш – «овин» (Серебрянников и др., 1993. С. 763).

18. Большое Сескино

Луконины (Луконята), где -т – признак множественного числа в эзьянской грамматике. (Евсевьев, 1931. С. 33).

Кирметь – река. См. выше (деревня Кудрино).

Кузьмер – лес. См. выше (село Сарлей).

Шишлей – река. См. выше (село Сарлей).

19. Деревня Малое Сескино / Чертовка

Кирметь – река. См. выше (деревня Кудрино).

Кузьмер – лес. См. выше (село Сарлей).

Мордовское поле – название, говорящее само за себя.

Урвина – родник. Урьва – «сноха» (Серебрянников и др., 1993. С. 697).

20. Село Суrowатиха

Вилейский конец / Вилейка. От мордовского языческого имени Виляй (Морохин. С. 75).

Курмыш – см. выше (село Мигалиха).

Мордовский конец / Мордва – название, говорящее само за себя.

Волдоман – лес. Валдо – «свет» (Серебренников и др., 1993. С. 101).

Ингузов – овраг. От эрзянских слов ине – «великий, большой» и кужо – «поляна». (Серебренников, Бузакова, Мосин, 1993. С. 212 и 309).

Кузланиха – гора, лес. Куз – «ель» (Серебренников и др., 1993. С. 309).

21. Село Татарское

Мордовский конец – название, говорящее само за себя.

Кермень – река. См. выше (деревня Кудрино).

22. Село Тепелево

Ерзава – овраг. Эрзява – «эрзянка» (Серебренников и др., 1993. С. 785).

Курмыш – см. выше (село Мигалиха).

Кермень – река. См. выше (деревня Кудрино).

Лапокша – овраг, луг. См. выше (деревня Сарадон).

Пичесь – река. См. выше (деревня Борцово).

23. Деревня Старое Тепелево

Кермень – река. См. выше (деревня Кудрино).

Лапокша – луг. См. выше (деревня Сарадон).

Нилейка – река. Ни – из эрзянского ине – «большой, великий» (Серебренников и др., 1993. С. 212).

Печесь – река. См. выше (деревня Борцово).

24. Село Тепло-Троицкое

Курмыш – см. выше (село Мигалиха).

Урекса – овраг, луг. См. выше (деревня Арапиха)

25. Село Большое Терюшево

Курмыш – см. выше (село Мигалиха).

Пицкое поле. От эрзянского пиче – «сосна» (Серебренников и др., 1993. С. 483). Пице – цокающий вариант произношения слова терюханами.

26. Деревня Малое Терюшево

Базав – колодец. Русское слово база + эрзянский послелог -в. Колодец, который находится на пути к некоей базе или возле нее.

Вормалейский овраг. Варма – «ветер» (Серебренников и др., 1993. С. 108).

Валдай – овраг, луг. Валдо – «свет» (Серебренников и др., 1993. С. 101).

Маслейка – река. Мазы – «красота» (Серебренников и др., 1993. С. 357).

Семелей – лес. Семе – гриб «трутовик, трутник» (Серебренников и др., 1993. С. 579).

Список источников и литературы

Вирь чиресэ // [Электронный ресурс]. URL: https://webkind.ru/text/926098415_51192892p509037070_text_pesni_vir-chiresje-jerzyan-cyoras-pengt-keri-u-opushki-jerzyanskij-paren-.html (дата обращения: 21.04.2021).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. И–О / В. И. Даль. М.: Терра, 1995. 780 с.

Девыцын В. А. К вопросу об этимологии топонимов и терминов, содержащих элемент «терюха» // Народы Среднего Поволжья: мосты из прошлого: сборник статей по материалам

четвертых Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород: Новая гуманитарная культура, 2020. С. 137–140.

Девяцын В. А. Плюс – чудификация всей страны. Бор, 2009. 60 с.

Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики. М.: Центриздат, 1931. 241 с.

Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1987. 263 с.

Мининзон И. Л. Ономастика терюхан // Поволжские финны на перекрестке эпох: сборник статей по материалам вторых и третьих Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Е. В. Четвертакова, О. В. Гальцевой. Нижний Новгород, 2019. С. 97–105.

Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: Китиздат, 1997. 216 с.

Никонов В. А. География фамилий // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=273251&p=36> (дата обращения: 22.04.2021).

Поспелов Е. М. Географические названия России. Топонимический словарь. М.: АСТ, 2008. 523 с.

Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. Эрзянско-русский словарь. М.: «Русский язык», «Дигора», 1993. 803 с.

Шмелев С. Ю. Родословная семьи Тихановых из села Мигалиха: от язычества до наших дней // Поволжские финны на перекрестке эпох: сборник статей по материалам вторых и третьих Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Е. В. Четвертакова, О. В. Гальцевой. Нижний Новгород, 2019. С. 41–47.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BC%D1%8B%D0%B7%D0%B0> (дата обращения: 21.04.2021).

И. В. Мельник,
ученый секретарь муниципального бюджетного учреждения
«Кстовский историко-краеведческий музей»
melnira@mail.ru

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОБОРЫКИН – ПИСАТЕЛЬ И ПОМЕЩИК СЕМЕТСКОЙ ВОЛОСТИ

Среди свидетельств о прошлом особое место занимают источники личного происхождения. Их объединяют в отдельную группу: дневники, переписка, мемуары, автобиографии и другие свидетельства «человека во времени» – предоставляют информацию, которую не может дать ни один исторический источник официального характера и дают возможность более глубоко понять происходящее в контексте эпохи.

Источники личного происхождения неразрывно связаны с конкретным человеком, поскольку именно в них отражаются самосознание личности, ее жизненный опыт, личные качества, взгляды, события, описывается степень собственного участия и участия окружающих в этих событиях, даются оценки происшедшего. Н. А. Бердяев считал, что «Человек – малая вселенная, микрокосм – вот основная истина познания человека и основная истина, предполагаемая самой возможностью познания. Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться. Им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества, что человек – не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная» (Бердяев, 1989. С. 295).

Есть писатели известные, о которых знают из школьной программы или они просто «на слуху» с детства. Много у нас в России забытых авторов, их книги не переиздаются, темы произведений старомодны. Но для земляков любое слово о родных краях, написанное свидетелем и очевидцем имеет ценность. Большой интерес сегодня представляет жизнь мелкопоместного дворянства. В современных границах Кстовского района исторически не сложилось крупное усадебное землевладение. Богатые семьи, владея несколькими именьями, обычно жили в самом удобном и живописном из них, поручив другие управляющим. Те, у кого в распоряжении было одно имение, были вынуждены со своими небольшими средствами вести хозяйство и налаживать отношения с крестьянами. Уже к концу XIX в. большинство таких имений было разорено и заложено. Некоторые были выкуплены у владельцев купцами или разночинцами. Поэтому для восстановления картины сословной жизни Нижегородского уезда в современных границах Кстовского района, актуализации информации о хозяйственном укладе и персонализации истории, собранный и обобщенный материал о помещике и писателе Нижегородского уезда Семетской волости деревни Новые Ключищи Василии Васильевиче Боборыкине (1817–1885) представляет особый интерес и значение.

Родовое имение слобода Васильевская (Новые Ключищи) Семетской волости Нижегородской губернии принадлежало дворянину, гвардии поручику Василию Дмитриевичу Боборыкину. Его сын Василий родился в 1817 г. Как дворянин и сын поручика он получил хорошее образование. В 1834 г. окончил Школу юнкеров в Санкт-Петербурге, в которой учился М. Ю. Лермонтов. Свои воспоминания о трех встречах с великим поэтом он напишет уже в конце жизни. Как вспоминал сам Василий Васильевич, «домашнее образование под руководством швейцарца и швейцарки, пропитанных духом энциклопедистов, сделало то, что русская литература была для меня terra incognita, и я из нее знал только “Юрия Милослав-

ского”, которого мы в Горном корпусе читали вслух во время летних каникул, проведенных в стенах корпуса. Что ж удивительного, что я даже не интересовался издаваемым в последние месяцы пребывания Лермонтова в школе рукописным журналом под названием “Всякая всячина напрячена”» (Ашукина-Зенгер, 1948. С. 741). Судя по воспоминаниям, детские годы В. В. Боборыкина прошли в столице, где еще служил его отец. Не сохранились или еще не найдены факты о посещении родового имения слобода Васильевская в детские и отроческие годы. В 1834 г. он поступил на службу унтер-офицером лейб-гвардии в уланский полк, в 1835 г. стал юнкером, в 1837 г. был произведен в корнеты. В этом же году, по его воспоминаниям, «за нетрезвое поведение и буйство на улице» (Ашукина-Зенгер, 1948. С. 744) был разжалован в прапорщики линейного батальона № 6. Вместе с батальоном в 1838 г. участвовал в экспедиции против горских народов под командованием начальника прибрежной Черноморской линии генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. В ходе этой экспедиции были присоединены Туапсе (1838), Субаши, Псекупсе (1839) и другие поселения Черноморского побережья. Во Владикавказе судьба снова свела его с М. Ю. Лермонтовым: «Мне в Лермонтове был только знаком шалун, руководивший “Нумидийским эскадром”, чуть не сбившим меня с ног в первый день моего вступления в юнкерскую школу, а потом закатившим мне в затылок залп вареного картофеля. О Лермонтове, как о поэте, я ничего еще не знал и даже не подозревал: таково было полученное мною направление. В краткое мое пребывание в полку, в Царском Селе, я благодаря обратившему на меня внимание нашему полковому библиотекарю поручику Левицкому прочитал Тьера, Байрона и еще кой-что, более или менее серьезное... Все это, вместе с моею владикавказскою обстановкою, не могло не внушать мне некоторого чувства собственного достоинства, явно оскорбленного тем покровительственным тоном, с которым относился ко мне Лермонтов. А потому, ограничась кратким ответом, что мне живется недурно, я спросил, что они рисуют, и узнал, что в проезд через Дарьяльское ущелье, отстоящее от Владикавказа, как известно, в двадцати – сорока верстах, француз на ходу, вылезши из перекладной телеги, делал *stoquis* окрестных гор; а они, остановясь на станциях, совокупными стараниями отделявали и даже, кажется, иллюминировали эти очертания. На том разговор наш и кончился, и я, пробыв несколько минут, ушел к себе...» (Ашукина-Зенгер, 1948. С. 751). Во время боевых действий Василий Васильевич был ранен в руку ружейной пулей навывлет, но награды не получил. Сначала в 1840 г. был отправлен на лечение сроком на год, потом в 1842 г. он вышел в отставку. В 1840 г. состоялась последняя встреча с М. Ю. Лермонтовым в Москве. По словам Василия Васильевича, это было время «беспутного прожигания жизни и мотовства». В одной из компаний они встретились взглядом: «мы друг другу не сказали ни слова, но устремленного на меня взора Михаила Юрьевича я и до сих пор забыть не могу: так и виделась в этом взоре впоследствии читанные мною его слова: «Печально я гляжу на наше поколенье, Грядущее его иль пусто, иль темно...» (Ашукина-Зенгер, 1948. С. 754). Этого взгляда стало достаточно, «...чтобы выйти из этого маразма. Не скрою, что глубокий, пронизывающий в душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на переворот в моей жизни, заставивший меня идти совершенно другой дорогой, с горькими воспоминаниями о прошедшем» (Ашукина-Зенгер, 1948. С. 758). Так началась новая страница в жизни Василия Васильевича Боборыкина. Он бросает светскую жизнь и едет за границу для лечения и изучения наук.

С 1845 г., после женитьбы на Варваре Федоровне Мицкой, дворянской дочери, в городе Рославле Смоленской губернии, началась помещичья жизнь В. В. Боборыкина. В 1847 г. с женой и сыном Лукьяном он переезжает в Василевскую слободу (Новые Ключищи) у деревни

Семеть Нижегородского уезда. За ним стояло под опекой 150 душ крестьян Нижегородской губернии. Все дети Василия Васильевича, кроме Лукьяна, Федор (1847), Александра (1848), Мария (1852) были крещены в Семетской церкви Воскресения Господня. Кажется, что Василий Васильевич вел жизнь обыкновенного русского помещика, но во время лечения раненой руки за границей увлекся он рациональным хозяйством. «Женившись, он поселился в деревне, недалеко от Нижнего, и стал чем-то вроде Л. Н. Толстого по проповеди опрощения и по опытам разных усовершенствований в домоводстве, по идеям сближения с народом и работе над его просвещением, по более гуманному отношению к своим крепостным» (Семеть, 2019. С. 18–23). Через четыре года после приезда в Нижегородский уезд в 1851 г. в Москве была издана книга В. В. Боборыкина «Письма о земледелии к новичку-хозяину». Сейчас эта книга хранится в Российской государственной библиотеке и пока, к сожалению, не оцифрована.

Можно предположить, что Василий Васильевич серьезно относился к своим обязанностям помещика и владельца крестьян и собирался обустроить жизнь своей семьи на долгие годы. На средства В. В. Боборыкина для крестьян д. Б. Мокрое и Н. Ключищи была построена церковь. Открытие состоялось 1 февраля 1866 г. в Васильевской слободе (Новые Ключищи). Церковь была освящена в честь иконы «Всех скорбящих радость» (в простонародье «скрбященская»). Еще была построена школа, открытая до отмены крепостного права, которая не сохранилась, и больница, которая до сих пор находится в д. Чернухе (ЦАНО, 1854).

Петр Дмитриевич Боборыкин, племянник Василия Васильевича был более известным в России писателем. Автор популярной книги бытоописания купеческой Москвы конца XIX в. «Китай-город», «крестный отец» нового в 1860-е годы понятия интеллигенция, редактор-издатель журнала «Библиотека для чтения» (1863–1865) и даже автор первого «Василия Теркина» оставил небольшие воспоминания о своем дяде. Вот что пишет он о Василии Васильевиче Боборыкине: «Дядя (со стороны отца), который повез меня к нему уже казанским студентом на втором курсе, В. В. Боборыкин, был также писатель, по агрономии, автор книжки “Письма о земледелии к новичку-хозяину”. По тому времени он представлял собою довольно редкое явление в дворянско-помещичьей среде. После бурной молодости гвардейского офицера, сосланного на Кавказ, он прошел через прожигание жизни за границей, где стал учиться и рациональному хозяйству, вперемежку с нервными заболеваниями... Его долго считали “с винтиком” все, начиная с родных и приятелей. Правда, в нем была заметная доля странностей; но я и мальчиком понимал, что он стоит выше очень многих по своим умственным запросам, благородству стремлений, начитанности и природному красноречию. Меня обижал такой взгляд на него. В том, что он лично мне говорил или как разговаривал в гостиную, при посторонних, я решительно не видал и не слышал ничего нелепого и дикого. Такой Василий Васильевич был как бы предшественником помещика Ясной Поляны, без его дарования, но с таким же неутомимым исканием правды» (Боборыкин, 2003. С. 64).

Писательский талант П. Д. Боборыкина больше был оценен потомками. В Нижнем Новгороде установлена памятная доска на доме по адресу: ул. Большая Покровская, 21, который до 1853 г. принадлежал деду писателя по материнской линии П. Б. Григорьеву, адъютанту императора Павла I. Конечно, в этом доме бывал и В. В. Боборыкин. По традиции зимний сезон помещик проводил в Нижнем Новгороде, участвуя в развлечениях своего круга и поддерживая знакомства. О неординарности личности говорит его «приятельствование» (Боборыкин, 2003. С. 64) с В. И. Далем. Из воспоминаний П. Д. Боборыкина: «На зимней вакации, в Нижнем, я бывал на балах и вечерах уже без всякого увлечения ими, больше потому, что выезжал вместе с сестрой. Дядя Василий Васильевич (о нем я говорю выше) повез меня к В. И.

Далю, служившему еще управляющим удельной конторой. О нем много говорили в городе, еще в мои школьные годы, как о чуде, ушедшем в составление своего толкового словаря русского языка. Мы его застали за партией шахмат. И он сам – худой старик, странно одетый – и семья его (он уже был женат на второй жене), их манеры, разговоры, весь тон дома не располагали к тому, чтобы чувствовать себя свободно и приятно. Мне даже странно казалось, что этот угрюмый, сухой старик, наклонившийся над шахматами, был тот самый “Казак Луганский”, автор рассказов, которыми мы зачитывались когда-то. Несомненно, однако ж, что этот дом был самый “интеллигентный” во всем Нижнем. Собиралось к Далю все, что было посерьезнее и пообразованнее; у него происходили и сеансы медиумического кружка, заведенного им; ходили к нему учителя гимназии. Через одного из них. Л–на, учителя грамматики, он добывал от гимназистов всевозможные поговорки и прибаутки из разночинских сфер. Кто доставлял Л–ну известное число новых присловий и поговорок, тому он ставил пять из грамматики. Так, по крайней мере, говорили и в городе и в гимназии» (Боборыкин, 2003. С. 64).

Свои воспоминания о трех встречах с М. Ю. Лермонтовым В. В. Боборыкин написал в 1885 г. в с. Лысково, где и закончил свой жизненный путь. «Он кончил очень некрасной долей, растратив весь свой наследственный достаток. На его примере я тогда еще отроком, по пятнадцатому году, понимал, что у нас трудненько жилось всем, кто шел по своему собственному пути, позволял себе ходить в полушубке вместо барской шубы и открывать у себя в деревне школу, когда никто еще детей не учил грамоте, и хлопотать о лишних заработках своих крестьян, выдумывая для них новые виды кустарного промысла» (Боборыкин, 2003. С. 65).

Список источников и литературы

Аиукина-Зенгер М. О воспоминаниях В. В. Боборыкина о Лермонтове // Литературное наследство. Т. 45–46. М.: Изд-во АН СССР. 1948. С. 741–760.

Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. 295 с.

Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М.: Издательский дом «Захаров», 2003. 383 с.

Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. Вып. 5 / Под ред. М. Бойцова и И. Данилевского. М.: ОГИ, 2003. 11 с.

Кусов Г. И. Поиски краеведа. Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1975. 160 с.

Модзалевский Б. Л. Три встречи с Лермонтовым В.В. Бобарыкина // Рус. библиофил. 1915. Кн. 5. С. 70—82.

Семь / сост. Т. М. Морева. Кстово: Кстовская типография, 2019. 69 с.

ЦАНО. Ф. 639 Нижегородское губернское дворянское депутатское собрание, Оп. 125 Д. 2226 Прощение гвардии поручика В.В. Бабарыкина о внесении сыновей его Лукьяна и Федора в дворянскую родовую книгу от 14 января 1854 года.

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ БОГОРОДИЧНЫХ ИКОН В ФОНДАХ МБУК «ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ г. АРЗАМАСА»

Коллекция Богородичных икон в Арзамасском историко-художественном музее складывалась практически на всем протяжении существования музея. Формирование ее ведется с 60-х годов прошлого века, когда приобретение экспонатов носило случайный характер. Впоследствии началось научно обоснованное систематическое комплектование фонда Богородичных икон.

Коллекция насчитывает 52 иконы и два оклада к Богородичным иконам. Оба оклада были выставлены в музейной экспозиции «Возрождение», посвященной восстановлению арзамасских церквей и участию города в президентской программе «Арзамасские купола».

Музейная коллекция икон включает типичные варианты известных изображений Богородицы (а их известно свыше 800) и дает объективное представление о том, какие иконы были наиболее любимы и наиболее распространены в Арзамасском крае. Поэтому можно сказать, что коллекция носит репрезентативный характер. Хронологически коллекция охватывает период с конца XVIII по начало XXI в.

Большинство икон были приобретены у частных лиц, проживающих на территории города Арзамаса и Арзамасского района, кроме четырех икон, которые были приобретены в церковной лавке Арзамасского Николаевского монастыря в 2007 году. Это «Образ Пресвятой Богородицы «Казанской», «Владимирской», «Семистрельная» и «Неопалимая купина». Они были изготовлены в иконописном цехе промышленно-художественного предприятия «Софрино». Все остальные иконы – дореволюционного периода. Все имеющиеся в музее иконы поступили путем закупки.

Сорок пять икон выполнены на деревянных цельных досках прямоугольной формы либо на нескольких досках, соединенных врезными шпонками. Одна икона написана маслом на холсте. Поступила в музей в 1979 г. от жителя города Арзамаса Н. В. Крылова, размер 47 × 39 см. Есть икона, написанная на жести, поступила от арзамасского коллекционера, предпринимателя В. Н. Молканова в 1993 г., размер: 22 × 17,5 см. Представляет интерес икона, полностью выполненная из дерева – резная, размер 57 × 46 см, приобретена в 1993 г. у жителя села Виняево Ю. К. Капралова.

Размер икон от 10 × 12 см до 104 × 87 см. На большинстве икон изображение прорисовано масляными красками.

Двенадцать икон – в чеканных окладах, в основном в медных; но три иконы обложены дорогими окладами – серебром с позолотой.

На трех иконах присутствует золоченая сетка с орнаментом: Образ Пр. Богородицы «Всех Скорбящих Радости» и два Образа Пр. Богородицы «Знамение».

Одна икона, «Споручница Грешных», подписная. С оборотной стороны методом гравировки выполнена надпись: «Копия с Чудотворного и Мирроточившего образа Споручницы Грешных, который 1848-го года мая месяца, отдан подполковником Дмитрием Понческул в храм Николая Чудотворца, что в Хамовниках, по случаю великих чудес совершившихся и ныне совершающихся». Поступила в музей в 2000 г. от Е. И. Вавилина, жителя села Чернуха.

В православной иконографии принято выделять 5 типов изображения Пресвятой Богородицы:

1. Оранта (греч. «Молящаяся») и «Знамение»
2. Одигитрия (греч. «Путеводительница»)
3. Елеуса (греч. «Умиление»)
4. Панахранта (греч. «Всенепорочная»)
5. Агиосоритисса (греч.: от названия часовни «Агиа-Сорос» в Константинополе).

В собрании Богородичных икон историко-художественного музея г. Арзамаса представлены четыре основных иконографических типа, все, кроме «Панахранты», когда Божия Матерь изображена сидящей на Престоле. Она держит младенца Иисуса Христа. Престол символизирует царственную славу Богородицы, совершеннейшей из всех рожденных на Земле людей.

Самое большое место занимают иконы типа «Одигитрия», их насчитывается 20. Среди них иконы «Б.М. Казанская», «Б.М. Тихвинская», «Б.М. Смоленская», «Скоропослушница», Образ Божией Матери «Утоли моя печали», Образ Божией Матери «Достойно есть» и др.

11 икон принадлежат к иконографическому типу «Елеуса» (Умиление). Среди них Образ Божией Матери «Владимирская» – 9 предметов и две иконы «Умиление», одна из них – копия той иконы, которой молился Святой Преподобный Серафим Саровский. В нижней части иконы имеется надпись: «Копия с той иконы, перед которой скончался праведный Старец Отец Серафим», размер 38 × 31 см, поступила в музей в 1961 г. от жительницы города Арзамаса Холодновой.

К иконографическому типу «Оранта» относятся три иконы из музейной коллекции, датируемые концом XIX – началом XX вв. Это «Образ Пресвятой Богородицы «Знамение». Одна – икона новгородского типа, небольшая домашняя икона (18 × 14,5 см), написанная маслом на деревянной доске, сверху покрытая золотой сеткой и сусальным золотом, украшенная дополнительно цветной эмалью. Поступила в музей от жителя села Красное А. Ф. Иванова в 1977 г. Вторая икона (ил. 1) – «Знамение Пр. Богородицы» – резная, с росписью, работа местных мастеров, (57 × 46 см) поступила в музей от жителя села Виняево Арзамасского района, Ю. К. Капралова в 1993 г.

Третья икона (ил. 2) – церковная, больших размеров (100,5 × 87 см), представляющая копию с чудотворной иконы Серафимо-Понетаевского монастыря, поступила в музей в первые годы его формирования. Она выполнена на деревянной доске прямоугольной формы масляными красками, поверхность иконы покрыта золотой сеткой и частично сусальным золотом, венцы у Богоматери и младенца Иисуса Христа – посеребренные. Дополнительно икона украшена полоской шелковой ткани с золотой вышивкой, включающей в себя золотную бахрому, канитель, блестки, вышивку синелью и серебряные нити. Под изображением Богородицы на церковно-славянском языке написан Тропарь, глас-Д и Кондак. Над изображением, сверху, в одну строку полукругом имеется полустертая надпись: «Точная копия с Чудотворного образа Знамение Пресвятой Богородицы прославившегося... в Серафимо-Понетаевской обители».

История иконы такова: одна из сестер Понетаевского монастыря Клавдия Войлошникова в 1879 году написала для своей обители образ «Знамение» Богоматери. Вскоре эта икона прославилась дивными чудотворениями и сделалась главной святыней этой обители. Первое прославление образа совершилось в 1885 году. Изначально эта икона находилась в игуменском корпусе монастыря. И вот 14 мая в 9 часов вечера около иконы находилось несколько монахинь, и все они одновременно увидели, как лик Пресвятой Богородицы на иконе сделался живее и светлее, а ее глаза обращались то вверх, то на сестер с трепетом взиравших на чудесное явление. Это продолжалось в течение 15 минут. В 12 часов ночи все повторилось. И тогда на следующий день икона с честью была перенесена в монастырский храм. Вско-



Ил. 1. Икона «Знамение Пресвятой Богородицы».
Работа мастеров села Виняево Арзамасского района Нижегородской области. Дерево,
резьба, роспись. 57,5 × 46,3 см.
Конец XIX – начало XX века.



Ил. 2. Икона «Знамение Пресвятой Богородицы»,
список с чудотворной иконы Серафимо-Понетаевского монастыря.
Дерево, живопись; металл, чеканка, золотная вышивка, золотная бахрома, шелк, синель,
канитель, блестики. 100,5 × 87 см. Конец XIX – начало XX века.

ре целые толпы народа потекли к образу для поклонения. Многие больные получили тогда исцеление от своих недугов. Подлинность чудес сначала была исследована благочинным, протоиереем Арзамасского собора Иоанном Страгородским, которому поручил это сделать епископ Нижегородский Макарий. Потом икона была доставлена в консисторию, и ее хотели передать в кафедральный собор. Архимандрит Высокогорской пустыни Алипий получил приказ провести дознание о совершившихся у образа чудесах. Расследованием было установлено 15 случаев чудесных исцелений, главным образом при потере зрения, параличе рук и ног, нервного расслабления, ломоты в костях и других.

Указом от 27 сентября 1885 года Святейший Синод признал чудотворность Понетаевской иконы и предписал возратить образ в монастырь, где она была размещена в храме Живоносного источника. Известно, что в период с 1885 по 1900 год по молитвам перед Серафимо-Понетаевской иконой исцелилось 68 человек (Букова, 2003. С. 486–487).

Существует еще один тип изображения Богородицы, который самостоятельно используется реже: это так называемая Деисусная икона, представляющая Богородицу без Младенца, в молитвенной позе, чаще всего в полный рост, иногда со свитком в руке. Одиночные иконы Богородицы данного типа исследователи именуют «Агиосоритисса». «Агиа Сорос» (что значит «Святая Рака») – это название часовни в Константинополе, где находится икона с изображением обращенной ко Христу в молитве Богородицы. Название часовни дало имя данному иконографическому типу. У нас в России этот тип икон получил еще название «Заступница».

В собрании Арзамасского историко-художественного музея к этому типу можно отнести две иконы. Одна из них работы неизвестного художника Ступинской школы, написана масляными красками на прямоугольной доске размером 53 × 42 см. Поступила в музей в 1958 году от Иконникова Алексея Дмитриевича.

Другая икона выполнена монахинями Арзамасского Николаевского монастыря, украшена бархатом, золотной вышивкой, цельным и рубленным жемчугом, канителью и крупными бусинами из горного хрусталя. Икона небольшого размера (17 × 14 см) в деревянной рамке, покрытой прозрачным лаком. Икона поступила в музей в 1977 году от жителя города Арзамаса.

Помимо икон с изображением Богородицы к Ее иконографии относят также иконы Богородичных праздников. В музейной коллекции – это иконы «Благовещение Пр. Богородицы» и икона «Успение Пр. Богордицы».

Такова коллекция Богородичных икон в составе Арзамасского историко-художественного музея. Сравнительно небольшая по объему, она имеет в своем составе ряд ценных экземпляров и требует дальнейшего изучения. А значит, собирательская и научная работа в этом направлении будет продолжена.

Список литературы и источников

Букова О. Женские обители Преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей. 100 лет со дня канонизации преподоб. Серафима Саровского, 1903–2003. Нижний Новгород: Книги, 2003. 589 с.

Иконография Пресвятой Богородицы / Электронный ресурс: URL: <http://www/livemaster.ru> (дата обращения: 11.01.2021).

Почитаемые иконы Божией матери в алфавитном порядке / Электронный ресурс: URL: <http://zyorna.ru> (дата обращения: 11.02.2021).

Православная иконография Богородицы / Электронный ресурс: URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 29.02.2021).

И. С. Шумов,
научный сотрудник КОГБУК «Вятский палеонтологический музей»

ПРОМЫСЕЛ ПО ДОБЫЧЕ ГИПСА-АНГИДРИТА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Посвящается моему учителю Борису Исаевичу Фридману.

В южной (нагорной) части Нижегородской области повсеместно выходят породы пермской системы, содержащие различной степени мощности гипсоносные породы. В большинстве случаев это прослои (мощностью до 30 см) или гнезда диаметром до нескольких метров, заключенные в коричневые глины нижнеустынской свиты Уржумского яруса (М. Доскино, Новоликеево, Староселье и др.). Также на дневную поверхность выходят более древние породы (ангидриты с прослойками гипса, гнездами и прослойками доломита) сакмарского яруса нижней перми. Нижнепермские ангидриты выходят в долине р. Оки у д. Клин, долине реки Кутра у д. Пертово, долине р. Сережа (Рыльково), Пьяна (Борнуково, сейчас Борнуково) и др.

С начала XIX до начала XX в. был развит артельный промысел по добыче гипса. После Отечественной войны 1812 года потребовались громадные объемы алебаstra для восстановления архитектурного ансамбля столицы. Д. Соколов в «Руководстве к минералогии» (1832 г.) указывал, что так называемый (в столице) «Казанский алебастр» привозится из Нижегородской губернии (Сибирцев, 1884. С. 132). Алебастр в Москве сбывали на Красномском рынке (Лепеев, 2014. С. 143). Причем на более близкой и крупной Нижегородской ярмарке о торге алебастром в отчетах не указывается, что подтверждает сведения о непосредственном сбыте в Москве.

Одним из крупнейших регионов добычи алебаstra еще с начала XIX в. был участок берега р. Оки от д. Пертово до Звягина. Алебастр добывали у д. Пертово, Клин, Жайск, Курмыш, Голянищево, Сапун и Звягино (на тот момент территория Муромского уезда Владимирской губернии). «Всего до 600 человек из разных вотчин нарывали по 8 тыс. пудов на каждого на общую сумму пять тысяч рублей серебром» (Статистическое обозрение 1817, Лепеев, 2014. С. 143).

Ниже по течению Оки добывали гипс в Горбатовском и Нижегородском уездах еще с 30-х годов XIX в. На 1892 г. в Горбатовском уезде на добыче и обработке алебаstra было занято 812 человек, т. е. 3,7% промысловых работников (Горбатовский уезд, 1892. С. 52). Гипс баржами сплавляли до Н. Новгорода (Ферхмин, 1885. С. 89–90).

Некоммерческая добыча для бытовых нужд населения велась по всему правому берегу р. Оки (Амалицкий, 1885. С. 48).

Артели составлялись из крестьян окрестных деревень, но был и отхожий промысел, когда крестьяне из удаленных деревень приходили на зимние заработки на промысел или на алебастровые заводы. Например: «Из Чернорецкой вол. (с. Черное) (Балахнинский уезд) сообщают о том, что некоторые из мужчин работают на лесопилках и гипсовых (алебастровых) заводах (Сельско-хозяйственный обзор, 1904. С. 53).

Добыча гипса велась артелями в зимний период, в окрестностях Клина и Жайска с 15 декабря по 15 марта (Лепеев, 2014. С. 143), в окрестностях с. Новоселки работы начинали с 1 декабря (Сельско-хозяйственный обзор, 1904. С. 136–137). Реже в незначительных масштабах добыча гипса велась летом, например, в д. Рыльково гипс разрабатывался исключительно летом 3–4 работниками (Молдавская, 1933. С. 100).

Практически все артели вели добычу гипса горизонтальными или наклонными «норами». Высотой «норы» были до сажени, шириной до 2-х аршин (с. Староселье, Ферхмин, 1885. С. 59–60). Крепежные работы в штольнях проводились крайне редко, потому весной большинство «нор» обваливались. Гипс из штолен вытаскивали на специальных волокушах (Лепеев, 2014. С. 142). Взрывчатые вещества при добыче ангидрита использовали в начале XX в. при добыче у с. Новоселки (Сельско-хозяйственный обзор, 1904. С. 136–137).

Промысел был довольно опасным, периодически случались несчастные случаи, например, в феврале 1871 у д. Болотниково глыбой алебаstra был задавлен 40 летний крестьянин Павел Федоров (Лепеев, 2014. С. 142–143).

Разработку открытым способом начали практиковать ближе к концу XIX в.: у д. Балахониха, Болотниково и с. Оранки (Молдавская, 1933. С. 101; Кулинич, Фридман, 1990. С. 71).

В 80-х годах XIX в. в местах добычи по р. Оке, гипс продавался на месте как уже обожженный и молотый (от 18 до 22 р. за 1000 пудов) или в виде глыб (от 12 до 18 р. за 1000 пудов) (Усов, 1887. С. 114).

В начале XX в. спрос на алебастр возрос, поэтому начали появляться алебастровые заводы. К 1900 г. заводы были открыты муромскими купцами И. У. Быковым в Жайске и Голынищеве (по 35 человек рабочих) и А. П. Корниловым в Пертово (Лепеев, 2014. С. 143). В Нижегородской губернии с 1886 г. числилось от 1 (1895 г.) до 7 (1900, 1914 гг.) алебастровых заводов в Нижегородском и Балахнинском уездах, на которых было занято от 30 (1895 г.) до 144 человек (1903 г.) (Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1886 (1887–1914) год).

Гипс преимущественно перерабатывался недалеко от мест добычи. Артель, добывавшая гипс у д. Новоликеево, сразу пережигала гипс на месте (Молдавская, 1933. С. 101). У д. Чубалово измельчение гипса в муку и просеивание велось ручным способом (Амалицкий, 1885. С. 48). У с. Пешелань находилась мельница для разлома алебаstra, на нее свозили сырье, добытое у с. Новоселки (Сибирцев, 1884. С. 122). Мельница была построена у с. Дуденева (Амалицкий, 1885. С. 48). В д. Балахонихе был свой заводик по переработке гипса (Швецов, 1933. С. 13, 51–54).

К концу XIX в. были попытки найти новые применения для добываемого гипса и алебаstra. В с. Оранки гипс добывался для гипсования клевера (Молдавская, 1933. С. 101). В д. Дубское гипс добывали на переработку в алебастровую муку и левкас, гипсовый песчаник использовали на абразивы (Романов, 1928. С. 15–16; Розанов, Порошин, 1933. С. 159).

Левкас – сырье для грунтовки икон и для кожевенного производства. В с. Борнуково на 1904 г. имелось четыре левкасных завода. Алебастр и гипс добывались в окрестностях Борнуковской пещеры. В год вырабатывалось около 500 т левкаса и сбывалось в с. Мурашкино на овчинно-шубном заводе, по цене на месте 2 р. 25 к. и дороже (Сельско-хозяйственный обзор, 1904. С. 161). Возникали и другие попытки применения сырья: крестьянин с. Борнуково Егорушев начал отливать гипсовые доски, значительно позже в 20-х годах Кузин начал лить белый кирпич (Кулинич, Фридман, 1990. С. 71).

В д. Рыльково, гипс пережигался и шел на отливку кукол (Молдавская, 1933. С. 100). В д. Колоковицы из ангидрита (добытого в Борнуковской пещере) выделяются различные вещи, напоминающие по виду мраморные изделия (Гусев, 1896. С. 16). Делали из него столешницы и подоконники, точили вазы, масленки, пепельницы, пресс-папье, вырезали фигу-

ры людей и животных. Одним из лучших тогдашних мастеров-камнерезов считался Иван Герасимов (Варенцова, 2013. С. 90–91). На Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 г. в Нижний Новгород было привезено 19 видов изделий из камня, среди них – гипсовые фигурки китайцев, старухи, композиция «Китайская свадьба» работы мастера Н. А. Лабазина. Крестьянин Яков Иванович Тимошкин представил гипсовые изображения «Всадник с конем», «Собака на охоте», «Корова с теленком», «Купидон с раковиной», «Собака с оленем», а также разные статуэтки (Варенцова, 2013. С. 90–91).

Нижегородское губернское земство предоставило на выставку следующие изделия из гипса (ангидрита): доски для столов круглые и овальные, подоконники, подзеркальники, доски для умывальников, гипсовые вазы, масленки, пепельницы и статуэтки (Отдел XI Кустарные промыслы 1896).

Камнерезный промысел в с. Борнуково, вероятно, существовал с начала XX в. В 1930 г. на базе артели по добыче и переработке алебастра «Красная пещера» был основан камнерезный цех. Возглавил коллектив уральский художник Павел Леонтьевич Шальнов. Позднее, в 1934 г., когда художественным руководителем Борнуковской артели стал молодой одаренный скульптор Павел Алексеевич Баландин, в производстве появились свои оригинальные образцы, и начал формироваться собственный борнуковский анималистический стиль.

После гражданской войны начался процесс восстановления артельного промысла добычи алебастра в Нижегородской губернии. Восстановившийся промысел просуществовал до 30-х гг., когда начал сменяться промышленной добычей гипса. Например, до 30-х гг. гипс добывался в д. Белавинское, Староселье, Новоликеево, Звягино, Курмыш и др. В 30-е гг. карьер у д. Балахониха разрабатывался двумя артелями Балахонихской и Личадеевской (Швецов, 1933. С. 13, 51–54).

В 1931–1934 гг. Горьковским геолого-разведочным трестом в районе с. Филинского была разведано крупное месторождение гипса. Месторождение эксплуатировалось открытым способом с 1934 по 1937 г. С 1935 г. начало разрабатываться Бебьевское месторождение (с. Пешелань). Таким образом, артельная добыча гипса и алебастра к концу 30-х гг. постепенно сошла на нет и была заменена промышленной добычей крупных месторождений.

Список источников и литературы

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству. Материалы к оценке Нижегородской губернии. Естественно-историческая часть. Вып. 7. СПб., 1885. 226 с.

Амалицкий В. П. Каменноугольная и пермская система Нижегородской губернии. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Вып. 13. СПб., 1886. 226 с.

Варенцова Л. Ю. Борнуковские резчики // Московский журнал, 2013, № 4. С. 90–96.

Гусев А. А. Естественноисторические условия губернии (рельеф местности, орошения, геологическое строение, полезные ископаемые, почвы и климат) // Нижегородская губерния по исследованиям Губернского земства. Вып. 1. СПб., 1896. С. 1–31.

Кулинич Г. С., Фридман Б. И. Геологические путешествия по Горьковской земле. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1900. 192 с.

Лепеев Ф. Г. Все начиналось с алебастра // Помыслы о Вачских промыслах. Нижний Новгород, 2014. С. 142–145.

Молдавская Е. А. Геологические исследования в 72-м листе общей геологической карты Европейской части СССР (Центральная часть б. Нижегородской губернии) // Недра Горьковского края. Серия первая. Геологическое строение, подземные воды и полезные ископаемые. Т. 2. 1933, С. 100–101.

Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. Отдел XI Кустарные промыслы. М., 1896. 23 с.

Романов М. Н. Главнейшие результаты исследований Нижегородской Геологической Экспедиции 1927 г. // Четвертая губернская конференция по изучению производственных сил Нижегородской губернии 23–26 марта 1928. Тезисы докладов. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1928. С. 15–16.

Романов М. Н., Садовский А. Я. Месторождения полезных ископаемых в Нижегородской губернии // Производительные силы Нижегородской губернии. Вып. 1. Нижний Новгород, 1925. С. 135–227.

Розанов А. Н., Порошин Ю. В. Дополнительные геолого-поисковые исследования в бб. Нижегородском и Арзамасском округах Нижегородского края, в пределах юго-западной части 90 листа десятиверстной карты СССР // Недра Горьковского края. Серия первая. Геологическое строение, подземные воды и полезные ископаемые. Том 2. 1933, С. 148–172.

Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии. За 1902 год. Вып. 1. Нижний Новгород, 1903. 316 с.

Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губернии за 1903 г. Вып. 1. Нижний Новгород, 1904.

Сибирцев Н. М. Арзамасский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству. Материалы к оценке Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть. Вып. 5. СПб., 1884. 288 с.

Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 году / Памятная книжка Владимирской губернии на 1862 год. Владимир, 1862. 50 с.

Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1886 год. Нижний Новгород, 1887. 44 с.

Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1895 год. Нижний Новгород, 1896. 57 с.

Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1900 год. Нижний Новгород, 1901, 45 с.

Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1901 год. Нижний Новгород, 1902. 48 с.

Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1903 год. Нижний Новгород, 1904. 54 с.

Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Нижегородской губернии за 1914 год. Нижний Новгород, 1915. 78 с.

Усов П. С. Три центра кустарей. Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 30. СПб., 1887. С. 100–134.

Ферхмин А. Р. Нижегородский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству. Материалы к оценке Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть. Вып. 8. СПб., 1885. 258 с.

Швецов М. С. Геологические исследования юго-востока 72 листа общей геологической карты Европейской части СССР // Недра Горьковского края. Серия первая. Геологическое строение, подземные воды и полезные ископаемые. Т. 2. 1933. С. 11–73.

**Термины из лексикона горных рабочих Нижегородской губернии
конца XIX – начала XX века (составитель – И. С. Шумов)**

В конце XIX – начале XX вв. на территории Нижегородской губернии и сопредельных территорий велась добыча полезных ископаемых, преимущественно железных руд (Выксунский и Ташинский заводы), гипса и алебаstra (с. Доскино, Борнуково и пр.). Горные термины, используемые рабочими, фиксировались геологами при описании данного региона во время геологических экспедиций (Н. М. Сибирцевым, П. А. Земятченским, В. П. Амалицким, А. Н. Семисаженовым и др.). Они отражают специфичность профессионального лексикона небольшой общности и отличие от лексикона других горнопромышленных территорий. Часть записанных терминов обычны для геологического лексикона того времени (дудка, нора, рухляк и пр.). Другая часть терминов отражает конкретные геологические тела и горные породы, характерные для каждой отдельной области добычи; как правило, в названии отражают свойства породы: цвет (бель, белый камень, зеленый камень, желтик, жагра, красик и пр.), ее прочность (булыч, рухляк, гнилой камень и пр.). Отдельно стоят термины, отражающие карстовые, провальные явления – широко распространенные в нагорной части Нижегородской губернии (куржы, коровьи ямы, сквозняк).

Составленный список далеко неполон, т. к. собран на ограниченном количестве источников, попутно при подготовке материала по кустарной добыче гипса (Шумов, 2021. С. 341–346).

Алебастр – загрязненный глиной гипс, использовался как строительный материал.

Белый камень – светло-серый известняк, твердый мелкопористый, с неясными отпечатками гастропод, годен для тески (с. Чуварлейка, Арзамасский уезд, Сибирцев, 1884. С. 26).

Бель – белый, рыхлый пористый известняк с многочисленными отпечатками ископаемых (с. Чуварлейка, Арзамасский уезд, Сибирцев, 1884. С. 26).

Булыч – крепкий рухляк (мергель, глина), пропитанный алебастром и не требующий крепления – у рабочих зарайских копей (Семисаженов, 1927). В районе Выксунских заводов, д. Посочная – серый известняк (г. Выкса, Ардатовский уезд, Земятченский, 1884. С. 102).

Бугина – плотный песчаник, проникнутый гипсом (д. Малое Доскино; Ферхмин, 1885. С. 38).

Вап красный – красная рухляковистая глина, иногда с кремнями (Ташинские рудники (Амалицкий 1886. С. 21; Семисаженов, 1927. С. 33), рудник Лахма, Ташинский завод, Ардатовский уезд (Земятченский, 1884. С. 72)).

Вап зеленый – зеленовато-серая глина с кремнями (Ташинские рудники (Амалицкий, 1886. С. 22; Семисаженов, 1927. С. 33); рудник Лахма, Ташинский завод, Ардатовский уезд (Земятченский, 1884. С. 72)).

Вап толокнянный – светло-желтая, слабомергелистая глина (д. Елизарьево, Ардатовский уезд; Земятченский, 1884. С. 72).

Выплавок – белый, слегка синеватый, алебастр (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38, 89; Усов, 1887. С. 114)).

Глина пешская – песчаная глина (г. Выкса, Ардатовский уезд (Земятченский, 1884. С. 101)).

Гнилой камень – слой рухляка, перекрывающий продуктивную толщу, т. к. требует крепежных работ. У рабочих зарайских копей (Семисаженов, 1927).

Головка – залегающий гнездами белый мелкозернистый алебастр чисто белого цвета, залегают отдельными шарами диаметром от $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ аршина (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38, 89)); лучший алебастр (Усов, 1887. С. 114).

Дудки – вертикальные, наклонные или горизонтальные горные выработки (Ферхмин, 1885. С. 37; Сибирцев, 1884. С. 120).

Дурик – желтоватая с синеватыми пропластками глина (с. Паны, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 65)).

Жагра – темно-бурый рыхлый песчаник; песок, переходящий местами в железистый песчаник (Елизарьево (рудник Кузнецы), с. Кременки, г. Выкса, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 73, 79, 101; Амалицкий, 1886. С. 33)).

Желтик – желтый мергелистый песок или мягкий желтый известняк (г. Выкса, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 101; Амалицкий, 1886. С.33)).

Зеленый камень – серый известняк, плотный, мелкозернистый, пористый, глинистый с отпечатками брахиопод (с. Чуварлейка, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 26)).

Колпак – слой алебастра с тоненькими прослоями мергеля от 1½ до 2 аршин (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38, 89)).

Коровьи ямы – карстовые провалы (с. Чернухи, р. Сережа, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 52)).

Красик – охряная, сильно мергелистая, глина (д. Елизарьево, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 72); у д. Князь Иваново, рудник Мотовилово (Амалицкий, 1886, с. 26)).

Купоросник – известняк без окаменелостей с брекчевидной структурой (с. Собакино, Новоселки, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 21–22, 24)).

Куржы – карстовые провалы (с. Ивашкино, р. Сережа, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 63)).

Леданка – прозрачный гипс «Марьино Стекло» (Ферхмин, 1885).

Меча – желтый глинистый известняк (мергель), идущий на флюс (Илевский завод, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 87)).

Норы – короткие и низкие штольни, вдающиеся со стороны реки в береговой обрыв.

Опока – плотный слоистый песчанистый мергель (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38); с. Юсупово, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 35)).

Опошник – рыхлая масса из красноватой рыхляковистой глины с фрагментами алебастра и белого мергеля (с. Ново Еделево (Сибирцев, Докучаев, 1884. С. 23)).

Падина – масса рыхляка серого и красного цвета, проникнутого гипсом и пронизанного жилками селенита (Ферхмин, 1885. С. 38).

Почитало – смотритель над рудниками (Ташинский завод, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 90)).

Патья – белый рыхлый пористый известняк с фауной беспозвоночных, аналогичны «Бели» с. Чуварлейка (с. Ивановское, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 27, 121)).

Пекла (Пеклы) – рыхлый (иногда мучнистый) доломитовый желтый (серый) известняк (Ташинские рудники (Амалицкий, 1886. С. 21, 23, 26; Семисаженов, 1927. С. 33), д. Князь Иваново, Елизарьево Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 71, 72)).

Печера – гипсовый доломит, лежащий под известняками и толщ алебастра (Борнуково (Докучаев, 1884. С. 30); доломитоизвестковистый песчаник, идущий на бут. Горбатовский уезд (Амалицкий, 1885 с. 125)).

Печина – коричневая глина (Монастырское месторождение, Выкса (Антонов, 1949. С. 19)).

Плитняк – тонкослоистый известняк (с. Собакино, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 21–22)).

Разнос, добыча разносом – открытый способ добычи, преимущественно известняка,

применялся на новых ломках, когда продуктивные слои находятся близко к поверхности. Описаны у д. Кардовиль (Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 120)).

Руда белоядрая – руда, представляющая измененный сферосидерит (Дивеево, рудник у монастыря; Синицина вершина – рудник в 2 версты от Дивеева. Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 77, 78)).

Руда красноядрая – сферосидериты с ярко красным ядром (Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 85)).

Руда сероядрая – руда из бурых железняков и сферосидеритов, содержит кремни (рудники в ½ версты от Дивеева, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 77)).

Руда слоевая – руда, залегающая сплошным слоем (Ташинский завод, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 91)).

Рудная глина – охряная глина (зеленовато-желтоватая) с кремнями (Елизарьево, рудник Кузнецы, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 73); у д. Князь Иваново, рудник Мотовилово (Амалицкий, 1886, с. 26)).

Сало – выделения в виде пятен аморфной кремнекислоты (сало) (Антонов М.Н., 1949. С. 16).

Сальная глина – зеленоватая глина с жирным блеском (д. Вертьяново, рудник Ломовая полянка (Бабушкина поляна); рудники в ½ версты от Дивеева, Ардатовский уезд,) (Замятченский, 1884. С. 75, 77).

Серая бутка – серый бутовый известняк (д. Криуши, Вторусское и с. Волчиха, Арзамасский уезд) (Сибирцев, 1884. С. 51).

Сердца – небольшие продолговато-овальные и закругленно-цилиндрические стяжения известковисто-кремнистого состава в известняках (с. Собакино, Новоселки, Арзамасский уезд) (Сибирцев, 1884. С. 22, 24, 84).

Синик – синевато-серая глина (г. Выкса, Ардатовский уезд) (Замятченский, 1884. С. 101).

Синий камень – гипс ангидрит (Сибирцев, 1884. С. 122).

Сквозняк, Сквозняк земелье – карстовые провалы, область развития провалов (с. Ново-Еделево, Сергачский уезд (Сибирцев, Докучаев, 1884. С. 23–24)).

Скипа – серый рыхлый алебастр с проглинками, т.е. тонкими прослоями глины (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38, 89; Усов, 1887. С. 114)).

Слюдка – прозрачный гипс (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38)).

Средняя руда – сферосидерит темного цвета (Колпинский завод (Амалицкий, 1886. С. 35)).

Стульник – толстослоистый известняк (с. Собакино, Новоселки, Арзамасский уезд (Сибирцев, 1884. С. 21–22, 24)).

Талаконка – сероватая песчанистая глина (Ташинские рудники (Амалицкий, 1886. С. 21; Семисаженов, 1927. С. 33), д. Рогожки, д. Вертьяново, рудник Ломовая полянка (Бабушкина поляна), с. Кременки; г. Выкса, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 58, 74, 101)).

Талаконка черная – темная глина (д. Песочная, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 102)).

Товар – руда (Ташинский завод, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 90)).

Хрулек – галечник, состоящий из кремней и известняка (Дивеево рудник у монастыря, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 77, 79)).

Хрящовник – сильно разъеденные кремни и обломки известняка, заключенные в мучнистую рухляковую массу (Заводской рудник, Ташинский завод, Ардатовский уезд (Замятченский, 1884. С. 94)).

Хлебы – окатанные фрагменты юрского известняка до 1,5 фута, содержат отпечатки ам-

монитов (с. Апраскино, р. Саля (Сибирцев, Докучаев, 1884. С. 30)).

Чернуха – черная сланцеватая глина (Елизарьево, рудник Кузнецы, Ардатовский уезд (Землячченский, 1884. С. 73)).

Шашковая глина – темно-серый песчанистый рухляк с блестками гипса (Колпинский завод (Амалицкий, 1886. С. 35)).

Щедроватый камень (Туфовидный известняк) – белый пористый известняк с отпечатками различных частей растений, в местах где пробиваются ключи. Используется на обжиг (д. Малое Доскино (Ферхмин, 1885. С. 38, 90)).

Список источников и литературы

Амалицкий В. П. Каменноугольная и пермская система Нижегородской губернии // Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Вып. 13. СПб., 1886, 226 с.

Амалицкий В. П. Горбатовский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству // Материалы к оценке Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть. Отчет Нижегородскому губернскому земству. СПб., Изд. Нижегород. губ. земства, 1885. 263 с.

Землячченский П. А. Ардатовский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству // Материалы к оценке Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть. Отчет Нижегородскому губернскому земству. СПб., тип. Евдокимова, 1884. 212 с.

Семисаженов А. Н. Железо-рудная промышленность Приокского горного округа. Выксунский и Ташинский районы // Производственные силы Нижегородской губернии. Выпуск четвертый. Нижний Новгород, 1927. С. 9–50.

Сибирцев Н. М. Арзамасский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству // Материалы к оценке Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть. – СПб., тип. Евдокимова, 1884. 288 с.

Сибирцев Н. М., Докучаев В. В. Сергачский уезд. Отчет Нижегородскому губернскому земству. СПб.: типография Е. Евдокимова, 1884. 146 с.

Усов П. С. Три центра кустарей // Исторический вестник. Историко литературный журнал, т. XXX, СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1887. С. 100 – 134.

Шумов И. С. Промысел по добыче гипса-ангидрита в Нижегородской губернии в XIX – нач. XX века // Грибушинские чтения. Кунгурский диалог. Пермь, 2001. С. 341–346.

Ю. В. Смирнов,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
МБУ «Кстовский историко-краеведческий музей»
bungle-5@yandex.ru

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»: КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА БЫТ КРЕСТЬЯН КСТОВСКОГО РАЙОНА (1929–1931 гг.)

В 1929 г. начался «год великого перелома» и политика коллективизации. Причины коллективизации до сих пор являются темой для дискуссий, так как этот процесс был противоречивым. Как отметил И. В. Сталин в программной статье «Год великого перелома» (1929 г.): «Истекший год был годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства. Характерная особенность этого наступления состоит в том, что оно уже дало нам ряд решающих успехов в основных областях социалистической перестройки нашего народного хозяйства» (Сталин, 1949. С. 118). Он говорил «о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям, колхозам, опирающимся на новую технику» (Сталин, 1949. С. 124–125). Это, по его мнению, привело к тому, что крестьяне массово пошли в колхозы, а кризис хлебозаготовок был преодолен (Сталин, 1949. С. 126–131). Существенным является вопрос о целях и обоснованности проведения коллективизации, так как оценки причин, целей и итогов этого исторического явления являются полярными (Зеленин, 2006; Васильев, 2019; Башкин, 2021).

Согласно советской историографии, причинами перехода к коллективизации стали ограниченность крестьянского хозяйства и его неспособность решить социальные проблемы деревни (Кондрашин, 2021); необходимость создания материально-технической базы для перехода к социалистическому строительству в деревне. Это позволило преодолеть мелкоотоварность крестьянского хозяйства, которая не позволяла СССР накопить ресурсы для проведения индустриализации и удовлетворить потребности растущего городского населения в продуктах питания. Объединение крестьян в колхозы решало проблему механизации сельского хозяйства, делая издержки на приобретение техники меньшими, нежели в случае льготного кредитования единоличных хозяйств (Сталин, 1949. С. 124–134).

Административно-территориальная реформа 1923–1930-х гг. в СССР была связана с проведением политики «великого перелома». Поэтапная реформа проводилась для создания таких единиц административно-территориального деления, которые заменили бы прежние и образовывали бы вертикаль власти, соответствующую задачам проведения индустриализации и коллективизации СССР. Низовой формой хозяйственной организации в рамках плановой экономики должен был стать район, выполняющий определенную функцию в экономике области (края), имеющий крепкую бюджетную базу и удобство путей сообщения (Ширяев, 2011. С. 2). Следовательно, образование Кстовского района было напрямую связано с индустриализацией и коллективизацией, так как он должен был стать одним из центров снабжения Нижнего Новгорода сельскохозяйственной продукцией. Для этого в район объединялись земли, входившие ранее в состав Нижегородского и Макарьевского уездов Нижегородской губернии.

Кстовский район на момент образования был преимущественно сельскохозяйственной территорией с рядом проблем: недопоставкой сельхозпродукции, отсутствием промышленности и городов, низким уровнем взаимодействия местных органов власти с губернскими (Ф. 2821. оп. 3, дело 2. С. 1). Все это приводило к низкому уровню механизации сельского хозяйства, что наряду

с отсутствием развитой дорожной сети и транспортной связи между населенными пунктами и с Нижним Новгородом приводило к объективным трудностям реализации плановых показателей. Реформа должна была решить эти проблемы, а Кстовский РИК – стать последним контрольно-административным звеном в проведении коллективизации и организации экономической и общественной жизни на этой территории. Административная реформа образовывала район как территорию, выполняющую определенные хозяйственные функции в рамках единой экономики.

Задачи Кстовского РИК по итогам 1928 год были следующие:

- 1) организация колхозов;
- 2) проведение сбора сельхозналога и страховых платежей;
- 3) выполнение плана по сельскохозяйственным поставкам (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 3. Д. 1. С. 4).

Выполнение плановых показателей (ноябрь 1929 г.):

- 1) По картофелю – ряд хозяйств выполняли менее чем на 95%.
- 2) По молоку – 17,8%, 1929 год (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 3. Д. 1. С. 74).
- 3) По капусте – 54% от плана, 1929 год (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 3. Д. 1. С. 15–16, 23).

Предпосылки невыполнения плановых показателей:

- 1) Низкие закупочные цены и значительное налогообложение крестьян, привлечение их средств к займам страхования и индустриализации.
- 2) Несвоевременное обеспечение крестьян и колхозов сырьем и промтоварами (ЦАНО. Ф. 2821. оп. 3. д. 4. С. 74).
- 3) Низкое качество поставленной техники, отсутствие материалов для ремонта и запуска (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 3. Д. 1. С. 82).
- 4) Недостаток обученных кадров (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 3. Д. 4. С. 12).
- 5) Колхозы платили за электрификацию и тракторизацию сами (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 3. Д. 2. С. 39).

Невыполнение показателей было связано и с тем, что прием и сдача продукции не были организованы, нормы сдачи зачастую не доводились до контрактантов. На это влияло и совпадение по времени процессов коллективизации и образования района, в результате чего в этот период перестраивалась прежняя система управления, административные и хозяйственные связи. Поэтому руководство в районе и сельсоветах не всегда понимало, как проводить в жизнь политику центральной власти. Индивидуальные крестьянские хозяйства не справлялись с заготовками сельхозпродуктов, так как крестьянская семья могла оказываться недостаточно большой и образованной как для высокопроизводительной работы в единоличном хозяйстве, так и в системе коллективного хозяйства. Это приводило к невыполнению плановых показателей, тем более что организация коллективных хозяйств занимала продолжительное время наряду с необходимостью установления договорных отношений с такими инстанциями, как государство (договоры контрактации и выполнение обязательств по ним), МТС (обеспечение техникой), другими товариществами (обеспечение необходимыми ресурсами), отдельными учреждениями, например, школами. В итоге на 1930–1931 гг. в Кстовском районе оказалось 2 совхоза и 4 колхоза с площадью угодий 2244 га (16 362 га в настоящее время), и всего 6 тракторов на район (ЦАНО. Ф. 2821. Оп. 1. Д. 4. С. 1).

Только к 1933 г. численность техники достигает 34 тракторов и 5 комбайнов, а к 1938 г. более 96,4% индивидуальных хозяйств объединяются в колхозы (Сборник материалов..., 1984. С. 42–43). Происходящие при образовании Кстовского района процессы вели к изменению уклада крестьянской жизни, тем более что традиционная трехпоколенная патриархальная семья, основанная на натуральном (кустарном) хозяйстве, еще раньше стала разрушаться в связи с уходом крестьян на промыслы.

Любопытную картину, показывающую жизнь крестьян этих земель, как и причины их вступления в колхозы, показывают заявления крестьян в правление колхоза им. Сталина, включавшего в себя территорию с. Слободское (Работкинский район) от 1931 г. (пунктуация и орфография авторов заявлений сохранены, в ряде случаев имена и отчества заявителей не удалось установить из-за неполноты данных в документах). Причины были следующие:

1) Недостаток работников для обработки земли, что приводило к невозможности работы на ней и собирать урожай. Даже традиционная крестьянская семья из трех поколений не могла вырастить хлеб, необходимый для выживания.

Прасковья Ивановна Любимцева: «Настоящим прошу принять у меня землю в количестве 2 едоков, так как обрабатывать ее не в силах. Взамен проданной лошади отдаю 2 улья пчел» (Заявления о приеме в члены колхоза, 1931. С. 150).

Мария Алексеевна Гусева: «Прошу принять меня с семейством в члены Слободского хозяйства им. Сталина. Семья моя состоит из 4 человек: Гусева Мария Алексеевна – 38 (лет), Гусев Михаил Петрович – 42 (года), Гусева Пелагея Михайловна – ..., Гусева Ольга Михайловна – 5 (лет), муж работает в водном транспорте, сама домашняя хозяйка. Семян вследствие неурожая не имеется» (Заявления..., 1931. С. 8).

Марья Михайловна Голунова: «Прошу принять меня в колхоз. Иду с лошадей и винта-рем какой у меня есть хороший или плохой» (Заявления..., 1931. С. 55).

Ф.И. Воробьев: «Настоящим прошу Вас разобрать мое заявление в том, что я... в нынешнем году работал на годовалой лошади... Семья наша состоит из 6 едоков два работника и 4 едока неработники старики свыше 65 лет и 2 малолетка. Наложили на меня хлебозаготовки 25 пудов, которую я выполнить не в силах» (Заявления..., 1931. С. 24).

2) Малоземелье, низкий уровень сельскохозяйственных знаний, неурожай.

(Иван-?) Михайлович Сухарев: «Прошу принять меня в колхоз. Семья состоит из 5 человек. Земли имеется на 3 едока» (Заявления..., 1931. С. 44).

Елена С. Мурунчева: «Прошу принять меня со своим мужем в колхоз с землей на 2 едока в наличии 3 едока, семян яровых за исключением вики не имею, в виду плохой обработки пшеница и овес не уродились» (Заявления..., 1931. С. 151).

А. То(в)адин: «Прошу скостить с меня фураж который 30 пудов заплатить не могу. Рожь было посеено за неимением семян только 3 полосы» (Заявления..., 1931. С. 32).

(Михаил-?) Михайлович Мясников: «Прошу принять меня в колхоз с 8 едоков и 8 в наличии (земли). По окончании работ обобществляю лошадь и инвентарь» (Заявления..., 1931. С. 42).

М.Д. Кувакин: «Настоящим прошу дать мне один мешок муки так как нынче не страда, и 5 сентября приеду домой из больницы а уминя с семей нечего есть» (Заявления о приеме в члены колхоза, 1931. С. 148).

3) В результате пропаганды.

Анна Васильевна Кувакина: «Прошу удовлетворить мою просьбу о поступлении в колхоз со всем хозяйством и семьей, так как, осознав пользу колхоза и отмирание единоличного хозяйства, решила подать заявление в колхоз» (Заявления..., 1931. С. 110).

Иван Андреевич Мишин: «Прошу правление колхоза и всех членов его принять меня в члены вашей коллективной семьи, т.е. в члены колхоза, так как хотя я и должен был быть членом семьи, но не имел пользоваться... лекцией о колхозе, поэтому я и отстал от товарищей» (Заявления..., 1931. С. 134).

4) Некоторые крестьяне сдавали землю и уходили на производство, так как коллективизация делала обработку земли невыгодной.

Михаил Васильевич Шульпин: «Настоящим прошу имеющую мной землю на три едока в распоряжение вверенного вам колхоза. Сдаю землю с яровыми семенами, а если есть такое положение, то и с озимым корнем. Также прошу исключить меня и мою семью из вверенного вам колхоза вследствие того, что как вам известно, я круглый год существую непрерывно на производстве водного транспорта, семья моя тоже живет зиму и лето в Затоне» (Заявления..., 1931. С. 20).

Анализ документов показывает, что коллективизация в Кстовском районе была связана с малоземельем крестьян, их бедностью, недостатком рабочей силы в деревне, низким уровнем агрокультуры и технического обеспечения. Причина этого заключалась в недостаточных капитальных вложениях в сельское хозяйство, что приводило к невозможности полноценно использовать трудовые ресурсы деревни в сельскохозяйственном труде («переизбытку» трудовых ресурсов в условиях патриархального крестьянского хозяйства) (Данилов, 1974. С. 58–61). Это, в свою очередь, приводило к аграрному перенаселению, малоземелью и бедности, вынуждавшими мужское население деревни уходить на промыслы, оставляя хозяйство на женщин. Это вело к снижению производительности труда крестьян и товарности сельского хозяйства. Данная проблема могла разрешиться через механизацию сельского хозяйства, введение новых методов обработки земли и ухода за ней, создание современного и прочного материального базиса сельского хозяйства, что и происходило, хотя и не без трудностей и противоречий, в колхозах.

Список источников и литературы

Башкин А. В. Урожай тридцатых или украденные достижения. Проект «Исторические Материалы». Электронный ресурс: URL: <https://istmat.info/node/21358> (дата обращения: 26.02.2021).

Васильев И. Ю. Советская и постсоветская Кубань: социальная история и повседневность села. М.: Изд-во «Традиция». 2019. 294 с.

Данилов В. П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х годах // Исторические записки. Т. 1. М.: Наука, 1974. С. 55–122.

Заявления о приеме в члены колхоза / Колхоз им. Сталина (1931–1958 гг.) // Архив Кстовского муниципального района. Ф. Р-101. Оп. 10. Дело № 31.

Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 313 с.

Кондрашин В. В. Великий перелом. Материалы // Журнал «Историк» / Электронный ресурс: URL: <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/58/velikij-perelom.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Сборник материалов из истории Кстовского района (в помощь лектору, пропагандисту) / под ред. Наумовой Т. И. Кстово: Кстовское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, 1984. С. 66.

Сталин И. В. Год великого перелома // Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 118–135.

ЦАНО. Ф. 2821. Документы Кстовского РИК. Оп. 1. Д. 4.

ЦАНО. Ф. 2821. Документы Кстовского РИК. Оп. 3. Д. 1.

ЦАНО. Ф. 2821. Документы Кстовского РИК. Оп. 3. Д. 2.

ЦАНО. Ф. 2821. Документы Кстовского РИК. Оп. 3. Д. 4.

Ширяев В. А. Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 1930 годы // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 26. Март 2011 / Электронный ресурс: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-administrativno-territorialnogo-ustroystva-rsfsr-v-1930-e-gody> (дата обращения: 06.04.2021).

Т. В. Богатова,
научный сотрудник МБУК «Музей «Природа» им. С. И. Трофимова», музейно-выставочный
центр Арзамасского района
t.bogatovva@yandex.ru

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ТРАДИЦИОННОМ САПОЖНОМ ПРОМЫСЛЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ САПОЖНИКА Л. А. КВАСНИЦЫНА

История рабочего поселка Выездное неразрывно связана с историей соседствующего с ним города Арзамаса. Арзамас возник как крепость на востоке Руси в конце XVI столетия, к этому же времени относится первое упоминание о нем. Для защиты города от нападений татар и мордвы царь Иван Грозный поселил 600 казаков за рекой Тешей. Со временем поселение получило название Выездной казачьей слободы. Рядом с казаками поселились пушкарки, отливавшие пушки. Это поселение стало называться Пушкарка.

В разрастающихся населенных пунктах, Выездной и Пушкарке, стали селиться мастеровые люди, в том числе из Новгорода. В 1635 г. Выездная слобода царем Михаилом Федоровичем была пожалована боярину Борису Михайловичу Салтыкову за подвиги на государственной службе. Салтыковы владели селом на протяжении 250 лет, в их отсутствие им управляли бургомистры, выбираемые из самых энергичных местных крестьян. В 1880 г. господа Салтыковы передали в дар все свое имущество местным жителям. В двухэтажном каменном здании, служившем домом бургомистрам Шиповым, сегодня расположен музейно-выставочный центр Арзамасского района. Известно, что Салтыковы подселили в Выездную слободу профессиональных сапожников из села Кимры Тверской губернии.

Земля в слободе славилась черноземом, но выгоды крестьянам не приносила из-за малоземелья. Чтобы прокормиться, они почти поголовно вынуждены были заниматься различными промыслами и ремеслами. Так появились в селе кожевенные, свечесальные, свече-восковые, клееваренные и валяношляпные заводы. Жили здесь плотники, маляры, столяры, портные. Но особенно среди крестьян выделялись кожевники. Известны фамилии Жевакиных, Раковых, Пузановых, имевших капиталы еще до отмены крепостного права.

Настоящего расцвета сапожное мастерство в Выездной слободе достигло уже после отмены крепостничества. В 1880 г. здесь работало около 1000 мастеров по пошиву обуви (Край мой Арзамасский, 1995. С. 190–200).

Богатый материал о выездновских мастерах сохранился благодаря краеведу и фольклористу А. В. Карпову, который описал сапожный промысел 1870–1880-х гг. В последней четверти XIX в. насчитывалось 600 домов, в которых сапожничали, что приблизительно составляло 1200 мастеров (Карпов, 2010. С. 73). Также к Выездному можно причислить рядом находящуюся деревню Пушкарку, в которой около 35 домов занимаются сапожным делом (Карпов, 2010. С. 73). В XIX в. сапожный товар находил спрос как в Арзамасском уезде и на Нижегородской ярмарке, так и большими партиями закупался перекупщиками и вывозился в «низовые губернии» (Саратов, Астрахань, Уральск, Симбирская губерния) (Карпов, 2010. С. 76–78). Вследствие давности промысла искусство выездновских мастеров везде было «в славе» (Карпов, 2010. С. 78), а сам промысел – в «цветущем состоянии». А. В. Карпов отмечает, что сапожники живут богато и исправно ввиду легкого сбыта и круглогодичной занятости. Кроме того, постоянно возрастает количество учеников-мальчиков из других скорняжных селений, которых родители отдают для обучения ввиду выгоды промысла (Карпов, 2010. С. 79).

В «Нижегородской газете» за 1903 г. состояние сапожного промысла в Выездном описывается следующим образом: «Коренной у нас промысел, начавшийся со времени Петра Великого – шитье кожаной обуви. Заняты им круглый год поголовно мужчины, женщины и дети. Мужчины – мастера, где есть – помощники, исполняют более важную часть работы, женщины и дети – более легкую: тачают, стельку вшивают, поднаряд, закаблушники, бураки строчат, гвоздями подбивают, а мужчины: кроят, затягают на колодки, накладывают подметки, подошву, каблуки, и обрезают, чтобы отлощить покрасивее. Женщинам и подросткам приходится работать порядочно, так что с помощницей женой муж сработает вдвое более. Девушки также занимаются башмачным и туфельным производством. Женщины же продают готовую обувь. Вообще у нас не сидят без дела, но толстеют и богатеют от больших барышей одни скупщики. Дело в том, что организации по сбыту произведений наших рук – никакой! Зимой товар сбываем дешево местным скупщикам, летом процентов на 20 дороже – приедем. При отсутствии приезжих, продают в Арзамасе вяло на базаре, а приезжие берут бойко, бегая за товаром под окнами. “Хозяин”» (раздатчик) дает на дом скроенный товар и за шитье, по получении готовой обуви, платит 30–50 копеек с пары. Теперь цены понизились, сравнительно с прежним временем, когда мы получали 65 копеек – 1 рубль 10 копеек, по следующему случаю. Прежде хозяева торговлей сырьем не занимались, а раздавали весь сырой материал мастерам, а теперь хозяева находят выгоднее продать товар мастерам, взять на нем 30 процентов пользы и потом купить у них же готовую обувь со скидкой в 50 процентов на работу. Чудно! Да ничего не поделает кустарь! Не раздает богач, а на него глядя, и другие скупщики стали делать то же самое. Скупщики – они же и торговцы кожевенным товаром. Когда сами раздают его в шитье, то подешевле и продают, а чуть вздумал кустарь шить от себя, да продавать на сторону, то и на товар скупщики накидывают до 20 процентов. А самый товар давно все дорожает и так. При покупке товара, помимо всего, нашим кустарям приходится переплачивать торговцам до 30 процентов. Происходит это так. Торговец раскраивает товар, купленный большой партией, на платы, и продает хорошие втридорога, рассчитывая еще нажиться на браке. Бракованные платы отдают насадчику, который, смотря по качеству плата, вырабатывает платы на хорошую посадку (вытяжку). Из посадки кустари выбирают лучшую; хотя она и из брака, но платят цену за хорошую. Остающийся брак после посадки, то есть третий сорт, торговец уже раздает кустарям и для приклада дает тоже брак товара, и платит за работу из такого товара по 30–40 копеек с пары. Работают, как уже сказано, всей семьей, случается часов по 17–18 в сутки. Мастер с помощью жены или 13–14-летнего сына сработает пять пар в неделю, и может заработать на них в среднем 2 рубля – 2 рубля 40 копеек в неделю, а один, без помощника – три, много четыре пары, и получит 1 с половиной – 2 рубля. Низкий заработок – причина того, что детей сажают за работу с 10–11 лет, так что нередко из двухклассного училища отрывают очень способных мальчиков из последнего класса, не давая кончить полный курс и лишая льготы по воинской повинности. У здешних крестьян ничего своего: дрова, каша, хлеб, яйца, молоко и прочее – все купленное. О мясе я не упоминаю, так как никогда его не употребляют, кроме праздников. Дома особенной теплотой не отличаются, так что в зимние холода приходится кроме русской, раза четыре в день протопить железную печь. Нужда в зимнее время подберет малые остатки от летнего заработка, а потому детей и сажают, вместо теплой одежды, за работу – нагреются, бедняжки!» (Сообщение из с. Выездной Слободы..., 1903).

Обувь, изготовленная руками этих сапожников, пришлась по душе многим знаменитым людям. В 1902 г. выездновские сапожники сшили в подарок писателю Максиму Горькому

модные сапоги «на особый манер». В 1916 г. здесь изготовили для царской семьи обувь в «утяп» (по размеру без примерки), за что были награждены специальными грамотами, а лично от царя Николая II получили в подарок карманные часы с золотым изображением государственного герба России. В середине XIX в. в Выездном получило распространение вязание обуви из разноцветной шерсти.

В 1917 г. в Выездном мирным путем была установлена советская власть. В 1929 г. на собрании было принято решение о создании колхоза. А в 1930 г. к колхозу присоединилась и Выездовская сапожная артель. Объединенная организация получила название промколхоза «Возрождение». Во время войны в Выездном шили обувь для фронта. В 1956 г. «Возрождение» получило статус кожобувной фабрики. Спустя 10 лет почти все рабочие процессы там были автоматизированы. Мастера шили обувь для всей страны, ассортимент продукции отличался разнообразием.

В музейно-выставочном центре Арзамасского района представлена экспозиция, посвященная сапожному промыслу, бытовавшему в Выездной слободе. В частности, в фондах музейно-выставочного центра хранятся уникальные сапожные клейма сапожников села Выездная слобода Михаила Алексеевича Оленичева и Николая Николаевича Куликова, датируемые началом XX в. По всему Выездному славилась и сапожники из рода Квасницыных.

Продолжатель этой династии Леонид Алексеевич Квасницын (ил. 1). Леонид Алексеевич – давний друг и активный даритель музейно-выставочного центра, наставник в деле патриотического воспитания подрастающего поколения. Он является активным участником всех музейных мероприятий, интересный собеседник, хранитель истории. Охотно делится своими воспоминаниями, жизненным опытом, который является примером для многих.

Юные экскурсоводы музея не раз бывали в гостях у ветерана, потомственного сапожника. Они записывали воспоминания и технологию изготовления кожаной обуви. Леонид Алексеевич демонстрировал ребятам процесс изготовления обуви, показывал, как нужно работать тем или иным сапожным инструментом. В дар музею ребята передали от Л. А. Квасницына обувь, сшитую его отцом еще в начале прошлого века, каталог обуви того времени и многое другое.

В судьбе Леонида Алексеевича можно проследить, как изменение реалий окружающей действительности в XX в. влияло на традиционный для рабочего поселка Выездное сапожный промысел. Мы увидим, что носители традиционных знаний и умений, потомственные мастера, сумели сохранить и преумножить свое наследие в условиях современного сельского общества. Даже несмотря на испытание войной и стремительно меняющую действительность техническим прогрессом.

Итак, в детстве Ленья часто помогал отцу, именитому сапожнику Алексею Квасницыну. Отец рассказывал сыну, как в 1941 г., в начале Великой Отечественной войны, в городе Арзамасе проездом останавливался Георгий Жуков. Как на беду, прохудились у маршала офицерские сапоги. Ремонт посоветовали доверить лучшему мастеру Квасницыну, который и выполнил эту работу. Хромовые сапоги стали как новенькие. Сапожник потом долго с гордостью говорил, что маршал страны носит обувь, починенную его руками.

Когда началась война, Лене Квасницыну было 11 лет. Отца забрали на фронт, дома с матерью осталось четверо малых ребят. Отец служил заряжающим в зенитно-артиллерийском полку в городе Горьком. Город часто бомбили, в одной из бомбежек ранило и Алексея Квасницына. Дома получили письмо из госпиталя. Прочитав его, Леонид решил поехать навестить отца. По-хулигански удрал из дома, несмотря на строгий запрет матери. Шел 1943 г., когда юный Ленья на подножке товарного поезда пустился в путь из города Арзамаса до Горького. Много, конечно, пришлось преодолеть ему на этом пути. Насмотревшись на искры, летевшие от колес паровоза, следовавшего по рельсам, Ленья практически ослеп. Сойдя

с поезда, почти ничего не видя, он с помощью военных по полевой почте узнал о месте нахождения полка своего отца. Хорошо, что взрослые, узнавая историю парнишки, находили возможность ему помочь. Леонид навсегда запомнил истину: мир не без добрых людей.

Полк отца дислоцировался в Демьяновке. К тому времени папу Лени уже выписали из госпиталя. Нужно ли говорить, какое он испытал удивление, душевное смятение и тревогу, когда увидел своего сына! Отец отвел Леню в госпиталь, где ему вылечили глаза. Так они и остались вместе, рука об руку с отцом до конца войны. Дни Леонид проводил в дивизионе, крутил рукоятки наведения зениток, познакомился с солдатами, командирами. Они понемногу подкармливали отчаянного мальчишку, пожелавшего разделить тяготы военного пути с отцом. В общем, Леня скоро стал любимцем всего полка.

Вскоре нашелся и портной, который сшил ему военную форму, а отец скроил сапоги. После этого Леню просто вынуждены были поставить на военное довольствие, что и было сделано. Так началась военная служба Леонида Квасницына.

Смышленому пареньку стали давать различные поручения: и за курьера в полку он был, и за почтальона. Леонид Алексеевич вспоминает много разных случаев. А однажды поручили ему передать конверт командиру полка. Зашел он к нему, протянул конверт. А командир строго посмотрел и сказал: «Ну-ка выйди, боец, вновь зайди и доложи по уставу». Леня вышел, вновь зашел, приложил правую руку к пилотке и обратился к командиру. Да так, наверное, громко, что тот расхохотался.

Дни шли за днями. Полк перебросили в Харьков. Здесь Леня впервые увидел американских летчиков, пригнавших к нам самолеты – «летающие крепости». А среди летчиков – и афроамериканцы. Мальчишке они были удивительны, но он виду не подавал, знакомился с ними запросто.

Кроме Лени в полку был еще один такой воспитанник, такой же паренек, как он. И заместитель командира решил определить их в школу. Но местные ребята приняли новичков недружелюбно, поэтому те от учебы всеми способами старались отлынивать. Однако взрослые скоро их хитрость поняли, и попало ребятам крепко. Замполит рекомендовал им поступить в Суворовское училище. Посоветовавшись с отцом, Леонид от поступления отказался, а вот его друг поступил. И встретились они неожиданно вновь уже через несколько лет, когда Квасницын служил на срочной службе в Германии. К тому времени его друг окончил учебу в Суворовском училище.

К концу войны полк Лени базировался в городе Станиславе Львовской области, где военная часть боролась с бандеровцами. Мальчишеским умом Леонид все никак не мог понять: как это украинцы убивают украинцев? У него был друг – солдат Николаенко, которого он потерял в одном из боев. Бандеровцы его не просто убили, а зверски изуродовали: выкололи глаза, вспороли живот. До сих пор, вспоминая эту утрату, Леонид Алексеевич говорит, что у него на мгновение останавливается сердце.

День Победы встретили в том же Станиславе. Леонид Алексеевич вспоминает всеобщее ликование, как бойцы салютовали из всех орудий. Не остался в стороне и он сам: старшина автороты дал автомат, и Квасницын салютовал. Так, наконец, закончилась война для сына полка Леонида Квасницына.

Впоследствии он окончил вечернюю школу. Сначала мечтал стать военным, но судьба распорядилась иначе. Не зря говорят, что случай может перевернуть всю жизнь. Вернувшись в родное село после трех с половиной лет службы в Германии, он ужаснулся, увидев, что носят соотечественники. А однажды просто позавидовал своим друзьям, щеголявшим в модных тогда клешах. Пришлось переделывать довоенные брюки. А вечером на танцах Леониду каза-

лось, что все девушки смотрят только на него. Неважно, что танцевать разучился, ведь главное – «стильные» брюки. Но, наверное, больше, чем кто-либо, заметил в тот вечер эти брюки его двоюродный брат, начинающий портной. Заметил наскоро перешитые и неумело выглаженные клеши. Он-то и показал, как правильно гладить брюки, как раскроить и сшить новые. По его же совету Леонид решил посвятить себя портновскому делу, хотя как сын потомственного сапожника свою трудовую деятельность начинал в обувной отрасли заготовщиком кожи.

В 1956 году в первом городском ателье у закройщика-румына появился новый ученик – Леонид Квасницын, у которого он проучился целых четыре года. Учились в те времена у мастера «живому» ремеслу, без всякой теории. Тогда в Арзамасе было много мужчин – мастеров по пошиву одежды (Шевченко, Перепелов, Сухов, Ребров, Хазов и другие). Чтобы сразу увидеть сделанную работу и быстрее освоить ремесло, мастер придумывал разные хитрости. Например, давал задание подшить изделие из темной ткани белыми нитками. По этой каверзной работе определялись и внимательность, и ловкость, и терпение будущего портного. Затем были одиннадцатимесячные специальные курсы в областном центре.

Любовь к портняжному делу прививали и в семье, где среди традиционных сапожников в XX в. появилось много портных и закройщиков. Больше всего Ленею занималась Ирина Квасницына. Дело у него сначала не клеилось, учительница же была строгой. По нескольку раз принуждала зашивать и распарывать один и тот же шов.

Леонид Алексеевич вспоминал, что учиться было и трудно, и интересно. Но настоящий опыт приходил только за рабочим столом. Так, после курсов неожиданно пришлось работать не в швейном цехе, а закройщиком. Этот экзамен совсем еще молодой закройщик выдержал на «отлично»: ни одной вещи не «повесили», что на профессиональном языке портных означает, что заказами клиенты остались довольны.

В 1962 г. ателье перевели на улицу Севастопольскую, до сегодняшнего дня оно известно в городе под номером один. Потом была работа в ателье «Силуэт», куда он пришел уже опытным и известным закройщиком. Эти годы работы Квасницын вспоминает с особой теплотой. Подобралась очень сильная бригада, с которой работалось интересно, легко и с удовольствием. Как раз тогда работа закройщиком становилась все более творческой.

Фабрик по пошиву одежды на тот момент в стране было мало, поэтому одевали людей многочисленные предприятия бытового обслуживания населения. Чтобы в совершенстве знать это дело, приходилось постоянно учиться, перенимать опыт у других. Бывая в Москве и Ленинграде, Леонид Алексеевич смотрел, как работают столичные конструкторы одежды, технологи, закройщики. Люди, приходя в ателье, доверяли Квасницыну как мастеру, поэтому для него очень важным было оказывать услуги на высоком уровне, чтобы одежда получалась добротной, модной, красиво смотрелась и долго носилась.

Потом была работа в Выездновском доме быта, где Леонид Алексеевич руководил бригадой. В нее входило целых 22 человека. В основном женщины, притом разные и по характеру, и по уровню профессиональной подготовки. А Леонид Алексеевич должен был так организовать труд бригады, чтобы люди всегда оставались довольны заказом и одежда не висела бы на них мешком. Бывало, что недоглядит портниха, а бригадир непременно увидит и укажет на ошибку. Скажет прямо, необидно, часто с добрым юмором. Вот почему его бригада всегда успешно справлялась с планом, работала дружно. В год бригада вырабатывала до 154 процентов планового задания. Целых четыре года коллектив носил почетное звание «Бригада коммунистического труда».

Будучи закройщиком, Квасницын никогда не использовал лекал, детали изделия в соответствии с мерками рисовал прямо на ткани. На кройку уходило много времени, но зато

вещи, сшитые его руками, сидели на фигуре как влитые. Поэтому попасть к этому закройщику считалось большой удачей. Квасницын всегда говорил, что никакой фасон не поможет, если портной не любит свою профессию. Ведь можно просто резать ткань, а можно с первых же минут видеть в ней будущую вещь, вкладывая в работу не только умение, но и душу. Признавался Леонид Алексеевич, что, даже уходя в отпуск, всегда скучал по любимой работе.

Заботой Леонида Алексеевича была и подготовка молодых кадров в училище. Чтобы не получалось так, что диплом специалиста у выпускника на руках, а в работе нужно обучать простейшим вещам. Многие учились у Квасницына. Стали самостоятельными закройщиками его ученицы Г. Ивлева, И. Кечина, Г. Жукова.

Болела душа мастера и о методах пошива одежды в нашей стране. Высокий план производства вынуждал ввести бригадный метод, без которого выполнить этот план не представлялось возможным. С одной стороны, такой метод был удобен рабочим и выгоден предприятию, а с другой – утрачивалась творческая индивидуальность мастера, более бережное отношение к вещам.

И даже находясь на заслуженном отдыхе, он не расставался со старинной швейной машинкой – многие знакомые обращались к нему с просьбами выполнить мелкий ремонт, укоротить, сшить или перешить вещи. А еще приходилось обшивать жену, дочку, внуков и других родственников. Мастер никому никогда не отказывал, так как любимая работа доставляла радость: всегда считал себя счастливым человеком, имеющим любимое дело. А когда шел по улице, радовался, узнавая свои вещи. И люди его до сих пор вспоминают добрым словом.

Почти сорок лет трудился Леонид Квасницын в сфере бытового обслуживания, его труд отмечен орденом Трудовой Славы 3-й степени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», знаком «Отличник службы быта», юбилейными медалями Победы в Великой Отечественной войне и другими наградами. Леониду Алексеевичу присвоено почетное звание «Заслуженный ветеран Нижегородской области» и «Заслуженный ветеран Арзамасского района» за личные заслуги и высокие результаты, достигнутые им в период после выхода на пенсию, за большой вклад в развитие ветеранского движения, за активное участие в патриотическом воспитании подрастающего поколения и значительный вклад в развитие Нижегородской области.

В декабре 2020 г. Леонид Алексеевич Квасницын ушел из жизни. Его родственниками в дар музейно-выставочному центру были переданы его рабочие инструменты: лекало, портновские ножницы, оверлок, портновский метр, утюг, выкройки на картоне, раскроенный мужской пиджак, кожаная куртка, сшитая Леонидом Алексеевичем для самого себя. В дополнение к музейной экспозиции о выездновском сапожном промысле в музее теперь появится уголок, посвященный потомку выездновских сапожников Леониду Квасницыну. В его жизни сапожный промысел получил продолжение и развитие в портняжном деле. Многие продолжатели сапожного рода Квасницыных оказались успешны в этом смежном с обувным родом деятельности.

XX век стал переломным для существования большинства традиционных ремесел и промыслов в Арзамасском районе. В связи с мощнейшим прорывом в техническом оснащении большинства производств ручной труд многих мастеров оказался невостребованным: людей на фабриках заменили машины. В жизненном пути Леонида Алексеевича Квасницына можно проследить, как сапожный промысел, ставший неактуальным в селе с действующей кожаной фабрикой, переродился в портняжное искусство и продолжал приносить радость и пользу жителям села и соседнего города. Теперь дело музея – сохранять и популяризировать память о сапожном промысле Выездной казачьей слободы и о достойных представителях династий выездновских сапожников, в первую очередь о друге музея Леониде Алексеевиче Квасницыне.

Но не только сохранению памяти о сапожном промысле посвящена работа музея. Здесь ведется активная деятельность по возрождению, сохранению и развитию традиционной местной культуры, декоративно-прикладного творчества и ремесел, когда-то процветавших в районе. Музейно-выставочный центр был открыт в 2009 году, и сегодня здесь хранится около четырех тысяч экспонатов: предметов быта, одежды, инструментов, используемых в ремеслах. Научные сотрудники музея изучают местную культуру и историю, ведут поиск мастеров – носителей традиционного ремесла, организуют творческую и учебную деятельность детей и взрослых. Организуются и экспедиционные поездки в населенные пункты района. В Пустыни местные мастера обучили сотрудников музея основам плетения лаптей, в Наумовке – старинным играм, в Красном – методике изготовления валенок. Рукодельница из Чернухи М. Горюшина подарила музею старинный ткацкий станок и обучила приемам ткачества. Мастерница из Красного М. Касаткина познакомила с технологией вязания варежек (их называли матрайскими) одной иглой. Осваивается также и прядение шерстяной нити.

Список источников и литературы

Карнов А. В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / ред. и сост. Е. П. Титков, Ю. А. Курдин, А. В. Пряников; науч. ред. Е. П. Титков. Арзамас: АГПИ, 2010. 387 с.

Край мой арзамасский: устная история сельских поселений (Крестьянская летопись Нижегородской земли) / Сост. и отв. ред. И. М. Промахина. М.: Энциклопедия русских деревень, 1995. 384 с.

Сообщение из с. Выездной Слободы // Нижегородская земская газета. 1903. № 2 / Электронное издание. URL: https://forum.vgd.ru/2340/84038/10.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 29.01.2019).



Леонид Алексеевич Квасницын.

Научное издание

**НИЖНИЙ НОВГОРОД И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ
800 ЛЕТ БОРЬБЫ И ДРУЖБЫ**

*Сборник статей по материалам
пятых Дальнеконстантиновских чтений*

**Текст публикуется в авторской редакции.
Точка зрения авторов статей может не совпадать
с точкой зрения редколлегии и рецензентов.**

При создании обложки использован рисунок Б. А. Илюшина и Р. Н. Лялина
«Князь Георгий Всеволодович под стенами Нижнего Новгорода»

Издано по заказу МБУК «РКДО» Дальнеконстантиновского района
Нижегородской области

Подписано в печать 04.02.2022. Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура Times. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Вариант»
Нижегородская область, г. Богородск
Тел. (83170) 2-49-09